

Министерство образования и науки РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 2 (50)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2018

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 2 (50). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – 171 с.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (зам. главного редактора) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг –
PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневецкий –
д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений
РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев –
д.э.н., проф. (ННГУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет
Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород);
Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н.,
проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических
исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурьшева – д.пед.н.,
проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартине –
к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин –
д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2018

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 2 (50)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2018

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 2 (50). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2018. – 171 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof.; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Puryшева – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Пономарева С.В., Железнова И.В.</i> Развитие внутрифирменного планирования собственного капитала промышленного предприятия	7
<i>Рассадовская А.В.</i> Влияние социального капитала на восприятие коррупции в группе	16
<i>Романовская Е.В., Козлова Е.П.</i> Содержание механизма устойчивого развития промышленного предприятия	25
<i>Трифонов Ю.В., Скибин А.Г.</i> Стратегический анализ и оценка уровня конкурентоспособности нефтяных компаний	31

Социологические науки

<i>Майорова-Щеглова С.Н.</i> Основы построения междисциплинарных образовательных программ в области защиты прав детей	40
<i>Ростовская Т.К., Шимановская Я.В.</i> Концептуальные подходы к изучению самосохранительного поведения мужского населения	45
<i>Прилуцкий А.М.</i> «Политический антихрист»: семиотика мифологемы и образа	53
<i>Карцева Л.В.</i> Отношение жителей Татарстана к семейному образу жизни	58
<i>Нагимова А.М., Михайлов А.Ю.</i> Трансформация моралистской традиции определения коррупции в социологическом дискурсе (от моралистов к мультипарадигмальности)	67
<i>Иудин А.А., Привалов И.В.</i> Формы восприятия телезрителями политических новостей	74
<i>Калиев Т.Б., Ашимханова Д.Э.</i> Ценностные и трудовые установки в жизненных планах современной молодежи Казахстана	82
<i>Ермилова А.В., Исакова И.А., Игнатьева В.И.</i> Региональное проблемное поле волонтерства	88
<i>Сушко В.А.</i> Сетевой подход и социометрические исследования: методологические основания и практика использования	98
<i>Шкерин А.В.</i> Наставничество как инструмент самообучающейся организации	109
<i>Купряшкина Е.А.</i> Особенности детской независимой мобильности в городах Приморского края	115
<i>Янак А.Л.</i> Отцовская вовлеченность в семьях различных типов	124

Педагогические науки

<i>Арлашкина О.В.</i> Применение метода взаимного оценивания в обучении менеджменту	132
<i>Кузнецова Е.В.</i> Исследование отношения студентов математических направлений к изучению вероятностных разделов математики	142
<i>Остапенко А.В.</i> Особенности педагогической поддержки личностно-профессионального развития будущих юристов в условиях вуза	151
<i>Полушкина С.В.</i> Экспериментальная деятельность как средство повышения эффективности обучения физике	157
<i>Скамьянова Т.Ю.</i> Приоритетные направления профессиональной адаптации студентов с особыми образовательными потребностями	163

CONTENTS

Economic sciences

<i>Ponomareva S.V., Zheleznova I.V.</i> Development of intra-firm planning of equity capital in industrial enterprises	7
<i>Rassadovskaya A.V.</i> The impact of social capital on corruption perceptions in a group	16
<i>Romanovskaya E.V., Kozlova E.P.</i> The content of the sustainable development mechanism of an industrial enterprise	25
<i>Trifonov Yu.V., Skibin A.G.</i> Strategic analysis and competitiveness assessment of oil companies	31

Sociological sciences

<i>Mayorova-Shcheglova S.N.</i> Foundations for the construction of interdisciplinary educational programs in the field of children's rights protection	40
<i>Rostovskaya T.K., Shimanovskaya Ya.V.</i> Conceptual approaches to the study of self-preservation behavior of the male population	45
<i>Prilutskii A.M.</i> «Political Antichrist». The semiotics of the mythologem and image	53
<i>Kartseva L.V.</i> The attitude of Tatarstan's population toward family lifestyle	58
<i>Nagimova A.M., Mikhaylov A.Yu.</i> Transformation of the moralistic tradition of defining corruption in sociological discourse (from moralists to multi-paradigm approach)	67
<i>Iudin A.A., Privalov I.V.</i> Types of political news perception by TV viewers	74
<i>Kaliev T.B., Ashimkhanova D.E.</i> Value and work attitudes in the life plans of today's youth in Kazakhstan	82
<i>Ernilova A.V., Isakova I.A., Ignatieva V.I.</i> Regional problem field of volunteering	88
<i>Sushko V.A.</i> Network approach and sociometric studies: methodological grounds and application practice	98
<i>Shkerin A.V.</i> Mentoring as a tool for a self-learning organization	109
<i>Kupryashkina E.A.</i> Peculiarities of children's independent mobility in the cities of the Primorsky krai	115
<i>Yanak A.L.</i> Father involvement in different types of families	124

Pedagogical sciences

<i>Arlashkina O.V.</i> Application of peer assessment method in management training	132
<i>Kuznetsova E.V.</i> A research into mathematics undergraduates' attitude towards the study of probabilistic sections of mathematics	142
<i>Ostapenko A.V.</i> Some peculiarities of pedagogical support for personal and professional development of future lawyers in the context of higher education	151
<i>Polushkina S.V.</i> Experimental activity as a means for improving the effectiveness of teaching physics	157
<i>Skamyanova T.Yu.</i> Priority directions of professional adaptation of students with special educational needs	163

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 318

РАЗВИТИЕ ВНУТРИФИРМЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СОБСТВЕННОГО КАПИТАЛА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

© 2018 г.

С.В. Пономарева, И.В. Железнова

Пономарева Светлана Васильевна, к.э.н.; доцент кафедры экономики
и управления промышленным производством
Пермского национального исследовательского политехнического университета
psvpon@mail.ru

Железнова Ирина Викторовна, аспирант кафедры экономики
и управления промышленным производством
Пермского национального исследовательского политехнического университета
Honey1805@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 21.02.2018**Статья принята к публикации 25.04.2018*

Рассматриваются вопросы внутрифирменного планирования на промышленных предприятиях, виды внутрифирменного планирования: стратегическое, тактическое и оперативно-продуктивное планирование. Определено место планирования собственного капитала во всем процессе внутрифирменного планирования на промышленных предприятиях. Представлена модель внутрифирменного планирования собственного капитала промышленных предприятий, в рамках которой были классифицированы детерминанты собственного выкупа акций на внутренние и внешние факторы, а те, в свою очередь, распределены на влияние на цену, влияние на финансовые показатели, влияние рынка и влияние управленческих отношений. Введены уточнения в понятия: внутрифирменное планирование собственного капитала, эффект/эффективность от внутрифирменного планирования собственного капитала, собственные акции, выкупленные у акционеров, и программа обратного выкупа. На основании представленной модели внутрифирменного планирования собственного капитала сделан вывод, что модель позволяет не только вести учет потребности в капитале для финансирования деятельности, не допуская нехватки финансирования, но и улучшить финансовые показатели компании.

Ключевые слова: внутрифирменное планирование, собственный капитал, выкупленные у акционеров акции, программа обратного выкупа, промышленные предприятия.

Введение

На сегодня планированию уделяется должное внимание. Производственный план деятельности предприятия представляет собой эскиз, представленный на бумаге, детальную модель всех взаимосвязанных процессов, на котором наглядно отражаются текущая ситуация на предприятии, направление дальнейшего развития, сопряженные риски и дополнительные возможности.

На успешном производственном предприятии должна действовать модель управления акционерным капиталом, которая четко регламентирует, при каких обстоятельствах компания должна выплачивать дивиденды, по какой цене проводить обратный выкуп или, наоборот, дополнительное размещение акций.

Это зависит от таких показателей, как рентабельность собственного капитала, соотношение

рыночной и балансовой стоимости, долгового и долевого капитала. В этом случае акции действительно станут средством сбережения, а из всех видов собственности для человека акции являются, пожалуй, самым главным, так как они закрепляют собственность на средства производства. Именно состояние и развитие средств производства определяет силу экономики, качество жизни общества, его конкурентоспособность и защищенность.

Актуальность темы исследования связана с тем, что для устойчивого развития руководству промышленных предприятий необходимо вести учет потребности в капитале для финансирования своей деятельности и быть готовым к постоянно меняющимся внешним условиям, не допускать нехватки финансирования, а также привести структуру капитала предприятия к оптимальной, чтобы все ресурсы предприятия использовались максимально эффективно.

Цель научной статьи – на основе детерминантов, влияющих на релевантные управленческие решения по изменению акционерного капитала, создать модель внутрифирменного планирования собственного капитала промышленных предприятий, оценить эффект и эффективность от внутрифирменного планирования собственного капитала промышленных предприятий.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

- определить место планирования собственного капитала во всем процессе внутрифирменного планирования на промышленных предприятиях;
- определить компоненты собственного капитала, которые необходимо планировать;
- выявить факторы, оказывающие влияние на выбранные компоненты собственного капитала.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что планирование собственного капитала способствует ясному представлению о производственных и финансовых перспективах предприятия, пониманию общей потребности в капитале и способов финансирования своей деятельности.

В связи с этим на промышленных предприятиях функционируют целые отделы, занимающиеся как текущими планами, так и долгосрочным планированием:

- сектор планирования и учета энергоресурсов;
- отдел календарного планирования, который ведет учет сроков начала и завершения взаимосвязанных процессов, сроков получения разрешительной документации на строительство, сроков непосредственного строительства объектов, а также длительности найма бригад рабочих, контролирует отсутствие накладок на связанные виды работ при смещении сроков в одном из процессов;
- сектор планирования и мониторинга добычи полезных ископаемых, по результатам которых формируется доходная часть бизнес-плана предприятия, намечаются производственные мощности;
- отдел текущего планирования и учета капитальных вложений, который занимается краткосрочным и среднесрочным планированием на период от 1 до 3 лет, составлением перечня объектов, их производственных характеристик и объемов работ;
- планово-экономический отдел по капитальным вложениям и сводному планированию проводит мониторинг экономических показателей, стоимости объектов, анализирует их удельные показатели, распределяет по годам стоимость объектов по освоению и финансированию;
- отдел производственного планирования, экономического анализа эффективности оценивает период окупаемости, внутреннюю норму

доходности и чистую приведенную стоимость проектов на производственном предприятии;

- отдел перспективного планирования, относящийся к отдельному большому направлению по развитию производства, которое занимается долгосрочным планированием от 3 лет и далее на основе текущей ситуации в производственной компании.

В рамках проведенного исследования были использованы следующие методы научного познания материала: анализ, моделирование, дедукция и пр. Изучением проблем внутрифирменного планирования занимались такие авторы, как М.М. Алексеева [1], М.И. Бухалков [2], В.А. Горемыкин [3], А.И. Ильин [4], И.Я. Кац [5], И.А. Либерман [6], Г.К. Лапушинская [7], В.Д. Маркова [8], А.Н. Петров [9], В.В. Царев [10] и др.

Научная полемика в области управления собственным капиталом и обратного выкупа акций компаниями стала активной в 2016 г., в связи с изменениями в законодательстве [11]. Среди ученых, занимающихся этой проблематикой, целесообразно упомянуть А.Н. Задорожную [12], Н.М. Сибову [13], К.Е. Кузьмичева [14], которые отмечают в своих научных трудах практический аспект обратного выкупа акций компаниями. А.В. Солопченко рассматривает обратный выкуп акций компании как инструмент управления стоимостью компании [15].

И.В. Железновой также ранее рассматривались мотивы обратного выкупа акций российскими компаниями [16] и особенности проведения обратного выкупа акций компаниями в России. К зарубежным ученым, особенно активно изучающим проблемы обратного выкупа акций, можно отнести: G. Grullon, R. Michaely [17], Yang Hua [18], M. Kulchania [19].

Планирование является инструментом управления на предприятии, оно дает понимание о направлениях развития предприятия, его слабых сторонах и методах по их устранению, способствует установлению контроля за счет мониторинга деятельности, а также внесению корректировок при необходимости, что, в свою очередь, ведет к повышению конкурентоспособности и более устойчивой работе предприятия, подготовленного к изменениям внешней среды.

Внутрифирменное планирование представляет собой комплекс связанных между собой решений, направленных на достижение определенных целей предприятия (повышение прибыли, улучшение конкурентоспособности, удержание доли рынка и так далее).

По сути плановых решений внутрифирменное планирование делится на:

- стратегическое планирование, которое ориентируется на долгосрочные планы. В нем определяются основные директивы развития компании на несколько лет вперед. В стратегическом плане отражаются ключевые перспективы, возможности внедрения новых направлений, расширение деятельности и рынков сбыта. Рассматривается, на какой нише рынка фокусироваться, какие меры принять для покрытия запросов заказчиков, какой товар из производимых компанией наиболее востребован на рынке и так далее. В результате составления стратегического плана формируется четкое видение перспектив дальнейшего развития предприятия, и ведется разработка методов по достижению поставленных перспектив;

- тактическое планирование, которое является основой для внедрения стратегического плана. В рамках тактического планирования происходит формирование предпосылок в небольшом временном периоде сроком до 5 лет для реализации ключевых перспектив;

- оперативно-производственное планирование, в процессе которого определяются сроки проведения основных операций по производству товара или предоставления услуг, осуществляется подготовка производства к реализации запланированных объемов (подготовительные работы, закупка материалов и оборудования и так далее), проведение анализа, контроля и учета всех реализованных задач, осуществляется внедрение инноваций.

Для достижения эффективного планирования экономической деятельности промышленного предприятия необходимо обеспечение полного объема производства и занятости, имеющихся материальных, трудовых и финансовых ресурсов, что предполагает рациональное использование производственных средств, материальных запасов, рабочего времени, источников финансирования. В связи с этим внутрифирменное планирование осуществляется по следующим направлениям [20]:

- производственная политика, которая является основным приоритетом в деятельности предприятия, так как направлена на создание и укрепление его производственного потенциала, технического обеспечения, модернизацию технологической базы, создание и сбыт конкурентоспособной продукции;

- маркетинговая политика, на этапе которой выявляется наиболее востребованный товар, что дает основание для увеличения его производства;

- финансовая политика, в задачи которой входит анализ и оценка рационального использования ресурсов, формирование и регулирование внутренних и внешних источников финан-

сирования, выявление и предотвращение финансовых рисков, оценка эффективности использования собственного и заемного капитала, определение цены капитала и формирование оптимальной структуры капитала предприятия.

Таким образом, принцип внутрифирменного планирования предполагает, что ни одна производственная проблема не должна решаться изолированно, каждая из политик представляет собой совокупность взаимосвязанных инструментов, последовательное применение которых позволяет планировать отдельные направления деятельности промышленного предприятия для обеспечения его эффективного развития.

Углубляясь в планирование по направлению финансовой политики, можно детализировать план по ключевым видам активов или по ключевым статьям баланса.

Для максимизации благосостояния владельцев предприятия больший интерес представляет стоимость собственного капитала компании. Планирование стоимости собственного капитала позволит определять общую потребность в капитале для финансирования деятельности, а также поддерживать структуру капитала в оптимальном состоянии, что способствует устойчивому развитию предприятия в отрасли и обеспечивает готовность предприятия к любым изменениям на рынке и форс-мажорным обстоятельствам.

Кроме того, собственный капитал – это чистая стоимость имущества, определяемая как разница между стоимостью активов организации и ее обязательствами. Собственный капитал является обязательным условием образования и функционирования любого промышленного предприятия, служит фундаментом, на котором основывается вся деятельность промышленного предприятия с первого дня его существования.

Как правило, собственный капитал состоит из уставного капитала, добавочного капитала, резервного капитала и нераспределенной прибыли.

Стоит отметить, что планирование уставного и добавочного капитала не производится, поскольку для изменения их величины требуются специальные решения. На практике рассматриваемые виды капиталов не меняются. По резервному капиталу планируется лишь увеличение до установленной законом и уставом нормы в соответствии с планом распределения прибыли [21]. Уменьшение резервного капитала не рассматривается. Следовательно, научный интерес представляют статьи, подверженные изменениям под влиянием внутренних и внешних факторов.

Таким образом, в отчете об изменениях капитала движение денежных средств происходит по статьям «нераспределенная прибыль» и «собственные акции, выкупленные у акционеров».

Рис. 1. Модель внутрифирменного планирования собственного капитала промышленных предприятий

Предприятия для внутреннего управления могут составлять планы двух видов:

- план, показывающий только увеличение и уменьшение величины собственного капитала;
- план, раскрывающий источники его пополнения и конкретные направления использования.

Планирование средств, зачисляемых в нераспределенную прибыль, необходимо увязать с планом по использованию чистой прибыли. Целевое использование средств по статье нераспределенной прибыли определяется в соответствии с планами инвестиций, погашения долгосрочных кредитов и процентов по ним. Переходящий остаток средств для использования по назначению в следующем году одновременно является и не использованным по назначению остатком средств на начало предыдущего планового периода.

Для того чтобы спланировать собственные акции, выкупленные у акционеров, составляется программа по обратному выкупу акций, которая согласовывается в совете директоров предприятия.

Кроме вышеупомянутых показателей, в состав собственного капитала входит амортизационный капитал. У амортизационного капитала существует единственное предназначение – инвестиции на восстановление изношенных основных средств.

Общая величина собственного капитала в плановом бухгалтерском балансе предприятия планируется путем прибавления к его остатку на начало планируемого года (итог по разделу «Капитал и резервы») всей нераспределенной

чистой прибыли планируемого года (бухгалтерской чистой прибыли за вычетом дивидендов), а также величиной собственных акций, выкупленных у акционеров в отчетном периоде.

Теоретико-методологические подходы

Таким образом, определив место планирования собственного капитала во всем процессе внутрифирменного планирования на промышленных предприятиях, дадим уточнение определений. Внутрифирменное планирование собственного капитала на промышленных предприятиях представляет собой процесс планирования нераспределенной прибыли, связанной с планом по использованию чистой прибыли, а также планирования собственных акций, выкупленных у акционеров, основывающегося на программе по обратному выкупу акций, для устойчивого развития промышленного предприятия, повышения его конкурентоспособности и готовности противостоять любым изменениям, происходящим на рынке.

В свою очередь, собственные акции, выкупленные у акционеров, представляют собой выкупленные эмитентом собственные акции, не обладающие правом голоса и не участвующие при распределении дивидендов, поставленные на баланс предприятия на срок не более года, по истечении которого акции должны быть проданы, аннулированы или обменены. Такая процедура носит название «обратный выкуп».

Программа обратного выкупа акций представляет собой обязательство компании по многократному выкупу акций в течение определенного периода времени, характеризующееся едиными условиями выкупа.

Исходя из анализа, была разработана модель внутрифирменного планирования собственного капитала промышленных предприятий, представленная на рисунке 1.

Модель внутрифирменного планирования собственного капитала промышленного предприятия представляет собой процесс принятия управленческих решений об изменении величины собственного капитала путем выкупа собственных акций на основе влияния внутренних и внешних факторов, а также оценке последствий проведения процедуры обратного выкупа на цену акций компании и на основных финансовых показателях, вследствие чего делается вывод о том, насколько эффективно было планировать изменение собственного капитала компании или оставить его постоянным.

В таблице 1 детерминанты обратного выкупа разделены на внутренние и внешние факторы. В свою очередь, внутренние факторы распре-

Таблица

Классификация детерминантов обратного выкупа промышленного предприятия

Внутренние факторы	
Влияние на цену	Влияние на финансовые показатели
Сигнал о недооценке акций компании	Большой объем денежных средств по статье баланса «Денежные средства и их эквиваленты»
Превышение премии за выкуп над дивидендной доходностью	Ужесточение критериев для инвестиционных проектов (ориентир на первоклассные активы)
	Управление финансовым рычагом компании
	Улучшение показателя прибыли на акцию
Внешние факторы	
Влияние рынка	Влияние управленческих отношений
Кризисное состояние экономики (резкие спады цен акций)	Угроза враждебного поглощения
Снижение мировых цен на производимую продукцию	Слияние компаний и другая реорганизация структуры акционерного капитала
Снижение спроса на производимую продукцию	Выкуп с целью перепродажи высокочастотным стратегическим партнерам

деляются на влияние на цену и влияние на финансовые показатели, внешние факторы состоят из влияния рынка и влияния управленческих отношений.

По исследованию, проведенному ранее Нунан [18], проведение обратного выкупа дает рынку сигнал о том, что акции компании были недооценены. Согласно гипотезе, компании выкупают собственные акции, во-первых, чтобы заработать на разнице от покупки по низкой цене акции и продажи по высокой цене и, во-вторых, чтобы подать сигнал о том, что цена акций компании занижена, акции компании привлекательны для приобретения.

Говоря о том, кто останется в выгоде от обратного выкупа акций, М. Кулчаниа [19] в своем исследовании отметил, что инвесторы намерены предоставить свои акции к выкупу в том случае, когда доходность от повышения акций в цене (премия за выкуп) будет выше, чем дивидендная доходность. В противном случае инвестор прибережет свои акции и потребует выплат в виде дивидендов. Превышение премии за выкуп над дивидендной доходностью отражает конкурирующую привлекательность процедуры по обратному выкупу.

Также компании сталкиваются с агентскими конфликтами между менеджментом и акционерами (собственниками). Основой конфликта выступает расхождение интересов в распределении временно свободных денежных средств. Менеджеры имеют склонность к сверхинвестированию капитала (capital overinvestment) с тем, чтобы увеличить размер компании и расширить свои права на контроль [22]. Изъятие наличности из-под контроля менеджеров усложняет возможности вложения капитала в неэффективные убыточные проекты с отрицательной чистой приведенной стоимостью, которые снижают стоимость компании и тем самым уменьшают благосостояние собственников.

В рамках улучшения качества управления инвестициями компании ужесточают критерии для инвестиционных проектов (IRR не ниже 20%), смещают ориентир в сторону вложений в первоклассные активы (с низким уровнем риска и высокой доходностью) [23].

В связи со снижением общего количества акций, находящихся в обращении, обратный выкуп способствует оптимизации структуры капитала [18]. При финансировании выкупленных акций собственными средствами компании повышение финансового левериджа происходит только за счет снижения собственного капитала компании, а при заемном финансировании еще и за счет увеличения долга, что, в свою очередь, может привести к ухудшению кредитного рейтинга компании. Поэтому чаще всего обратный выкуп финансируется из собственного капитала компании.

При проведении обратного выкупа прибыль на акцию увеличивается ввиду снижения общего числа акций, даже когда чистая прибыль остается неизменной [18]. Если чистая прибыль действительно повышается, то прибыль на акцию растет значительно. Такой эффект привлекателен для менеджмента компании, система вознаграждений и поощрений которого связана с величиной заработанной прибыли, а также это сигнал для инвесторов, что компания успешно функционирует на рынке.

Кроме внутренних детерминантов, следующих за непосредственным выкупом акций компании, существуют внешние факторы, в рамках которых завершение процедуры обратного выкупа выгодно для участников сделок.

На выбор способа распределения временно свободных денежных средств влияет экономическая ситуация в стране и мире. Анализ процедуры по обратному выкупу за период с 2002 по 2015 г. среди 23 российских публичных компаний выявил тенденцию, что около кризисных

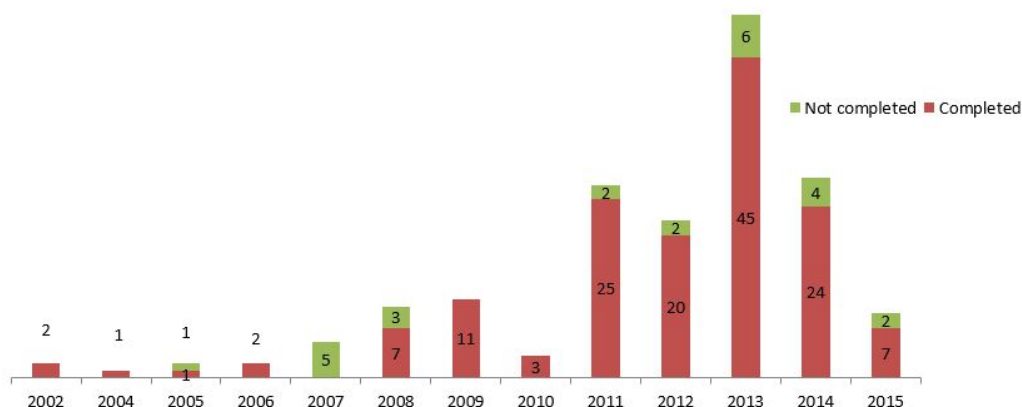

Рис. 2. Распределение объявления о выкупе и непосредственно выкупов по годам [24]

	II кв. '17	I кв. '17	IV кв. '16	III кв. '16	II кв. '16	I кв. '16	IV кв. '15	III кв. '15	II кв. '15	I кв. '15	IV кв. '14	III кв. '14	II кв. '14	I кв. '14	IV кв. '13	III кв. '13	II кв. '13	I кв. '13	IV кв. '12	III кв. '12	II кв. '12	I кв. '12
«Новатэк»																						
«НорНикель»																						
«Уралкалий»																						
Проведение обратного выкупа																						

Рис. 3. Периоды обратного выкупа акций

лет (2008 и 2014 годы) резко возрастало количество обратных выкупов, как показано на рис. 2. Рост популярности особенно в 2013 году объясняется неопределенностью и нестабильностью денежных потоков. В ситуации неоднозначности и асимметричности информации крайне сложно держаться заданной политики дивидендных выплат, и чтобы стимулировать инвесторов, компании прибегают к обратному выкупу акций.

Связь обратного выкупа, снижения мировых цен на производимую продукцию и снижения спроса на производимую продукцию поясним на примере российских компаний, которые разработали программу по обратному выкупу: ПАО «Новатэк», ПАО «Норильский Никель», ПАО «Уралкалий».

Это компании объединяет то, что они занимаются добычей полезных ископаемых, являются лидерами отрасли на российском рынке, имеют рынки сбыта как внутри страны, так и за ее пределами, торгуются на Московской и Лондонской фондовых биржах (в 2015 г. «Уралкалий» прекратил торги на Лондонской фондовой бирже).

На рисунке 3 представлены периоды, в которых проводился обратный выкуп. Наиболее благоприятными для обратного выкупа оказались II и III кв. 2013 г., III и IV кв. 2015 г., I и III кв. 2016 г.

Поскольку выручка добывающих компаний зависит от мировых цен на продукцию, то в периоды снижения цен компаниям невыгодно

расширять производство и увеличивать добычу, поэтому среди всех существующих инвестиционных возможностей наиболее оптимальным будет проведение обратного выкупа. Той же логики придерживаются компании, когда падает спрос на производимую продукцию.

Так, например, компания «Норильский Никель» провела ряд обратных выкупов в III и IV кв. 2015 г. при долгосрочном падении цен на никель (см. рис. 4).

Кроме того, в рамках пересмотра стратегии развития компании проводят ревизию технологических решений, оптимизируют поддерживающие инвестиции, обеспечивающие непрерывность производства и соответствие необходимым требованиям и стандартам, до среднеотраслевого уровня.

Выкуп акций может осуществляться как метод сопротивления поглощению или предотвращения захвата контрольного пакета акций компании. В таком случае акции выкупаются с особой премией к цене [26].

В результате проведения обратного выкупа происходит перераспределение структуры собственности, открывая путь к слиянию компаний и другой реорганизации структуры акционерного капитала. Частота объявлений о сделках обратного выкупа в 2015 году компанией «Евразия Дрилинг» была обоснована выкупом собственных акций у миноритариев, что привело к

Рис. 4. Цены на никель. По источнику: Bloomberg, «Норильский Никель» [25]

завершению торгов на Лондонской бирже и слиянию двух компаний-партнеров нефтесервисного сектора – «Евразия Дриллинг» и франко-американской компании «Шлюмберже» [27].

Также компании выкупают акции с целью их перепродажи высококлассным стратегическим партнерам. Так, например, ПАО «Роснефть» при поддержке правительства Российской Федерации провело процедуру обратного выкупа 19.5% собственных акций осенью 2016 года [28]. Эта процедура была необходима для того, чтобы впоследствии продать 19.5% акций компании «Роснефть» стоимостью 692 млрд руб. консорциуму инвесторов, которым в равных долях владеют фонд Qatar Investment Authority и швейцарский трейдер Glencore [29]. В качестве подготовительного этапа к продаже пакета акций иностранным инвесторам была выбрана именно процедура обратного выкупа, поскольку, в отличие от дополнительной эмиссии ценных бумаг, обратный выкуп не снижает долю государства в уставном капитале.

По результатам модели внутрифирменного планирования собственного капитала можно сделать ряд выводов.

Как правило, когда компания объявляет программу обратного выкупа, динамика ее акций становится весьма интересной. Может наблюдаться значительный рост. Более подробно влияние выкупа собственных акций на их цену описывает динамическая модель цены на акции при проведении обратного выкупа [24]. Но не все так однозначно. Сверхрост в большинстве случаев сопровождается не только обратным выкупом, но и позитивной финансовой отчетностью, анонсированием новых проектов и продуктов, а также различными благоприятными слухами.

Касательно финансовых показателей, эконометрический анализ панельных данных, состоящих из поквартальных приростов бухгалтерских показателей баланса РСБУ и отчета о финансовых результатах трех производственных предприятий, следующих программе обратного выкупа акций: ПАО «Новатэк», ПАО «Норильский Никель», ПАО «Уралкалий», в период с 2012 по первое полугодие 2017 года показал, что в ходе проведения обратного выкупа снижаются вложения в результаты исследований и разработок, вложения в основные средства и нематериальные активы, с другой стороны, увеличивается величина денежных средств, нераспределенная прибыль и выручка.

В целом состояние компании при обратном выкупе акций характеризуется стабильной ситуацией, улучшением ее финансовых показателей и увеличением цены акций предприятия.

Заключение

Представленная модель внутрифирменного планирования собственного капитала промышленного предприятия позволяет не только вести учет потребности в капитале для финансирования деятельности, не допуская нехватки финансирования, но и улучшить финансовые показатели компании.

Количественным критерием такого улучшения может стать оценка эффекта и эффективности от внутрифирменного планирования собственного капитала. Введем эти определения.

Эффект от внутрифирменного планирования собственного капитала представляет собой абсолютный показатель, отражающий рост финансовых показателей деятельности предприятия при планировании собственного капитала.

Эффективность от внутрифирменного планирования собственного капитала представляет собой относительный показатель, характеризующий прирост финансовых показателей по отношению к финансовым показателям при отсутствии планирования собственного капитала.

Эконометрический анализ показал обобщенную тенденцию влияния выкупа собственных акций на финансовые показатели на анализируемых предприятиях, однако для каждой компании и для каждой программы обратного выкупа будет целесообразно рассчитать эффект и эффективность от внутрифирменного планирования собственного капитала.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что планирование собственного капитала в рамках программы по обратному выкупу, безусловно, является позитивным явлением на рынках. Иногда в сочетании с другими факторами это спо-

способствует феноменальной динамике котировок отдельных эмитентов. Очевидно, что компании, осуществляющие щедрую политику в отношении своих акционеров, в среднем лучше чувствуют себя на рынках. К планированию собственного капитала следует относиться как к процессу, который создает дополнительный источник доходов, поддерживает котировки в случае неблагоприятных рыночных явлений и улучшает финансовые показатели.

Список литературы

1. Алексеева М.М. Планирование деятельности фирмы: Учебно-методическое пособие. М.: Финансы и статистика, 2000. 248 с.
2. Бухалков М.И. Внутрифирменное планирование: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2003. 400 с.
3. Горемыкин В.А., Бугулов Э.Р., Богомолов А.Ю. Планирование на предприятии: Учебник. М.: Информационно-издательский дом «Филинъ», Рилант, 2000. 328 с.
4. Ильин А.И. Планирование на предприятии: Учебное пособие. 6-е изд., перераб. и доп. Минск: Новое знание, 2005. 656 с.
5. Кац И.Я. Система внутрифирменного планирования // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 4. С. 84–90.
6. Либерман И.А. Планирование на предприятии. М.: РИОР, 2005. 128 с.
7. Лапушинская Г.К., Петров А.Н. Планирование в условиях рынка. М.: Дашков и К, 2003. 252 с.
8. Маркова В.Д. Внутрифирменное планирование. Новосибирск: Экор-книга, 2004. 320 с.
9. Петров А.Н. Стратегическое планирование развития предприятия: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1993. 109 с.
10. Царев В.В. Внутрифирменное планирование. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
11. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31.12.2017 г.) «Об акционерных обществах» Статья 72. Приобретение обществом размещенных акций. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/02357c13ce1cdc26c49e1fd44a40fa341fb8ea37/ (дата обращения: 16.02.2018).
12. Задорожная А.Н. Практика обратного выкупа акций российскими компаниями // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 42 (324). С. 13–26.
13. Сибова Н.М. Практика обратного выкупа акций // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. 2013. № 4 (52). С. 3.
14. Кузьмичев К.Е. Исследование обратного выкупа акций российскими компаниями // Вопросы новой экономики. 2012. № 4 (24). С. 20–24.
15. Солопченко А.В. Обратный выкуп акций российскими акционерными обществами как инструмент управления стоимостью компаний: законодательный аспект // Молодой ученый. 2016. № 15 (119). С. 319.
16. Железнова И.В. Мотивы обратного выкупа акций российскими компаниями // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. № 4. С. 195–204.
17. Grullon G., Michaely R. Dividends, repurchases, and the substitution hypothesis // Journal of Finance. 2002. P. 1649–1684.
18. Hua Yang. A Re-examination of stock repurchase in USA // Doctor of Philosophy. Old Dominion University. August 2010. P. 1–94.
19. Kulchania M. Essays on share repurchases // Doctor of Philosophy. University of Pittsburgh. May 2010. P. 1–203.
20. Кыштымова Е.А., Лытнева Н.А. Инструменты механизма внутрифирменного и стратегического планирования промышленных предприятий // Вестник ОрелГИЭТ. 2014. № 1 (27). С. 50–56.
21. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31.12.2017 г.) «Об акционерных обществах» Статья 35. Фонды и чистые активы общества. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/30a95a4efce16bd0a4683e0cc9469c9d0ef5ef0f/ (дата обращения: 16.02.2018).
22. McKinsey & Company, Koller T. et al. Valuation: Measuring and Managing the Value of Companies. 2010. P. 476–478.
23. Норильский Никель: Отсечь все лишнее. Режим доступа: <http://www.advis.ru/php/printnews.php?id=3CBD50C5-8B4A-854B-9F8D-ED53C62D6861> (дата обращения: 16.02.2018).
24. Железнова И.В. Динамическая модель цены на акцию при проведении обратного выкупа акций // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 223–240.
25. Новая платформа для успешной модернизации активов. Норильский Никель. Май 2016. С. 40. Режим доступа: https://www.nornickel.ru/files/ru/media-library/presentation/RUS-2016_-v8-red.pdf/ (дата обращения: 16.02.2018).
26. Vermaelen T. Share repurchases // Foundations and Trends in Finance. 2005. Vol. 1. № 3. P. 171–268.
27. «Шлюмберже» и «Евразия Дрилинг» отложили слияние до 30 июня. Режим доступа: http://www.ngv.ru/news/shlyumberzhe_i_evraziya_drilling_ot_lozhili_sliyanie_do_30_iyunya/ (дата обращения: 16.02.2018).
28. «Роснефть» проведет buyback, если инвесторы не приобретут акции. Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20161026/1480050768.html> (дата обращения: 16.02.2018).
29. «Роснефть» раскрыла детали сделки по продаже 19,5% акций. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/10/12/2016/584c58e89a7947ec70b5e46f> (дата обращения: 16.02.2018).

DEVELOPMENT OF INTRA-FIRM PLANNING OF EQUITY CAPITAL IN INDUSTRIAL ENTERPRISES*S.V. Ponomareva, I.V. Zheleznova*

Perm National Research Polytechnic University

The article aims to review some issues of internal planning in industrial enterprises. We discuss the types of internal planning: strategic, tactical and operational-productive planning and determine the place of equity planning in the entire process of intra-firm planning in industrial enterprises. The authors present a model of equity capital intra-firm planning in industrial enterprises, in which share repurchase determinants are classified into the internal and external factors, where the internal indicators include the price impact and the impact on financial performance, while the external indicators include the market impact and the influence of managerial relations. The authors have refined the concepts of equity capital intra-firm planning, the effect/effectiveness of equity capital intra-firm planning, own shares repurchased from shareholders, and buyback program. Based on the presented model of equity capital intra-firm planning in industrial enterprises, it was concluded that the model allows one to keep a record of the need for capital to finance the company's activities and avoid a lack of funding. It also helps to improve the financial performance in industrial enterprises.

Keywords: intra-firm planning, equity capital, own shares repurchased from shareholders, buyback program, industrial enterprises.

УДК 330.46, 316.014

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА ВОСПРИЯТИЕ КОРРУПЦИИ В ГРУППЕ

© 2018 г.

А.В. Рассадовская

Рассадовская Анастасия Вячеславовна, старший преподаватель кафедры математической экономики
Нижегородского филиала Высшей школы экономики
arassadovskaya@hse.ru

*Статья поступила в редакцию 26.02.2018**Статья принята к публикации 24.04.2018*

Рассматривается вопрос зависимости восприятия коррупции отдельным индивидом от того, в каком окружении он находится. Задача является актуальной в силу высокого внимания, уделяемого борьбе с коррупцией в современном обществе, а также того, что в имеющейся научной литературе исследования преимущественно посвящены поведению взяточдателя и его экономическим мотивам при принятии решения о взятке, в то время как мотивация взяточдателя, в том числе отношение к коррупции в обществе, также имеет большое значение. Выдвинуто предположение о взаимном влиянии мнений внутри социальной группы, предложен метод оценки силы этого влияния на основании характеристик графа социальной сети. Произведен анализ на примере шести опросных групп студентов из четырех российских вузов, состоящий из первичного анализа данных и применения предложенного метода оценки силы влияния. Получены результаты, подтверждающие значимое взаимное влияние членов группы на восприятие коррупции. Оценки по предложенному методу демонстрируют вариативность для разных опросных групп, что позволяет предположить зависимость силы влияния от характеристик группы – например, изначального распределения мнений, плотности сети, соотношения входящих и исходящих связей.

Ключевые слова: социальные сети, модели влияния, восприятие коррупции.

Введение

Задачей данного исследования является выявление и определение характера влияния социального капитала на восприятие коррупции в группе. Согласно концепции социального капитала, предложенной Putnam [1], определим его как совокупность связей между членами общества, социальных норм, определяющих их, а также доверия, на основании которого эти нормы поддерживаются. Потребность в изучении восприятия коррупции в отличие от более распространенного изучения фактов коррупции является следствием латентности данного явления. Количественные оценки восприятия коррупции основываются на экспертных индексах или результатах опроса общественного мнения, что позволяет получать более точную статистику. Сравнение уровня коррупции, оцененного по статистике преступлений и оцененного по экспертным оценкам или опросам, демонстрирует, что между этими способами количественной оценки существует высокая корреляция [2].

Таким образом, предметом данного исследования является влияние социальных связей на то, как изменяется восприятие коррупции. Оценку восприятия коррупции, полученную на основании опроса респондентов, будем называть коррупционными ожиданиями. Отсутствие

негативного отношения к коррупции будем называть коррупционной лояльностью. В постановке задачи мы отталкиваемся от предположений, сделанных Wellan [3] на основании изучения распространения коррупции в корпорациях:

1. Коррупционно лояльные индивиды привлекают больше внимания, то есть с ними общается большее количество членов группы;
2. Общение с коррупционно лояльными членами группы влияет на восприятие индивидом всей группы;
3. Лояльные к коррупции индивиды склонны считать, что на нарушение закона человека толкает среда, а также что дающий взятку не является правонарушителем.

Обобщая эти предположения, выдвигаем следующую *гипотезу*: взаимодействие с коррупционно лояльными индивидами приводит к росту коррупционной лояльности. Другими словами, обладая информацией о наличии коррупции в обществе и лояльном отношении к ней, индивид повышает собственные коррупционные ожидания (становится коррупционно лояльным). Следствием этого может стать становление коррупционной лояльности как нормы, даже если коррупция не является социально желательным состоянием общества.

Задачи, поставленные для достижения проверки выдвинутой гипотезы, следующие:

1. Произвести эмпирический анализ восприятия коррупции и взаимосвязи восприятия коррупции между индивидами в группе;

2. Предложить метод оценки силы влияния;

3. Осуществить оценку по предложенному методу.

Существует ряд подходов к анализу влияния в социальных сетях, например, в работе Губанова и др. [4] перечисляются следующие:

1) модели с порогами;

2) модели независимых каскадов;

3) модели просачивания и заражения;

4) модели Изинга;

5) модели на основе клеточных автоматов;

6) модели на основе цепей Маркова.

В этих моделях, в основном, рассматриваются правила взаимодействия агентов, где изменение состояния системы задается состоянием объектов и набором условий, влияющих на изменение этих состояний. Так, в моделях на основе клеточных автоматов или на основе цепей Маркова имитационное моделирование позволяет задать начальные размеры сети, типы связей и вероятности переходов в другие состояния (например, Goldenberg и др. [5]) или же влияние агента на состояние группы (например, Zhang [6]).

Однако в ходе эмпирического анализа зачастую работать необходимо с разовым, статичным снимком состояния сети. В результате возникает потребность в моделях, которые по текущему состоянию сети могли бы позволить сделать выводы о том, в какое состояние придет система, при этом учитывая направленность сети, отсутствие информации о предыдущих состояниях системы и о вероятностях переходов. Задача предложить такую модель поставлена в данной работе.

Поставленная в работе тема является актуальной как в контексте исследования характеристик индивидов и обществ, подверженных коррупции, так и в контексте совершенствования методологии изучения влияния в сетях.

Методология

Как было отмечено выше, существует потребность в моделях оценки силы информационного влияния, применимых для эмпирического анализа в случае однократного снимка данных (отсутствия динамики). Для решения данной задачи мы предлагаем модель, в которой некий признак – в данном случае лояльность к коррупции – в равновесном состоянии подчиняется следующим принципам распространенности. Каждый индивид в определении своего мнения частично опирается на свои внутренние убеждения, частично – на влияние окружения.

Окружение индивида представляет собой социальную сеть, описанную графом, то есть состоящую из индивидов и направленных связей между ними. В итоге его мнение зависит от взвешенных мнений его окружения и от его априорной индивидуальной характеристики, представляющей внутренние убеждения:

$$\theta_i = \alpha \left(\frac{\sum \theta_\alpha}{d_\alpha} \right) + \beta \left(\frac{\sum \theta_\beta}{d_\beta} \right) + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где θ_i – признак (лояльность к коррупции) данного индивида, θ_α – признак (лояльность к коррупции) индивидов, к которым идут ребра от него (исходящие ребра), θ_β – признак (лояльность к коррупции) индивидов, от которых идут ребра к нему (входящие ребра), α – вес исходящих ребер, β – вес входящих ребер, d_α – исходящая мощность узла (количество исходящих ребер), d_β – входящая мощность узла (количество входящих ребер), ε_i – индивидуальная характеристика, направленная на корректировку мнения общества, $\alpha + \beta = 1$, $\theta \in [0, 1]$.

В равновесном состоянии, то есть после того, как взаимное влияние признаков завершено, можно говорить о том, что параметры α и β едины для данного общества и определяют значимость общественного мнения в среднем, в то время как индивидуальные отклонения несут информацию как об индивидуальной «предрасположенности» к коррупции, так и об индивидуальном отклонении в принятии общественного мнения, то есть ε_i может быть отрицательным, отражая корректировку общественного мнения данным индивидом.

Тогда в рамках известной сети с известными параметрами θ и мощностями узлов можно составить систему уравнений по всем θ_i , $i = \overline{1, n}$, где n – число вершин в сети. Решение этой системы позволит оценить значимость мнения группы и собственного мнения в рамках заданной группы. Для однозначного нахождения параметров влияния в системе недостаточно уравнений, однако можно численно определить параметры влияния α и β , в предположении, что индивидуальная характеристика в равновесном состоянии крайне мала.

Рассмотрим сначала решение поставленной задачи на упрощенной модели, когда влияние общества ограничено исходящими связями, то есть когда уравнение (1) сводится к уравнению:

$$\theta_i = \alpha \left(\frac{\sum \theta_\alpha}{d_\alpha} \right) + \varepsilon_i. \quad (2)$$

В матричном виде система таких уравнений выглядит так:

$$\theta = \alpha \tilde{A} \theta + \varepsilon, \quad (3)$$

где θ – вектор-столбец признаков, $\tilde{A}$ – нормированная матрица смежности, в которой

$$\tilde{A}_{ii} = \frac{A_{ii}}{\sum_{j=1}^n A_{ij}}, \quad \varepsilon - \text{вектор-столбец индивидуальных характеристик.}$$

Тогда задача минимизации индивидуальных характеристик сводится к минимизации вектора ε по норме, то есть при использовании евклидовой нормы вектора – к минимизации функции:

$$\|\varepsilon\| = \sqrt{\sum_{i=1}^n |\varepsilon_i|^2}. \quad (4)$$

Элементы вектора ε имеют вид

$$\varepsilon_i = \theta_i - \alpha \frac{\sum_{j=1}^n (A_{ij} \theta_j)}{\sum_{j=1}^n A_{ij}}, \quad \text{таким образом,}$$

поскольку $\theta_i \geq 0$, под корнем находится функция вида $a\alpha^2 + b\alpha + c$, $a \geq 0$, $b \leq 0$, и минимум нормы ε будет достигаться при $\alpha = \frac{-b}{2a}$, то есть всегда будет неотрицательным. Можно заметить также, что в силу того, что $\theta_i \in [0, 1]$, α не будет превосходить 1, что соответствует предположению о росте влияния окружения при увеличении силы этого влияния.

Уравнение (1) в матричной форме будет иметь вид

$$\theta = \alpha \tilde{A} \theta + (1 - \alpha) \tilde{A}^T \theta + \varepsilon. \quad (5)$$

Тогда элементы вектора ε имеют вид

$$\varepsilon_i = \theta_i - \alpha \frac{\sum_{j=1}^n A_{ij} \theta_j}{\sum_{j=1}^n A_{ij}} - (1 - \alpha) \frac{\sum_{i=1}^n A_{ji} \theta_j}{\sum_{i=1}^n A_{ji}},$$

и минимум нормы вектора ε достигается в вершинах соответствующих парабол. Свойства получаемых оценок совпадают со свойствами оценки α для системы (2).

Таким образом, при получении оценок параметров можно сделать вывод о силе влияния входящих и исходящих связей на мнение членов группы. Соответствующие оценки произведены в данной работе на примере шести опросных групп, анкетирование которых было проведено в 2014–2015 гг. среди студентов четырех российских вузов в городах Нижний Новгород (1 опрос), Санкт-Петербург (2 опроса), Владивосток (2 опроса) и Воронеж (1 опрос). Общее количество респондентов в возрасте в среднем 20–22 лет составило 370.

Количественные оценки уровня социального капитала осуществлены на основании анализа социальной сети, в которой узлы сети (вершины графа) – респонденты, а направленные ребра графа – социальные связи. Следуя Adali [7], мы

предлагаем измерять для социальной сети частоту, направление и содержание взаимодействия. Первая часть анкеты, на основании которой формируется граф, состоит из 10–12 вопросов (в зависимости от города опроса), таких как «С кем Вы совместно занимаетесь спортом?», «Кто помогает Вам в учебе?», «Кому Вы одолжили бы небольшую сумму денег (предположим, 500 рублей)?», а в качестве вариантов ответа предлагаются члены той же опрашиваемой группы. Согласно предложенному в работе алгоритму, направленное ребро от одного респондента к другому формируется при преодолении заданного порога вопросов, в которых один респондент указал другого (связи не обязательно взаимны, так как оценка частоты и сферы общения являются результатом личной оценки отношений). Порог количества вопросов, где респондент должен указать другого респондента для формирования между ними направленного ребра, определяется для каждой сети индивидуально постепенным ослаблением условия ответа на все вопросы так, чтобы итоговый граф оказался связанным (имел одну компоненту).

Графическое представление полученных сетей для каждой опрошенной группы представлено на рисунке 1. Отметим, что группа «Санкт-Петербург 2» достаточно малочисленна, а группа «Воронеж» достаточно крупная и при этом очень плотная. По этой причине многие результаты оценок при сравнении опросных групп демонстрируют большой разброс.

Вторая часть анкеты посвящена получению количественной оценки лояльности респондентов к коррупции. На основании вопросов анкеты сформированы три группы прокси-переменных:

1. Личная лояльность респондента к коррупции;
2. Оценка респондентом уровня коррумпированности общества;
3. Уровень поиска респондентом оправдания для коррупционных действий.

Личная лояльность респондента к коррупции оценивалась по ответам на следующие вопросы:

- Вы абсолютно уверены, что все денежные выплаты должны быть официально оформлены, подкреплены соответствующими документами, чеками и т.п.?
- Если представится возможность, Вы дадите взятку сотруднику ГИБДД для ухода от более серьезной (по сравнению с размером взятки) административной ответственности?
- Если представится возможность, Вы дадите взятку сотруднику ГИБДД для ухода от уголовной ответственности?

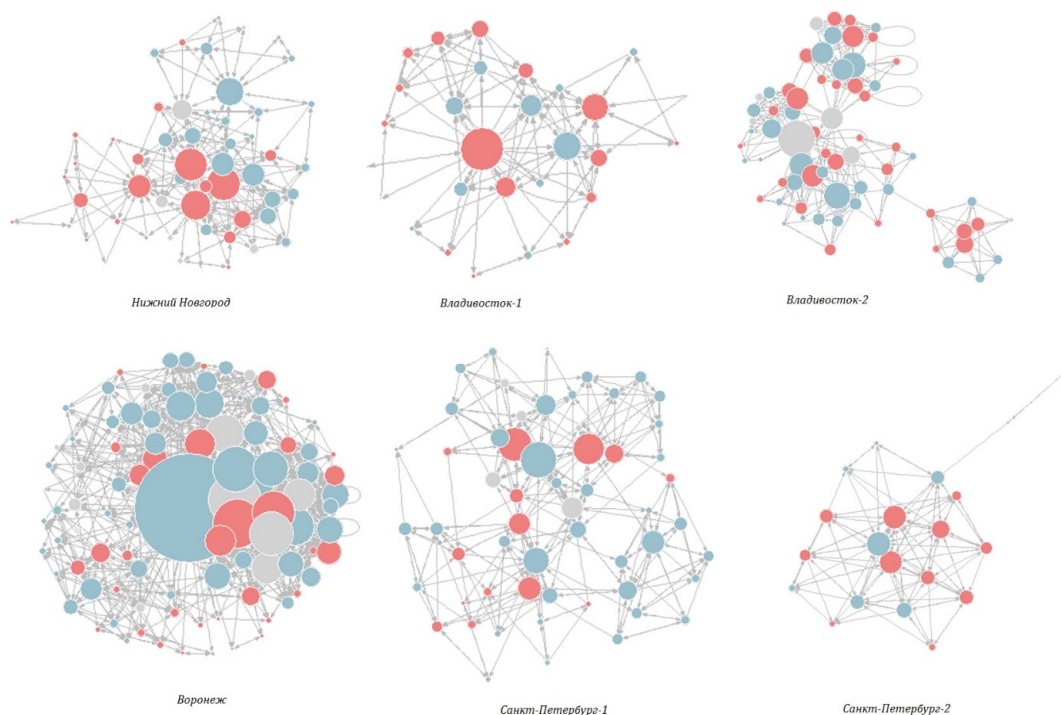

Рис. 1. Социальные графы опросных групп

(красный – высокая лояльность к коррупции, синий – низкая лояльность к коррупции, серый – нет данных).

Источник: построено на основании данных, полученных автором в результате анкетирования

Оценка респондентом уровня коррумпированности общества основывалась на ответах на вопросы:

– Вы слышали, что кто-то из окружающих Вас людей, с которыми Вы лично знакомы, давал взятки?

– Приходится ли сейчас давать взятки чиновникам?

– Приходится ли сейчас давать взятки правоохранительным органам?

Уровень поиска респондентом оправдания для коррупционных действий оценивался по ответам на вопросы:

– Можно ли организовать и поддерживать свой собственный бизнес абсолютно законно, не используя теневых выплат, не давать взятки и т.п.?

– Насколько оправданным может быть принятие взятки должностным лицом (по шкале от 1 до 5; только для выборок Владивостока и Воронежа)?

– Считаете ли Вы, что человек, дающий взятку, является нарушителем закона (только для выборок Владивостока и Воронежа)?

Также были заданы вопросы, касающиеся восприятия уровня коррупции в России:

– Сотрудники ГИБДД берут взятки?

– Чиновники берут взятки?

– Судьи берут взятки?

– Вы верите в эффективность современной антикоррупционной политики в России?

Однако для рассматриваемых опросных групп ответы на эти вопросы показали очень маленькую вариативность, поэтому были исключены из анализа. Но эта статистика не лишена интерпретации. Вряд ли следует предполагать, что молодое население, к которому относятся респонденты опрошенных групп, имеют достаточный негативный опыт взаимодействия с перечисленными структурами, однако при этом они отмечают высокий уровень коррупции. Вероятнее, эти ответы продиктованы влиянием внешней среды – стереотипов, сложившихся о России, повышенного внимания к проблеме со стороны закона, возможно – популярностью темы в СМИ.

Проверка гипотезы о том, что взаимодействие с коррупционно лояльными индивидами приводит к повышению коррупционной лояльности индивида, осуществлена для опросных групп в ходе анализа свойств полученных сетей и характеристик индивидов (лояльности к коррупции).

Результаты

На рисунках 2–4 представлены гистограммы средних значений ответов на вопросы, формирующие прокси-переменные для лояльности к коррупции. Следует отметить некоторое противоречие, выраженное в том, что во всех опрошенных группах одновременно наблюдается и

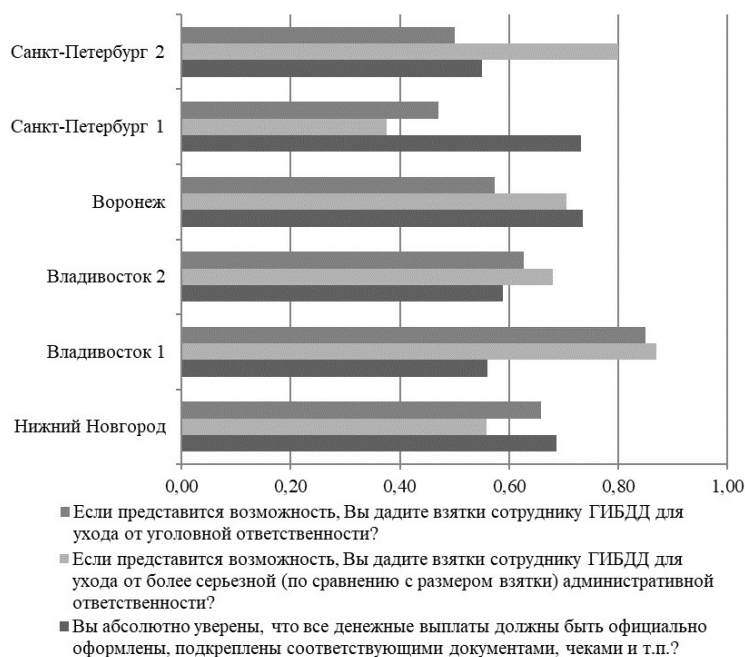

Рис. 2. Среднее значение ответов респондентов на вопросы категории «Личная лояльность респондента к коррупции», по опрашиваемым группам.

Источник: построено на основании данных, полученных автором в результате анкетирования

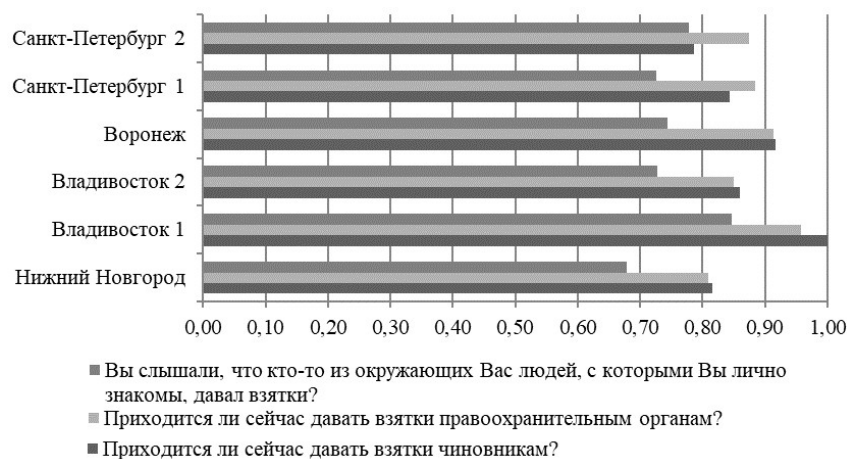

Рис. 3. Среднее значение ответов респондентов на вопросы категории «Оценка респондентом уровня коррумпированности общества», по опрашиваемым группам.

Источник: построено на основании данных, полученных автором в результате анкетирования

высокая лояльность к коррупции, и высокая уверенность в том, что взятка является нарушением закона и не должна быть оправдана. Причем оправдания, по мнению респондентов, не заслуживают ни взяткополучатель, ни взяткодатель. Скорее всего, для опрошенных групп характерно разделение восприятия коррупции как явления, распространенного среди представителей власти и неприемлемого с точки зрения общества, и коррупционных ожиданий в бытовой коррупции. Бытовая коррупция, вероятно, воспринимается как неотъемлемая часть повседневной жизни, в отношении которой индивиды могут руководствоваться возможностью осуществить взятку, безотносительно моральных

принципов, сложившихся в обществе. С этой точки зрения, полученная статистика показывает наличие конфликта частных и общественных интересов, которые в сознании опрошенных индивидов существуют независимо.

С целью отражения более полного мнения респондента итоговая характеристика каждой прокси-переменной формировалась для каждого респондента по совокупности ответов и нормировалась в интервал от 0 до 1. На рисунке 5 отражены средние значения полученных прокси-переменных для каждой группы.

Рассмотрим взаимосвязь показателей вовлеченности респондента в сеть и его значений прокси-переменных для коррупционного

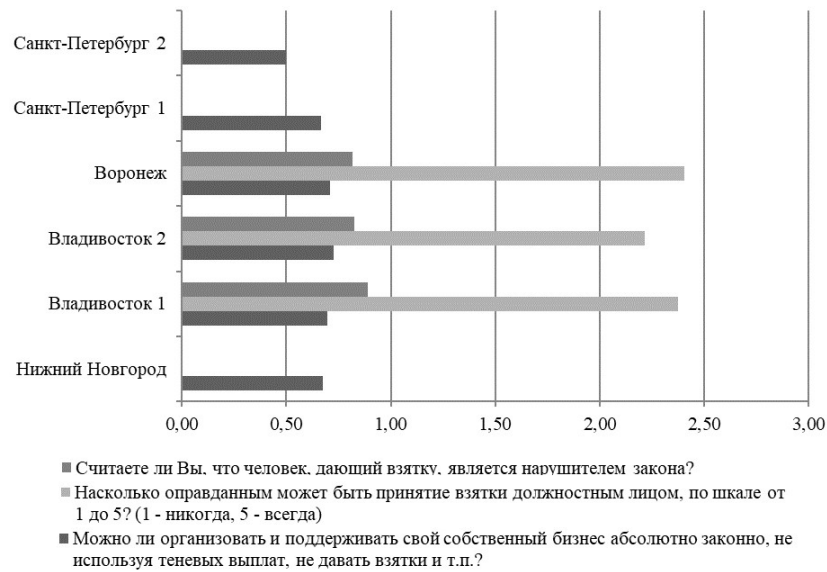

Рис. 4. Среднее значение ответов респондентов на вопросы категории «Уровень поиска респондентом оправдания для коррупционных действий», по опрашиваемым группам.
 Источник: построено на основании данных, полученных автором в результате анкетирования

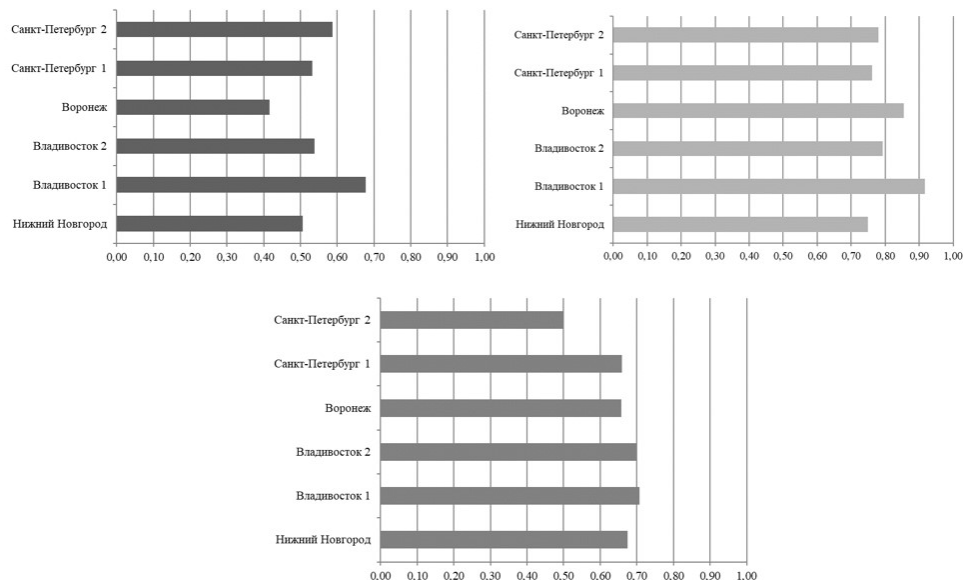

Рис. 5. Среднее значение переменных «Личная лояльность респондента к коррупции», «Оценка респондентом уровня коррумпированности общества», «Уровень поиска респондентом оправдания для коррупционных действий», по опрашиваемым группам.
 Источник: построено на основании данных, полученных автором в результате анкетирования

поведения, описанных в предыдущем параграфе. В таблице 1 представлены оценки коэффициентов ранговой корреляции Спирмена для переменных восприятия коррупции и мощности узла (количества ребер в данном узле). Все полученные коэффициенты корреляции не значимы на высоких уровнях значимости, а коэффициенты, значимые на 80% доверительном интервале, имеют разные знаки в разных опросных группах, поэтому можно сделать вывод, что для полученных опросных групп предположение о повышенном внимании к коррупционно настроенным индивидам не подтверждается.

Проанализируем отклонение лояльности к коррупции данного индивида от лояльности его соседей. Закономерности отличаются для коррупционно настроенных респондентов и тех, кто считает для себя неприемлемым дать взятку, причем в двух опросных группах отклонение мнения респондента от мнения его окружения в среднем сильнее, если он не лоялен к коррупции, а в четырех – наоборот, слабее (см. таблицу 2). Это можно трактовать как различие между группами в уровне общественного порицания различного поведения.

Таблица 1

**Взаимосвязь коррупционной лояльности и вовлеченности респондента в сеть
(коэффициент ранговой корреляции Спирмена)**

Группа опроса	Корреляция лояльности к коррупции с мощностью узла		Корреляция оценки уровня коррупции с мощностью узла		Корреляция уровня поиска оправдания коррупционных действий с мощностью узла	
	Значение	P-value	Значение	P-value	Значение	P-value
НН	0	0.984	0.06	0.672	-0.15	0.385
Влк1	0.25	0.196	0.09	0.679	0.30	0.121
Влк2	-0.12	0.329	-0.04	0.764	0.01	0.925
Вор	-0.16	0.157	-0.04	0.690	0.07	0.511
СПб1	-0.09	0.527	-0.18	0.194	-0.03	0.854
СПб2	0.18	0.460	-0.18	0.487	-0.17	0.544

Источник: оценки на основании данных, полученных автором в результате анкетирования.

Таблица 2

Сравнение индивидуальной лояльности к коррупции и лояльности соседей к коррупции

Группа опроса	Корреляция индивидуальной лояльности к коррупции и лояльности соседей к коррупции		Среднее отклонение от мнения соседей (при лояльности > 0.5)	Среднее отклонение от мнения соседей (при лояльности ≤ 0.5)
	Значение	P-value		
НН	0.31	0.029	0.25	-0.28
Влк1	-0.04	0.821	0.22	-0.46
Влк2	0	0.981	0.30	-0.16
Вор	0.06	0.567	0.41	-0.26
СПб1	-0.02	0.867	0.95	-0.45
СПб2	-0.13	0.584	0.31	-0.38

Источник: построено на основании данных, полученных автором в результате анкетирования.

В таблицах 3 и 4 приведены аналогичные оценки для двух других прокси-переменных: оценки коррумпированности общества и поиска оправдания коррупционных действий. В первом случае все коэффициенты корреляции оказались не значимы, а отклонение от мнения соседей оказалось сильнее для тех, кто оценивает уровень коррупции ниже 0.5. В случае оправдания коррупционных действий коэффициенты корреляции значимы для двух опросных групп и в обоих случаях отрицательны. Приведенная статистика дает возможность говорить о вероятном наличии взаимного влияния индивидов на мнение друг друга, что позволяет обратиться к оценке модели (5).

В таблице 5 приведены оценки параметра α для системы (5) и полученные минимальные нормы вектора индивидуальной компоненты. В первую очередь, стоит отметить существенные различия в величине коэффициента для разных сетей – например, по лояльности к коррупции для четырех из шести сетей он изменяется в интервале от 0.5 до 0.66, что демонстрирует достаточно сильную связь. Для сети «Санкт-Петербург 2» получен очень маленький коэффициент α , что обусловлено, вероятно, маленьким размером сети и низкой ее плотностью. В то же время для сети «Санкт-Петербург 1» коэффициент тоже маленький, хотя сеть несущественно отличается от четырех других. Напомним также, что коэффициент корреляции между индивиду-

альной и групповой лояльностью к коррупции значим только для сетей «Нижний Новгород» и «Владивосток 2», поэтому, скорее всего, следует считать значимыми только полученные для этих сетей коэффициенты.

Различия оценок между группами, скорее всего, имеют институциональную природу, поскольку наиболее сильные различия получены между сетями с разной структурой, разного размера, с разным начальным распределением восприятия коррупции. Можно заметить, что на более больших и более плотных сетях сила влияния общественного мнения оказывается выше, чем сила исходящих связей, в то время как в небольших сетях с низкой плотностью связей коэффициент α оказывается выше, то есть большее влияние на мнение индивида оказывают те, с кем общается он сам, а не общественное мнение.

Таким образом, можно говорить о том, что для данных сетей влияние исходящих связей слабее, чем влияние входящих связей, то есть имеет место сильное влияние общественного мнения. Однако при этом нельзя говорить о том, что данный результат можно распространить на всю молодежь, так как опросные группы недостаточно репрезентативны.

Заключение

Таким образом, выдвинутая гипотеза о влиянии взаимодействия с коррупционно лояль-

Таблица 3

**Сравнение индивидуальной оценки коррумпированности общества
и оценки коррумпированности общества соседей**

Группа опроса	Корреляция индивидуальной оценки коррумпированности общества и оценки коррумпированности общества соседей		Среднее отклонение от мнения соседей (при показателе > 0.5)	Среднее отклонение от мнения соседей (при показателе ≤ 0.5)
	Значение	P-value		
НН	0.02	0.880	0.17	–0.56
Влк1	–0.06	0.769	0.18	–1
Влк2	0.18	0.168	0.25	–0.47
Вор	0.08	0.445	0.09	–0.64
СП61	0.01	0.941	0.22	–0.47
СП62	–0.21	0.407	0.29	–0.42

Источник: построено на основании данных, полученных автором в результате анкетирования.

Таблица 4

**Сравнение индивидуального поиска оправдания коррупционных действий
и того же показателя по соседям**

Группа опроса	Корреляция индивидуального поиска оправдания коррупционных действий и того же показателя по соседям		Среднее отклонение от мнения соседей (при лояльности > 0.5)	Среднее отклонение от мнения соседей (при лояльности ≤ 0.5)
	Значение	P-value		
НН	0.05	0.769	0.71	–0.33
Влк1	–0.32	0.098	0.11	–0.49
Влк2	–0.12	0.401	0.90	–0.16
Вор	0.06	0.571	0.24	–0.27
СП61	–0.23	0.205	0.66	–0.42
СП62	–0.61	0.017	0.78	–0.42

Источник: построено на основании данных, полученных автором в результате анкетирования.

Таблица 5

Результаты оценки связи показателей восприятия коррупции индивида и его окружения

Прокси	Показатель	НН	Влк1	Влк2	Вор	СП61	СП62
Лояльность к коррупции	α	0.666	0.300	0.663	0.503	0.048	0.00006
	$ \epsilon $	2.81	2.00	2.76	4.11	13.52	1.81
Оценка коррумпированности общества	α	0.717	0.246	0.555	0.797	0.492	0.999
	$ \epsilon $	2.957	1.521	3.147	2.791	2.841	1.555
Оценка поиска оправдания коррупционных действий	α	0.029	0.333	0.00062	0.232	0.495	0.00066
	$ \epsilon $	3.424	1.492	3.014	3.105	3.522	2.398

ными индивидами на личное отношение индивида к коррупции подтвердилась для рассмотренных опросных групп, на основании выявленных взаимосвязей уровня личного восприятия коррупции и средних значений по окружению. В данном исследовании проведены оценки силы взаимного влияния мнений внутри сети на примере шести опросных групп с применением метода анализа распространенности коррупционных ожиданий и лояльности к коррупции с учетом характеристик социальной сети. Предложена система уравнений, в которой определяется сила влияния мнения окружающих индивидов на мнение данного индивида.

Метод применялся на данных проведенного среди студентов нескольких вузов индивидуального опроса, содержащего информацию о

коррупционных ожиданиях и лояльности к коррупции. Оценки показали, что коэффициенты связи несущественно отличаются по большей части данных групп и демонстрируют большее влияние входящих связей (общественного мнения) в изменении мнения конкретного индивида. Рассматриваемые группы не обладают репрезентативностью, поэтому на основании полученных результатов нельзя делать выводы о закономерностях в обществе в целом, но предложенный метод можно использовать для дальнейшего тестирования аналогичного распространения признаков в группе, причем возможное применение не ограничивается оценкой коррупционных ожиданий, а может также быть использовано в исследованиях, где рассматриваются иные эффекты среды (peer group effects) –

например, Poldin и др. [8], Ahern и др. [9], Gaviria [10]. Также требуется дальнейший анализ природы различия значений показателя связи для различных сетей. Мы предполагаем, что помимо удаленности сети от равновесия на результат влияют такие параметры сети, как изначальное распределение исследуемой характеристики, плотность сети, соотношение входящих и исходящих связей, наличие кластеров.

Список литературы

1. Putnam R.D. Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of Democracy*. 1995. V. 6. № 1. P. 65–78.
2. Treisman D. What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? // *Annu. Rev. Polit. Sci.* 2007. Vol. 10. № 1. P. 211–244.
3. Wellan J.M. From individual deviance to collective corruption: A social influence model of the spread of deviance in organisations. Paper presented to the Social Change in the 21st Century Conference. Centre for Social Change Research Queensland University of Technology. 29 October 2004.
4. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Модели влияния в социальных сетях // *Управление большими системами: Сборник трудов*. 2009. № 27.
5. Goldenberg J., Libai B., Muller E. Talk of the network: A complex systems look at the underlying process of word-of-mouth // *Marketing Letters*. 2001. V. 12. № 3. P. 211–223.
6. Zhang D. et al. Learning influence among interacting Markov chains // *Advances in Neural Information Processing Systems*. 2006. P. 1577–1584.
7. Adali S. et al. Measuring behavioral trust in social networks // *Intelligence and Security Informatics (ISI)*, 2010 IEEE International Conference on. IEEE, 2010. P. 150–152.
8. Poldin O., Valeeva D., Yudkevich M. Which peers matter: How social ties affect peer-group effects // *Research in Higher Education*. 2016. V. 57. № 4. P. 448–468.
9. Ahern K.R., Duchin R., Shumway T. Peer effects in risk aversion and trust // *Review of Financial Studies*. 2014. Vol. 27. Iss. 11. P. 3213–3240.
10. Gaviria A., Raphael S. School-based peer effects and juvenile behavior // *Review of Economics and Statistics*. 2001. V. 83. № 2. P. 257–268.

THE IMPACT OF SOCIAL CAPITAL ON CORRUPTION PERCEPTIONS IN A GROUP

A.V. Rassadovskaya

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

In this paper, we examine the correlation between corruption perceptions of a particular person and the person's surrounding people. The relevance of this task is obvious in the context of the great attention paid to the fight against corruption in modern society, and also due to the fact that the available scholarly literature mostly discusses the behavior of bribe-takers and their economic motives in deciding on a bribe, while the motivation of the bribe-giver, including the attitude towards corruption in society is also of great importance. An assumption was made about the mutual influence of opinions within a social group, a method was proposed to assess the degree of this influence using the characteristics of the social network graph. An analysis was carried out involving six survey groups of students from four Russian universities. It included primary data analysis and application of the proposed method for assessing the degree of influence. Our results show that there is a significant influence of the surrounding people on the person's corruption perceptions, which opens the question of finding the qualities in the groups that produce different levels of influence.

Keywords: corruption perceptions, social networks, impact models, peer effects.

УДК 338.3

СОДЕРЖАНИЕ МЕХАНИЗМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

© 2018 г.

Е.В. Романовская, Е.П. Козлова

Романовская Елена Вадимовна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики предприятия
Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина
alenarom@list.ru

Козлова Елена Павловна, преподаватель кафедры экономики предприятия
Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина
Elka-a89@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 15.02.2018**Статья принята к публикации 25.04.2018*

На экономическое развитие страны значительно влияет отсутствие адекватного механизма хозяйствования, методов и инструментов воздействия на экономические субъекты. Руководство организаций нуждается в углубленной методической поддержке при принятии управленческих решений и, что важнее всего, при выборе стратегических путей деятельности предприятия с учётом всех особенностей хозяйственной и финансовой деятельности. Целью исследования является раскрытие содержания механизма устойчивого развития. Для достижения поставленной цели необходимо выделить базовые компоненты механизма, охарактеризовать их и проанализировать существующие элементы на примере предприятий отечественного машиностроения. Благодаря исследованию трудов отечественных и зарубежных авторов было выделено 6 компонентов механизма устойчивого развития и дана им характеристика. Анализ российских машиностроительных предприятий позволил сделать вывод, что в данных организациях отсутствует четкий механизм устойчивого развития.

Ключевые слова: механизм, устойчивое развитие, промышленное предприятие, принципы, методы, стратегические цели.

Введение

Глобальные изменения в производстве, связанные как с преобразованиями системного характера, так и с научно-техническим прогрессом, ставят перед машиностроительными предприятиями большое количество задач, наиболее важной является устойчивое развитие предприятия. Компании с развитым механизмом устойчивого развития достигают более высоких результатов. Данное утверждение наглядно демонстрирует рисунок 1, отражающий результаты исследования, проведенного HBS «The Impact of Corporate Sustainability on Organizational Processes and Performance» [1].

Заинтересованные стороны ожидают от предприятий четкого позиционирования в области устойчивого развития, в т. ч. наличия механизма, стратегии, программы развития и др. Инвесторы придают существенное значение вопросам устойчивого развития в рамках инвестиционной стратегии. Ниже приведены данные, отражающие взаимосвязь между направленностью организации на устойчивое развитие и ключевыми показателями эффективности. Диаграммы составлены на основе исследования PwC «Рост инвестиционной привлекательности и акционерной стоимости» (рис. 2) [2].

Для объективного анализа и оценки устойчивого развития промышленного предприятия возникает необходимость формирования механизма, благодаря которому можно будет определить влияние на устойчивость предприятия его внутрифирменных факторов развития, а далее принять решение о своевременной переориентации стратегии управления предприятием для формирования его устойчивого развития.

Целью данной работы является раскрытие содержания механизма устойчивого развития промышленных предприятий.

Для достижения названной цели необходимо решить следующие задачи:

- выделить базовые компоненты механизма;
- охарактеризовать элементы, раскрыть их содержание;
- выявить наличие компонентов механизма у предприятий отечественного машиностроения.

Теоретико-методологические подходы

Взаимосвязанная многоуровневая система экономических конструкций, форм и методов управления, соединенная в регулируемый правовыми нормами механизм, обеспечивающая предприятию стабилизацию производственно-хозяйственной деятельности, позволяет определить новые возможности организации и значи-

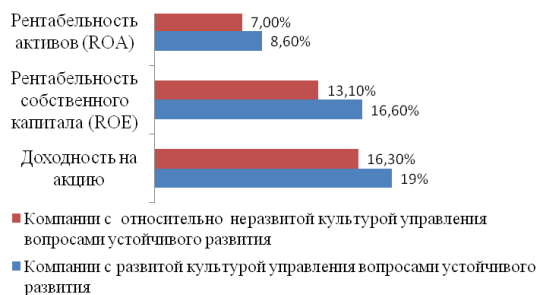

Рис. 1. Результаты исследования: компании с развитой культурой управления вопросами устойчивого развития достигают более высоких результатов

Рис. 2. Взаимосвязь направленности организации на устойчивое развитие с показателями эффективности

тельно увеличить ее способность к обновлению. Указанные моменты составляют содержание механизма устойчивого развития предприятия (МУРП) [3].

По мнению О.Н. Григоровой, процесс возникновения качественно нового состояния системы, а также взаимосвязей между ее элементами, нацеленными на повышение уровня ее функционирования, является формированием механизма устойчивого развития предприятия. Вместе с обеспечением стабильности компании этот процесс содержит в себе разработку, изготовление, внедрение и эксплуатацию инноваций [4].

В структуру внутриорганизационной системы МУРП входят следующие компоненты: механизм организации управления, механизм корпоративного планирования, финансовый механизм, механизм формирования инвестиционных ресурсов предприятия, технический механизм, информационные механизмы, механизм самокупаемости, инновационный механизм.

Е.Н. Гончаренко считает, что истолкование механизма устойчивого развития организации как системного определения обуславливает необходимость компонования всевозможных инструментов и средств воздействия. Система отдельных механизмов, ориентированных на решение конкретных задач функционирования предприятия, является механизмом устойчивого развития организации [5].

П.П. Табарчук определяет механизм устойчивого развития как комплекс взаимосвязанных

внутренних структурных подразделений организации, выстроенный и оптимизированный так, что обеспечивается его жизнеспособность и рост экономической эффективности с учетом влияния различных факторов внешней среды. Предложенный механизм базируется на организационной технологии использования персонала [6].

Зарубежные авторы говорят о включении в состав механизма устойчивого развития трех видов механизмов:

- социальные механизмы – совокупность инструментов, правил и устройств, которые разрабатывают индивидуальный и социальный потенциал людей и сообществ, чтобы иметь возможность двигаться в направлении устойчивого развития. К ним относятся: образование и другие системы социального обеспечения;

- экономические механизмы – инструменты, правила и устройства, которые часто противопоставляются требованиям и политике управления. Они делятся на три категории: на основе количества инструментов, ценовых документов и информационных инструментов;

- экологические механизмы (или механизмы чистого развития) – это один из наиболее гибких механизмов. Он разработан в качестве средства для сокращения выбросов парниковых газов и главным образом является инструментом для инвестиций в чистые энергетические технологии. В данном исследовании зеленые технологии, зеленое потребление и зеленое

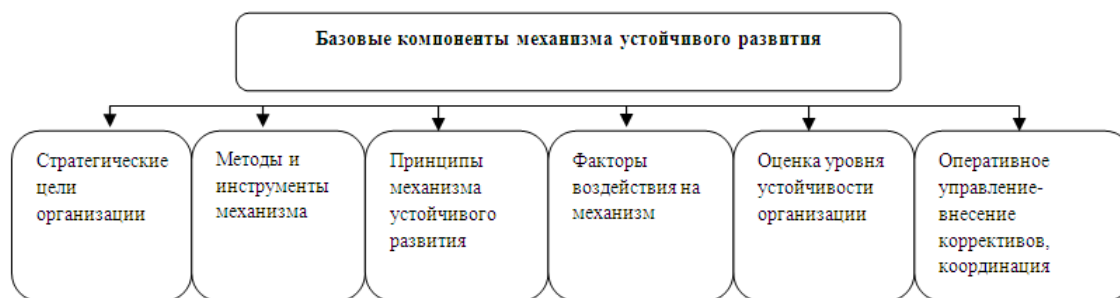

Рис. 3. Содержание механизма устойчивого развития промышленных предприятий

производство рассматриваются как экологические документы, правила и устройства, которые вносят свой вклад в устойчивое развитие путем содействия возобновляемым источникам энергии [3].

С нашей точки зрения, устойчивое развитие – это полное и многомерное состояние, достижение которого требует интеграции, идентификации, координации и непрерывного совершенствования целей, стратегий и механизмов.

Таким образом, благодаря анализу отечественных и зарубежных научных источников, а также на основе авторского определения, выделим основные элементы механизма устойчивого развития предприятий (рис. 3).

Для формирования механизма устойчивого развития необходимо подробнее рассмотреть содержание его базовых компонентов.

Стратегические цели организации. В первую очередь, необходимо сформулировать основополагающую цель устойчивого развития, которая выстраивается на результатах анализа взаимодействия общей стратегии предприятия и возможностей устойчивого развития.

Любое предприятие стремится достичь определенного уровня производства, увеличения объемов продаж, прибыльности, повышения качества продукта, снижения числа браков и др. Все вышеперечисленные результаты деятельности предприятия не что иное, как его цели [7].

Методы и инструменты являются еще одним элементом механизма.

Методы механизма устойчивого развития предприятия представляют собой совокупность приемов целенаправленного воздействия субъекта управления на управляемый объект, обеспечивающих координацию их действий в процессе выполнения функций управления для достижения цели устойчивого развития. Все методы следует разделить на экономические, экологические и социальные.

В машиностроении долгие годы преобладали административные, командные методы управления в ущерб экономическим, что соответствовало принципам построения и функционирования ко-

мандно-административной экономики. На сегодняшнем этапе увеличивается роль экономических методов управления, что говорит о переходе к рыночным отношениям в экономике. Подобный переход предполагает отказ от непосредственного, прямого участия государства в управлении производственными процессами и производством в целом, выбираются методы лишь государственного регулирования экономики. К основным инструментам реализации экономических методов управления относятся налоги, цены, лицензии, пошлины, бюджетное финансирование и т.д. [8].

Одним из способов применения этих инструментов управления может быть льготный режим их действия.

И.Г. Горловская отмечает необходимость формирования механизма устойчивого развития промышленных предприятий с использованием инструментов государственного регулирования. Все инструменты автор разбивает на три группы. Первую группу составляют инструменты, направленные на экономическую составляющую механизма устойчивого развития предприятия. Вторая группа инструментов активизирует социальную составляющую механизма устойчивого развития. Третья группа инструментов направлена на формирование экологической составляющей исследуемого механизма [9].

Принципы механизма устойчивого развития обеспечивают эффективность функционирования механизма устойчивого развития предприятия: принцип самостоятельности, принцип ответственности, принцип самофинансирования, принцип заинтересованности, принцип адекватности механизма, принцип гибкости, принцип обновляемости, принцип расширенного воспроизводства, принцип ориентации на потребителя.

Д.С. Кондаурова выделяет четыре группы принципов: системообразующие, общие, частные, специальные. По ее мнению, данные принципы очень хорошо характеризуют понятие устойчивого развития социально-экономической системы.

Проанализировав научную литературу, можно сделать вывод, что каждый автор по-

своему группирует основные принципы устойчивого развития. Очевидно, что однозначного набора принципов устойчивого развития организации на сегодня не существует, поскольку у каждого предприятия своя специфика. В большинстве случаев мы сталкиваемся с огромным множеством принципов, все они, несомненно, соответствуют концепции устойчивого развития организации, однако данные принципы невозможно назвать универсальными для всех организаций [10].

Следующий элемент механизма – *факторы, определяющие условия развития предприятия*. Они являются существенными обстоятельствами в процессе эффективного функционирования предприятия. Их выделение вызвано необходимостью решения проблемы обеспечения устойчивого развития предприятия, т.е. приобретения нового качества, определяющего усиление и устойчивость жизнедеятельности организации. Учет воздействия факторов внешней и внутренней среды, а также модернизации хозяйственной деятельности внутри организации является основой для обеспечения устойчивого развития промышленного предприятия в целях продвижения и непрерывного развития. Важнейшей задачей для предприятия является не просто соблюдение устойчивости, но и достижение устойчивого развития [11].

Для того чтобы оценить возможность устойчивого развития, необходимо проанализировать условия и факторы, оказывающие влияние на него.

В процессе хозяйственной деятельности предприятие активно взаимодействует с различными видами систем, присутствующих в современном мире. Для принятия стратегических и тактических решений очень важно учитывать и анализировать данные взаимодействия. Залогом успешного хозяйствования является распознавание характера влияния различных факторов на устойчивое развитие предприятия.

Оценка уровня устойчивого развития предприятия является не менее важным компонентом механизма.

Оценка устойчивого развития промышленных предприятий в большинстве трудов учитывает влияние экономических, социальных, экологических факторов на внешнем и внутреннем уровне. Данный анализ деятельности организации является весомой научной задачей, решением которой занимаются и российские, и зарубежные исследователи.

Анализ состояния предприятия позволит выявить инструменты, элементы механизма и механизмы управления устойчивостью развития организации, нуждающиеся в обновлении. Все-

возможное исследование хозяйственной деятельности предприятия и оценка динамики устойчивого развития требуется и при решении задач прогнозирования, планирования и реализации стратегии организации и в сопоставлении ранее поставленных целей с достигнутым положением, причем с учетом уровня их достижения [12, 13].

Задачей разработки методических основ анализа и оценки степени устойчивого развития предприятия является выявление наиболее приемлемых параметров для проведения оценки состояния и динамики развития организаций. Решение данной задачи даст возможность описать потенциал деятельности предприятия, а также позволит проследить динамику базовых показателей, при этом появится возможность дать рекомендации по разработке механизма устойчивого развития предприятий.

При условии создания соответствующей системы показателей деятельность по определению уровня устойчивого развития предприятия повлияет на успешное управление его стратегическим развитием. Провести анализ результатов своей работы, способствующей проведению диагностики устойчивости функционирования имеющейся хозяйствующей системы, возможно благодаря разработке и применению показателей устойчивого развития предприятия [14].

Оперативное управление – внесение коррективов, координация – еще один из важнейших компонентов механизма устойчивого развития предприятия. Оперативное управление включает в себя аспекты организации производства и является средством координации, что заметно упрощает работу управленцев. Любое управление предполагает принятие решений и управляющие воздействия на конкретный объект управления, предусмотренные данными решениями. Компоненты механизма устойчивого развития в ПАО «ГАЗ», ПАО «НМЗ», НОАО «Гидромаш» представлены в таблице.

Заключение

Анализ российских машиностроительных предприятий позволил сделать вывод, что на данных организациях отсутствует конкретный механизм устойчивого развития, о чем свидетельствует отсутствие некоторых базовых компонентов механизма. По статистике, компании, которые имеют сформированный механизм и искренне стремятся к устойчивому развитию, воодушевляя заинтересованные стороны и налаживая с ними наиболее тесный контакт (включая сотрудников, потребителей, парт-

Таблица

Компоненты механизма устойчивого развития, присутствующие на предприятиях машиностроения

Компоненты	Источник	НОАО «Гидромаш»	ПАО «НМЗ»	ПАО «ГАЗ»
Цель организации	Устав организации	Получение прибыли путем наиболее полного удовлетворения нужд потребителей в своей продукции и эффективное ее использование для экономического и социального развития общества	Участие в обеспечении обороноспособности и безопасности Российской Федерации, развитии военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами и получение прибыли путем осуществления собственной предпринимательской деятельности	Получение прибыли
Методы и инструменты механизма	Годовой отчет	Методы: экономическое стимулирование, экономическая ответственность за результаты деятельности органов управления предприятием, технико-экономическое планирование, мотивация к снижению энергопотребления, социальное регулирование и моральное стимулирование	Методы: стимулирование внедрения энергосберегающих технологий и реализации энергоэффективных инновационных проектов, моральное стимулирование, технико-экономическое планирование	Технико-экономическое планирование, экономическое стимулирование, стимулирование внедрения энергосберегающих технологий, социальное регулирование
Принципы механизма устойчивого развития	Отчет в области устойчивого развития	Отсутствуют	Отсутствуют	Отсутствуют
Факторы воздействия на механизм	Годовой отчет	Изменения отношения курса российского рубля к другим валютам в связи с тем, что НОАО «Гидромаш» значительную часть оборудования, инструментов и частично материалов закупает за валюту; внутренняя и внешняя политика государства, а также политика зарубежных стран при поставке продукции авиационного назначения на экспорт	Появление в регионе нового конкурента, обладающего современными технологиями производства и продукцией с соотношением «низкая цена – качество выше среднего»; расширение типоразмера у конкурентов. По АПРС-40: изменение технологии ремонта скважин; появление нового конкурента; снижение объема добычи нефти; неблагоприятная обстановка на финансовом рынке РФ; резкое снижение отпускных цен конкурентов	Увеличение экономической неопределенности, в том числе большей волатильности на рынках капитала, падение курса российского рубля, сокращение объема иностранных и внутренних прямых инвестиций, а также существенное снижение доступности источников долгового финансирования
Оценка уровня устойчивости организации	Отчет в области устойчивого развития	Не осуществляется	Не осуществляется	Не осуществляется
Оперативное управление – внесение коррективов, координация	Годовой отчет	Осуществляется в зависимости от возможных рисков	Осуществляется в рамках оперативного управления	Осуществляется в рамках оперативного управления

неров, инвесторов), становятся лидерами рынка. С целью формирования механизма устойчивого развития промышленной организации следует провести анализ деятельности предприятий,

выявить основные тенденции и направления её развития, проследить динамику основных показателей. Полученные результаты помогут сформулировать перечень целей и задач, выде-

лить ключевые направления по установлению стабильного развития, сформировать механизм устойчивого развития.

Список литературы

1. Ioannou I. and Serafeim G. 2010. What Drives Corporate Social Performance? The Role of Nation-level Institutions. HBS Working Paper Series 11-016.
2. Рост инвестиционной привлекательности и акционерной стоимости [Электронный ресурс] / PricewaterhouseCoopers. URL: <http://www.pwc.com/>.
3. Гибадуллин А.А. Механизмы устойчивого развития производственных комплексов электроэнергетики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 56–62.
4. Григорова О.Н. Построение модели механизма устойчивого развития предприятия на основе регулирования инновационной деятельности // Актуальные проблемы менеджмента, маркетинга и информационных технологий: Сборник научных трудов. Вып. 5. Воронеж: ИММиФ, 2014. С. 162–166.
5. Гончаренко Е.Н., Янковой А.Г. Идентификация состояния предприятия и формирование механизма устойчивого развития // Економічні інновації: Українське Причорномор'я в національних і міжнародних координатах розвитку: стратегія та тактика виробничо-господарських систем: Збірник наукових праць. Одеса: Інститут проблем ринку та економіко-екологічних досліджень НАН України, 2011. Вип. 45. С. 61–67.
6. Табарчук П.П., Микитась М.А. Механизм устойчивого развития предприятия с использованием его организационного потенциала // Отраслевая экономика. 2012. № 40-4. С. 237–243.
7. Куценко Е.И. Организационно-экономический механизм устойчивого развития региона: Монография. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2008. 224 с. URL: <http://www.docme.ru/doc/1111523/2258.organizacionno-e-konomic-heskij-mehanizm-ustojchivogo-ra>.
8. Козлова Е.П., Шеманаева М.А., Костомарова К.Д. Основные направления в вопросах оценки устойчивого развития промышленных предприятий // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-1 (76-1). С. 286–288.
9. Горловская И.Г. Особенности формирования механизма устойчивого развития промышленных предприятий в условиях перехода к новому технологическому укладу // Экономические науки. 2010. № 70. С. 203–206.
10. Кондаурова Д.С. Совершенствование механизма устойчивого развития промышленного предприятия // Экономика, управление, финансы (II): Материалы Междунар. заоч. науч. конф., Пермь, декабрь 2012 г. Пермь: Меркурий, 2012. С. 130–132.
11. Кучерова Е.Н. Современный подход к устойчивому развитию экономических систем // Актуальные вопросы экономических наук. 2012. № 25–2. С. 237–243.
12. Шедько Ю.Н. Система индикаторов и мониторинг устойчивого развития региона // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2016. № 3 (18). С. 20–26.
13. Козлова Е.П. Подходы к формированию системы показателей устойчивого развития промышленного предприятия // В сб.: Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций: Материалы Международной научно-практической конференции. Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2016. С. 190–192.
14. Kuznetsov V.P., Garina E.P., Andriashina N.S., Kozlova E.P., Yashin S.N. Methodological solutions for the production of a new product // Proceedings of the Annual International Conference on Management and Technology in Knowledge, Service, Tourism & Hospitality 2016 (SERVE 2016), 8–9 October 2016, 20–21 October 2016, Jakarta, Indonesia & Vladimir State University, Vladimir, Russia.

THE CONTENT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT MECHANISM OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

E.V. Romanovskaya, E.P. Kozlova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

The economic development of Russia is significantly affected by the lack of an adequate mechanism of management, as well as methods and tools of influence on economic entities. The management of enterprises needs in-depth methodological support when making managerial decisions and, most importantly, when choosing strategic directions of the enterprise's activity with the account of all the features of its economic and financial operations. The aim of this study is to reveal the content of the mechanism of sustainable development. To achieve this goal, it is necessary to identify the mechanism's main components, characterize them and analyze the existing elements using the example of Russian machine-building enterprises. Based on the study of domestic and foreign literature, six components of the mechanism of sustainable development have been singled out and characterized. Our analysis of Russian machine-building enterprises shows that there is no clear mechanism for sustainable development in these organizations.

Keywords: mechanism, stable progress, industrial enterprise, principles, methods, strategic objectives.

УДК 338.984

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА УРОВНЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ

© 2018 г.

Ю.В. Трифонов, А.Г. Скибин

Трифонов Юрий Васильевич, д.э.н.; проф.; зав. кафедрой информационных технологий
и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
itime@iee.unn.ru.

Скибин Александр Геннадьевич, аспирант кафедры информационных технологий
и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
alexander_skibin@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 05.03.2018**Статья принята к публикации 23.04.2018*

Целью статьи является разработка подхода и методики, направленных на стратегическую оценку конкурентоспособности нефтяных компаний Российской Федерации. В соответствии с поставленной целью проведен анализ конкретных компаний за определенный период, в результате которого выделены пять групп показателей: «инновационное развитие», «потребители», «конкуренты», «производство», «рынок». Нормированные значения показателей служат информационной основой проведения сравнительного стратегического анализа к оценке компаний. При этом используются методы многофакторного анализа и инструментарий искусственных нейронных сетей. Конечный результат проведенного анализа и оценки заключается в получении аналитической основы для разработки стратегических планов и развития тех показателей компании, которые непосредственно влияют на увеличение уровня конкурентоспособности.

Ключевые слова: нефтяные компании, стратегический анализ, оценка уровня конкурентоспособности компаний, многофакторный анализ, искусственные нейронные сети, стратегическое развитие показателей деятельности.

Введение

Стратегический анализ и оценка конкурентоспособности нефтяных компаний Российской Федерации являются чрезвычайно значимыми с точки зрения как текущего позиционирования на рынках, так и будущих перспектив развития. С целью решения задач стратегического анализа и оценки в работе кратко описана динамика развития нефтяной отрасли и крупнейших нефтяных компаний, предложено разбиение основных показателей деятельности компаний на конкретные группы. Каждый показатель деятельности, относящийся к определенной группе, экспертным методом количественно оценивается по дискретной шкале.

Далее нефтяные компании с помощью аппарата нейронных сетей разбиваются на несколько групп по уровню их развития, проводится корреляционный анализ для выявления зависимостей между показателями деятельности и осуществляются различного рода прогнозы, позволяющие реализовать возможности стратегического планирования и развития тех показателей деятельности компаний, которые непо-

средственно влияют на увеличение уровня конкурентоспособности.

Оценка уровня конкурентоспособности компании – это одна из актуальных задач, с которыми приходится столкнуться руководству компании или инвесторам. С увеличением возможностей современных инструментальных средств повышается точность анализа данных, появляется возможность использовать многофакторные методы оценки. Для проведения качественного анализа важно описать не только предприятие, но и процессы, окружающие его. К таким процессам относятся действия конкурентов, ситуация на рынке в целом и множество других факторов. Однако в таком случае приходится выбирать между эффективностью и универсальностью. Более универсальный метод оценки позволяет сравнивать компании, которые осуществляют деятельность в различных сферах. Показатели, используемые в оценке, должны быть идентичны для всех компаний, это накладывает определённые ограничения. В данной работе речь пойдёт об оценке нефтяных компаний РФ и анализе их конкурентоспособности.

Методы анализа стратегической эффективности и уровня конкурентоспособности пред-

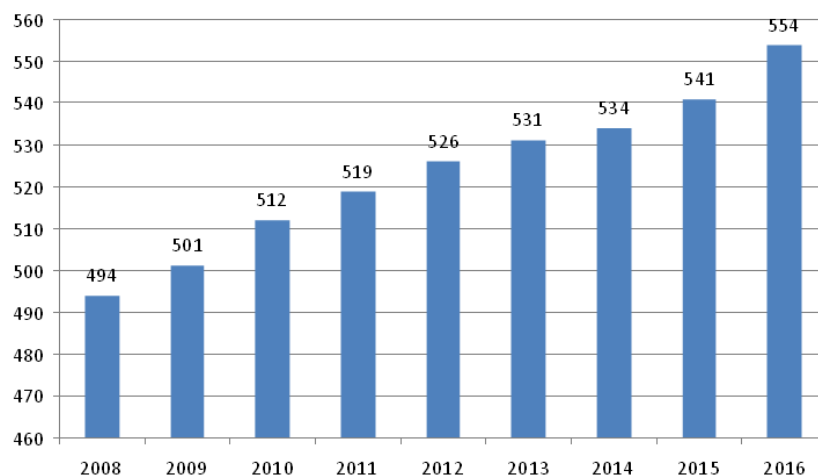

Рис. 1. Добыча нефти в России, млн тонн (по данным British Petroleum [15])

приятий непрерывно развиваются с 50-х годов XX века, а с 80-х годов наметилась тенденция увеличения количества факторов оценки. Многофакторный анализ используется и в данной работе. Отдельные элементы методики оценки конкурентоспособности и инновационного развития, описанные ниже, применены в работах [1–4] для анализа различных компаний, не представляющих нефтегазовый сектор. Это говорит об универсальности и гибкости рассматриваемых нами методов.

Теоретико-методологические подходы

Решение проблем стратегического анализа, оценки и стратегического прогнозирования уровня конкурентоспособности является чрезвычайно важным для компаний, корпораций, предприятий и фирм, поскольку от успешного решения этих проблем напрямую зависит их успех (или неуспех) как в настоящем, так и в будущем. При решении подобных проблем применяются различные подходы. Наиболее распространенным является подход, использующий неформализованные качественные методы и методики [5–10]. Следует заметить, что в преобладающем большинстве работ по стратегическому анализу и менеджменту используется именно качественный подход. При втором подходе, рассматриваемом, например, в [11, 12], предлагается использование четко структурированного математического аппарата. В то же время использование достаточно «жесткого» математического аппарата по разработке и последующей реализации стратегий развития и функционирования предприятия на практике сопряжено с целым рядом определенных затруднений. В частности, к таким затруднениям можно отнести как определение конкретных числовых значений объектов, явлений и процессов, характеризующих входную информа-

цию, требуемую на определенных этапах стратегического анализа, оценки и прогнозирования, так и конкретный вид и форму математических моделей, описывающих этапы стратегического анализа, оценки и прогнозирования.

Ниже нами используется третий, более «мягкий» подход к формализации процедур стратегического анализа, оценки и стратегического прогнозирования уровня конкурентоспособности компаний. Эти более «мягкие» методы связаны с технологиями экспертного подхода и использованием нейронных сетей [13, 14].

Для понимания роли и значимости нефтяных компаний в экономике РФ приведем некоторые стратегические данные. Добыча нефти в России непрерывно растёт с 2008 года и в 2016 году составила 554 млн тонн (рис. 1). Тем не менее доля нефтяных доходов в бюджет РФ в силу ряда причин сокращается (снижение цен на нефть, увеличение доли наукоемких производств и т.д.), ранее она составляла более 50%.

По добыче нефти за 2016 год доля РФ составляла 12.6% (по данным British Petroleum) (таблица 1). Это позволяет ей быть одной из стран, которые могут влиять на динамику роста цен на нефть. По доказанным запасам Россия обладает 109.5 млрд баррелей нефти, причем средняя глубина переработки нефти в России в последние годы растет [15–18].

Крупнейшими нефтяными компаниями в России являются ОАО «Роснефть», ОАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром». Данные компании, а также ПАО «Татнефть», ПАО «Башнефть», ПАО «Новатэк» анализируются в данной работе. Чистая прибыль перечисленных компаний за 2015–2016 гг. представлена на рис. 2. Лидером в России является «Роснефть», которая представляет из себя крупнейшую нефтегазовую компанию в РФ и крупнейшую в мире по запасам и добыче жидких углеводородов среди публичных нефтегазовых компаний с чистой прибылью в размере 201 млрд руб. за 2016 г.

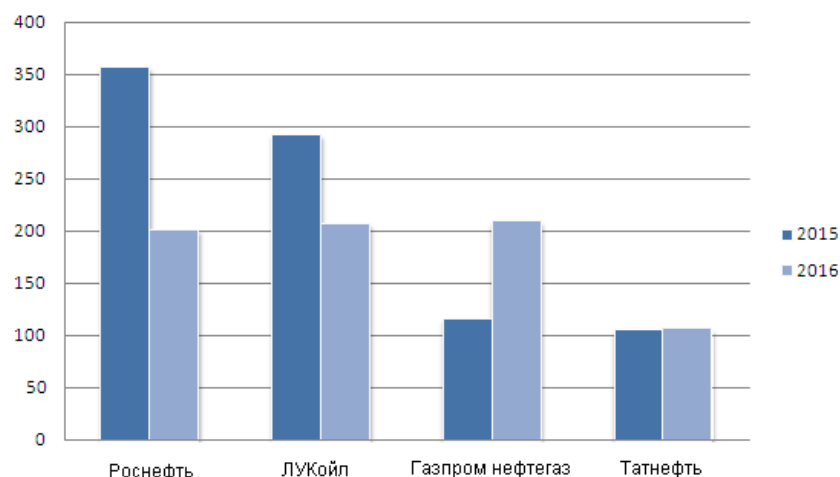

Рис. 2. Чистая прибыль компаний (млрд руб.) (по данным годовых отчетов компаний за 2015–2016 гг.)

Таблица 1

**Список стран по добыче нефти
(по данным British Petroleum [15])**

№	Страна	Млн тонн/год	%
1	Саудовская Аравия	585.7	13.4
2	Россия	554.3	12.6
3	США	543.0	12.4
4	Ирак	218.9	5.0
5	Иран	216.4	4.9
6	Канада	218.2	5.0
7	КНР	199.7	4.6
8	ОАЭ	182.4	4.2
9	Кувейт	152.7	3.5
10	Венесуэла	124.1	2.8

Таблица 2

Оценка показателей

–3	Очень низкий показатель
–2	Низкий показатель
–1	Ниже среднего
0	Средний показатель
1	Выше среднего
2	Высокий показатель
3	Очень высокий показатель

Стратегический анализ конкурентоспособности состоит в оценке показателей компаний и последующей классификации. Показатели разбиты на группы, которые составляют характеристику компании, оценка производится по общей семизначной шкале [–3; 3]. Выбор значения из шкалы зависит от показателя и отражает степень превосходства компании по данной характеристике (таблица 2) [1]. Таким образом, для того чтобы подчеркнуть эффективность того или иного значения, необходимо выбрать соответствующую оценку. Например, характеристика высокого «качества материалов» должна быть > 0. Также важно учитывать значения данных показателей у конкурирующих компаний и проводить вычисления в соот-

ветствии с ними. Например, для отражения низкого количества затрат по одной из финансовых статей компании следует выбирать значения [1, 3], это отражает степень эффективности используемых ресурсов для производства. Если показатель уже имеет вычисленное значение и является количественным, то необходимо провести нормировку для получения общего масштаба. Качественные показатели требуют экспертной оценки и основываются на статистической и финансовой отчетности предприятия.

В данной работе все показатели разбиты на 5 групп, которые характеризуют компанию. Группы: *рынок, потребители, конкуренты, производство* – должны показать уровень конкурентоспособности предприятия. Выбор

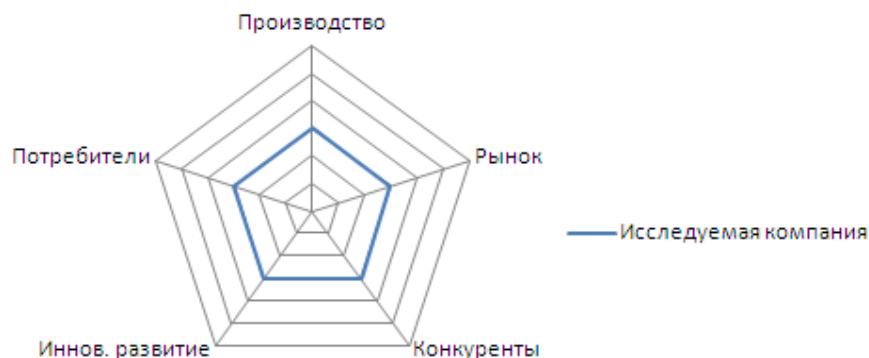

Рис. 3. Группы показателей

данных четырех групп обусловлен простотой анализа и наглядностью при сравнении нескольких компаний. Каждая из четырех групп является основой деятельности компании и показывает среду, в которой компания находится. В то же время инновации являются главным и основополагающим элементом превосходства компании над конкурентами. В связи с этим выделяется дополнительная, пятая группа *инновационное развитие* (рис. 3). Показатели, выбираемые для оценки, должны отражать определенные свойства (характеристики) внутри конкретной группы. Массив показателей должен максимально охарактеризовать компанию в конкретной группе. Но, вместе с этим, они не должны содержать избыточной и дублированной информации. Проанализировать выбранные факторы можно с помощью корреляционного анализа.

Немаловажным фактором выбора показателей и выделения групп является ограниченность имеющейся информации. Нефтяные компании, рассматриваемые в данной работе, ежегодно публикуют финансовые отчеты о своей деятельности. Несмотря на это, не всегда удастся оценить все показатели. Например, сведения об эффективности работы сотрудников предприятия можно получить только работая в данной компании. Поэтому такие факторы, как, например, коэффициент оттока клиентской базы (churn rate) или показатели «воронки» продаж, не используются в данной работе.

Числовое значение каждой группы – это среднее из факторов, которые она содержит:

$$G = \frac{\sum_{i=1}^n p_i}{n}, \quad (1)$$

где G – выбранная группа, p_i – значение показателя, который входит в группу, n – количество показателей. Эти значения являются основой для составления графиков на рисунках 3,4.

Рассмотрим показатели, которые составляют каждую группу. Данный метод не является полностью универсальным и применяется только

для оценки нефтяных компаний. Оценка показателей производится в соответствии с финансовыми отчетами, которые ежегодно публикуются компаниями. Некоторая ограниченность отчетов не позволяет ввести дополнительные показатели для ещё более подробного анализа.

Группа «инновационное развитие»:

- И1 – расходы на исследования;
- И2 – эффект от внедрения инноваций;
- И3 – количество инновационных проектов;
- И4 – количество зарегистрированных патентов;

- И5 – количество поданных заявок;
- И6 – влияние компании на развитие рынка;
- И7 – эффективность разведки.

Группа «потребители»:

- П1 – отношение к продукции;
- П2 – отношение к компании;
- П3 – дивиденды на акцию;
- П4 – количество проектов в РФ;
- П5 – количество зарубежных проектов;
- П6 – реализация нефти;
- П7 – реализация нефтепродуктов;
- П8 – количество АЗС в РФ;
- П9 – количество АЗС за рубежом;
- П10 – объём реализации на АЗС в РФ;
- П11 – объём реализации на АЗС за рубежом.

Группа «конкуренция»:

- К1 – соответствие выпускаемой продукции аналогам конкурентов;
- К2 – сравнение глубины нефтепереработки;
- К3 – сравнение объёма нефтепереработки;
- К4 – сравнение объёма добычи нефти;
- К5 – сравнение объёма добычи нефтепродуктов;
- К6 – сравнение количества проектов;
- К7 – доказанные запасы углеводородов;
- К8 – доля газа в добыче углеводородов;
- К9 – свободный денежный поток.

Группа «производство»:

- ПР1 – соответствие международным стандартам;

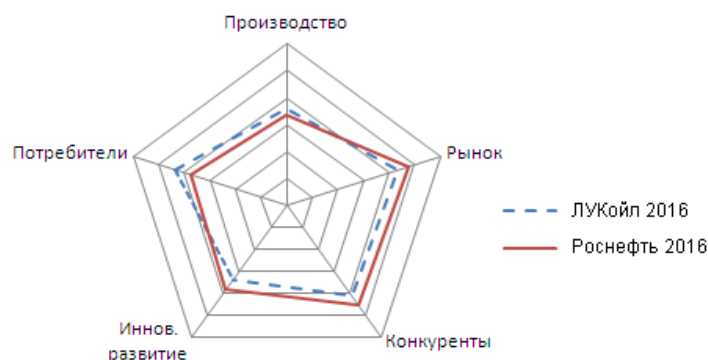

Рис. 4. Показатели «ЛУКОЙЛ» и «Роснефть» за 2016 г.

- ПР2 – расходы на налоги и тарифы;
- ПР3 – расходы на производство;
- ПР4 – затраты на амортизацию;
- ПР5 – коэффициент утилизации отходов;
- ПР6 – чистая прибыль;
- ПР7 – оборот;
- ПР8 – EBITDA;
- ПР9 – показатель финансовой устойчивости.

Группа «рынок»:

- Р1 – доля компании в мировой добыче нефти;
- Р2 – доля компании в добыче нефти в России;
- Р3 – перспективы развития компании на российском рынке;
- Р4 – перспективы развития компании на зарубежном рынке;
- Р5 – количество средств, направленных на продвижение;
- Р6 – скорость изменения продукции на рынке.

Компании анализировались в период с 2014 по 2016 г. (рисунок 4). Всего было оценено 42 показателя, значения которых приведены в таблице 3.

Для стратегического анализа и оценки компаний и показателей в данной работе использованы нейронные сети. Экспериментальную часть можно разбить на два этапа: кластеризация данных (разбиение на группы) с помощью сети Кохонена и классификация многослойным персептроном. Смысл первого этапа состоит в выделении общих групп для дальнейшей классификации. Необходимо разбить компании на несколько групп по уровню их развития. Нейронная сеть Кохонена настраивается и делает это автоматически.

Второй этап – это обучение многослойного персептрона и классификация. Обучение происходит с шаблонами, для этого необходимо каждой компании присвоить определённую группу. Распределения по группам были получены на первом этапе. Обученная таким обра-

зом сеть реагирует на изменения переменных (показателей) и позволяет проводить прогнозирование. Благодаря такой аналитике мы сможем установить зависимость между конкретными переменными (показатели) нейронной сети и итоговым выходом (группа).

Полученные результаты и их обсуждение

Всего в эксперименте участвовали 6 компаний, оценённых в период с 2014 по 2016 г. Одна и та же компания представляется отдельно за каждый отчётный год. Таким образом, были оценены 42 показателя в диапазоне $[-3; 3]$. Для работы с информацией использовался программный пакет Statistica 12.

В результате работы с сетью Кохонена было выделено 5 групп:

А: «Роснефть» 2014, «Роснефть» 2015, «Роснефть» 2016;

В: «ЛУКОЙЛ» 2014, «ЛУКОЙЛ» 2015, «ЛУКОЙЛ» 2016;

С: «Газпромнефть» 2014, «Газпромнефть» 2015, «Газпромнефть» 2016;

Д: «Татнефть» 2015, «Татнефть» 2016;

Е: «Башнефть» 2016, «Новатэк» 2016.

При более грубой настройке сети Кохонена были выделены 3 группы: А: «Роснефть» и «ЛУКОЙЛ», В: «Газпромнефть», С: «Татнефть», «Башнефть» и «Новатэк». Однако при этом ошибка нейронной сети была гораздо выше, соответственно далее в работе были использованы 5 групп.

Обучение многослойного персептрона состояло из 2000 циклов, ошибка составила 0%. Нейронная сеть имеет структуру 42-25-5 (42 входных нейрона, 25 нейронов на внутреннем слое и 5 выходных нейронов).

Для перехода к стратегическому прогнозированию необходимо провести корреляционный анализ для выявления зависимостей между показателями. Наибольший интерес представляют показатели: И2 (эффект от внедрения инно-

Таблица 3

Показатель	Значения показателей (2016)					
	Компания					
	«Роснефть»	«ЛУКОЙЛ»	«Газпром-нефть»	«Татнефть»	«Башнефть»	«Новатэк»
И1	1	0	-2	-1	-3	-3
И2	1	1	0	1.5	-1	-1
И3	2	1	-1	-1	-3	-3
И4	0	0	-1	2	-3	-3
И5	0	0	-1	3	-3	-3
И6	1	0	-2	1.5	-3	-3
И7	1	1	-2	0	-2	-3
П1	-1	-1	2	1	0	0
П2	0	1	2	1	0	-1
П3	0	2.5	0	1	2	0.5
П4	3	3	1	0	-1	-2
П5	1	1	-1	0	-2	-2
П6	2	1	0	0	-1	-1
П7	2	1	0	-1	-1	0
П8	2	2	0	-1.5	-1.5	-3
П9	-1.5	2	1	-1	-2.5	-3
П10	2	1.5	1	0	-1	-2
П11	-1	1.5	1.5	-2	-2	-3
К1	0.5	1.5	1	1.5	1.5	-1
К2	-0.5	0.5	0	3	1	-1
К3	2.5	1	-0.5	-2	-1	-2.5
К4	2	0.5	-0.5	-1	-1	-2
К5	2	1	0.5	-2	-2	-1
К6	2	2	0.5	-1.5	-2.5	-2.5
К7	3.00	2.00	0.50	-0.50	-1.00	-2.00
К8	1.00	0.50	0.50	0.00	0.00	3.00
К9	1.5	1	0	-1	-1	1
ПР1	0	1	0	1	0	-2
ПР2	-2	-1	0	1	1	1.5
ПР3	-2	-2	-1	1	0.5	1
ПР4	-2	-1	-0.5	1	0.5	0.5
ПР5	1	1	0	0	0	0
ПР6	1.5	1.5	1.5	1	0	1.5
ПР7	2	2.5	1	0	0	0
ПР8	2.5	1	0	-1	-1.5	-1.5
ПР9	2.5	2.5	3	3	2.5	2.5
Р1	2.50	1.00	-1.00	-2.00	-3.00	-3.00
Р2	3.00	2.00	0.50	0.00	0.00	-1.00
Р3	3	3	1	1	0	-2
Р4	1	1	0	-1	-2	-3
Р5	0	0	-2	-2.5	-3	-3
Р6	1	1	0	1	0	-2

ваний), К1 (соответствие выпускаемой продукции аналогам конкурентов), П6 (реализация нефти), П7 (реализация нефтепродуктов), ПР9 (показатель финансовой устойчивости). Такой анализ позволил определить, насколько зависят данные показатели от показателей из той же группы и как мы сможем повлиять на уровень компании в целом.

Корреляционный анализ проводился в программе Statistica 12. В результате проведенного корреляционного анализа можно сделать следующие выводы: переменная И2 (эффект от внедрения инноваций) в большей степени зависит от И6 (влияние компании на развитие рын-

ка) и И7 (эффективность разведки). На переменные П6 (реализация нефти) и П7 (реализация нефтепродуктов) максимальное влияние оказывают П4 (количество проектов в РФ) и П8 (количество АЗС в РФ). Показатель К1 (соответствие выпускаемой продукции аналогам конкурентов) в большей степени зависит от К2 (сравнение глубины нефтепереработки) и К9 (свободный денежный поток). При анализе показателя ПР9 (показатель финансовой устойчивости) были получены низкие значения корреляции ($R < 0.05$), поэтому в дальнейшем этот показатель был исключен из списка наиболее значимых.

Таблица 4

«Новатэк» (4 показателя – И2, К1, П6, П7)

Показатель	+1	+2	max
И2 (эффект от внедрения инноваций)	0	1	3
К1 (соответствие выпускаемой продукции аналогам конкурентов)	0	1	3
П6 (реализация нефти)	0	1	3
П7 (реализация нефтепродуктов)	1	2	3
Итоговая группа	Е	Е	Е

Таблица 5

«Новатэк»; зависимые показатели

Показатель	+1	+2	max
И2 (эффект от внедрения инноваций)	0	1	3
И6 (влияние компании на развитие рынка)	-2	-1	3
И7 (эффективность разведки)	-2	-1	3
К1 (соответствие выпускаемой продукции аналогам конкурентов)	0	1	3
К2 (сравнение глубины нефтепереработки)	0	1	3
К9 (свободный денежный поток)	2	3	3
ПР9 (показатель финансовой устойчивости)	3	3	3
П6 (реализация нефти)	0	1	3
П7 (реализация нефтепродуктов)	1	2	3
П4 (количество проектов в РФ)	1	0	3
П8 (количество АЗС в РФ)	-2	-1	3
Итоговая группа	Е	Е	Д

Таблица 6

«Татнефть» 2016; зависимые показатели

Показатель	+1	+2	max
И2 (эффект от внедрения инноваций)	2.5	3	3
И6 (влияние компании на развитие рынка)	2.5	3	3
И7 (эффективность разведки)	1	2	3
К1 (соответствие выпускаемой продукции аналогам конкурентов)	2.5	3	3
К2 (сравнение глубины нефтепереработки)	3	3	3
К9 (свободный денежный поток)	0	1	3
ПР9 (показатель финансовой устойчивости)	3	3	3
П6 (реализация нефти)	1	2	3
П7 (реализация нефтепродуктов)	0	1	3
П4 (количество проектов в РФ)	1	2	3
П8 (количество АЗС в РФ)	-0.5	0.5	3
Итоговая группа	Д	С	С

С ориентиром на выбранные показатели были увеличены их значения и спрогнозирован конечный итог, т.е. та группа, которая получилась на выходе нейронной сети. В прогнозе участвовали 2 компании: «Новатэк» и «Татнефть» с показателями 2016 года. Сначала были изменены только ключевые значения, которые были выбраны для проведения корреляционного анализа. Этот эксперимент доказал, что изменение значений показателей И2, К1, П6, П7 не повлияло на итоговую группу. Значения были последовательно увеличены на 1 и 2 пункта, и кроме того, показателям были присвоены максимальные значения (таблица 4).

Как и предполагалось, значения групп не изменились, поэтому в дальнейшем было проанализировано изменение зависимых показателей (таблица 5). Итоговое значение группы изменилось только в последнем случае, когда переменным были присвоены максимальные значения.

В этом случае надо отметить, что, скорее всего, такое изменение повлекло бы увеличение и других показателей. Несмотря на это, мы можем сделать вывод о том, какие показатели необходимо изменить для улучшения положения компании «Новатэк».

Далее были спрогнозированы конкурентные положения компании «Татнефть» за 2016 год (таблица 6). В данном случае группа изменилась с положения Д на положение С при увеличении показателей на 2 пункта.

Приведенные примеры демонстрируют широкие возможности использования аппарата нейронных сетей как при выявлении групп наиболее значимых показателей деятельности компаний, влияющих на уровень конкурентоспособности, так и отдельных наиболее «весомых» показателей внутри каждой из групп. Кроме того, нейронные сети позволяют осуществлять стратегические прогнозы изменения уровня

конкурентоспособности компаний при варьировании показателей деятельности.

Заключение

Методы, рассмотренные выше, призваны помочь при стратегическом планировании и дальнейшей разработке стратегии компаний. Они позволяют составить детальные стратегические прогнозы, ориентируясь на конкретные характеристики компании и их изменения, что предоставляет возможность планирования и стратегического развития тех элементов предприятия, которые непосредственно влияют на увеличение уровня конкурентоспособности.

Предлагаемый выше аппарат нейронных сетей при решении задач стратегического анализа, оценки и прогнозирования уровня конкурентоспособности компаний существенно расширяет возможности классических качественных методов стратегического менеджмента, рассмотренных, например, в [19, 20]. Конечно, решающую роль при решении задач стратегического менеджмента должны решать высококвалифицированные специалисты. Однако нейронные сети могут стать хорошим «умным» помощником при решении подобных задач.

В качестве объекта исследования выше рассматривалась нефтяная отрасль и российские нефтяные компании в частности. Развитие в данной отрасли – это всегда большие затраты, постоянный стратегический анализ, стратегический менеджмент и повышение эффективности производства. В связи с этим важно отслеживать внутреннюю и внешнюю среду, настоящие и будущие рынки, совершенствовать не только производство, но и инструменты и методы стратегического анализа и разработки стратегий развития. Нейронные сети являются одним из таких эффективных инструментов.

Список литературы

1. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии. М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. 576 с.
2. Неудачин В.В. Реализация стратегии компании. Финансовый анализ и моделирование. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. 168 с.
3. Кузнецов В.П., Гагарина Е.П., Романовская Е.В. Комплексное исследование условий промышленного развития России: Монография. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2013. 166 с.
4. Матвеева Л.Г., Стефанков И.О. Стратегический подход к развитию промышленных предприятий в условиях экономических санкций // *Terra Economicus*. 2014. № 2. С. 26–29.
5. У. Чан Ким, Рене Моборн. Стратегия голубого океана / Пер. с англ. Н. Ющенко. М.: Изд-во ГИП-ПО, 2010. 272 с.
6. Акофф Р. Планирование будущего корпорации / Под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна. М.: Прогресс, 1985. 328 с.
7. Акофф Р. Планирование в больших экономических системах. М., 1972. 223 с.
8. Трифонов Ю.В., Рокунова О.В. Государственное регулирование инновационного развития предприятий как приоритетное направление модернизации российской экономики // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2011. № 5 (2). С. 222–226.
9. Трифонов Ю.В., Горбунова М.Л. Выбор стратегии развития предприятия в территориально-отраслевом контексте // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Экономика и финансы*. 2004. № 2. С. 160–165.
10. Браун М.Г. Сбалансированная система показателей на маршруте внедрения. М.: Альпина бизнес букс, 2005. 226 с.
11. Яшин С.Н., Трифонов Ю.В., Кошелев Е.В. Формирование механизма управления инновационным развитием промышленного региона: Монография. Н. Новгород: Печатная Мастерская Радонеж, 2017. 276 с.
12. Яшин С.Н., Кошелев Е.В., Купцов А.В. Применение игрового метода для разработки стратегии инновационного развития предприятия // *Финансовая аналитика*. 2012. № 6 (96). С. 2–12.
13. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. 2-е издание: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2008. 1104 с.
14. Горбаченко В.И. Сети и карты Кохонена [Электронный ресурс]. URL: http://gorbachenko.self-organization.ru/articles/Self-organizing_map.pdf (дата обращения: 18.04.2017).
15. BP Statistical Review of World Energy June 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energyeconomics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-oil.pdf> (дата обращения: 17.07.2017).
16. Средняя глубина переработки нефти в России достигла 79% [Электронный ресурс]. URL: <http://www.benzol.ru/news/?id=345120> (дата обращения: 17.07.2017).
17. Глубина переработки нефти в России, Европе и США [Электронный ресурс]. URL: <http://neftegaz.ru/analysis/view/8485-Glubina-pererabotki-nefti-v-Rossii-Evrope-i-SShA> (дата обращения: 17.07.2017).
18. Grubich T.Yu. Analysis of enterprise architecture: an analysis of competition porter // *Europäische Fachhochschule*. 2015. № 4. S. 91–94.
19. Портер М. Конкуренция. 2-е изд. М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. 608 с.
20. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Издательство «Альпина Паблишер», 2011. 454 с.

STRATEGIC ANALYSIS AND COMPETITIVENESS ASSESSMENT OF OIL COMPANIES***Yu. V. Trifonov, A. G. Skibin***

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of the article is to develop an approach and methodology for strategic assessment of the competitiveness of Russian oil companies. As a result of our analysis of a number of companies' activities for a certain period of time, five groups of indicators were identified: «innovation development», «consumers», «competitors», «production», «market». Normalized values of these indicators served as an information basis for conducting comparative strategic analysis in the assessment of companies that involved the use of multivariate analysis methods and artificial neural networks. As a result of our analysis and assessment, an analytical basis was obtained for developing strategic plans and improving those company indicators that directly affect the increase in their competitiveness level.

Keywords: oil companies, strategic analysis, competitiveness assessment of companies, multiple factor analysis, neural networks, strategic development of activity indexes.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ

© 2018 г.

С.Н. Майорова-Щеглова

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна, д.соц.н.; проф.; проф. факультета социальной коммуникации
Московского государственного психолого-педагогического университета
sheglova-s@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 25.01.2018**Статья принята к публикации 23.04.2018*

Междисциплинарные образовательные программы актуализируются в современном российском обществе в связи с развитием идей прав ребенка. Обозначены сложности и ограничения прямого использования программ зарубежных авторов и переводной учебной литературы. Проведен критический анализ зарубежного научного пособия, посвященного дискриминации ребенка. Даются авторские интерпретации ключевых понятий дискриминации детей: привилегии взрослых, взрослостратия, эгалтоцентризм. Аргументированы требования точных формулировок терминов-неологизмов, отбора и представления убеждающих примеров из российской действительности и данных российской науки, креативного применения оценочных средств. Сформулированы задачи проведения учебных исследований в русле социологии детства по оценке официальных ограничений, вводимых государством и его органами, на предмет их соответствия правомерности защитной функции.

Ключевые слова: права детей, дискриминация, междисциплинарность, образовательные программы, социология детства, социальная работа с детьми.

Введение

Одним из важнейших векторов трансформации образования в социально-гуманитарном поле в России является модель развития междисциплинарных программ. В период когда формируются сложные образовательные траектории, становится необходимо освоить специфические технологии проектирования конкурентоспособных практико-ориентированных, по-настоящему отвечающих современным требованиям курсов. Общественный запрос на улучшение подготовки специалистов в области защиты прав ребенка приводит к императиву создания междисциплинарных образовательных программ [1].

Методология

Существуют две возможные стратегии воплощения задуманной междисциплинарности программ: это универсальность или мультидисциплинарность. Методология конструирования универсального знания (под которой обычно понимается всеохватность, унификация знания, пригодность к выполнению всех видов деятельности) не плодотворна [2]. Серьезные изменения в самом объекте научного познания – дет-

стве, реформирование социальной политики в интересах детей в мире, европейском пространстве и в нашей стране, институционализация социологии детства делают невозможным использование только традиционной учебной литературы в рамках одной специальности [3, 4].

Попробуем обозначить свои подходы относительно императива создания мультидисциплинарного обучающего продукта, проведя критический анализ зарубежного учебного пособия «Children and non-discrimination» – «Защита детей от дискриминации» [5]. Это оригинальное пособие подготовлено в рамках деятельности Европейского консорциума университетов, предлагающих магистерские программы по правам ребенка в рамках программы «Эразмус» (CREAN) – неправительственного объединения организаторов обучения, в состав сети входят преподаватели Свободного университета Берлина, Тартуского университета в Эстонии, университета Роскилле (Дания) и ряда других вузов Греции, Испании, Хорватии, Польши, Молдовы. Создание такого консорциума само по себе интересная находка: участники обмениваются опытом собственных научных теоретических изысканий и прикладных направлений, распространяют находки дидактики в преподавании учебных дисциплин.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего остановимся на удачных приемах авторов, которые применимы для воспроизведения при разработке курсов и возможных подобных учебников для российской высшей школы.

Пособие состоит из своеобразных элементов-капсул, подготовленных отдельными авторами, специалистами не только разных сфер, но и стран. И такое сложное строение обуславливает потенциальную востребованность учебного пособия обучающимися разных специальностей. Основные материалы посвящены рассмотрению разных видов и форм дискриминации детей. Первая часть «Правовой подход к защите ребенка от дискриминации» адресована прежде всего правоведам и специалистам сферы государственного управления. Исследователи обобщили и представили характеристики основных институциональных учреждений в мире и Европе по защите прав детей, а также дали кейсы-описания всех судебных дел в Европейском суде по правам человека, связанных с детьми [5, с. 65–69]. Психологи и социальные работники должны проявить повышенное внимание к разделу об участии детей в семейной медиации, подготовленному доцентом Загребского университета в Хорватии И. Майсторовиц [5, с. 97–117]. Для магистрантов в области организации работы с детьми и молодежью, социальных педагогов особо интересными являются две последние главы пособия о новых компетенциях детей по участию в жизни общества и подробнейшее руководство по возможному мониторингу положений Конвенции о правах ребенка в институтах образования, подготовленное профессором университета ЮНИОН в Белграде, Сербия [5, с. 251–269]. Очень важно, что материалы междисциплинарного курса могут быть, на наш взгляд, использованы и на других программах: регионоведения, международных отношений и журналистики, а также и на программах подготовки переводчиков, так как сам перевод можно считать своеобразным удачным образцом сложностей перевода учебно-научных текстов.

В пособии представлен определенный тезаурус из базовых и межпредметных понятий, отражающий существенные связи и отношения между элементами защиты прав современного ребенка, многие из которых пока недостаточно описаны, раскрыты, исследованы в российской литературе. Зарубежные авторы полагают, что в обществе имеет место многоаспектное притеснение детей и молодежи со стороны взрослых, основанное на позиции, что взрослые лучше юных и поэтому могут действовать по отноше-

нию к молодому поколению без согласия последних. На страницах пособия мы насчитали 7 различных определений ключевого термина «дискриминация». Нам кажется наиболее адекватным определение *дискриминации как действия, при котором с ребенком обращаются несправедливо в силу его принадлежности к данной возрастной социальной группе, как правило, эти действия производятся в форме исключения или отторжения в прямом или косвенном виде*. Такое столкновение толкований в одном учебном пособии – необычная и непривычная практика высшей школы. Но мы склонны относить такой прием к новации и считаем его крайне полезным: сами обучающиеся смогут убедиться в неоднозначности позиций и внутри общества, и среди различных научных дисциплин. И на основе разноречивых суждений и должны быть сформулированы исследовательские проблемы, выстроены гипотезы для разрешения в учебных проектах и магистерских диссертациях.

Один из обсуждаемых вопросов технологии теоретико-прикладных курсов – давать ли и насколько широко, часто, подробно примеры, чужой опыт исследовательской «кухни», описания прикладных аспектов. Мы поддерживаем такую стратегию, ведь так открываются возможности для определения исследовательских (экспериментальных, диагностических, социологических и пр.) процедур обучающихся по данной программе. Часть из них в области оценки состояния реализации прав ребенка могут быть выстроены исходя из официальных требований. Так, Комитет ООН рекомендует регулярно проверять официальные ограничения, вводимые государством, на предмет их соответствия защитной функции и правомерности. Два основных предлагаемых правила установления границ: более высокие возрастные рамки должны устанавливаться для защиты и развития детей (это касается прежде всего уголовного законодательства), и, наоборот, настоятельно требуют снижения границы применения права на участие в социальной и политической жизни. Совершенно справедливо в главах пособия ставится акцент на требованиях: явные виды дискриминации в настоящий период должны дополниться выделением еще одной формы – неучет мнения детей как социальной группы при принятии политических решений имеет негативные последствия для будущего детства и всего общества. Социология детства предлагает апробированный участвующий подход в исследованиях детей, и его изучение необходимо внедрять в такие междисциплинарные программы [6].

А другие студенты и повышающие квалификацию специалисты сосредоточатся на проекти-

ровании собственных исследований по аналогии с уже проведенными методиками крупных социогуманитарных исследований, таких как изучение осведомленности и несогласия с дискриминацией по возрасту среди подростков Англии; последствий эдальтизма для всего общества и для индивидуального развития М. Мэйлз, А. Жиру; анализ свободы волеизъявления, солидарности между поколениями в русле «психологии освобождения», возникшей в Латинской Америке, и др. [5, с. 127–153].

Теперь перейдем к некоторым критическим соображениям по дидактическим и общетеоретическим аспектам, представленным в пособии. Так как сам курс могут вести несколько специалистов и учебное пособие может содержать изложение нескольких авторских взглядов, правильно было бы неологизмы – новые тезаурусные термины давать с более выверенными формулировками. Прямое применение некоторых предлагаемых понятий в пособии-примере потребует пространного пояснения российского преподавателя. Так, в пособии используются как общеизвестные, хотя такими они не являются, несколько важных терминов. Мы решились дать наши самостоятельные авторские интерпретации:

- эдальтоцентризм – *adult-centrism* – состояние социума, в ядре развития которого находятся исключительно интересы нынешнего взрослого поколения;

- привилегии взрослых – *adult privilege* – преференции, льготы и возможности, которые имеют только люди, достигшие взрослости;

- взрослократия – *adultarchy* – общественное устройство, при котором все решения, но особенно в отношении жизни детей и молодежи, принимаются с опорой на мнения взрослых.

Сами по себе представляемые примеры в пособии, несомненно, расширяют кругозор и углубят знания обучающихся, но преподавателю потребуется, исходя из ментальности российского народа и реалий современного общественного мнения, провести поиск и представление иных образов, событий. Так, в пособии ученые выделяют институциональный, интернализованный (социализационный) и культурный эдальтизм. Довольно часто формы дискриминации оказываются противоречиво взаимосвязаны. С одной стороны, власть принимает важное решение поддержки детства, но, с другой стороны, оно не подкрепляется необходимыми нововведениями и ведет к возникновению и закреплению иной формы принижения. Так, ребенок-дошкольник имеет право бесплатного проезда в общественном транспорте, однако, например, в Москве осуществить это свое право он может только через принижающее его дос-

тоинство действие (как сообщили в одном из наших исследований дети: «*Пролезаем под турникетом в автобусе, как собачки*»). Культурный эдальтизм может быть проиллюстрирован случаем дискриминации детей при самостоятельной попытке воспользоваться вызовом экстренной службы (например, именно культурной, приобретенной в процессе жизненного опыта установкой объяснила фельдшер скорой помощи отказ в принятии сигнала от девочки-подростка при трагедии – гибели детей в 2016 г. в «Парк-отеле Сямозеро»). Социализационная дискриминация проявляется во многих семьях при тесной привязанности, «слиянии» родителей с детьми. Например, также из нашего опыта исследований, мамы, оценивая детские площадки, применяют определение «нам нравится/не нравится». Однако они в действительности оценивают площадки с точки зрения безопасности, а дети – совсем иначе, с точки зрения возможностей игровых действий, активности, разнообразия и азарта, риска [7].

И мы должны признать и донести эту позицию до обучающихся, что не все подходы зарубежной науки и управленческой практики принимаются нашими учеными и социумом. Так, в пособии недостаточно обозначена позиция авторов относительно случаев, когда действия взрослых по предотвращению нежелательного поведения детей могут быть также отнесены к форме возрастной дискриминации. К таким относится нуждающийся в междисциплинарном рассмотрении психологов, юристов-правоведов и социологов вопрос о степени, глубине вовлечения детей в семейную медиацию при разводе родителей или экономических, этических внутрисемейных конфликтах. Одновременно с получением прав на личное мнение ребенок становится в определенной степени ответственным за решение суда и будущее семьи. По нашему мнению, в данном случае разумные границы публичного заслушивания детей должны быть четко обоснованы не только возрастом, но и правом (а не обязанностью) ребенка участвовать или не участвовать в таких событиях. И в случае работы со студентами по данному пособию мы бы такую коррекцию излагаемого материала обязательно проводили.

Полагаем, что в рамках преподавания следует четко разграничить собственно меры по обеспечению безопасности ребенка (например, маркировка информационной продукции, введение «комендантского часа» на пребывание на улице без родителей и др.) и прямое наказание за несоблюдение этих норм поведения. Можно ли относить к дискриминации подростка случаи запрета на просмотр им информации для более старшей возрастной категории, может ли он

быть за это наказан в семье или же за это должны быть наказаны его родители?

Некоторые из аспектов, с серьезностью представленные нашими европейскими коллегами, выглядят для нашего общества, прямо скажем, неприемлемыми. Например, необходимость защиты детей с родителями из числа ЛГБТ трактуется в статье преподавателей университета из Молдовы не с точки зрения защиты права на традиционную семью, а наоборот [5, с. 201–202]. К косвенной дискриминации зарубежными коллегами предлагается относить случаи диагностических процедур для детей, имеющих особенности развития, по результатам которых даются рекомендации специализированного, коррекционного, семейного, дистанционного или инклюзивного обучения.

К сожалению, авторам не удастся соблюсти единые подходы к разработке практических заданий по отдельным темам. В ряде глав представлены интереснейшие задания, аналитические инструменты, с помощью которых магистранты смогут получить навыки определения видов, причин дискриминации и возможных методов улучшения школьного пространства. Например, превосходен рассказ-коллизия для проектной деятельности с подростками, представленный профессорами Барселонского университета К. Алькайде и И. Бальесте [5, с. 230–233]. Но все-таки и зарубежное пособие «грешит» прямыми оценочными средствами – вопросами на воспроизводство изложенного материала.

Заключение

Обращение к новой, переводной литературе, ее критическое осмысление позволит нашим преподавателям создавать свои инновационные творческие проекты, которые будут способствовать личностному и профессиональному росту и учеников, и учителей.

Для междисциплинарных курсов могут быть использованы успешные технологии наших зарубежных коллег:

- Ориентация на мультидисциплинарность.
- Капсульное строение курса и пособия.
- Подготовка отдельных глав может осуществляться не только авторами разных специальностей, но и с представлением регионального опыта.
- Противоречия разных подходов не должны нивелироваться общей редактурой.
- Должны быть представлены прикладные разработки.

При использовании зарубежной учебной литературы российским преподавателям придется заранее разрешить некоторые сложности и ограничения их прямого использования. Потребуются:

- Точная формулировка терминов-неологизмов с учетом всего спектра изучаемых специальностей.
- Выбор и презентация убеждающих примеров из российской действительности и с опорой на данные российской науки.
- Аргументированный критический анализ позиций зарубежных ученых и исследователей.
- Переработка или креативное применение оценочных средств.

Мы уверены, что в конечном счете это сделает многоуровневое высшее образование в России более качественным, и такая подготовка приведет к интегрированному результату при решении проблем детства в нашей стране.

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта № 16-06-00792 «Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус».

Список литературы

1. Образовательная программа повышения квалификации уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации: Учебное пособие / Научн. ред. А.П. Логунов. М.: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 2011. 268 с.
2. Майорова-Щеглова С.Н. Междисциплинарность в социальном образовании: моделирование курса «Социологическое сопровождение реализации прав детей» // Россия в системе современной социальной реальности. Материалы выступлений участников V Всероссийского социологического конгресса: Сборник / Отв. ред.-сост. Д.К. Танатова, Т.Н. Юдина. М.: Изд-во «Российский государственный социальный университет», 2017. С. 678–680.
3. Рубцов В.В., Шведовская А.А., Дубовик А.С., Семья Г.В. Об основных результатах мониторинга первого этапа реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 30–66. doi:10.17759/pse.2016210104.
4. Барабанова С.В. Социальная работа в образовательном учреждении в контексте прав ребенка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4. С. 125–126.
5. Children and non-discrimination. CREAN Edited by Dagmar Kutsar and Hanne Warming. Tartu: University Press of Estonia, 2014. [Защита детей от дискриминации. Междисциплинарное учебное пособие. CREAN / Под ред. Д. Кутсар, Х. Уорминг. Ред. перевода В.И. Заботкина. Tartu: University Press of Estonia, 2015. 274 с.]
6. Митрофанова С.Ю. «(Раз)Очарование «участвующей» перспективой социологии детства: участвующий подход в исследовании детства и его критическое осмысление // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 167–176.
7. Котляр И.А., Соколова М.В. Площадка приключений как пример реализации права ребенка на игру [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 2. С. 81–90. doi:10.17759/psyedu.2014060207.

**FOUNDATIONS FOR THE CONSTRUCTION OF INTERDISCIPLINARY EDUCATIONAL PROGRAMS
IN THE FIELD OF CHILDREN'S RIGHTS PROTECTION***S.N. Mayorova-Shcheglova*

Moscow State University of Psychology & Education

Interdisciplinary educational programs are mainstreamed in modern Russian society in connection with the development of ideas on the rights of the child. The author points out some difficulties and limitations of the direct use of foreign authors' programs and educational literature translated from foreign languages. A critical analysis of a foreign manual on child discrimination is presented along with the author's interpretations of key concepts of child discrimination: adult privileges, adultocracy, adultcentrism. The author argues that newly introduced terms should be precisely formulated and underlines the need to select and present persuasive examples from the Russian reality and the data of Russian science, to apply creatively the assessment tools. The tasks for conducting educational research in the field of childhood sociology are formulated in order to assess the official restrictions imposed by the state and its bodies in terms of their compliance with the legitimacy of the protective function.

Keywords: children's rights, discrimination, interdisciplinarity, educational programs, sociology of childhood, social work with children.

УДК 316

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

© 2018 г.

Т.К. Ростовская, Я.В. Шимановская

Ростовская Тамара Керимовна, д.соц.н.; проф.; заместитель директора ИСПИ РАН по научной работе,
зав. кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью
Российского государственного социального университета, Москва
rostovskaya.tamara@mail.ru

Шимановская Янина Васильевна, к.соц.н.; доц.; заведующая кафедрой социальной работы
Российского государственного социального университета, Москва
ya1873@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 06.12.2017**Статья принята к публикации 23.04.2018*

Проблема самосохранения человека занимает особенное место в системе социальных ценностей и приоритетов развития государства. Демографическая ситуация в современной России выводит на ключевые позиции мероприятия по укреплению здоровья населения и социального самочувствия общества. В статье проведен анализ отечественных и зарубежных концептуальных подходов к изучению социального здоровья и самосохранительного поведения мужского населения. Выявляются социальные факторы, влияющие на социальное самочувствие мужчин. Изучается роль самосохранительного поведения в улучшении демографических показателей и состояния здоровья мужского населения, анализируются факторы, влияющие на данные показатели. Сделаны выводы об актуальности проблемы самосохранительного поведения на уровне отдельной личности и общества в целом.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, мужское население, здоровье, здоровый образ жизни.

Введение

Термин «самосохранительное поведение» характеризуется многоаспектностью. В научных работах изучению данного явления сегодня уделяется особое внимание и его исследование проводится как в социологии, так и в демографии, социальной психологии. Социологи используют для исследования индивидуального и группового самосохранительного поведения микросоциологический подход и исследуют все то, что связано с человеческим поведением в современных ситуациях. При этом особое место отводится количественным методам исследования [1].

Социология рассматривает самосохранительное поведение во взаимосвязи с образом жизни, стереотипами, культурными традициями, ценностями и нормами, которые существуют в данном обществе. С позиции психологии понятие «поведение» охватывает как целенаправленные, рациональные виды действий человека, так и нерациональные, импульсивные, непреднамеренные, «машинные», происходящие помимо его воли. Самосохранительное поведение отражает свойства главных субъектов социальной жизни: коллектива, группы и личности. Вместе с тем социальное поведение является производным компонентом социаль-

ной среды, преломляющимся в актах действующих лиц и их субъективных характеристиках, а также результатом субъективной детерминации активности человека. С этой позиции социальное поведение может быть определено как процесс целенаправленной активности в соответствии со значимыми потребностями и интересами человека. Такое поведение, с одной стороны, является сложнейшей системой адаптации личности к разнообразным условиям, способом функционирования в системе определенного социума, а с другой – представляет собой активную форму изменения и преобразования социальной среды в соответствии с объективными возможностями, которые самостоятельно проектируются человеком в сопоставлении с его собственными идеалами, ценностями и представлениями.

Методология

В научной и практической литературе можно встретить разнообразные подходы к определению понятия самосохранительного поведения. Так, Д.И. Валентей рассматривает самосохранительное поведение с позиции семейно-брачных установок человека, когда регулирование отношений между мужчиной и женщиной происходит посредством социальных институ-

тов брака и семьи [2]. Ряд ученых, например А.И. Антонов и М.С. Мацковский, определяют самосохранительное поведение как направленные действия на сохранение или изменение демографического состояния данного субъекта [3]. В.А. Борисов считает, что возрастание роли поведенческих факторов в обосновании продолжительности жизни привело к росту исследований факторов здоровья и смертности населения с использованием социологических методов [4]. В современных научных трудах самосохранительное поведение определяется как система отношений и действий, которые опосредуют демографические явления и поступки. Это сторона деятельности индивида, семей или иных малых групп, непосредственно ведущая к изменению или сохранению их демографического статуса. В отдельных случаях к субъектам самосохранительного поведения относят все население региона. При этом самосохранительное поведение можно рассматривать как в широком, так и в узком понимании данного термина. В первом случае такое поведение включает отношения и действия, которые связаны с воспроизводством населения, его миграцией и социальной мобильностью. Во втором – отношения и действия по воспроизводству населения, непосредственно связанные с процессами рождаемости и смертности и косвенно – с брачностью, разводимостью и овдовением. По отношению к деторождению самосохранительное поведение является репродуктивным поведением, а с позиции брачно-семейных отношений – матримониальным или брачным. В отношении сознательного (несознательного) сохранения или разрушения здоровья такое поведение носит название самосохранительного поведения.

Как и определение репродуктивного поведения, самосохранительное поведение рассматривается как система установок личности и действий, направленных на сохранение здоровья и продление жизни. Такое поведение выражается в изменении показателей здоровья, заболеваемости, смертности, в изменении структуры этих показателей по различным причинам. Термин «самосохранительное поведение» был введен в связи с тем, что главенствующую позицию в детерминации смертности и заболеваемости в современных условиях занимает поведенческий фактор, который зависит от отношения человека к собственному здоровью и продолжительности его жизни. В.А. Ядов в концепции о диспозиционной регуляции поведения личности отметил, что поведение индивида в простейших ситуациях, регулируемых определенными нормами и ролевыми требованиями, строится на

основе базовых ценностных ориентаций (установок) [5].

В России первые исследования самосохранительного поведения стала проводить группа демографов и социологов под руководством профессора А.И. Антонова. Ключевыми характеристиками психологических установок к росту продолжительности жизни ими были использованы показатели ожиданий и предпочтений в отношении продолжительности жизни. В результате было установлено, что мужская часть населения в целом пессимистичнее, чем женская, оценивает свое здоровье и недооценивает значение усилий человека в достижении благополучного здоровья. Женская часть населения проявляет по отношению к сохранению и улучшению здоровья более активную позицию. Однако не получив должной поддержки, исследования самосохранительного поведения очень скоро были прерваны [6].

Актуализация данной проблемы на сегодня происходит в исследованиях социологической демографии и социологии здоровья. Хотя следует отметить, что в отдельных дисциплинах, например в психологии, присутствуют разрозненные попытки изменения субъективной продолжительности жизни, а именно того количества лет, которое намеревается прожить опрашиваемый индивид [6]. Личностная потребность в самосохранении является ядром структуры регуляции такого поведения и имеет более сложную структуру, включая все уровни иерархии потребностей А.Н. Маслоу [7]. Напомним, что американский психолог А.Н. Маслоу выделил пять уровней иерархии потребностей человека:

1. Физиологические потребности – это потребности в дыхании, пище, воспроизводстве, физических движениях, жилище, одежде, отдыхе и др.
2. Экзистенциальные потребности, т.е. потребности в безопасности своего существования, уверенности в завтрашнем дне, стабильности условий жизнедеятельности и др.
3. Социальные потребности, включающие потребности в общении, принадлежности к коллективу, привязанности, участии в коллективной трудовой деятельности и др.
4. Престижные потребности, выражающиеся в служебном росте, уважении, признании, престиже, высокой оценке, статусе.
5. Духовные потребности, заключающиеся в самовыражении посредством творчества.

Потребности первых двух уровней в иерархии А.Н. Маслоу относятся к первичным (врожденным) потребностям, а трех оставшихся – к вторичным (приобретенным) потребностям.

Процесс возвышения потребностей в данном случае выглядит как замена низших (первичных) высшими (вторичными). Согласно основному принципу иерархии, каждая потребность последующего уровня актуализируется для индивида только тогда, когда будут удовлетворены потребности предыдущего уровня. Поэтому данный принцип также называют принципом доминанты (господствующей в данный момент потребности). Благодаря универсальному объяснению действия принципа иерархии потребностей теория А.Н. Маслоу стала основой для ряда других современных теорий мотивации [7]. Отметим также, что множество моральных и социальных потребностей изучаются и учитываются в социологии с разных позиций. Таким образом, рассматривать отношение человека к своему здоровью следует как потребность в самосохранении, в сохранении себя как физического существа, т.е. как потребность сохранения жизни и приумножения здоровья на всех этапах жизненного цикла человека. Ожидаемое в обществе поведение индивида ориентировано на установленный социально-общественный порядок. В то же время возможна ориентация реального поведения человека на две и более системы установлений, которые противоречат друг другу и комбинации которых приводят к возникновению вариантов «неправильного» поведения. Данная теория социального действия была рассмотрена Т. Парсонсом в 1937 году в его труде «Структура социального действия», где автор усовершенствует идеи М. Вебера о носителе социального содержания – социальном действии как основы анализа поведения людей, оказывающих воздействия на других [8]. Понять общество позволяет его сведение к действиям отдельных индивидов, т.е. к более понятному и адекватному человеческому поведению. Поняв механизмы данных социальных действий как начала социальной жизни, можно дать объяснение любому социальному явлению. Следовательно, человеческое (персональное) социальное действие будет являться предметом социологии. Данным выводом Т. Парсонсом «возвращается» социологии как науке ее предмет: самой первичной единицей анализа становится «элементарное действие» отдельного человека с функцией адаптации. Структура социального действия включает: ситуацию (условия), цели, нормативную ориентацию, действующее лицо, реакцию другого лица (предмета действия). Отталкиваясь от понимания социального действия как действия одного человека на другого в целях выявить в его поведении изменения, систему действий следует понимать как совокупность единиц действия и комплекса

социальных отношений, т.е. в виде устойчивых связей взаимно ориентированных социальных действий, способствующих стабилизации общества. Каждые отдельные индивиды не просто выступают в социальных отношениях в роли «целостной личности», а выполняют только «частичное участие» в социальной жизни посредством выполнения определенных социальных ролей. Социальные действия индивида направлены на изменение установок, ведущих к удовлетворению определенных стремлений и потребностей. Общество будет находиться в равновесии ясности и выполнении ролевых ожиданий. Вследствие чего успешность социальных действий, выраженная в надлежащем исполнении ожиданий, зависит от правильного выбора соответствующих методов и средств осуществления этих действий (эгоистический компромисс, негативное принуждение, позитивное убеждение). Однако в отдельных случаях обществу приходится принуждать его членов исполнять социальные роли и устранять ролевые отклонения, возникающие по ряду причин. Во-первых, человек одновременно выполняет несколько ролей с противоречивыми требованиями. Во-вторых, существующие нормы и ценности в процессе социализации могут не интернализироваться в необходимой мере. В-третьих, ожидания в одной и той же роли могут находиться в дисгармонии друг с другом.

Выявленные в поведении отклонения подвергаются воздействию социального контроля, проявляющегося в санкциях, которые заключаются в пожеланиях, предписаниях, запретах, приказах, репрессиях в отношении нежелательного поведения. В своем анализе Т. Парсонс выделяет несколько уровней абстракции:

1. Культура как система мотиваторов, символов, образцов действия, задающая предельно общий характер поведения, не связанного с внутренними противоречиями.

2. Потребности личности, выступающие источником определенных действий. Интернализированные ею смыслы, идеи, мотивы достижения целей определяют специализированное поведение с функцией адаптации. По мнению Т. Парсонса, следует различать понятия личности как психологической единицы и социального деятеля как абстрактной совокупности ролей, которого аналитически вычленивают из психической структуры этой личности.

3. Социальная система как определенная система элементов, сохраняющих взаимодействие в определенном окружении. Данная система обеспечивает интеграцию действий множества индивидов. При этом посредством регулирующей деятельности социальных институтов на

инженерном уровне поддерживается равновесие в системе, которая с помощью общих ценностей и норм организует общество в самосохраняющееся целое. В социальной системе посредством индивида осуществляется системная деятельность, поэтому он выступает исполнителем определенных ролей – деятелем. Рассмотрим процесс формирования в социальной среде самосохранительного поведения, применив структурно-функциональный анализ Т. Парсонса [8].

Перед нами предстает человеческое общество как бесчисленное количество социальных миров (групп), которые создаются на основе профессиональной занятости, характера, природного темперамента людей, места жительства и особенностей организации управления обществом. Свой жизненный путь каждый человек проходит внутри определенного социума. При этом то, что высоко ценится в одном из таких социумов, может быть совершенно ненужным в другом социуме. Современная психология считает, что человек развивается на протяжении всей его жизни: идет развитие как позитивных, так и негативных тенденций, ведущих к возникновению новых признаков и качеств жизни самого человека и общества в целом. Направления жизненного пути связаны с биологическим, социальным и психическим развитием человека. Выбираемый человеком стиль жизни является далеко не случайным. Одним из определяющих его факторов становится опыт детства, например родительский стиль воспитания. Известный американский психолог Э. Эриксон является автором одной из самых известных концепций (эпигенетической), посвященной описанию жизненного пути человека (от самого его рождения до смерти) [9]. Эпигенетическая концепция достаточно доступно объясняет причины жизненных «зигзагов» в развитии человека. По мнению автора этой концепции, человек в процессе своего существования проходит определенное число кризисных точек, которые впоследствии формируют его индивидуальность. В основе концепции заложен принцип определенности появления новообразований. Данный принцип заключается в том, что все, находящееся в развитии, имеет исходный план данного развития, в соответствии с которым в установленный период времени возникают соответствующие новообразования. Каждое такое новообразование имеет конкретное время преобладания, после чего уступает место новой стадии развития человека. В итоге все эти новообразования складываются в нечто целое, самостоятельно функционирующее. В своей концепции Э. Эриксон таким целым, в случае ус-

пешного прохождения каждой стадии, считал зрелую интегративную личность.

Концепция Э. Эриксона способствует пониманию того, что многое в жизни зависит не от человека, а от отношения родителей к нему как к ребенку в первые месяцы и годы его жизни. Сценарий жизненного пути человека, реализуемый им в последующей жизни, закладывают его родители. Любящая, преданная и нежная мать на бессознательном уровне формирует базовую любовь и доверие к окружающему миру, строгий, требовательный и справедливый отец развивает волю, самостоятельность, инициативность, ответственность и трудолюбие. Таким образом, родители, сами того не осознавая, программируют и предопределяют жизненный путь своего ребенка. Этой позиции придерживается и Э. Берн, который формулирует ясное представление о том, как безобидные прозвища, слова и высказывания родителей в адрес ребенка приводят его или к вершинам успеха, или к позорному и бесславному завершению жизненного пути [9].

Э. Берн приводит понятие сценария как постепенно развертывающегося жизненного плана, формируемого в раннем детстве человека под влиянием его родителей. Автор выделил два типа сценария: сценарий победителей и сценарий неудачников. Э. Берн отмечает, что жизненный путь во многом зависит от располагаемых человеком ресурсов (материальных, духовных, социальных и иных) и выбранного для себя стиля жизни (пассивного или активного) [10].

В современной России особенно остро встает вопрос о социализации подрастающего поколения, тесно связанный с судьбой взрослых. Отметим, что изменчивость личности признавал ещё А. Шопенгауэр, который отмечал, что содержание мышления, опыт, практика и знания становятся обуславливающими четкость понимания факторами. Справедливо в наше время актуализируется проблема соотношения неизменного и регулярно изменяющегося в личности в зависимости от возрастных периодов жизни человека [11].

Именно в детстве и юности наиболее интенсивно происходит процесс социализации (накопление человеком личностных особенностей). В среднем и пожилом возрасте продолжается изменение личности как положительного, так и отрицательного характера. Н. Смелзер [12] одним из первых предположил, что процесс социализации происходит в течение всей жизни, а также отметил различия между детской и взрослой социализацией:

1. Социализация детей в большей степени выражается в выработке базовых ценностных

ориентаций. Для взрослых это изменение внешнего поведения.

2. Дети только осваивают социальные нормы, т.е. интегрируют внешние воздействия во внутренний мир (процесс интериоризации). Взрослые способны их оценивать посредством активного критического отношения к происходящему (процесс экстериоризации).

3. Социализация взрослых характеризуется большей степенью самостоятельности выбора между «белым» и «черным», хорошим и плохим, приспособлением к выполнению тех или иных социальных ролей, установлением приоритетов социальных ценностей. Процесс социализации детей происходит под влиянием их родителей, т.к. дети еще не способны понять все то многообразие условий, которые влияют или могут повлиять на роль личности и социальный статус, повседневное поведение человека.

4. Социализация детей способствует формированию мотивации действий. Взрослые в процессе социализации вырабатывают новые навыки, которые позволяют им более оптимально адаптироваться к изменяющимся жизненным условиям с учетом возрастных особенностей человека.

В изучении мужчин как социальной группы доминирующими факторами являются роль поколений, ценности мужчин как социального фактора обновления и развития общества России. Сегодня перед государством остро стоит вопрос о выработке и реализации концепции воспитания населения всего государства, особую роль в которой следует отвести мужской части населения.

Главными направлениями преодоления духовного и, в итоге, экономического кризиса для российского общества должны стать воспитание, обучение и образование. Эти три составляющих входят в понятие государственной молодежной политики, которая должна быть направлена на формирование определенного качества населения мужского пола: морально-нравственное воспитание, воспитание ответственности за семейные отношения, деторождения, воспитание бережного отношения к своему здоровью и здоровью своих близких и многое другое. Изучая проблемы социальной регуляции поведения личности в обществе, следует учитывать детерминирующие различия, обнаруживающиеся при сравнении механизмов социальной регуляции на макро- и микроуровнях, прямой и косвенных форм социальных взаимодействий.

Совпадение ценностей является единым критерием, лежащим в основе любых социальных связей и взаимодействия, определение ко-

торого на микроуровне происходит по элементарному принципу. Оценка эффективности социальной связи происходит в соответствии с определенными потребностями и нуждами человека, соотношением затрат и обещанного вознаграждения с его личными возможностями. Существующие стандарты поведения, принципы и нормы, которые регулируют взаимоотношения между индивидами в обществе, опосредованно характеризуют связь между людьми.

Общество устанавливает ценности и нормы и тем самым формирует набор определенных социальных характеристик, которыми необходимо обладать участнику социальных связей, независимо от его индивидуальных склонностей и особенностей. Здоровье мужчин – это инвестиции в недалекое будущее общества страны. Проблема сохранения здоровья представителей сильного пола является одной из наиболее актуальных, особенно в системе образования. Социальное здоровье в настоящее время изучается как состояние общества, группы, индивида, соответствующее норме с позиции всех статусных параметров, а именно: семейного, психологического, социального, экономического, культурного, этнического и др. Интегрирующая, социализирующая функция отдельной личности или группы, обеспечивающая выполнение социальной нормы, социальное здоровье и благополучие, проявляется только при условии устойчивости отдельных статусных характеристик. При этом социальная память выступает связующим элементом, посредством которого происходит передача от поколения к поколению ключевых социальных ценностей. В то же время отдельные ценности могут быть навязаны извне, замещая собой внутренние идеалы. В целом социальное здоровье следует понимать как взаимодействие личности с окружающей ее социальной средой. Это взаимодействие характеризует уровень жизнедеятельности личности и ее оптимальных психических, физических и социальных характеристик.

В специальной литературе можно встретить разнообразные теоретические подходы к изучению и определению термина, отражающего социальное здоровье личности и общества. Наш взгляд, наиболее полно раскрыть сущность данного явления позволяет следующее его определение: социальное здоровье – устойчивое состояние характеристик и качеств личности, определяемое процессом социализации и обусловленное ее сознательным поведением и социальным самочувствием, что обеспечивает сохранение здоровья индивида, достижение гармонии и баланса во взаимоотношениях с элементами социальной среды.

Самосохранительное поведение и социальное самочувствие относятся к основным показателям социального здоровья мужского населения государства. Л.Г. Уляева полагает, что самосохранительное поведение характеризуется тремя компонентами: эмоциональным, когнитивным и мотивационно-поведенческим [13].

Эмоциональный компонент определяется переживаниями и чувствами человека, связанными с состоянием его здоровья, особенностями его эмоционального состояния, вызванными ухудшением или улучшением и физического его самочувствия.

Когнитивный компонент характеризуется знанием личности о своем здоровье, пониманием роли здоровья в ее жизнедеятельности, знанием основных факторов, которые могут оказывать как разрушительное (негативное), так и укрепляющее (позитивное) влияние на здоровье человека.

Мотивационно-поведенческая составляющая определяет позицию здоровья в индивидуальной иерархии инструментальных и терминальных ценностей человека, мотивационные особенности, стимулирующие его к здоровому образу жизни, а также типичные особенности поведения в случае ухудшения или улучшения здоровья человека.

В структуре самосохранительного поведения одним из элементов является отношение человека к своему здоровью. И.В. Цветкова считает, что важность здоровья является ценностью, и связывает ее с самооценкой состояния здоровья учащихся [14]. Автора тревожит тот факт, что стереотипы общественного мнения и определенный стиль рекламных материалов в СМИ, противоречащие нормам здорового образа жизни, имеют устойчивый характер и с трудом вымещаются активной пропагандой спортивных специализированных школ, прививающих навыки физической культуры и стремление заниматься спортом. Отношение индивида к физическим способностям и возможностям, к здоровью в целом – интегрированный результат воспитания. Физическую культуру следует охарактеризовать как сознательное и свободное самоопределение личности, избирающей и осваивающей на разных этапах своего жизненного развития наиболее значимые для нее ценности.

Результаты

По нашему мнению, в структуре формирования самосохранительного поведения следует выделить систему интересов, знаний, убеждений и мотивов, которые организуют и направляют волевые усилия человека, нацеленность на здоровый образ жизни и сохранение своего здоро-

вья. Пережитые различные эмоции, сопровождающие процесс самопознания, приводят к формированию отношения к себе и образованию самооценки личности. Следовательно, самооценка является не просто констатацией имеющихся возможностей, а результатом сравнительного познания самого себя. Целевые установки, имеющие разный уровень притязаний (степень трудности), которые ставит перед собой человек, должны быть соизмеримы с его реальными возможностями. Заниженный уровень притязаний сковывает активность и инициативу личности в процессе самосовершенствования. В то же время более высокий уровень этих притязаний приводит к разочарованности и потере веры в свои силы.

Направленность взглядов и оценок личности определяется ее убеждениями, которые при формировании самосохранительного поведения побуждают ее к активности, становятся основными нормами ее поведения. Именно потребность в сохранении здоровья является главным мотиватором, направляющим и регулирующим силы поведения личности. Данные силы имеют широкий спектр: заинтересованность в комфорте, активных формах отдыха и спортивных развлечений, иных формах двигательной активности. Данные мотиваторы тесным образом связаны с эмоциональными переживаниями, ощущениями неприятного и приятного, неудовольствия и удовольствия. Удовлетворенность потребностей приводит к положительным эмоциям (счастье, радость), а неудовлетворенность – к отрицательным (печаль, разочарование, отчаяние). Человек выбирает вид деятельности, в большей степени позволяющий удовлетворить ощущаемую потребность с получением от этого процесса и полученного результата положительных эмоций. Совокупность таких потребностей ведет к возникновению системы мотивов, определяющей направленность личности, мобилизующей и стимулирующей ее к активной деятельности. На протяжении всей жизни особенной чертой индивида является то, что он непрерывно чего-нибудь желает, поэтому от состояния неудовлетворенности или удовлетворенности других мотиваций практически всегда зависит появление новых потребностей. Наличие потребностей как таковых свидетельствует о том факте, что иные потребности были удовлетворены.

В процессе побуждения мужского населения к самосохранительному поведению, приверженности к здоровому образу жизни важным акцентом являются интересы. Интерес как социально-психологическое явление включает в себя два компонента: поведенческий и эмоциональный. Интересы возникают на основе целей

и мотивов здоровьесберегающей деятельности человека. Отношение таких потребностей задается предметной ориентацией, социальной значимостью оздоровительной культуры в жизни индивида. При этом комплекс отношений личности к профессиональной деятельности и здоровому образу жизни вообще выражается ее ценностными ориентациями. Важнейшим компонентом ценностных ориентаций являются эмоции, наиболее глубоко характеризующие их сущность и содержание. Регулирование поведения и деятельности личности в соответствии с целевыми установками и принятыми решениями происходит на основе волевых усилий, направляющихся моральным чувством, разумом и нравственными убеждениями личности.

Государственная социальная политика страны в качестве своей приоритетной цели сегодня ставит во главу угла повышение уровня и качества жизни населения путем укрепления репродуктивного здоровья, увеличения активной продолжительности жизни, снижения заболеваемости социально опасными заболеваниями. Заявленные приоритеты государственной политики предопределяют пристальное научное внимание к изучению и исследованию самосохранительного поведения сегодня.

В условиях социально-экономической нестабильности совершенно явно происходит понижение жизненного уровня большинства населения, при этом рост цен и сокращение доходов населения – одни из первых показателей такой ситуации. Кроме того, теряется уверенность в завтрашнем дне, что непосредственно влияет на психологическую напряженность в обществе, а если сюда добавить абсолютную безграмотность населения в вопросах здоровья, то необходимо заключить, что в ближайшее время общество столкнется и уже сталкивается с резким всплеском заболеваемости и преждевременной смертности.

Все перечисленные причины являются, по сути, поведенческими причинами, связанными с самосохранительным поведением населения. Сосредоточение только на фиксированных причинах заболевания является недопустимым и некорректным. Современный кризис, особенно моральный, психологический, рождает стрессы, которые лежат в основе всех недугов – онкологических, соматических, психических, определяет при этом ежедневное наше состояние: память, мышление, трудоспособность и активность.

На протяжении всей жизни человек подвержен влиянию эндогенных и экзогенных факторов смертности, однако роли поведенческого фактора уделяется совсем мало места в исследованиях. Роль этого фактора недооценена, хотя влияние его именно в период трудоспособности

возрастает существенно по сравнению с эндогенными и экзогенными влияниями. Роль эндогенных факторов на протяжении всей жизни человека постоянна, тогда как роль факторов экзогенного характера начинает свое снижение именно с началом трудоспособного периода и увеличивается только после 60-летнего возраста. Поведенческий фактор оказывает полное влияние на человека в период с 15 до 60 лет. Данный период соответствует трудоспособному возрасту человека, несмотря на то, что на протяжении всей его жизни он также играет свою особую роль в создании условий здоровой и продолжительной жизни. Здоровье населения зависит от сложного комплекса факторов: условий жизни и труда, уровня культуры населения, биологических, психологических, физических, химических, климатогеографических и других условий.

Под рисками самосохранительного поведения мы понимаем возможность нанесения вреда здоровью себе или окружающим путем принятия и распространения ложной информации о способах лечения и сохранения здоровья. Данная ситуация возникает при слабо выраженном самосохранительном поведении, которое зачастую характеризуется полным отсутствием инстинкта самосохранения.

Заключение

Сегодня в российском обществе формируются установки саморазрушающего поведения населения, тогда как для преодоления негативных демографических тенденций в России необходимо изменить отношение людей к своему здоровью с помощью развития установок самосохранительного поведения. Именно поведенческий фактор закладывает сроки нашей предстоящей жизни, т.к. время наступления, длительность и скорость старения (в период которого активизируются все без исключения болезни) напрямую зависят от репродуктивного периода, который определяется периодом развития человека. Поэтому, если мы исследуем быстрое преждевременное старение населения России, нельзя не рассматривать при этом другие значимые и влияющие на него периоды – развития и воспроизведения. Вместе с тем нельзя обойти вниманием доминирующий фактор влияния – само поведение человека, который закладывается в период воспроизводства, развивается в период развития и дает свои результаты в период старения.

Чем выше уровень понимания ценности здоровья, тем выше уровень самого здоровья и заботы о нем.

Список литературы

1. Андреева Г.М. К вопросу об отношениях между микро- и макросоциологией // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 19.
2. Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. М.: Высшая школа, 2009. 184 с.
3. Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М.: Академический Проект, Альма Матер, 2011. 592 с.
4. Борисов В.А. Демография. М.: Издат. дом «Nota Bene», 1990. 272 с.
5. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998. 596 с.
6. Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2011. 120 с.
7. Рассел Дж. Пирамида потребностей по Маслоу. СПб., 2013. 40 с.
8. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалёва. М.: Аспект-Пресс, 1998.
9. Эрикссон Э. Детство и общество. СПб.: Речь, 2000. 416 с.
10. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2017. 126 с.
11. Шопенгауэр А.А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. 480 с.
12. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. М.: Феникс, 1998. 688 с.
13. Уляева Л.Г. Здоровый образ жизни: Учебное пособие. М., 2001. 201 с.
14. Цветкова И.В. Проблема психологического изучения внутренней картины здоровья // Психологические исследования. 2012. № 1 (21). С. 16.

**CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF SELF-PRESERVATION
BEHAVIOR OF THE MALE POPULATION***T.K. Rostovskaya, Ya.V. Shimanovskaya*

Russian State Social University

The problem of a person's self-preservation occupies a special place in the system of social values and development priorities of the state. The demographic situation in modern Russia dictates the need to improve public health and the social well-being of society. The article presents an analysis of domestic and foreign conceptual approaches to the study of social health and self-preservation behavior of the male population. Social factors that influence the social well-being of men are revealed. The role of self-preserving behavior in improving the demographic indicators and the health status of the male population is examined, and the factors affecting these indicators are analyzed. The authors make a conclusion regarding the relevance of the problem of self-preservation behavior at the level of an individual and society as a whole.

Keywords: self-preservation behavior, male population, health, healthy lifestyle.

УДК 316.74:2

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНТИХРИСТ»: СЕМИОТИКА МИФОЛОГЕМЫ И ОБРАЗА

© 2018 г.

А.М. Прилуцкий

Прилуцкий Александр Михайлович, д.филос.н.; проф.; профессор кафедры социологии и религиоведения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
alpril@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 07.07.2017**Статья принята к публикации 23.04.2018*

Статья посвящена изучению специфических герменевтических интерпретаций новозаветного образа антихриста, восходящего к Откровению Иоанна Богослова (Апокалипсису). Показано, что доктрина о политическом антихристе сформировалась по аналогии с учением о духовном антихристе старообрядцев на основе антимасонской пропаганды начала XX века. Сегодня мифологема «политический антихрист» является выражением веры в наличие могущественных тайных сил, контролирующих работу политических и экономических международных организаций, коллективный глобальный антихристианский заговор невидимых кукловодов (мифологема «тайное мировое правительство» четко коррелирует с мифологемой политического антихриста). Поэтому конспирологический миф является необходимым семиотическим контекстом существования мифологемы политического антихриста: именно он запускает специфические герменевтические механизмы, позволяющие интерпретировать действия международных организаций в эсхатологическом контексте.

Ключевые слова: социология религии, маргинальная религиозность, мифология, старообрядчество, религиозная ситуация, конспирология, политический антихрист.

Актуальность исследования

Современная религиозная ситуация, если ее анализировать с позиций герменевтического подхода, поражает обилием эсхатологических текстов, функционирование которых вовсе не ограничено пространством народной религиозности, тяготеющим к установкам мифологической культуры. Эсхатологический дискурс сегодня оказывается востребованным представителями различных страт религиозной культуры, а эсхатологическое содержание многие видят в нейтральных действиях властей (внедрение новейших информационных технологий в сферу обработки персональных данных, переписи, принятие некоторых законов), открытиях ученых, продукции прикладной науки. Проблеме грядущего апокалипсиса посвящаются интернет-публикации, на эту тему снимаются фильмы, записываются интервью, произносятся проповеди. Значительную роль эсхатологическая тематика играет на низовых коммуникативных уровнях народной религиозной повседневности: эсхатологические слухи активно воспроизводятся в форматах устного нарратива, распространяемого некоторыми религиозными активистами. Периодически эсхатологическое напряжение порождает социальное, которое разрешается в драматическом эскапизме. Все это свидетельствует о том, что исследование эсха-

тологического дискурса современной низовой религиозной культуры обладает актуальным значением для религиоведения и социологии, а мониторинг роста эсхатологического напряжения в пространстве религиозной семиосферы необходим для предотвращения трагических последствий. Данная статья посвящена одному из проблемных вопросов современной эсхатологической мифологии, а именно изучению специфических герменевтических интерпретаций новозаветного образа антихриста, хорошо известного христианской культуре благодаря тексту Откровения Иоанна Богослова (далее – Апокалипсис).

Основные герменевтические паттерны апокалиптики

Апокалиптика сегодня не ограничена пространством низовой народной религиозной культуры, она активно воспроизводится кинематографом, художественной литературой. Однако проблематика художественной интерпретации эсхатологической темы выходит за рамки нашего исследования. Перед нами стоит более скромная задача – проанализировать герменевтическую специфику интерпретации апокалиптики в пространстве повседневной религиозной культуры, тяготеющей к формам маргинальной религиозности: художественные образы в этом

контексте интересны только в той степени, в которой они влияют на содержание концептов народной религиозной культуры. То, что это влияние существует, – несомненно: исследователи уже отмечали, что эсхатологическая тема в контексте «поучений» Славика Чебаркульского («Чебаркульского Отрока»)¹ в значительной степени клиширована по стереотипам, воспроизводимым в тогдашних мистических триллерах.

Образ антихриста, ключевой для христианского эсхатологического дискурса, на всем протяжении развития христианской культуры претерпевал изменения. Как справедливо отмечает А.С. Гришин, «во-первых, не завершена история, во-вторых, в Библии миф об антихристе дан сжато, пунктиром (нет его биографии, воспитания, пути к богоборчеству и мн. др.), что дает возможность художнику, философу, историку, богослову и рядовому человеку уточнять, детализировать, дополнять, модернизировать этот миф применительно к современности, то есть вступить на путь сотворения своего современного мифа об антихристе» [1, с. 14]. Анализируя основные герменевтические паттерны, согласно которым происходила его интерпретация, мы можем выделить наиболее устойчивые:

1. Антихрист как личность.
2. Антихрист как носитель высшей власти (например, папа римский, император).
3. Антихрист как государство.

Сегодня на маргиналиях религиозной семиосферы происходит активное формирование нового герменевтического паттерна, который по аналогии с «духовным антихристом» некоторых старообрядческих согласий мы условно определим как «политический антихрист». Последний реализует свои мрачные и зловещие замыслы, управляя политическими и социальными процессами. «Политический антихрист» локализуется в современных политических системах и организациях, с которыми он практически отождествляется.

Мифологема о политическом антихристе: проблема генезиса

На формирование мифологемы о политическом антихристе оказали влияние современные глобализационные тенденции, активное внедрение информационных технологий и электронных средств учета и обработки персональных данных, что в совокупности продуцирует напряжение религиозной ситуации. Консервативным установкам религиозной культуры вообще свойственно с недоверием воспринимать любые масштабные реформы, если их влияние так или иначе оказывается ощутимым в про-

странстве социума. Так, уже в XVI в. в русской теологической культуре формируются представления о том, что любая инновация является движением к антихристу, эти представления проявились в решениях Стоглавого собора (1551 г.) [2, с. 71], позднее ставших одним из авторитетов для старообрядцев различных согласий. Поэтому же и реформы Петра I, направленные на создание регулярного государственного аппарата, изменение паттернов культуры повседневности и реформирование церкви, порождали многочисленные эсхатологические мифы – от «подмененного царя» до «царя-антихриста», который «государство все разорил» [3, с. 160]. Даже такие нейтральные мероприятия власти, как паспортная реформа или перепись населения, становятся мощным катализатором эсхатологического мифотворчества. В свете сказанного можно предположить, что старообрядческая мифологема о духовном антихристе, согласно которой антихрист «духовно» уже утвердился в правящей церковной и светской власти, во внешнем мире» [4, с. 81], является одним из источников формирования современной мифологемы о политическом антихристе. Представление о духовном антихристе, в свою очередь, стало результатом развития свойственных раннему старообрядчеству представлений о том, что мир «является результатом действий одержавшего верх дьявола, воцарившегося в мире, жить в мире и не заразиться его злом невозможно, поэтому частицы антихристовой печати лежат на каждом человеке» [5, с. 83]. Однако в рамках старообрядческого дискурса сформировался сугубо национально-территориальный мифологический хронотоп антихриста: образ последнего интерпретировался в координатах национальной религиозно-политической ситуации, причем при помощи бинарных оппозиций, свойственных мифологическому мировосприятию [6]. Если сформировавшаяся в дореформенный период идеологема «Москва – третий Рим» предполагала, что пришествие антихриста связано с падением «Рима древнего», а в знаменитой «Книге о вере» утверждается, то предшественником антихриста является папа римский, то уже в старообрядческом дискурсе интерес к интерпретации антихриста в контексте не только российской, но и всей мировой истории ослабевает. И сам антихрист, и его пришествие и воцарение в старообрядческом дискурсе интерпретируется преимущественно применительно к событиям российским.

Отчасти это было связано с тем, что для мировосприятия раннего старообрядчества западный мир не представлял ценности и мало интересовал ревнителей древнего благочестия, от-

части – со свойственными позднему старообрядчеству тенденциями к эскапизму и политикой государства, направленной на подавление старообрядчества и маргинализацию его институтов. Совокупное действие этих факторов неизбежно ограничивало пространство старообрядческого дискурса.

Политический антихрист как конспирологический концепт

Если «духовный антихрист» старообрядческих беспоповских согласий представляет собой преимущественно «национальное» явление, то современная мифологема политического антихриста раскрывается в пространстве хронотопа, претендующего на вселенскость. Однако интерпретация этой «вселенной» оказывается мифологической и конспирологической. И здесь мы видим второе существенное различие двух анализируемых мифологем, которое коренится в степени проработанности конспирологических концептов. В принципе нужно сказать, что конспирологический миф чужд старообрядческой духовной культуре или же в ней он представлен в самых рудиментарных формах. Так и «классическая» мифологема «подмененный царь», будучи продуктом конспирологического творчества, на самом деле не получает особого развития в старообрядческой традиции: вопросы о том, кто и каким образом осуществил подмену, остаются неразработанными. Для успешного выполнения этой мифологемой этиологической функции достаточно утверждения о том, что царя подменили некие «враги», при этом никакие детали подмены не раскрываются и не прорабатываются: подменили, и всё. Данная мифологема в эсхатологическом дискурсе вовсе не является центральной, ее значение сугубо прагматическое – объяснить происходящее с точки зрения традиционной культуры, которая не может смириться с предположением, что «природный царь» является инициатором «антихристовых новаций».

Напротив, мифологема политического антихриста оказывается весьма продуктивной в плане развития конспирологического дискурса. Политический антихрист является выражением и олицетворением действия могущественных тайных сил, контролирующих работу политических и экономических международных организаций, фактически он является продуктом коллективного глобального антихристианского заговора невидимых кукловодов (мифологема «тайное мировое правительство» четко коррелирует с мифологемой политического антихриста). Конспирологический миф является необ-

ходимым семиотическим контекстом существования мифологемы политического антихриста: именно он позволяет запустить специфические герменевтические механизмы, позволяющие интерпретировать действия международных организаций в эсхатологическом контексте. В свете сказанного представляется вполне обоснованным рассматривать антимасонскую политическую мифологию начала XX века как первоначальный этап становления мифологемы о политическом антихристе.

Воспроизведение мифологемы политического антихриста в дискурсе маргинальной религиозности обладает выраженным перлокутивным воздействием, обеспечивающим не только консервацию коммуникативной группы, предупреждающую ее распад, но и управление поведением людей. Так, перлокутивный эффект эсхатологической проповеди печально знаменитого Петра Кузнецова состоял в радикальном изменении образа жизни его последователей, удалившихся в итоге в добровольный затвор (знаменитые «пензенские затворники»)², что отчасти сравнимо с радикальными формами старообрядческого эскапизма. Эсхатологический дискурс, особенно те его элементы, которые реализуют профетическую, дебитивную, равно как и императивную модальность, способны произвести значительный перлокутивный эффект.

Политический антихрист: семантика образа

Образ политического антихриста, часто представленный в дискурсе при помощи семиотических и риторических конструкций, аллегорий и метафорических цепочек, формирует модальность страха, которая еще более усиливает иллюкативную силу эсхатологического нарратива.

Используя современную теорию семиотического дрейфа, активно развиваемую отечественными специалистами в области семиотики религии [7, 8], и метод контент-анализа, мы можем выявить его основные семантические поля:

- международные политические и экономические организации;
- политические партии;
- масонские общества;
- информационные технологии;
- международные экуменические организации;
- транснациональные корпорации.

Семиотическая амбивалентность этих семантических полей проявляется в том, что они оказываются способными как выступать в качестве контекста раскрытия мифологемы, так и формировать ее понятийное ядро. Полагаю, что это зависит от тенденций семиотического дрей-

фа, полюсами которого в данном случае будут «метафора» и «символ». Если семантически значимый элемент в пространстве заданного мифологического семиозиса дрейфует в сторону метафоризации, семантическое поле утрачивает способность продуцировать эсхатологический дискурс и трансформируется в контекст, окружающий автономные эсхатологические концепты: политические события, социальные процессы и т.д. В этом случае провокативные заявления типа «ООН – коллективный антихрист», «Евросоюз – антихрист» реализуют не символический, но метафорический потенциал. Они не воспринимаются как утверждения, отождествляющие эти институты с образом апокалипсического антихриста, но являются выраженным эмотивным заявлением принципиальной враждебности перечисленных институтов христианству, при этом утверждение их онтологической связи с антихристом книги Апокалипсиса в намерение говорящего не входит.

Дискурс политического антихриста характеризуется продуктивностью метафор войны, заговора, управления поведением и сознанием людей, которые усиливают перлокутивный эффект высказываний, придают эсхатологическим текстам повышенную эмотивность, формируют модальность страха. Страх перед войной, прочно укорененный в повседневном народном идеодискурсе, переносится таким образом на эсхатологические дискурсные конструкты, например: «Идет духовная, официально не объявленная, информационная война», «Уже сейчас, пока подавляющее большинство людей, в том числе пастырей, духовно спит, идет самая настоящая, духовная битва с антихристом» [9]. Семиотический дрейф позволяет превращать эти метафоры в символы, усиливая их иллюкативность и эмотивность.

Метафоры заговора менее подвержены семиотическому дрейфу, поскольку их семиотическое содержание более бедное. Семиотическая прагматика их употребления близка метафорам войны, поскольку страх перед тайными силами в общественном идеодискурсе не менее устойчив, нежели страх войны. Так, «заговорщики», например врачи-вредители, выполняют волю неких, всегда остающихся в тени «главных заговорщиков», которые и ассоциируются с антихристом. Иногда семантика заговора взаимодействует с имперским и даже сталинским мифом, сообщая последним эсхатологические коннотации – «это так называемое "дело врачей", когда, по наущению дьявола, слуги грядущего антихриста (и пошедшие у них на поводу предатели-иуды) в "белых халатах" (т.е. медицинские работники) в России убивали или

сильно повреждали здоровье новорожденных младенцев мужского пола. Так они думали убить грядущего Русского Царя. Но... эта попытка не удалась – Господь руками Иосифа Виссарионовича Сталина пресек осуществление этого замысла: часть этих "врачей"-людоедов в "белых халатах" – упрятали за решетку, часть по заслугам "поставили к стенке", остальные были вынуждены скрывать свою волчью натуру под прикрытием "белых халатов"» [10].

Метафоры могущества и управления поведением людей («зомбирование») интересны тем, что они явно коррелируются с дискурсом художественной литературы и кинематографии (фантастика, фильмы ужасов, антиутопия). В качестве примера приведем фрагмент эсхатологической листовки, распространяемой одной из неканонических православных структур: «он (т.е. антихрист. – А.П.) уже воцарился в евросоюзе, щупальца его проникают всюду и невидимо отравляют мир, зомбируя человечество и лишая воли людей»³.

Богатство семиосферы дискурса политического антихриста не только усиливает его перлокутивную функцию, но и обеспечивает его устойчивость. Семиотический дрейф выступает инструментом герменевтической адаптации содержания дискурса к условиям его воспроизведения (контекстам), что делает его содержание приемлемым для представителей различных субкультур, ориентированных на православный паттерн.

Примечания

1. Крашенинников Вячеслав Сергеевич (Славик Чебаркульский, Чебаркульский Отрок, Отрок Вячеслав), 1982–1993, мальчик, умерший в десятилетнем возрасте от онкологического заболевания. Вскоре после смерти сформировался неканонический культ, основанный на вере в то, что Вячеслав Крашенинников обладал даром целительства и предсказаний. Тексты, приписываемые мальчику, содержат как эсхатологические мифологемы, так и сюжеты, заимствованные из произведений научной фантастики, многочисленные описания «чудес». В циркулярном письме митрополита Челябинского и Златоустовского Иова № 775 от 30.10.2007 говорится, что «культ поклонения «отроку Вячеславу» является самоизмышленным, содержит в себе элементы заурядного суеверия, кощунственного посягательства на учение Церкви и насаждается достаточно организованной группой антицерковно настроенных людей».

2. Речь идет о последователях религиозного фанатика и экстремиста, душевнобольного Петра Кузнецова, в октябре 2007 года добровольно удалившихся в строгий затвор в выкопанном ими подземном убежище на окраине села Никольское Пензенской области. Причиной затвора стало предсказанное П. Кузнецовым наступление в ближайшее время конца света. Во время затворничества, продолжав-

шегося около полугода, несколько человек умерли из-за невыносимых условий жизни в холодном и сыром подземелье. Группа «пензенских затворников» отличалась ярким неприятием ИНН, паспортов нового образца, ожиданием конца света и иными эсхатологическими страхами. В ноябре 2007 г. лидер затворников был признан душевнобольным и помещен в психиатрическую клинику, позднее некоторые написанные им тексты были внесены в список экстремистских материалов.

3. Листовка, озаглавленная «Тайна беззакония и новый мировой порядок», формат А4, размножена на ксероксе, без выходных данных и авторства, ориентировочно декабрь 2015 г. (Из собрания автора).

Список литературы

1. Гришин А.С. Общий смысл русского варианта мифа об антихристе // Вестник Челябинского государственного университета. 1994. Т. 2. № 1. С. 5–15.
2. Асонов Н.В. Формирование представлений о власти в политических доктринах старообрядчества // Власть. 2008. № 7. С. 71–75.
3. Обухова Ю.А. «Царь-антихрист» и «царевич-избавитель» в непригожих речах XVIII века как социокультурная предпосылка появления самозванцев // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Коричко. 2013. С. 159–161.
4. Журавель О.Д. Старообрядческая литературная утопия: русский вариант *civitas dei*? // Universum Humanitarium. 2016. № 1 (2). С. 78–93.
5. Рычкова Е.В. Символическая оппозиция «своего – чужого» пространств в художественном пространстве памятников словесности зауральских старообрядцев // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 83–87.
6. Прилуцкий А.М. К герменевтике старообрядческих эсхатологических представлений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 6. С. 191–199.
7. Лебедев В.Ю. Модель семиотического дрейфа в описании христианского религиозного ритуала // Полигнозис. 2004. Вып. 2. С. 30–38.
8. Сазонова Н.И. Визуальная антропология и новые подходы к исследованию религиозного культа: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (155). С. 202–207.
9. Святые угодники божии о последних временах [Электронный ресурс] / Л. Очай, сост. URL: <https://nasledie77.wordpress.com/2014/12/12/святые-угодники-божии-о-последних-вре/> (дата обращения: 05.01.2017).
10. Александров М. Чем Иосиф Виссарионович Сталин заслужил вечную память русского богоизбранного народа? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ic-xc-nika.ru/texts/2009/dec/n625.html> (дата обращения: 05.01.2017).

«POLITICAL ANTICHRIST». THE SEMIOTICS OF THE MYTHOLOGEM AND IMAGE

A.M. Prilutskii

Herzen State Pedagogical University of Russia

The article deals with the study of the specific hermeneutical interpretations of the New Testament image of the Antichrist that arise from the Book of Revelation (the Apocalypse). The author demonstrates that the doctrine of the political Antichrist has been formed as an analogy to the doctrine of the spiritual Antichrist held by the Old Believers, on the basis of anti-mason propaganda in the early 20th century. Nowadays, the «political Antichrist» mythologem is an expression of belief in the existence of some mighty secret forces controlling the functioning of international political and economic organizations, the existence of the collective global anti-Christian conspiracy of the invisible puppeteers (the mythologem of the «secret world government» clearly correlates with the mythologem of the political Antichrist). That is why the conspirological myth is a necessary semiotic context for the existence of the «political Antichrist» mythologem: it gives an opportunity to activate special hermeneutical mechanics, enabling the interpretation of actions of international organizations in the eschatological context.

Keywords: sociology of religion, marginal religions, mythology, Old Believers, religious situation, conspiracy theories, political Antichrist.

УДК 316

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ТАТАРСТАНА К СЕМЕЙНОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

© 2018 г.

Л.В. Карцева

Карцева Лидия Валерьевна, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры педагогики
Университета управления «ТИСБИ», Казань
lizolda@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 09.01.2018**Статья принята к публикации 23.04.2018*

Цель работы – определить пути сохранения семейного образа жизни в Российской Федерации, переживающей кризис институтов брака и семьи, отцовства и материнства, утраты традиционных брачно-семейных ценностей и практик. Современные подростки, юношество, молодёжь посредством институтов образования, воспитания, культуры, средств массовой информации увлечены идеологией успеха, лидерства, замещающей просемейные ориентации. Конкуренция между рыночными и нерыночными ценностями, включая ценности брачно-семейные, неуклонно обостряется и ведёт к самым негативным последствиям как для самих молодых людей, так и для общества и государства. В работе использовались методы сравнительного анализа материалов исследований, проведенных в предыдущее десятилетие в различных регионах Российской Федерации, количественный анализ (социологическое анкетирование) населения Республики Татарстан (2016 год). Анализируются отношение опрошенных к традиционному браку, специфика брачно-семейного поведения татарстанцев, выявляются основные факторы, влияющие на укрепление семейных ценностей, сохранение традиционной семьи, семейного образа жизни. Сформулированы причины расхождения социальных установок населения на семейный образ жизни и «сворачивания» репродуктивных потребностей личности, и в том числе – материально-экономическое положение семей и отсутствие просемейной идеологии в государстве. Выявлены основные особенности отношения населения Республики Татарстан к семейному образу жизни, среди которых – настрой на среднететность.

Ключевые слова: брак, семья, брачно-семейное поведение, семейный образ жизни, семейные ценности, жизненные ориентации, демографические процессы.

Введение

Усилия представителей социогуманитарного знания последних десятилетий направлены на поиск способов решения одной из важнейших проблем современной эпохи – демографической. К сожалению, усилий государства и общества оказывается недостаточно, чтобы приостановить глобальную тенденцию к сокращению населения Российской Федерации. Вызвана она падением престижа институтов брака и семьи, а фактически их деинституционализацией. Корни проблемы лежат в общественном сознании, в смещении акцентов с социального на индивидуальный уровень осмысления ситуации в сфере брачно-семейных отношений. Отсутствие продуманной государственной фамилистической идеологии, доминирование в социуме, в социальном воспитании и образовании установки на успех, соотносимый с материальным компонентом оценки человеческих затрат, задвигает концепцию семьи на задворки индивидуального сознания.

Демографические данные свидетельствуют о колоссальном снижении интенсивности вступления в брак среди мужчин и женщин, несмотря на рост их обеспеченности, потенциальными

брачными партнерами, подходящими по возрасту и не состоящими в браке. Это подтверждает мнение С.В. Захарова о том, что «“золотой век” традиционного брака близится к закату». Зарегистрированных браков становится все меньше, незарегистрированных – все больше [1, с. 122]. Таковы российские реалии.

В то же время социологические опросы представляют ситуацию с более оптимистичных позиций. Например, в прикладном исследовании Л.А. Поповой «Отношение молодежи к семье и детям» (конец 2015 – начало 2016 г.), затронувшем Республику Коми [2, с. 367], резюмируется: в условиях активной демографической политики у современной молодежи наличествуют семейно-ориентированные стандарты демографического поведения. Как следует из ответов 1350 опрошенных в возрасте 15–26 лет, просемейные ориентации свойственны 83.1% из них, при этом девушки составляют 86.6% данной группы, юноши – 78.3%. Главный жизненный ориентир этой категории – счастливая и дружная семья. Последнее означает наличие просоциальной позиции, оценки своего социального и личного статуса в семье с коллективистской точки зрения. Усиливает данную ориентацию беспокойство респондентов о собст-

венном здоровье и здоровье своих близких (74.2%), понимание важности рождения детей и их воспитания (40.4%). Факт, подтверждающий просемянную установку обследованной молодежи, – меньшая значимость для неё благополучия в материально-бытовой сфере. Данные социологического опроса свидетельствуют: семейное имеет заметный перевес над материальным (33.3% ответов).

Можно предположить, что одним из способов решения столь острой социальной проблемы, как демографическая, является сохранение ценности семейного образа жизни в российском социуме. С времени ухода с общественной арены государства СССР и возникновения новой государственности – Российской Федерации такая значимая цель социального воспитания, как пропаганда семейного образа жизни, семейности как таковой в самых широких кругах населения, его преимуществ перед асемейным образом жизни, утратила актуальность.

Под семейным образом жизни понимается практическая реализация социальной установки личности, являющейся членом семьи, на наличие моногамного официального брака, полной семьи с несколькими детьми (от двух и больше), приоритет семейных ценностей перед асемейными. К семейным ценностям следует отнести, прежде всего, ценность родительства и его составляющих – материнства и отцовства, ценность родственных связей – межпоколенных и внутрисемейных, ценность таких социальных конструктов, как дом, придомовая территория, трудовое воспитание в семье, семейные традиции, семейная история. Быть приверженцем семейного образа жизни значит находиться во внутрисемейной совместной деятельности, формирующей стиль жизни и отражающей верность таким ценностям, как любовь, верность и традиционный брак; большая многодетная, многопоколенная семья; семейные традиции и обычаи, внутрисемейный досуг; связь с предками, забота о ближних [3, 4].

Противоречие в оценках ситуации у специалистов-демографов и социологов требует более детального анализа. В ходе данного исследования выявляются позиции представителей татарстанского социума в оценке состояния брачно-семейной сферы, определяются пути сохранения семейного образа жизни в Российской Федерации в целом. Задачи исследования таковы: 1) показать основные особенности отношения населения Республики Татарстан к браку и семье, 2) выявить причины расхождения между установками молодых людей на семейный образ жизни и на реализацию личных жизненных планов, 3) определить возможности повышения ре-

продуктивного ресурса общества в одном из экономически значимых и своеобразных в культурном плане субъектов Российской Федерации.

Методология исследования

Основной подход сформулирован одним из ведущих исследователей брачно-семейных отношений, д.филол.н., профессором, заведующим кафедрой социологии семьи и демографии МГУ им. М.В. Ломоносова А.И. Антоновым и определен как кризисная парадигма в развитии института семьи. Профессор Антонов пишет: «Теперь же возникает угроза отказа от фамилистической цивилизации и культуры, исчезновения естественной семьи, основанной на семейном живорождении и семейном воспитании человеческих поколений, становится зримой перспектива перехода к бессемейной организации массового воспроизводства населения» [5, с. 12]. Согласно демографической статистике, им приведённой, малодетность, а следовательно, и бессемейность охватывают около 80 стран мира, или 40% населения Земли, что чревато возвращением к двух-трёхмиллиардной популяции человечества к началу XXII века [5, с. 12; 6, с. 16]. Основной проблемой в этой ситуации выступает внесемейный настрой населения, его безразличие к фамилистическим призывам, считает учёный.

Подтверждает высказанное мнение исследователь из Китайской Народной Республики She Lin, в фокусе внимания которого – демографические процессы в КНР и взаимоотношения в семьях. Согласно результатам проведённого им исследования, «изменения структуры и отношений современной китайской семьи создают определенные сложности. Изменения китайской семейной структуры происходят на фоне распространения идеи «родить меньше» и «родить одного», что, с одной стороны, вызывает антагонизм и напряжение в семейных отношениях, с другой стороны, увеличивает трудности, вызванные необходимостью оставлять детей с бабушками и дедушками, необходимостью иметь большие финансовые ресурсы для воспитания детей» [7, с. 404]. Как пишет She Lin, даже если миграция населения не масштабна, человеческий ресурс в семьях уменьшается, что делает их менее устойчивыми и защищенными.

В славянском мире, в странах СНГ ситуация схожа с российской, но отличается от восточной (китайской). В частности, В.В. Гара (Республика Беларусь) указывает на «существенные изменения ценностных ориентаций молодежи» [8, с. 1033], ценностные установки которой ныне ориентированы на индивидуализм, приоритет самостоятельности, независимости, свобо-

ды. Однако психологически и ментально белорусские юноши и девушки, выбирая материальный достаток как важнейший мотив выстраивания жизненных стратегий, связывают его прежде всего с семейностью, ценность семьи занимает устойчивое второе место в группах ценностей. Автор пишет: «...семья является связующим звеном (а возможно, и элементом перехода) между индивидуально-прагматической направленностью трудовой активности и коллективистской направленностью» [8, с. 1033].

А.Б. Синельников, д.соц.н., доцент кафедры социологии семьи и демографии МГУ им. М.В. Ломоносова, анализируя концепции демографических переходов, предлагает альтернативу в виде теории исторической трансформации поведенческих параметров формирования и распада семей [9, с. 12; 10]. Как полагает Синельников, «трансформация семьи не является исторически необратимым процессом», а «закономерности развития внутрисемейных отношений далеко не всегда объясняются действием социально-экономических факторов». При этом учёный отмечает, что «сами эти отношения оказывают заметное влияние на экономику и социальную сферу» [9, с. 13]. Напрашивается вывод, что изменения в демографических установках российского населения налицо, но они не фатальны.

Жизненные ориентации в контексте репродуктивного поведения изучает д.соц.н., проф. А.В. Жаворонков. Проведённое социологом лонгитюдное исследование «Образ жизни» (1976–2014 гг.) позволило разработать модель социального пространства–времени, которая полезна и для нашей работы. С её помощью было установлено: вступления в брак и распады браков цикличны так же, как циклична человеческая активность. Чередуются рождение детей, накопление материального богатства, профессиональный труд, семейный и индивидуальный досуг. Методологически и теоретически значимый вывод автора исследования таков: «...никакие пропагандистские или непродуманные экономические меры ...не могут заставить людей поступать в житейских вопросах против их собственной воли» [11, с. 59]. Социальная система подвижна. Её сбалансированность возможна только в трёх точках: 1) необходимое число детей (2.6) на одну семейную пару, 2) ограничение нормы прибыли в производственной сфере в 15% относительно товаров и услуг, обеспечивающих названный показатель, 3) создание такой институциональной структуры, которая учитывала бы интересы всех социальных групп, отвечающих за социальное воспроизводство жизни. На данный момент существует противоречие в российском смысловом по-

ле – между трудолюбием и работой, с одной стороны, и стремлением к успеху, положению в обществе – с другой. Следует регулировать пропорции предметно-институциональной среды, а не поведение людей, – считает учёный [11, с. 60].

В трудах А. Карлсона, яркого представителя американской фамилистической школы альтернативной социологии, заявлен институциональный кризис семьи и государства, обсуждаются вопросы автономизации нуклеарной семьи и ограничений со стороны общества в границах вмешательства в её функционирование. При этом автор убеждён: причины упадка семьи во многом кроются в нападках на неё либеральной и феминистской идеологии, политическом влиянии либерального индивидуализма, заменившего феминизм, и призывает сопротивляться «маршу модернизации и глобализации» [12, с. 11].

Вышеизложенное позволяет заметить сходство демографической и социологической позиций в сути и различия в выводах, касающихся оценки ситуации в сфере брачно-семейных отношений. Неразрешённость и нерешаемость вопроса снижения численности населения России признаётся и теми, и другими исследователями. Но далее предлагаются разные способы выхода из кризисного положения. Профессор Антонов считает, что в России дискриминируется семья с пятью и более детьми. Учёным предложена модель новой семьи как домохозяйства, основой которого являются компьютерная технология и интернет-сетевая коммуникация. Соединение труда родителей и детей в производстве и образовании (домашне-семейное образование детей родителями) позволит, считает проф. Антонов, воссоздать семью как совместную жизнедеятельность родителей и детей на протяжении всего жизненного цикла [5, с. 33]. Данная позиция понятна, идеологически и культурно целесообразна, однако нереалистична, учитывая современное состояние общественного сознания, о котором пишет сам исследователь.

А.Б. Синельников настаивает на стабильности развития всех типов демографических процессов в брачно-семейной сфере, фактически утверждая ту же модель семейности, что и А.И. Антонов. «Государству следует поддерживать, прежде всего, нормативный тип полной семьи с несколькими детьми, которая имеет регулярные отношения взаимопомощи со старшим поколением», а также пропагандировать семейные нормы и ценности, повышать престижность семейного образа жизни [9, с. 35].

А.В. Жаворонков признаёт, что пропагандой изменить ситуацию невозможно, и призывает государство создать благоприятные условия для функционирования семьи с детьми.

На наш взгляд, предложенные концепции позволяют иметь точку отсчёта в исследовании современных институтов брака и семьи, которые долгое время находятся в состоянии кризиса, который только углубляется. Однако в оценке событий на демографическом «фронте» в российском обществе нужна конкретизация по отношению к отдельным регионам. Основываясь на изложенных позициях ведущих демографов и социологов Российской Федерации, их коллег за рубежом, проведём анализ ситуации в сфере брачно-семейных отношений в одном из её субъектов – Татарстане, довольно сложном в плане соотношения традиций и инноваций, находящемся на пересечении двух социокультурных, социально-политических, культурно-идеологических пластов – федерального российского и местного, локального, чтобы оценить жизнеспособность категории «семейный образ жизни» во втором десятилетии XXI века.

Результаты

По заказу комитета по социальной политике Государственного совета Татарстана Татарстанским республиканским отделением Национального общественного комитета «Российская семья» и ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры» в 2016 г. было проведено конкретное социологическое исследование по теме «О социально-экономическом и социально-психологическом положении семей в Татарстане». В то время рассматривался вопрос разработки собственной, татарстанской концепции семейной политики, отвечающей духу и букве Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. Одновременно фамилистические общественные организации республики выдвинули перед руководством Татарстана идею создания профильного министерства, которое занималось бы вопросами семейной политики. К сожалению, ни то, ни другое начинания не были в конечном итоге восприняты и одобрены высшим эшелонem местной политической элиты, но удалось изучить настроение жителей республики в сфере брака и семьи и донести основные выводы исследования до руководителей и депутатов Государственного совета Республики Татарстан, а в конце 2017 г. и до депутатов Федерального собрания – Государственной думы Российской Федерации.

В качестве выборочной совокупности выступили 1401 человек из сельских районов – Пестречинского, Алексеевского, Алькеевского, Камско-Устьинского, Рыбно-Слободского, городов Казань (1 205 651 человек), Мамадыш

(15 528 человек) и Лениногорск (63 635 человек). [13]. Применялись пропорциональная (квотная) выборка и многоступенчатая (вероятностная) выборка. Стратифицированный отбор был произведён по параметрам пола, возраста, места жительства и социально-профессионального статуса со случайным способом отбора внутри групп. Процентное соотношение между сельскими и городскими респондентами соответствует генеральной совокупности для данного исследования – составу населения Республики Татарстан (32.7% – село, 66.9% – город).

Социально-демографические характеристики опрошенных таковы: мужчин 36.6% и женщин 63.4%, что соответствует распределению в генеральной совокупности (Республике Татарстан); возрастные группы – от 25 лет и до 60 лет и старше; социально-профессиональный статус респондентов – служащие (13.5%), рабочие промышленных предприятий (7.1%), инженерно-технические работники (6.1%), сельскохозяйственные работники (3.2%), руководители всех звеньев управления (5.9%), работники науки, культуры, образования, здравоохранения (33.3%), студенты вузов и учащиеся колледжей и лицеев (4.5%), работники сферы торговли и обслуживания (9.1%), предприниматели (4.4%), военнослужащие (0.6%), домохозяйки (1.1%), безработные (2.9%). Выборка может быть определена как репрезентативная, ошибка выборки не превышает 5%.

В качестве задач конкретного эмпирического социологического исследования выступили: 1) выявление отношения опрошенных к традиционному браку как форме организации жизни современной семьи, 2) изучение специфики брачно-семейного поведения жителей Республики Татарстан в условиях переживаемого семьёй процесса модернизации; кроме того, 3) исследовались социальные факторы, в наибольшей степени влияющие на функционирование института семьи в условиях сохранения кризисных явлений в российском обществе, а также 4) особенности отношения татарстанцев к семейному образу жизни как одной из социальных ценностей. Данный вопрос и является фокусом данной статьи.

Об отношении к традиционному браку. Как показал опрос, в момент заполнения анкет в первом браке состояло подавляющее большинство опрошенных – 77.5% респондентов. Оставшиеся 22.5% респондентов либо разведены (48.5%), либо овдовели (22.5%), либо состоят в повторном браке (28.7%). Следовательно, уже данный факт – высокий процент брачности – свидетельствует о наличии у опрошенных ценности брака как социального института. Не-

смотря на все трудности, переживаемые российской экономикой, включая невысокий размер заработной платы, население республики видит в брачных узах больше «плюсов», чем «минусов».

Конечно же, брак стареет и в Татарстане. Вступили в него в возрасте от 25 до 29 лет едва ли не половина респондентов (41%). Однако и в более молодом возрасте, до 20 лет, заключили брак более трети участников опроса (36.2%). К 30 годам «созрели» для брачных уз 16% опрошенных. Поздние браки непопулярны: к 35 годам принимают решение о супружестве 3.9%, к 40 годам – 2.1% опрошенных. Таким образом, наиболее активны в матримониальном плане молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет, что позволяет сделать вывод о благоприятной ситуации в сфере брачной организации индивидуальной жизни татарстанцев.

Существенное значение имеет то, что отвечали на вопросы анкеты люди, в основе своей опытные в семейной жизни. Наибольшая доля из них имеет семейный стаж от 10 лет (58.7%). От шести до десяти лет длится супружество 13.8% опрошенных. Молодые пары со стажем от одного до двух лет брака представлены в ответах долей в 7.6%. Группа молодожёнов (мее года в браке) – 8.5%.

Заметим, что в задачи исследования не входило выявление отношения татарстанцев к альтернативным формам организации супружества, в том числе и к сожительству, что не делает менее ценными данные об одобрительном отношении большинства опрошенных к традиционному – официальному, гражданскому браку.

О специфике брачно-семейного поведения татарстанцев. Принципиальных отличий брачно-семейного поведения жителей Татарстана от россиян из других субъектов Российской Федерации обнаружить было бы сложно в связи с тем, что социально-политическое и социально-экономическое поле страны в достаточной степени однородно. Есть лишь один аспект – социокультурный. В ходе опроса была выявлена значимая особенность – *отсутствие интереса опрошенных к такой чувствительной сфере внутрисемейных отношений, как этноконфессиональная*. При установке культурной элиты на продвижение идеи моноэтнического своеобразия республики, включая вопросы развития национального татарского языка и национальных традиций татарского народа, само население относится к данному вопросу сверхтолерантно. В ответ на вопрос, какие помехи в воспитании детей могли бы назвать опрошенные, строка «национальные различия

родителей» оказалась на последнем месте из семи вариантов и набрала 0.9% ответов. Первые позиции заняли «излишние нагрузки на работе» (28.3%), «материальные трудности» (25.8%), «большой объем бытовой работы по дому» (16.6%), что отражает объективные трудности воспитательного процесса в семье.

Репродуктивные намерения опрошенных, как показало исследование, отличаются в лучшую сторону от данных, приводимых в исследованиях демографов Урала, северных регионов Российской Федерации, столичных городов – Москвы, Санкт-Петербурга. Так, к.соц.н., научный сотрудник кафедры социологии семьи и демографии МГУ им. М.В. Ломоносова Т.Н. Грудина пишет, что «среднестатистической российской семьей является семья с двумя родителями, состоящими в браке, и одним ребенком (67% среди всех семей с детьми)». Отмечает автор и то обстоятельство, что если по данным Всероссийской переписи населения 1989 г. многодетных семей было 4.6%, то уже в 2010 г. их стало меньше – 3.1%. Увеличение числа таковых в начале 2017 г. до 1566 тыс. по сравнению с 1250 тыс. в 2010 году ни о чём не говорит, поскольку, как указывает Т.Н. Грудина, «происходящие положительные изменения – ненадолго, и в скором времени демографическая ситуация резко ухудшится» [14, с. 100].

Петербургский социолог О.Н. Безрукова видит ситуацию с другой стороны, отмечая, что, несмотря на трансформацию культурных кодов детства, «доминирующими остаются дискурсы о безусловной ценности детей, гуманистические идеи о детях как драгоценном ресурсе продолжения жизни каждого человека и человеческом капитале для развития общества» [15, с. 89].

Как выясняется из проведённого нами опроса, почти у половины респондентов (45.2%) растут двое детей, почти треть (32.9%) имеют одного ребёнка, что в совокупности составляет 78.1% – подавляющее большинство. В Татарстане ведущая модель семьи – двухдетная, при этом трёхдетность является весьма привлекательной семейной структурой.

Рассмотрим репродуктивные установки опрошенных, отражающие существо семейного образа жизни, семейных ценностей, более подробно. Анализ данных показал: *идеальное число детей для респондентов – двое или трое*. Два ребёнка предпочтительны для более чем половины (57.8%) респондентов. Единственный ребёнок – привлекательная позиция для наименьшего их числа (8.8%). О троих детях задумываются более четверти (28.0%), о четвертых – 5.5% респондентов. Таким образом, многодетная семья привлекательна для 33.5% опрошенных, фактически для одной трети.

Таблица 1

Респонденты об идеальном, планируемом и реальном числе детей в семье
(в % от числа опрошенных)

Число детей в семье	Идеальное число детей	Планируемое число детей	Реальное число детей
1	8.8	10.7	34.7
2	57.8	65.9	51.7
3	28.0	20.7	11
4	5.5	2.7	2.3

Рис. 1. Респонденты о числе детей, необходимом для счастливой семейной жизни (в %)

Планируемое, или ожидаемое, число детей выглядит несколько иначе. В отличие от идеального числа в планах 10.7% опрошенных – один ребёнок, двоих детей собираются родить уже 65.9%. Трех планируют 20.7% вместо 28.0%, четверых – 2.7% вместо 5.5%. Различия в параметрах заметные, и они идут на понижение числа детей в семье. Иначе говоря, то, что запланировано молодыми семьями, обуславливается объективными обстоятельствами, которые далеко не всегда стимулируют рождаемость, что совпадает с концепцией А.В. Жаворонкова. Материальное предопределяет идеальное, отсутствие ресурсов негативно влияет на общую ситуацию как в регионе, так и в каждой отдельной семье.

Реальное число детей выглядит следующим образом. Один ребёнок воспитывается более чем в трети семей респондентов (34.7%), что почти в четыре раза больше идеального числа (8.8%). Двое детей растут у 51.7% опрошенных, что ненамного ниже идеального числа (57.8%). Трое детей в составе 11% семей респондентов, что более чем вдвое меньше идеального числа (28%), и четверо – у 2.3% участников опроса, и эта величина более чем вдвое ниже идеального числа (5.5%).

В сравнении данные выглядят так (таблица 1).

Наиболее важны в анализе репродуктивных намерений супругов, на наш взгляд, ответы на вопрос, сколько же нужно иметь детей для семейного счастья (см. рис. 1).

Если в реальной жизни в семьях опрошенных воспитывается один ребёнок (34.7%), то

отнести данное число рождений к счастливому смогли только 7.1% опрошенных, что само говорит за себя. Двухдетность семьи – явление для Татарстана устоявшееся, поскольку именно двое детей, судя по опросу, могут сделать родителей счастливыми в 53.9% случаев, и в 51.7% случаев в семьях растут именно двое.

Более важным можно считать следующий факт: треть респондентов (33.5%) выбрали в качестве счастливого числа троих детей. Учитывая, что в реальном измерении их меньше втрое, можно сделать вывод, что трёхдетность, или среднететность, – популярная модель для татарстанского социума, которая существует в общественном сознании и может быть продвинута в общественное поведение. Четверо детей – ситуация более эксклюзивная, однако и её отметили 6.6% опрошенных, которых не смущает родительство с четырьмя детьми. И снова этот параметр в три раза выше, чем тот, что существует на практике.

Противоречие в репродуктивных намерениях опрошенных, к сожалению, существует. По крайней мере, важно, что респонденты не настроены передавать собственную репродуктивную модель своим детям. Отвечая на вопрос, сколько детей они посоветовали бы родить собственным наследникам, участники опроса сообщили следующее (см. рис. 2).

Как видно из рисунка 2, большинство респондентов (63.8%) выбрали двоих детей, что соответствует их собственным установкам. Но более важно другое: 23.0% респондентов готовы поддержать появление троих внуков, и это не что иное, как их собственная нереализован-

Рис. 2. Сколько детей посоветуют родители иметь своим детям при наступлении их брачного возраста (в %)

ная мечта. Во всяком случае, данная цифра из будущего вдвое превышает реальные числа семейной детности. Меньшая часть опрошенных (9.4%) настроена на одного внука. Отсюда следует вывод: среднететность – та модель семьи, которая привлекает в наибольшей степени. И хотя это лишь начало линии среднететности (на четверых внуков настроены лишь 3.8% опрошенных), тем не менее ситуация в Татарстане более чем оптимистичная.

Для сравнения: судя по данным опроса в Уральском регионе, молодые супруги обзаводятся в 60% случаев одним ребёнком, троих детей имеет каждый десятый опрошенный, четверых – 1.8%. Пятеро детей (подлинная многодетность) решились родить лишь 0.6% опрошенных [2, с. 369]. Как считает социолог и демограф Л.А. Попова, «взросление при отсутствии новых мер демографической политики способствовало рационализации стандартов демографического поведения когорты 1994–1998 гг. рождения» [2, с. 369].

У более молодых участников опроса (1999–2000 г. рождения) к 2016 г. сложились более низкие репродуктивные установки, чем у более старших респондентов. Как свидетельствуют данные проведенного Л.А. Поповой исследования, ожидаемое число детей у самой молодой группы опрошенных составляет 1.91, идеальное число – 2.12, желаемое – 2.19, что подтверждает вывод о недостаточности материального стимулирования рождаемости. Автор резюмирует: «...для рождения желаемого числа детей, по мнению молодежи, необходимы, прежде всего, достаточный уровень доходов, хорошие отношения с супругом и полная семья» [2, с. 370].

Об особенностях отношения татарстанцев к семейному образу жизни – ввиду небольшого объема статьи – сообщим в **Заключении**. Данные исследования убеждают: таковых несколько.

Прежде всего, татарстанское население поддерживает семейный образ жизни всецело, в ментальном плане не видит ему альтернативы.

Данная установка характеризует точку зрения не только людей среднего возраста, но и молодежи, и не только сельской, но и городской, что составляет новизну данного исследования и должно быть учтено при разработке мер по демографической и семейной политике в регионах.

Более того, согласно данным социологического исследования, *сохранение семейного образа жизни в Татарстане* возможно, несмотря на инновации в институтах брака и семьи. Для этого нужны усилия социально-демографического и социально-экономического характера, о чём выше говорилось. Среди них – поддержание авторитета гражданского, официального брака; стимулирование рождения в семье нескольких детей; сохранение благоприятного социально-психологического климата в семье, конструктивных внутрисемейных коммуникаций; укрепление межпоколенных отношений, родственных связей в семье; устойчивое развитие экономической сферы, повышение уровня жизни населения в целом.

Отмечается *расхождение установок молодых людей на семейный образ жизни*, с одной стороны, и на реализацию личных жизненных планов – с другой, что характерно и для других регионов России. Влияют на данное положение в немалой степени объективные, внешние факторы, что подчеркивает необходимость регуляции пропорций предметно-институциональной среды, по А.В. Жаворонкову, а также четкой государственной фамилистической идеологии, пространством которой заполняет прозападная либеральная идеология бессемейности.

Существо противоречия между наличием просемейного сознания молодежи и её реальным матримониальным (фамилистическим) поведением, на наш взгляд, кроется в том, что «нормативный тип полной семьи с несколькими детьми, которая имеет регулярные отношения взаимопомощи со старшим поколением», по А.Б. Синельникову, А.И. Антонову, не вызревает в самом обществе, а предлагается людям «сбоку», со стороны представителей социологической и демографической науки, профамилистических общественных организаций, отдельных политиков и государственных деятелей. Данный процесс не направляется «сверху», управленческой элитой общества, что крайне важно. В стране отсутствует профильное ведомство по семейной политике, в большинстве субъектов федерации нет региональных концепций семейной политики и программ её реализации. Не удивительно, что в подобной ситуации фамилистическое настоящее как Татарстана, так и всей России сталкивается с немалыми трудностями социально-политического, социально-экономического и культурно-идеологического характера.

В качестве существенной особенности отношения татарстанцев к семейному образу жизни, составляющей новизну исследования, выступает *настрой на среднететность*, что полностью отвечает демографическим интересам государства.

Итоги исследования позволяют более выпукло сформулировать задачу использования семейно-группового репродуктивного потенциала в улучшении демографического состояния страны. При различиях в индивидуальных оценках профессиональных и матримониальных перспектив супругов общесемейный прородительский настрой, учитывающий позиции младшего и старшего поколений, чрезвычайно важен. Механизм управления данными процессами находится в руках заинтересованных политиков, управленцев, деятелей культуры, науки, образования, готовых самыми различными способами поддержать семейные установки россиян. База для этого есть – это фамилистические традиции российского общества, ценность семьи в сознании подавляющего большинства представителей всех социальных слоёв российских регионов, и более всего – территорий с многочисленным сельским населением.

Необходим реальный поворот в сознании подавляющего большинства российских лидеров всех уровней – от местного, локального до федерального в области брачно-семейных отношений, их структуры, особенностей функционирования и развития. Цель такого поворота – наполнить внутреннюю политику России подлинной заботой об институте семьи, удержать брачно-семейные практики, защищающие семейный образ жизни, от распада, продвинуть в высшие слои общества семейную идеологию – материнства, отцовства, детства, кровного межпоколенного родства во избежание их размывания и разрушения во всём социуме.

Социологической науке необходимо определить репродуктивный ресурс отдельных социальных групп – профессиональных, территориальных, этноконфессиональных, культурных, экономических – и предложить конкретные, специальные меры морального, нравственно-психологического, социокультурного, идеологического воздействия на общественное сознание и поведение, его освобождения от либеральных стереотипов, отказа от господствующего клише успешной личности. Настала пора совместить позиции человека, имеющего семью, и успешного работника, достигающего высот в своей профессии. Тогда семейный образ жизни не будет противоречить профессиональному, трудовому, что позволит снять гендерные и полоролевые противоречия, обострившиеся по мере развития в России глобально-го рыночного общества.

Список литературы

1. Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСЦ, 2007. С. 75–126.
2. Попова Л.А. Брачно-семейные настроения молодежи // В кн.: Демографический потенциал стран ЕАЭС: Сб. ст. VIII Уральского демографического форума / Отв. ред. д.социол.н. А.И. Кузьмин. Том I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 367–373.
3. Карцева Л.В. Какую семью мы можем и должны сохранить (по материалам социологических исследований) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2017. № 1. С. 74–79.
4. Ростовская Т.К. Семья и семейный образ жизни в системе ценностей поколений [Электронный ресурс] // Человек в мире культуры. 2015. № 3/4 (7). С. 1–7. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/semya-i-semeynyy-obraz-zhizni-v-sisteme-tsennostey-pokoleniy> (дата обращения: 18.01.2018).
5. Антонов А.И. Современные изменения семейно-демографических процессов, динамика репродуктивных установок в России и приоритет просемейной политики // Трансформация семьи и брака сегодня: научный подход: Сб. докл. / Под ред. А.И. Антонова, О.Л. Лебедь, А.С. Гатилина. М.: Центр национальной славы, 2015. С. 12–35.
6. Семья, дети – жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России: Колл. монография / Под ред. А.И. Антонова. М.: Фонд А. Первозванного и Центр национальной славы, 2015.
7. She Lin. Изменения в китайских семьях вследствие планирования рождаемости: Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI в. (к 100-летию Русской революции) // Материалы научной конференции «XI Ковалевские чтения» 9–11 ноября 2017 года [Электронный ресурс] / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 403–405.
8. Гара В.В. Трансформация ценностных ориентаций молодежи // Материалы научной конференции «XI Ковалевские чтения» 9–11 ноября 2017 года [Электронный ресурс] / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 1032–1034.
9. Синельников А.Б. Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России: Автореф. дис... д.соц.н. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2015. 50 с.
10. Синельников А.Б. Демографическое измерение современного брачного потенциала населения России // В кн.: Демографический потенциал стран ЕАЭС: Сб. ст. VIII Уральского демографического форума / Отв. ред. д. социол. н. А.И. Кузьмин. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 12–20.
11. Жаворонков А.В. Жизненные ориентации и репродуктивное поведение россиян // Трансформация семьи и брака сегодня: научный подход: Сб. докл. / Под

ред. А.И. Антонова, О.Л. Лебедь, А.С. Гатилина. М.: Центр национальной славы, 2015. С. 36–64.

12. Карлсон А. Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход. М., 2003. 288 с.

13. Население Республики Татарстан 2015: численность, крупные города 03.11.2015. Режим доступа: <http://www.statdata.ru> – Сайт о странах, городах, статистике населения и пр. (дата обращения: 22.01.2017).

14. Грудина Т.Н. Многодетная семья глазами современного общества // Трансформация семьи и брака сегодня: научный подход: Сб. докл. / Под ред. А.И. Антонова, О.Л. Лебедь, А.С. Гатилина. М.: Центр национальной славы, 2015. С. 93–100.

15. Безрукова О.Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 1. С. 88–110. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5003

THE ATTITUDE OF TATARSTAN'S POPULATION TOWARD FAMILY LIFESTYLE

L. V. Kartseva

TISBI University of Management

The aim of this work is to outline ways for preserving family life in the Russian Federation, which is going through a crisis in the institutions of marriage and family, fatherhood and motherhood, and is losing traditional marriage and family values and practices. Modern teenagers and youth are being influenced through education, upbringing, culture and mass media by the ideology of success and leadership that replaces the pro-family orientation. Competition between market and non-market values, including marriage and family values, is steadily becoming more acute and leads to the most negative outcome for young people, society and state.

In this work, we used methods of comparative analysis to study the materials obtained in the research made during the preceding decade in different regions of the Russian Federation, as well as quantitative analysis (sociological polling) of the population of the Tatarstan Republic (year 2016). Attitudes of the poll participants towards traditional marriage, specifics of marriage and family behavior of Tatar people are analyzed and the main factors influencing the strengthening of family values, preservation of traditional family and family life style are identified.

The reasons for differing social attitudes towards family lifestyle and diminishing of the reproductive needs of an individual are formulated, including the families' financial and economic situation and the absence of the pro-family ideology in the state. The main peculiarities of the attitude of Tatarstan's population towards family lifestyle are revealed, including the tendency to have 3-4 children in a family.

Keywords: marriage, family, marriage and family behavior, family life style, family values, life orientations, demographic processes.

УДК 316.256; 316.258

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (ОТ МОРАЛИСТОВ К МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНОСТИ)

© 2018 г.

*А.М. Нагимова, А.Ю. Михайлов*Нагимова Айсылу Мирзарифовна, д.соц.н.; доцент Казанского (Приволжского)
федерального университета
nagais@mail.ruМихайлов Александр Юрьевич, аспирант Центра перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан, Казань
skygroove@mail.ru*Статья поступила в редакцию 20.11.2017**Статья принята к публикации 27.04.2018*

Представлен анализ научного дискурса конструирования определений коррупции как социального явления. Многообразие подходов измерения коррупции является причиной существования множественности определений коррупции как социального явления, что зачастую выступает причиной научных дискуссий ученых. Социологическая традиция определения коррупции включает в себя широкий спектр методов построения дефиниции коррупции, среди которых особое место занимает моралистская, или идеалистская, парадигма. Однако развитие социологических исследований, а также результаты изучения коррупции в рамках других социогуманитарных наук послужили базисом для выдвижения инструментально более полезных дефиниций коррупции. В их числе можно отметить классические исследования в рамках институционализма и функционализма, а также привносящие новизну социально-цензурный подход, метод социального конструирования реальности, мультипарадигмальный комплекс методов построения коррупции через так называемую «зонтную структуру». Ценность и значимость альтернативных подходов к исследованию коррупции заключаются в возможности разностороннего анализа дискурса данного сложного латентного социального явления и разработки наиболее подходящих методик в рамках прикладных исследований.

Ключевые слова: коррупция, моралистская традиция, протолиберальное понимание коррупции, функциональный подход, социально-цензурный подход, метод социального конструирования реальности, мультипарадигмальная «зонтная» структура коррупции.

Введение

Коррупция – социальный феномен, определение которого вызывает неоднозначные споры в научных кругах, несмотря на наличие множества исследовательских парадигм, посвященных решению вопроса его определения. Современные исследователи коррупции, занимающиеся практическими вопросами измерения и изучения эффектов коррупции, крайне неохотно используют длинные определения коррупции [1, р. 43]. Большинство ученых сходятся во мнении об универсальности определения, данного экспертами Всемирного банка, имеющего весьма минималистические очертания – коррупция определяется как «использование власти в личных целях» [1, р. 43]. Данное определение является основой для более широкого спектра определений, так как отмечает ключевой элемент коррупции, позволяет анализировать определенные виды коррупции и те формы, которые она может принимать.

Помимо сугубо инструментального подхода к определению коррупции по предмету иссле-

дования, существуют также концепции определения коррупции через способ построения дефиниции. В социологии и в науках, связанных с изучением функционирования государственного аппарата, принято выделять несколько таких подходов. Это, прежде всего, широко представленный в исторической ретроспективе моралистский подход, а также функциональный, социально-цензурный и подход социального конструирования реальности [2, р. 3]. Выделяют мультипарадигмальный подход, схожий по своему духу с инструментальным подходом к определению коррупции. В рамках данной статьи остановимся подробнее на каждом из них, обозначив при этом трансформацию корневого концепта, несущего основную смысловую нагрузку. В качестве гипотезы исследования выдвигается утверждение, что становление концепта коррупции имеет прямую связь с развитием собственно научного гуманитарного знания – конкретные этапы традиций ее определения сводятся к преобладанию философской (идеалистической), либеральной, инструмен-

тальной и мультипарадигмальной (современной) точек зрения, что можно соотнести с определенными этапами развития гуманитарного знания от философии к целому спектру наук с соответствующим категориальным аппаратом. Следовательно, основной целью исследования в данной статье является анализ научного дискурса становления социологической интерпретации понятия «коррупция».

Методология

Основой методологии исследования обозначенной проблемы является метод анализа дискурса определения коррупции как социального явления в его ретроспективном разрезе с последующим логическим сопоставлением общего исторического развития науки. В качестве объекта анализа в данной работе выступает совокупность значений и трансформации смысловой нагрузки термина «коррупция» и соотносимых с коррупцией явлений. Доминантными линиями структуры интерпретации коррупции в научном сообществе в данном случае выступают моралистский (морально-правовой в более позднем варианте), протолиберальный и современные социально-цензурный, социально-конструктивистский и мультипарадигмальный подходы.

Результаты исследования

Моралистский подход, как первый подход среди множества других, получил широкое распространение благодаря историческому преобладанию во временной протяженности. Моралисты, по выражению Гоулда, видят коррупцию как «бессмертный и лишенный этики феномен, который содержит в себе отклонение от моральных стандартов общества, вызывающий потерю авторитета и поддержки существующей власти» [2, р. 3].

Впервые о коррупции заговорили независимо друг от друга представители античной Греции и Рима, а также Древней Индии. Происхождением слова «коррупция» мы обязаны римскому праву, в частности, слово буквально является объединением двух корней – *cor* – сердце, суть, рассудок и *ruptum* – портить, разрушать [3, с. 29]. Существует иная точка зрения относительно этимологии термина «коррупция». Например, Ричард Мулган, известный исследователь трудов ученых античности, говорит о некоем понятии *pthora*, которое вводит Платон и развивает впоследствии Аристотель для противопоставления идеальным типам государственного правления. В частности, Р. Мулган замечает, что впоследствии слово *pthora* было латинизировано и преобразовано в *corruptio* [4, р. 29].

В отличие от традиционного понимания коррупции, термин *pthora* означал полный развал государственности в противопоставлении с состоянием «преобразования в бытие» [4, р. 29]. Как последователи онтологического дуализма, Аристотель и Платон понимают коррупцию в свете полного искажения идеальных типов государственного правления, что вполне резонно отличается от современного понимания коррупции, редко сводящего коррупцию к полному уничтожению государственности, а лишь стремящегося к нему.

В Древней Индии проблему коррупции впервые затронул Каутилья в своде трудов «Артхашастра» еще в 4 в. до н.э., где он, в частности, говорит о важности функции чиновников, распоряжающихся имуществом (которые в первую очередь находятся в так называемом «коррупционном поле»). Каутилья сводит коррупцию преимущественно к взяточничеству и казнокрадству [5, р. 378]. По замечанию индийского исследователя коррупции Арупа Кант Конара, «если бы Каутилья писал “Артхашастр” сегодня, то его 40 коррупционных практик и пониманий преобразовались бы в 40 миллиардов практик...» [6, р. 81].

Приведенное выше высказывание наиболее точно выражает все многообразие форм проявления коррупции, что, в свою очередь, приводит к экспоненциальному росту определений, которые стремятся сузить круг предметной области коррупции, но тем самым все более расширяя дефиницию коррупции.

Обратимся непосредственно к этимологической стороне вопроса, а именно к дефиниции слова «коррупция» в толковых словарях. В частности, толковый словарь Ожегова приводит следующее определение коррупции: «...моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве и срастании с мафиозными структурами...» [7]. Словарь Webster добавляет к вышеупомянутому значению еще и «моральный распад, а также обесценивание единения, добродетели или моральных принципов...» [8, р. 1].

Как видно из приведенных определений, коррупция зачастую не ограничивается взяточничеством и казнокрадством, к ней также относят очень важную составляющую, без которой невозможно существование коррупции как таковой, – это мораль. Мораль является той самой красной нитью, которая пронизывает большинство учений о государстве и праве, обществе, когда дело касается коррупции.

Сторонниками так называемого идеалистического, или морально-правового, подхода яв-

ляются с некоторыми оговорками Платон, Аристотель, Цицерон, а также их последователи в Средние века Аврелий Августин и Фома Аквинский. Преобладание морали как основного контрагента разложения государственных институтов, как справедливо замечает Мануха Бархам, является соединением догматов церковной жизни с трудами Цицерона и римских юристов, получивших тогда широкое распространение среди образованных (по большому счету ограниченных монастырями) людей того времени [9, р. 53]. Особого упоминания заслуживает схоласт Иоанн Солсберийский, который впервые использует понятие Цицерона *utilitas publica* (общественное благо). Иоанн Солсберийский говорит о том, что в своих действиях правитель на земле ограничен лишь общественным благом, которое находится под защитой закона. В случае нарушения закона правитель превращается в тирана, что является коррумпированной формой монархии [9, р. 53].

Данную идею с коллективным благом развивает также Фома Аквинский. В частности, он говорит, что правитель обязан держать в уме общественное благо, поэтому коррумпированным правителем считается тот, кто ставит собственные личные интересы выше общественных [9, р. 58]. Аналогичного мнения придерживались последователи идей ранних гуманистов Николо Макиавелли и Франческо Гвиччардини, которые описывали причины величия итальянских городов-государств и их провалов. Единственное отличие от схоластов сводится к использованию понятия факции – понятия, близкого к лобби-группе [9, р. 65]. Как отмечает Мария Шедий, данное определение коррупции через превалирование частных интересов над общественными считается наиболее точным и до сих пор популярно среди исследователей [3, с. 32].

Еще один представитель моралистского подхода Марсилиус Падуанский рассматривает коррупцию как моральную и физическую деградацию, используя термины «извращение», «преступность», что однозначно определяется как «преднамеренно неверное действие», а также «инфекция», что уподобляет коррупцию болезни с соответствующими причинами и эффектами, требующими лечения [10, р. 78].

В схожем русле рассматривает коррупционные отношения и Шарль-Луи Монтескье, который видит слабость государственного механизма в отсутствии морали и несоблюдении общепринятых законов [10, р. 79]. Являясь ярким сторонником привития правовой и моральной культуры, Монтескье идеализирует роль декларативных норм [10, р. 78].

В противовес точке зрения Монтескье следует выделить воззрения Томаса Гоббса на при-

роду человека. Ссылаясь на эгоистические установки человеческого сознания, Гоббс видит в них природу коррупционных отношений и их общего антигосударственного характера [10, р. 79]. Серьезным отличием воззрений Гоббса от гуманистического направления эпохи Просвещения следует считать отрицание морали как общественно значимого регулятора, а значит, Гоббс противопоставляется Монтескье в понимании коррупции ровно так же, как реалист идеалисту в правовом русле.

Следующим этапом становится переход от классического, традиционного понимания коррупции к протолиберальному. Так, Адам Смит говорит о коррупции как о некоем действии против либеральных ценностей, что, в свою очередь, позволяет его отнести к первым сторонникам либеральной интерпретации коррупции. Коррупцию в понимании Адама Смита следует трактовать как «девиацию от здоровых или природных условий...» [11, р. 103]. Данное Смитом понимание рынка как естественного, или «здорового», условия функционирования государства послужило началом для толкования отношения коррупции и либеральных ценностей, то есть общественное благо рассматривалось сквозь призму свобод и прав индивидуума.

Определение, данное еще Макиавелли и усовершенствованное Смитом, служит базисом для определения коррупции и в наши дни, но с единственной оговоркой – для увеличения операционной полезности нивелируется моралистическая составляющая. В частности, такие организации, как Международный валютный фонд и Организация экономического сотрудничества и развития, определяют коррупцию как «использование публичной власти в личных целях, которое вредит общественному интересу...» [12, р. 3]. В то же время «Транспаренси Интернейшнл», специализирующаяся на исследованиях уровня восприятия коррупции, дает более простую дефиницию коррупции, делая упор на публичный сектор: «...использование вверенной власти в личных целях...» [12, р. 3].

Несмотря на кажущуюся простоту определения и восприятия данных суждений на уровне здравого смысла и восприятия на бытовом уровне, формирование дефиниции по методологии моралистов вызывает ряд трудностей. Данная концепция придает индивидуальный характер социетальным факторам и приводит к определению дихотомии плохого и хорошего. В итоге социетальный контекст может быть попросту проигнорирован, и важные практико-ориентированные нормы не анализируются [13, р. 43]. Следовательно, моралистский подход к исследованию коррупции является инструмен-

тально мало применимым в свете необходимости четкой операционализации понятий в процессе ограничения круга этих самых определений.

В определенной степени последователем моралистской традиции исследования коррупции следует считать подход, появившийся в русле классического институционализма. Согласно данному подходу, коррупция определяется как нарушение свода правил, определяющих общественные обязательства, для получения персональных выгод. Тем не менее полезность этого определения становится спорной с того момента, как начали признавать весомость власти в определении закона и неопределенность правовых кодексов [8, р. 3]. Данная точка зрения была выдвинута во многом благодаря школе критиков закона, развивавшейся в американской юриспруденции в 1970-х гг. как протестное движение против мощных групп интереса, ставящих собственные выгоды выше общественных, а также благодаря реалистам. Это определение дало весомое основание для исследований в сфере соотношения понятий «коррупция» и «группа интереса». В частности, это произошло благодаря вынесению на повестку дня научной общественности того факта, что отсутствие фиксации коррупции совсем не обязательно является ее полным отсутствием на самом деле, поскольку группы интересов могут напрямую влиять на процесс законотворчества и менять существующий кодекс законов к собственной выгоде, что, в свою очередь, выливается в недообогащение соперников – групп интересов и, зачастую, всего общества [8, р. 4].

Идеи институционализма приводят к мысли, что толкование кодексов играет решающую роль в социальных инициативах, а также о маловероятности объективности «закона» самого по себе. В целом, определение в данном ключе, казалось бы, четкое по своей структуре, скрывает трудности выявления коррупционных действий согласно одному однозначному стандарту [8, р. 4].

Представители функционального подхода, выступающие как главные оппоненты моралистов, определяют коррупцию, основываясь на ее практической функции, которую она выполняет в обществе. Исходя из этого весьма последовательным представляется их умозаключение об утилитарной функции коррупции в построении базиса экономики. Новаторство функционального подхода заключается в отходе от тривиальной трактовки коррупции как однозначно негативного явления, что является серьезным шагом в сторону объективизации научного знания. Критики функционального подхода, в свою очередь, говорят об их чрезмерном увлечении самими действиями в ущерб решению вопроса

о происхождении коррупционных практик, а также игнорировании важной роли девиаций и отсутствия власти у обывателя, задействованного в коррупционных практиках. Помимо указанных выше, упускаются из поля зрения исследователя такие весьма серьезные аспекты, как интересы, установки участников транзакции и социальная структура в целом [1, р. 3].

Следующие два наиболее поздних подхода к определению коррупции – социально-цензурный и подход социального конструирования реальности – серьезно отличаются от функционального и моралистского прежде всего оценкой с точки зрения более широкой социетальной перспективы. В частности, социально-цензурный подход базируется на понимании коррупции через способность государственного аппарата воспроизводить частную форму социальных отношений и особом акценте на взаимодействии закона, идеологии и политической экономики [1, р. 3]. В то же время представители социального конструирования реальности видят в коррупции проблему, а вовлеченные участники транзакции могут быть изучены путем соотнесения их самих с их социальными позициями, интересами и установками точно так же, как политические, экономические и социальные условия существования индивидов [1, р. 3].

Современный этап развития социологии коррупции характеризуется отходом от дефиниций исключительно общеполитическими категориями в сторону изучения конкретного проявления коррупции даже в рамках единичной попытки дефиниции коррупции как социального явления. По замечанию Джона Мутоньи, принятие на вооружение методик моралистов, функционалистов и сторонников социального конструирования реальности позволяет концептуализировать коррупционное поведение через следующие составляющие:

- взяточничество – ситуация, когда определенная группа лиц или индивид предлагает или обещает деньги или возможности взамен принятия важных для группы лиц или индивида решений. Существуют различные вариации взяточничества, в т.ч. вымогательство взятки или ее предложение (соответственно активное и пассивное взяточничество);

- вымогательство – ситуация, при которой чиновник требует денег или любой другой материальной выгоды за свое действие или бездействие;

- хищение имущества – предполагает использование чужого имущества (чаще всего государственного или имущества фондов) в собственных целях;

– мошенничество, при котором подрядчик делает переоценку изначально оговоренного контракта в сторону повышения без улучшения качества работы или изменяет спецификации и время завершения работ для возмещения стоимости взяток. Оно также включает в себя поставщиков, которые взимают платы за услуги, но никогда их не окажут;

– конфликт интересов – ситуация, в которой чиновник может получить выгоду от принятия официального решения. Это может включать в себя участие в операциях или принятие позиции или «стороннего» коммерческого интереса, что несовместимо с его официальной ролью или обязанностью. Примером может служить передача государственного контракта компании, бенефициаром которой является непосредственно гражданский служащий, участвовавший в принятии решения;

– злоупотребление властью или злоупотребление оказанным доверием, когда государственный служащий использует свое положение, чтобы сделать выгодные для себя (не обязательно в материальном плане) решения вопросов распределения государственных ресурсов. Злоупотребления могут включать в себя и нарушение обычных обязательств, например разглашение различной информации о покупке конкурентам [4, p. 44].

Современная социология коррупции, как уже отмечалось, сводит раскрытие дефиниции коррупции к ее конкретным проявлениям, то есть к содержанию. Наиболее последовательным в вопросе раскрытия содержания различных форм коррупции представляется известный исследователь коррупции, проповедующий мультипарадигмальный подход, Бо Ротштейн. Его так называемая «зонтичная» структура коррупции как объединяющего понятия получила широкое признание научной общественности. Особо следует отметить утилитарную функцию данного подхода – коррупция и смежные с ней понятия представлены в виде кругов Эйлера, пересекающихся, но не накладывающихся друг на друга полностью, что весьма точно отражает природу коррупции как социального явления [14, p. 54]. В частности, Бо Ротштейн анализирует 4 понятия: клиентелизм, патронаж, патримониализм, а также захват государства или срастание с государственным аппаратом. Отметим наиболее важные элементы каждого из этих понятий.

Первое приводимое понятие – клиентелизм развилось благодаря теории модернизации, получившей распространение в социологии и политологии. Данное явление, по свидетельству большинства ученых – сторонников модернизационной теории, было характерной чертой раз-

вивающихся стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Под клиентелизмом принято понимать распределение выгод, связанных со служебным положением, среди группы лиц в обмен на политическую поддержку [14, p. 55]. Хотя существует и другая точка зрения, характеризующая клиентелизм как свод неформальных установок, играющих роль полноценного социального института [15, p. 3].

Второй концепт, приводимый Ротштейном и похожий по содержанию на клиентелизм, это патронаж. Понимание патронажа разнится в научных подходах. С одной стороны, патронаж понимается как социальное взаимоотношение, с другой стороны, как инструмент управления [14, p. 64]. Единственное, на чем сходятся большинство исследователей патронажа как социального явления – это наличие структурных элементов (патрона, главенствующего над группой, и клиентов, которые относятся к управляемой группе) [14, p. 68].

Другим определением, имеющим подобные характеристики, становится патримониализм, который со времен Вебера был возвращен в русло социологии Гюнтером Ротом [14, p. 73]. Данный концепт необходимо рассматривать как «метаморфозу клиентелизма и патронажа, а может быть, и как явление, сочетающее в себе эти два понятия...» [14, p. 74]. Традиционно патримониализм используют для анализа отношений внутри традиционных обществ, что связано непосредственно с этимологическим происхождением слова «патримониализм» – власть лидера отождествляется с властью духовного покровителя и отца.

Еще одной концепцией, заслуживающей внимания исследователя коррупции, является концепция захвата государства, которая представляется самой молодой в гуманитарных науках. Согласно определению Хелмана, захват государства может быть определен как формирование основных правил игры (то есть законов, постановлений и правил) с использованием незаконных и непрозрачных форм платежей гражданским служащим [14, p. 68]. По замечанию Ротштейна, данная сфера является «одной из серых зон исследований коррупции, так как это интеракция между частным и государственным сектором, т.е. между определенной группой лиц и непосредственно государством» [14, p. 77]. Государство захватывается через политические механизмы, трактуемые в пользу групп интереса (фирм, местных элит) при значительной социальной стоимости принимаемых решений. Следовательно, концепция «захвата государства» интерпретирует коррупцию в русле подчинения государственной сферы частным интересам.

Таблица

Исторический этап развития науки, преобладающая парадигма	Подход к определению коррупции	Ключевое понятие определения (с чем сравнивается, соотносится или исключается)
Античная философия, эпоха формирования первых протонаук, формирование государственности	Морально-правовой	Мораль
Схоластическая философия	Морально-правовой	Узурпация общественного блага (Utilitas Publica)
Материализм А.Смита и А. Фергюсона	Протолиберальный	Притеснение индивидуальных либеральных ценностей
Классический институционализм, школа «законников» в США в 1970-х гг.	Институциональный	Нарушение установленных обществом правил
Неопатримониализм, последователи французских ученых, исследовавших страны третьего мира	Функциональный	Инструмент решения проблем
Конструктивизм	Социально-цензурный	Нарушение общественно установленных правил (только общество здесь активный участник законотворчества)
Конструктивизм	Конструирование реальности	Нарушение установленных правил (ученый ставит себя на место изучаемого участника транзакции)
Мультипарадигмальный подход	«Зонтичная» структура коррупции	Девиация; целый комплекс взаимосвязанных концептов, фокус внимания смещается на причину, а не на следствие

В таблице отражены основные результаты проведенной работы в виде соотнесения временных рамок развития науки, научного подхода к определению и ключевое понятие самого определения.

Заключение

Подводя итог анализа научного дискурса определения коррупции, следует сказать об отсутствии какого-либо однозначного толкования коррупции как социального явления. Более того, само по себе социологическое определение предметного поля коррупции представляется весьма непростым в свете существующего множества подходов. Как показывает практика, многие ученые попросту сторонятся дефиниции коррупции под собственным авторством, вследствие чего зачастую представляется довольно сложно понять, что именно подразумевает под коррупцией тот или иной автор. Чаще всего исследователи исходят из значения утилитарной функции того или иного понятия. Выражаясь более предметно, мнения ученых относительно определения концепта коррупции колеблются между двумя полюсами – определением через дихотомию «добро – зло», с одной стороны, или же через выявление функциональной нагрузки коррупции как социального явления и восприятия коррупции в глазах исследуемой группы населения. Лишь исходя из анализа выводов и

результатов исследования можно сделать умозаключение о близости понимания коррупции автором к той или иной традиции изучения коррупции.

Таким образом, можно отметить, что социологическая интерпретация такого сложного и вместе с тем латентного социального явления, как коррупция, основывается на богатой традиции социально-философского и экономического анализа проблемы, а выдвинутая авторами гипотеза относительно схожести развития концепта коррупции и исторического развития наук гуманитарного цикла находит свое подтверждение в возникновении и существовании тех или иных традиций определения коррупции в конкретный промежуток времени.

Список литературы

1. Mutonyi J.P. Approaches to the Control of Corruption in the Public Procurement in Kenya: An Institutional Analyses: submitted in fulfillment/partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor Philosophiae. Leicester, 2003. 247 p.
2. Khan Mohammad M. Political and Administrative Corruption: Concepts, Comparative Experiences and Bangladesh Case. A Paper prepared for Transparency International. 2004. 20 p.
3. Шедий М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: Дис. ...д-ра соц. наук. М., 2014. 393 с.
4. Mulgan R. Aristotle on Legality and Corruption // Corruption: Expanding the Focus. ANU E Press, 2012. P. 25–36.

5. Gupta Akhil. Blurred Boundaries: the Discourse of Corruption, the Culture of Politics and the Imagined State // *American Ethnologist*. 1995. Vol. 22. № 2. P. 375–402.
6. Kanur Arup Kanti. A Paradox of Corporate Perceptions and Perpetuation of Corruption // *Journal of Social Sciences*. 2009. Vol. 18. № 2. P. 81–93.
7. Ожегов С.П. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова. Режим доступа: <http://www.ozhegov.com/words/13304.shtml>, свободный (дата обращения: 05.04.2016).
8. Pellegrini L. Economic Analysis of Corruption // *Institute of Social Studies Working Paper*. 2007: Nov. 13 p.
9. Barcham M. Rule by Natural Reason: Late Medieval and Early Renaissance Conceptions of Political Corruption // *Corruption: Expanding the Focus*. ANU E Press, 2012. P. 53–73.
10. Buchan B. Changing Contours of Corruption in Western Political Thought // *Corruption: Expanding the Focus*. ANU E Press, 2012. P. 73–96.
11. Hill L. Ideas of Corruption in the Eighteenth Century: The Competing Conceptions of Adam Ferguson and Adam Smith // *Corruption: Expanding the Focus*. ANU E Press, 2012. P. 97–112.
12. Hsu Yuan-Ho. Is Corruption a Grabbing Hand? A Panel Data Study of FDI // *National Cheng-Kung University Working Paper*. 2007. 18 p.
13. Majila V.T. A Comparative Analysis of Anti-Corruption Legislation and Anti-Corruption Agencies in the Eastern Cape and Northern Cape Provinces: A Governance Perspective: submitted in fulfillment/partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor Philosophiae (Public Administration). Port Elizabeth, 2012. 329 p.
14. Rothstein Bo. Corruption and the Opposite to Corruption: A Map of the Conceptual Landscape // *The QOG University Working Paper*. 2014. P. 15–111.
15. Muno W. Conceptualising and Measuring Clientelism // A paper prepared for the Workshop on Neopatrimonialism in Various World Regions, The German Institute of Global and Area Studies. 2010. 18 p.
16. Graf Lambsdorff J. Corruption and Rent-seeking // *Public Choice*. 2002. Vol. 113. P. 97–125.

TRANSFORMATION OF THE MORALISTIC TRADITION OF DEFINING CORRUPTION IN SOCIOLOGICAL DISCOURSE (FROM MORALISTS TO MULTI-PARADIGM APPROACH)

A.M. Nagimova,¹ A.Yu. Mikhaylov²

¹Kazan Federal University

²Center for Advanced Economic Research, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

In this paper, we present an analysis of the scientific discourse of constructing definitions of corruption as a social phenomenon. Due to the variety of approaches to measuring corruption, there are many different definitions of corruption as a social phenomenon, which often causes discussions among scientists. The sociological tradition of defining corruption includes a wide range of methods for constructing the definition, and the moralistic or idealistic paradigm occupies a special place among these methods. However, the development of sociological research in this field, as well as the study of corruption in other socio-humanitarian sciences, provide the basis for the development of instrumentally more useful definitions of corruption. One can name in this connection the institutional and functional paradigms, as well as the social censorship approach, the method of social construction of reality, the multi-paradigm «umbrella» structure of corruption, and some others. The significance of the multi-paradigm approach to the study of corruption definition lies in the possibility of a comprehensive analysis of this complex, latent social phenomenon and the development of the most appropriate techniques in applied research.

Keywords: corruption, moralistic tradition, proto-liberal understanding of corruption, functional approach, social censorship approach, method of social construction of reality, multi-paradigm «umbrella» structure of corruption.

УДК 316.452

ФОРМЫ ВОСПРИЯТИЯ ТЕЛЕЗРИТЕЛЯМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ НОВОСТЕЙ

© 2018 г.

А.А. Иудин, И.В. Привалов

Иудин Александр Анатольевич, д.э.н.; проф.; профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
iudin@fsn.unn.ru

Привалов Игорь Васильевич, аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Privalov.i@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 12.02.2018**Статья принята к публикации 23.04.2018*

Даны результаты сравнительного исследования, посвященного роли телевидения в политических установках населения. Для рассмотрения этой проблемы в Нижнем Новгороде и Московской области было осуществлено социологическое исследование «Российское телевидение в современном мире», позволившее подробно рассмотреть важные аспекты исследуемой проблемы. Сбор информации производился с конца октября до конца декабря 2014 года. Выборка целевая, случайная, 1142 человека. Среди опрошенных преобладают лица молодого возраста (77%). В качестве контрольной группы выступали лица зрелого и предпенсионного возраста (23%). Были выделены группы зрителей, включенных в политику и равнодушных к ней. Исследованы их социально-политические характеристики и источники их взглядов, а также разница отношений к телевидению в целом. Группа равнодушных не показывает строгого неинтереса к политике, люди в этой группе в основном не определились со своей позицией. Выявлен высокий интерес к политике у населения в целом, и показаны противоречия с данными опросов ВЦИОМ. Включенные зрители чуть более лояльно относятся к телевидению в целом, они более сдержанны в оценках, в отличие от выборки и равнодушных зрителей, которые критикуют современное ТВ и имеют запрос на развлекательный контент. Включенные зрители заметно чаще предпочитают образовательный контент на ТВ. Показаны различия в группах относительно предпочитаемых источников новостей и непопулярность телевидения в качестве основного источника информирования. Продемонстрирована разница в оценке деятельности отечественных и зарубежных политических деятелей.

Ключевые слова: каналы, программы, новостные сообщения, политический интерес, телевидение, политические предпочтения.

Введение

Влиянию телевидения на массовое политическое сознание посвящено большое количество публикаций, однако единой точки зрения по этому вопросу нет и не предвидится: мнения исследователей со временем все более расходятся. Отсутствие единства связано не только с тем, что ученые, работающие над этой проблемой, имеют разный научный профиль (историки, социологи, психологи, политологи), но и ученые одного профиля не находят единства взглядов и установок на эту проблему. Проблема очень сложная и динамичная. Интересно, что соавторы одной монографии в посвящении на титуле ее своим родственникам дали весьма отличающиеся по смыслу тексты. Э. Аронсон, посвящая книгу своим родителям, жившим в первой половине XX века, отмечает: «Они обладали потрясающе невинной, искренней уверенностью в том, что в этой стране почти все ими прочитанное (особенно если оно заключалось в книжные обложки) было абсолютно истинным». Э.Р. Пратканис, посвящая книгу сво-

ему сыну, родившемуся в 1991 г., пишет: «Вероятно, он вырастет не только со здоровым скептицизмом, но и с прискорбным цинизмом относительно правдивости всего, что читает, слышит и видит» [1]. Таким образом, родители и дети авторов принципиально по-разному воспринимают (и, по мнению авторов, должны воспринимать) послания СМИ. Известный российский ученый С. Кара-Мурза оценивает воздействие СМИ на отечественную интеллигенцию (тем более на российское население) как результат утраты способности анализировать происходящее. «Уже в годы перестройки началась “конвергенция”, наша правящая элита и СМИ стали “учиться” у элиты и СМИ США, подражать им. При этом мы “заразились” многими вещами, не имея того иммунитета или противоядий, которыми обладает элита США, культивирующая у себя эти болезни вполне сознательно как средство *манипуляции сознанием*» [2, с. 15–16]. Необходимо добавить, что в Советском Союзе партийные (и карательные) органы весьма тщательно следили за идеологией и пропагандой и строгая цензура не пропус-

кала в СМИ информации, способной поколебать у народа уверенность в правильности выбранных коммунистических целей. Однако многие чуждые стереотипы, о которых пишет в своих работах С. Кара-Мурза, сложились в массовом сознании советских людей задолго до перестройки. Причем эти стереотипы были не чужды и представителям высшего партийного руководства – немало прорабов перестройки вышли из ЦК КПСС, в том числе из его Политбюро. Таким образом, социально-политические установки населения формируются под воздействием многих факторов и СМИ являются лишь одним из них.

Однако распространенным остается мнение о том, что СМИ (и особенно телевидение) определяют собой характер и направленность массового сознания: «Подлежит всяческой поддержке и стимулированию использование просветительских и нравственно-убеждающих функций и направлений политической коммуникации с целью формирования демократических, подлинно гуманистических политических ориентаций в обществе» [3, с. 8]. Политолог определяет цель своей работы как «изучение особенностей влияния средств массовой информации и ведущего среди них – телевидения на формирование современных политических ориентаций россиян» [3, с. 6]. Это обосновывается тем, что телевидение играет большую роль в формировании политических ориентаций населения, причем «воздействие телевидения на массовое сознание граждан особенно велико во время избирательных кампаний, переломных политико-исторических событий» [3, с. 3]. Хотя «ведущая роль телевидения в формировании политических ориентаций избирателей» в работе практически не обоснована.

Социологи отводят телевидению в формировании политических установок населения более скромную роль, отмечая, что важной составляющей формирования политических установок является живое общение с окружающими. Так, формирование политических установок советских людей происходило в основном в ходе их живого общения, и, несмотря на активное использование мощных технических средств борьбы с «вражескими голосами», политические слухи распространялись по стране очень быстро. Действительно, более половины молодых людей и не менее 40% людей зрелого возраста обсуждают политические события с друзьями, родственниками, хотя активное участие в политической жизни ограничивается 1–2% этих людей [4, с. 12]. Тем не менее роль телевидения остается весьма значимой в деле формирования политических ориентаций молодежи: «несмотря на то, что политические интересы молодежи

“стёрты” из программной политики современного российского телевидения, результаты опросов студентов дают основание полагать – молодёжь готова принять самое живое участие в политической жизни своей страны, интересуется телевизионными новостями, информационно-аналитическими передачами, в её поле зрения находятся все значимые события России». При этом «молодёжь находится под мощным прессингом “агрессивной” телепродукции, становясь “вторичными жертвами” боевиков, триллеров, а также катастроф и терактов в новостных программах, что безжалостно трансформирует психику подростков и юношества» [4, с. 13]. Эти опасения разделяют и психологи, рассматривая влияние СМИ на формирование ценностных ориентаций личности: «...подростковый возраст является наиболее критическим и с точки зрения формирования ценностных ориентаций» [5, с. 3]. Поэтому одной из целей исследования данного автора является «коррекция негативного влияния телевидения на формирование ценностных ориентаций подростков» [5, с. 6].

Однако телевидение все-таки является не только не единственным фактором формирования политических воззрений молодежи, но и не главным. И дело не в том, что интерес к политической информации у молодежи постепенно перемещается из телевидения в Интернет, а в том, что на эти процессы влияет вся совокупность факторов социального бытия людей. Так, анализируя политические пристрастия молодых людей в период выборов в Государственную думу в декабре 2011 г., исследователи отмечали, что по мере приближения выборов, во-первых, молодежь не увеличивает своего внимания к СМИ, а во-вторых, «почти вдвое уменьшилось число тех, кто отвечал, что никогда не участвует в подобных выборах». При этом «события, последовавшие за выборами депутатов Государственной думы, привлекли к себе внимание примерно половины тех студентов, кто до этого демонстрировал полное равнодушие к политической ситуации в стране» [6, с. 32]. Это означает, что на политический интерес молодых людей в значительной мере влияет ситуативный фактор – особенности функционирования федеральной и мировой политической ситуации. Эти особенности, после их опубликования, становятся темой обсуждений с окружающими людьми. Специфика нынешнего времени в том, что эти обсуждения также интенсивно перемещаются из живого общения – в Интернет.

Методика исследования

В данной статье мы ставили перед собой задачу рассмотреть некоторые аспекты влияния

Таблица 1

Интерес к политическим событиям в стране и мире, %

Мнения	Выборка			Включенные	Равнодушные
	Всего	Мужчины	Женщины		
Интересуются	34	43	30	70	0
Скорее интересуются	40	34	43	30	0
Затрудняются ответить	12	9	13	0	46
Скорее не интересуются	11	10	11	0	43
Не интересуются	2	2	2	0	11

интереса к политической информации на телевизионные предпочтения молодежи. В качестве эмпирической базы использованы некоторые результаты исследования «Российское телевидение в современном мире»¹, связанного с телевизионными предпочтениями студенчества. Причина выбора именно студенческой молодежи связана с тем, что эта группа является более грамотной частью молодежи, которая в ходе учебного процесса в той или иной мере касается социально-политической проблематики. Для осуществления работы были выделены группы, принципиально отличающиеся по своим установкам и своему поведению. Аналогичная работа была осуществлена авторами с данными ВЦИОМ. «Замер был связан с анализом активности избирателей России, но полученные данные, анализируемые в настоящей статье, касаются широкого круга проблем и нуждаются в более активном анализе – ВЦИОМ ограничивается только анализом линейных распределений» [7, с. 51]. Данная работа позволила подробно рассмотреть группы российского населения с разным уровнем социального оптимизма.

Результаты исследования

Не касаясь вопроса о лояльности или нелояльности респондентов к тем или иным политическим силам, рассмотрим группы людей, интересующихся новостными политическими сообщениями и не интересующихся ими. Выделение подобных групп может быть получено путем использования операции конъюнкция дизъюнкция на основании вопросов о интересе к телепередачам с новостным и политическим содержанием и интересе к политическим событиям в стране в целом. Так, на основании этой операции была выделена группа вовлеченных тем или иным образом в политику – включенные, – это люди, которые дают положительные ответы на вопрос о заинтересованности в политических событиях, а также в разной степени заинтересованные в просмотре политических и информационно-аналитических передач; группа включенных составляет 26% выборки. Группа равнодушных к политике, характеризующаяся отсутствием политического интереса, объединена

на основании совокупности отрицательных и нейтральных ответов на те же вопросы и составляет 17% выборки. Оставшаяся часть респондентов не отличается ни выраженным интересом к политическим новостям, ни особенным равнодушием к ним. В той или иной степени оставшиеся 43% респондентов могут быть отнесены к двум выделенным группам, хотя их позиции становятся менее выраженными по мере удаления от этих групп. При этом внутри выделенных групп можно анализировать и узкие группы, которые характеризуются более выраженной контрастностью установок, однако размер их очень невелик. Более того, распределение ответов на многие вопросы представителей узких групп не показало интерпретируемых различий, поэтому подробный анализ узких групп нецелесообразен.

Рассмотрим выделенные группы подробнее. Условия выделения данных групп подразумевают, что включенные телезрители проявляют повышенный интерес к политическим событиям в мире, при этом интерес носит в основном ярко выраженный характер: 70% включенных говорят об абсолютном интересе и только 30% – о частичном (табл. 1). Равнодушные не испытывают сколь-нибудь выраженного интереса к политическим событиям в стране, хотя чаще всего затрудняются определить свое отношение к этому вопросу. Многие из них все же испытывают минимальный интерес к политическим событиям (скорее не интересуются, чем интересуются – 43%), и лишь примерно каждого десятого (11%) совсем не интересуют политические события в стране и в мире. При этом характеристика выборки смещена в сторону повышенного интереса респондентов к политическим событиям: 74% из них в той или иной мере интересуются и лишь 13% не испытывают никакого интереса или минимально интересуются этими событиями. Следует добавить также, что мужчины все-таки больше интересуются внутренней и международной политикой, а женщины чаще испытывают пониженный интерес или затрудняются оценить свое отношение к этому вопросу.

Стоит отметить довольно высокий уровень интереса к политике молодежи в нашем замере в отличие от опроса ВЦИОМ «Электронная

Таблица 2

Интерес к телепрограммам в различных группах, %

Тематика передач	Выборка		Мужчины		Женщины		Включенные		Равнодушные	
	и*	к/к	и	к/к	и	к/к	и	к/к	и	к/к
Новостные	52	33	50	31	54	34	100	0	0	66
Политические	31	38	36	35	27	40	100	0	0	36
Спортивные	38	34	50	24	32	39	51	30	25	43
Образовательные	58	32	61	27	56	35	68	26	42	44
Исторические	51	33	56	28	48	35	67	25	35	41
Литературные	35	33	29	32	39	34	39	35	30	37
Криминальные	25	28	20	26	28	29	32	28	22	29
Музыкальные	52	30	41	33	58	28	49	31	55	31
Развлекательные	54	33	46	35	59	32	54	32	53	38
Юмористические	59	25	53	28	62	24	59	24	54	29
Религиозные	9	21	9	17	9	23	13	23	5	19
О культуре	38	34	32	34	41	34	43	31	32	39
Молодежные	47	32	33	34	56	31	51	28	38	41

* и – интересуют, к/к – когда как.

панель». В рассматриваемом исследовании «Российское телевидение в современном мире» заинтересованность в политике показали 74%, тогда как в опросе ВЦИОМ таких только 52%, и это при том, что в анкете ВЦИОМ отсутствовал вариант ответа на данный вопрос «Затрудняюсь ответить», поэтому даже люди, затрудняющиеся в выборе, были вынуждены как-то показать своё отношение к политике, тем самым увеличив долю либо заинтересованных, либо незаинтересованных. В нашем замере вариант ответа «Затрудняюсь ответить» присутствовал, и тем не менее доля заинтересованных каким-либо образом в политике оказалась весьма высокой, а затруднение в этом вопросе испытали только 12%. Скорее всего, это связано с особенностями конструирования выборки в исследованиях. Выборка ВЦИОМ традиционно является поселенческой. Основу же выборки исследования «Российское телевидение в современном мире» составила молодежь до 29 лет – выборка была целевой. Как уже отмечалось выше, студенты – более грамотный народ, к тому же прикасающийся к социально-политической проблематике в рамках учебного процесса, и к тому же это исключительно городское население. Но и те, и другие данные заметно отличаются от замера, осуществленного в Тюмени в 2003 г. «Выводы социологов убеждают в том, что, в целом, нынешнюю российскую молодежь вряд ли можно назвать сверхполитизированной. Если среди старшего поколения внимательно следят за информацией о политической жизни страны 37.5%, то среди молодых людей аналогичный показатель составляет лишь 13.2%» [4, с. 12]. Но следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, это отличие подтверждает мысль о ситуативности политического самочувствия населения, и ситуация в Тюмени в 2003 г.

очевидно отличалась от ситуации более позднего времени во всей стране и в Нижегородской области. Во-вторых, на ответы в значительной мере влияет формулировка вопроса. Если в вопросе содержались слова «внимательно следите за политическими событиями», то характер ответа может быть связан именно со словом «внимательно». Но в любом случае едва ли можно судить о степени политизированности людей по ответам на один прямой вопрос. Гораздо больше материала для анализа дает размер различных групп и характер их ответов на разные вопросы.

Важной особенностью выделенных групп является то, что возраст респондентов не связан с уровнем интереса к политической информации, но среди мужчин больше включенных, а среди женщин – равнодушных. Женщины реже говорят о том, что они интересуются политическими событиями в стране и в мире, и чаще – что скорее интересуются. Зато немного чаще они затрудняются в оценке своего интереса и говорят о том, что они скорее не интересуются этой информацией, чем интересуются. Но главным является то, что интерес к политике имеет отнюдь не гендерную природу, хотя среди равнодушных доля женщин несколько повышена, а в числе включенных – понижена.

Очевидно, что включенные зрители заинтересованы в просмотре политических и новостных телепередач, а равнодушные – нет. Однако существуют и другие различия между группами в тематике передач. Понятно, что мужчин больше, чем женщин, интересуют спортивные, политические, исторические телепрограммы, а женщин – молодежные, музыкальные, развлекательные, литературные, юмористические, криминальные, передачи о культуре (табл. 2). Причем женщины не отвергают мужской вы-

Таблица 3

Наиболее часто используемые источники новостей, %

Источники	Выборка	Мужчины	Женщины	Включенные	Равнодушные
Телевидение	23	16	27	32	7
Радио	2	2	2	2	1
Печатная пресса (газеты, журналы)	2	3	1	3	2
Новостные сайты в Интернете	43	49	40	44	39
Форумы, блоги, сайты социальных сетей	18	23	15	14	24
Разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми	11	7	13	5	26

бор, но чаще говорят о том, что к этим передачам они относятся по ситуации – когда как. Мужчины же немного чаще отвергают женский выбор. Разница в телевизионных предпочтениях заметно больше выражена у включенных и равнодушных. Понятно, что новостные и политические передачи предпочитают включенные, а равнодушные отвергают или пользуются ими изредка (когда как). Заметно отличаясь по характеру интереса к тем или иным передачам, представители этих групп меньше отличаются по характеру отторжений. Дело в том, что равнодушные, не проявляя выраженного интереса к разным программам, предпочитают не отвергать их, а говорят о том, что иногда все же смотрят их – по ситуации, когда как. Включенные активно смотрят все программы, и только музыкальные передачи равнодушные смотрят немного чаще. По отношению к большинству передач равнодушные чаще всего говорят о том, что интерес к ним является ситуативным. Только юмористические, развлекательные и музыкальные передачи вызывают у них более устойчивый интерес: по поводу этих передач равнодушные говорят чаще, что они им интересны, чем выбирают вариант ответа «когда как». Таким образом, равнодушные в отличие от включенных предпочитают релаксировать в информационном пространстве, снимать усталость, развлекаться. Включенные в большей мере настроены на получение познавательной информации, связанной не только с политической жизнью общества.

Несмотря на высокую популярность у включенных новостных и аналитических программ, источником новостей для молодого поколения является в основном Интернет, в частности новостные сайты (табл. 3). Телевидение в качестве источника новостей использует чуть меньше четверти молодых людей, и это в основном включенные респонденты. Впрочем, и равнодушные тоже чаще всего прибегают к услугам новостных сайтов в Интернете, но, скорее всего, там они ищут информацию иного плана – не политическую. Ведь никто из них не заявил о своем интересе к политическим событиям в

стране и в мире. Важно и то, что они почти в 5 раз реже включенных обращаются за новостями к телевидению, зато почти вдвое чаще посещают форумы, блоги и социальные сети. Молодежь крайне редко прибегает сегодня к радио, газетам и журналам, но реже всего эти информационные источники используют равнодушные. Зато они в 5 раз чаще включенных общаются с окружающими людьми. Нельзя сказать, что у равнодушных более узкий круг источников информации, скорее, он смещен в сторону неформального, необязательного общения. Выше отмечалось, что среди равнодушных повышена доля женщин, однако женский информационный запрос отличается от запроса равнодушных. Женщины больше мужчин склонны смотреть телевизор, хотя немного реже мужчин посещают новостные сайты. Женщины чаще мужчин получают информацию от родственников, друзей, знакомых, но общаются с ними вдвое реже, чем равнодушные. Таким образом, информационный запрос включенных и равнодушных ни в коей мере не носит гендерного характера.

По отношению к современному российскому телевидению обе эти группы проявляют себя по-разному и заметно отличаются от всей выборки (табл. 4). Прежде всего следует отметить, что включенные заметно активнее отреагировали на данный вопрос: они в среднем давали более семи выборов (7.2) из пятнадцати предложенных, а равнодушные – менее шести (5.8). Включенные заметно чаще равнодушных настаивают на необходимости выполнения телевидением познавательной функции (необходимо давать больше научно-популярных телепередач; главная функция телевидения – политическое просвещение). Однако чаще равнодушных они говорили и о необходимости развлекательной функции (ТВ – средство проведения свободного времени; необходимо давать больше развлекательных передач). Чаще они дают позитивную оценку работы телевидения (в последние годы телевидение становится более интересным и полезным; это основной источник объективной информации; в целом, телеви-

Таблица 4

Согласие с тезисами о телевидении, %			
Тезисы	Выборка	Включенные	Равнодушные
Необходимо давать больше научно-популярных телепередач	77	89	61
Телевидение сегодня – это прежде всего реклама, продвижение товаров	70	73	76
Сейчас телеканалов много, а посмотреть нечего	62	62	53
Орган промывания мозгов	60	60	43
Телевидение – это основное идеологическое оружие государства	59	68	65
Это эффективная площадка споров, дискуссий, шоу	57	66	55
ТВ – средство проведения свободного времени	55	58	21
Источник познавательной информации о стране и континентах	51	62	56
Основная функция телевидения – просвещение народа	29	36	30
Необходимо давать больше развлекательных передач	29	29	17
Главная функция – политическое просвещение	25	34	19
Это основной источник объективной информации	21	23	8
В последние годы телевидение становится более интересным и полезным	18	26	7
В целом, телевидение даёт взвешенную и объективную информацию	17	21	9
Телевидение должно давать больше сведений о жизни звезд	8	11	61

дение даёт взвешенную и объективную информацию; это эффективная площадка споров, дискуссий, шоу). Но чаще оценивают работу телевидения и негативно (орган промывания мозгов; телеканалов много, а посмотреть нечего). Единственный тезис, по которому устойчиво лидировали равнодушные, – телевидение должно давать больше сведений о жизни звезд.

Подобное распределение среди групп сохраняется и в вопросе доверия к телеканалам. Равнодушные также показывают нелояльность к телевизионным каналам, а включенные чаще доверяют большинству каналов (табл. 5). Более всего включенные по уровню доверия отличаются от равнодушных по отношению к центральным информационным каналам («Россия 24», Первый канал, «Россия 1», «Россия 2» («Спорт»), «Россия К» («Культура»)). Повышенный, по сравнению с равнодушными, уровень доверия они демонстрируют также по отношению к каналам РБК и «Звезда». Выделяются по уровню их доверия также Пятый канал, «Лайф-ньюс», НТВ, местные телеканалы. Доверие к остальным каналам представителей этих групп примерно на одинаковом уровне. Равнодушные заметно чаще включенных отмечают свое недоверие почти всем каналам. Более всего их отличает недоверие к Первому каналу, хотя равнодушные смотрят и знают его немного меньше включенных. Очевидно, они в известной степени просто вынуждены смотреть его уже в силу того, что он находится на первой кнопке. Единственный канал, которому равнодушные не доверяют даже немного реже включенных, это НТВ. Примерно одинаково относятся представители этих двух групп к каналам

СТС, ТНТ и «Дождь». Разность интереса к телевизионным каналам проявляется и в том, что они по-разному смотрят и знают эти каналы. Равнодушные заметно реже смотрят и хуже знают информационные каналы, прежде всего канал «Россия 24», который не смотрят 17% включенных и 41% равнодушных. Хуже знают и реже смотрят равнодушные информационные и познавательные каналы – «Россия 2» («Спорт»), РБК, «Россия 1», НТВ, «Лайф-ньюс», «Россия К» («Культура»), Первый канал. Но они лучше знают и чаще, чем включенные, смотрят канал «Домашний», насыщенный лирическими детективами, мелодрамами и кулинарными шоу.

Следует отметить, что как включенные, так и равнодушные не очень заметно отличаются по своему отношению к телевизионным ведущим и персонам, часто появляющимся на телеэкранах. Отличие в том, что включенные чуть более осведомлены о деятельности конкретных людей на ТВ и в силу этого больше доверяют знакомым им ведущим новостей или политических ток-шоу. В остальном ситуация в плане доверия не отличается от выборки, а отличается рейтинг узнаваемости персоналий. Так, группа включенных гораздо лучше знакома с деятельностью отдельных людей на телевидении, в отличие от равнодушных, они чаще других показывают неосведомленность в этом вопросе.

Что касается доверия к российским политическим деятелям, то наиболее значимое доверие люди оказывают только известным политикам. Однако включенные пользователи и здесь показали более высокий уровень узнаваемости политических деятелей, и этот уровень узнаваемости отражен их повышенным доверием к этим

Таблица 5

Отношение представителей разных групп к телевизионным каналам, %

Каналы	Выборка			Включенные			Равнодушные		
	1*	2	3	1	2	3	1	2	3
Первый канал	42	16	5	53	8	2	28	23	9
«Россия 1»	37	15	10	48	9	5	24	21	17
НТВ	16	32	14	18	37	8	11	32	20
ТНТ	30	25	8	28	26	5	29	27	9
СТС	27	22	10	26	20	10	29	23	9
РЕН ТВ	14	32	21	14	29	17	12	36	23
«Россия 2» («Спорт»)	49	6	24	59	3	18	36	14	32
«Россия К» («Культура»)	41	8	31	49	5	28	28	14	36
«Россия 24»	30	10	27	45	6	17	11	16	41
«Домашний»	13	15	45	12	13	49	13	19	36
Пятый канал	13	14	49	15	12	48	7	18	53
«Звезда»	13	13	54	18	12	50	7	19	56
«ТВ Центр»	6	15	55	7	15	51	2	19	54
«Лайф-ньюс»	8	14	57	11	12	52	3	19	61
РБК	14	11	55	19	9	50	4	18	64
«Дождь»	9	16	59	6	17	58	4	17	62
Местные телеканалы	17	11	44	18	7	46	11	15	48

* 1 – доверяют, 2 – не доверяют, 3 – не смотрят (не знают).

лицам. И включенные, и равнодушные более всего доверяют президенту страны. При этом включенные чаще других доверяют политическим деятелям, они также показывают в среднем повышенный уровень и недоверия: эти люди разбираются в политике, их мнения заметно чаще поляризуются. Равнодушные, если не брать в расчет первых лиц государства, реже включенных испытывают затруднения в ответе на этот вопрос, их доминирующее настроение – недоверие и пониженная компетентность.

Выводы

Когда речь идет об интересе к политике, то внутри группы включенных могут существовать абсолютно разные ориентации, но важным здесь остается постоянный высокий интерес к политическим событиям – это их доминирующее настроение. При этом, несмотря на больший размер группы включенных, их отличие от населения выражено несколько ярче, эта группа являет собой определенный акцентуированный тип характера. Мнение о том, что новостной и политический контент формирует политические ориентации, представляется спорным. Эта группа более активна во всех смыслах, а источники их политических ориентаций и политического интереса лежат вне телевидения, в социальной сфере.

Группа равнодушных к политике меньше по размеру, и, при значительном отличии от группы включенных, от установок населения их отличие не так значительно. Равнодушные по сравнению с включенными предпочитают релаксировать в информационном пространстве, снимать усталость, развлекаться. Включенные в

большей мере настроены на получение познавательной информации, связанной не только с политической жизнью общества. Нельзя сказать, что равнодушные имеют более узкий круг источников информации, скорее, он смещен в сторону неформального, необязательного общения.

Равнодушных отличает некоторая апатия к происходящему, они не лояльны к телевидению, не ищут в нем ни новостей, ни развития, ни познания. При заполнении анкеты у них есть желание уйти от ответа, они чаще других испытывают затруднения в оценках. Однако нельзя говорить об отсутствии политических ориентаций у этой группы. Они также могут быть выражены разными взглядами, однако эти взгляды будут менее интенсивны, чем у представителей других групп. Следует отметить, что среди равнодушных несколько повышена доля женщин, однако информационный запрос включенных и равнодушных ни в коей мере не носит гендерного характера.

Примечание

1. Исследование «Российское телевидение в современном мире» было проведено в ноябре–декабре 2014 года в Нижегородской и Московской областях. Выборка целевая (студенческая молодежь), случайная, 1142 человека, в числе респондентов преобладают лица молодого возраста (77%); в контрольной группе – лица зрелого и предпенсионного возраста (23%). Выборка смещена в гендерном разрезе: 34% респондентов мужского пола и 66% – женского.

Список литературы

1. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. Перераб. изд. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.

2. Кара-Мурза С. Потерянный разум. М.: Изд-во «Эксмо»; Изд-во «Алгоритм», 2005. 736 с.
3. Березин Г.В. Особенности влияния СМИ на формирование современных политических ориентаций россиян (на примере телевидения): Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2000.
4. Ставецкая И.В. Влияние телевидения на формирование политической культуры студенческой молодежи: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2005.
5. Матвеева Н.А. Влияние телевидения на формирование ценностных ориентаций подростков и пути преодоления его негативных последствий: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Курск, 2010.
6. Зернов Д.В., Луконина Е.С. Содержание и тенденции политической активности студенчества (на примере выборов 2011–2012 гг.) // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 30–38.
7. Иудин А.А., Привалов И.В. Самочувствие населения России: вторичный анализ данных ВЦИОМ // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Вып. 16). Н. Новгород: НИСОЦ, 2016. С. 51–64.

TYPES OF POLITICAL NEWS PERCEPTION BY TV VIEWERS

A.A. Iudin, I.V. Privalov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

We present the results of a comparative study on the role of television in the political attitudes of the population. The sociological study «Russian Television in the Modern World» was carried out in the Nizhny Novgorod region and in the Moscow region. The information was collected from the end of October to the end of December 2014. The random sample included 1142 persons. The respondents were predominantly young people (77%). The control group included persons of mature and pre-retirement age (23%). The survey covered two groups of viewers: those involved in politics and those indifferent to it. Their socio-political characteristics and sources of their views, as well as the difference in the attitude to television in general were studied. The group of indifferent persons did not show a strict lack of interest in politics, people in this group were largely undecided about their position. A high interest in politics among the population as a whole was revealed, and some data contradicted to those of the VTsIOM polls. The involved viewers were slightly more loyal to television in general, they were more restrained in their assessments, unlike the sample and the indifferent viewers who criticized modern TV and wanted more entertainment content. The involved viewers were more likely to prefer educational content on TV. We show the differences between the groups relative to their preferred news sources and the unpopularity of television as the main source of information, as well as the difference in the assessment of the activities of Russian and foreign political figures.

Keywords: channels, programs, news, television, political interest, political preferences.

УДК 316.733

ЦЕННОСТНЫЕ И ТРУДОВЫЕ УСТАНОВКИ В ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА

© 2018 г.

Т.Б. Калиев, Д.Э. Ашимханова

Калиев Талгат Бегимович, к.полит.н.; директор научно-исследовательского центра «Молодежь»,
Астана, Республика Казахстан
talgat.kaliev@gmail.com

Ашимханова Дана Эзирхановна, PhD (социология); начальник научно-методологического
управления научно-исследовательского центра «Молодежь», Астана, Республика Казахстан
d.ashimkhanova@elzhastary.kz

*Статья поступила в редакцию 11.10.2017**Статья принята к публикации 27.04.2018*

Проводится анализ ценностных и трудовых установок современной молодежи Республики Казахстан, восприятия молодыми людьми жизненных реалий, личных и социальных приоритетов. Ценностные установки, как правило, являются запрограммированным результатом, обусловленным культурными, этническими, цивилизационными особенностями, запросами социальной среды. Раскрываются настроения современной молодежи, ее главные ценностные ориентиры, жизненные планы и отношение к труду.

Основу статьи составили данные социологического исследования, проведенного в 2017 г. в Казахстане. Базовым методом социологического исследования выступил массовый опрос с применением случайной репрезентативной выборки объемом 2000 человек.

Статья включает обзор классической и современной литературы, посвященной исследованию трудовых ценностей, трудовой мотивации и культуры труда, представленной такими областями знания, как менеджмент, социология молодежи, экономическая социология, психология.

Ключевые слова: ценности, трудовые установки, молодежь.

Введение

Стратегические приоритеты государственной политики Республики Казахстан направлены на повышение конкурентоспособности молодежи. В программной статье Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» особый акцент сделан на повышение качества человеческого капитала и трудовых ресурсов для выхода на конкурентоспособный мировой рынок. «Особенность завтрашнего дня в том, что именно конкурентоспособность человека, а не наличие минеральных ресурсов, становится фактором успеха нации» [1].

В современных условиях основополагающим фактором модернизации общества выступает образование и воспитание отечественной конкурентоспособной молодежи. Именно молодежь выступает базовым стратегическим ресурсом модернизирующегося Казахстана [2].

В современных условиях рынка, модернизации, глобализации актуализируются вопросы, связанные с ценностями современной молодежи. В первую очередь это связано с необходимостью поиска новых социальных и идеологических ориентиров для молодежи. Для достижения данной цели необходимо найти ответы

на следующие вопросы: каковы ценностные ориентиры современной молодежи Казахстана? каковы характеристики трудовой культуры молодежи? какие трудовые установки характеризуют молодежь современного Казахстана?

Методология

Статья подготовлена на основе материалов социологического исследования «Изучение казахстанских ценностей в сфере духовно-нравственного воспитания молодежи», проведенного научно-исследовательским центром «Молодежь» в 2017 г. по заказу Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Основным методом исследования выступил массовый социологический опрос молодежи, проведенный в 14 областях Казахстана, городах Астана и Алматы по репрезентативной выборке. Объем выборки составил 2000 человек. Анкета массового социологического опроса молодежи была разработана в соответствии со всеми требованиями к составлению социологического инструментария, включала 52 вопроса по содержанию и 8 вопросов социально-демографического блока. Анкета составлена на двух языках: государственном и русском.

В ходе проведения опроса из 2000 опрошенных 1145 человек проживали в городах,

855 человек – молодежь села. В структуре выборки 1006 человек – мужчины, 994 – женщины. Распределение выборочной совокупности по месту проживания, полу и возрасту полностью соответствует пропорциям общества, что позволяет считать используемую выборку репрезентативной и результаты выборочного социологического опроса экстраполировать на всю молодежь Казахстана.

Согласно определению, представленному в Большом толковом социологическом словаре, понятие «ценности» включает в себя набор стандартов и критериев, которым человек следует в жизни [3]. Ценности – это представление человека о значимости для него различных явлений, предметов, о главных целях жизни, труда, а также о средствах достижения целей. «Трудовые установки» включают в себя ориентации в отношении работы, мотивацию, удовлетворенность работой [4]. Долгое время в социологии и психологии считалось, что потребности людей в сфере труда универсальны. Данное мнение подтверждалось концепцией иерархии потребностей, предложенной А. Маслоу, суть которой состоит в признании существования универсальных потребностей [4].

Во второй половине XX века исследовательской группой во главе с Дж. Голдторпом была высказана идея, что трудовые установки и ориентации не универсальны для всех работников. Дж. Голдторп высказал мнение, что определяющим фактором, оказывающим воздействие на трудовые установки, выступает социальный опыт индивида. Ориентация человека на труд, по мнению авторов данного исследования, опосредована солидаризмом и инструментализмом. Индивиды, для которых более значим солидаризм, характеризуются тем, что получают удовлетворение как от самой работы, так и от ощущения принадлежности себя к коллективу. Напротив, для рабочих, которым свойственен инструментализм, более значимы материальные ценности: высокая оплата труда, достижение собственных интересов. По словам исследователей, данные два типа установок характерны главным образом для работников физического труда. Впоследствии Дж. Голдторп предложил третий тип трудовых установок – бюрократические ориентации. Бюрократические ориентации, по мнению исследователя, характеризуют индивидов, для которых более значимы гарантии занятости и вытекающие из этого возможность карьерного роста, повышение уровня заработной платы, социальные гарантии. В данном случае отношения найма перерастают в доверие и выражаются в пожизненной занятости в одной компании. Такие ориентации свойственны чаще всего «белым воротничкам» из среднего класса [5].

Среди классических зарубежных исследований ценностей и труда можно выделить работы М. Вебера [6], А. Файоля [7], Э. Мэйо [8, 9], Г. Форда [10], Ф.У. Тейлора [11], которые посвящены изучению ценностных ориентаций, социальных и экономических аспектов трудовой деятельности, оснований разделения труда, специфики трудовой дифференциации, основам дисциплины. Общий лейтмотив данных работ – идея о взаимосвязи труда, нравственности, культурных и социальных аспектов.

XX век еще больше актуализировал внимание исследователей на данной проблематике. В первую очередь это связано с формированием «общества массового потребления», в котором человек становится «массовым потребителем» и игроком, который воспроизводит все свои действия в игровой повседневности. В этом плане следует отметить работы Э. Агацци [12], Ж. Бодрийяра [13], Б.В. Маркова [14], Э. Тоффлера [15], Э. Фромма [16], Ю. Хабермаса [17] и др.

В контексте изучаемого вопроса актуальны работы зарубежных авторов в области управления, мотивации, среди которых можно выделить таких исследователей, как А. Маслоу [18], П. Друкер [19], Г. Саймон [20], Т. Питерс [21], Х. Хекхаузен [22] и др. В своих исследованиях данные авторы особое внимание уделили трудовой мотивации, которая рассматривалась ими как обязательный, системообразующий элемент трудовых отношений. Таким образом, эффективность рынка труда во многом зависит от характера мотивации его работников.

Российские ученые Ю.А. Зубок, Т.К. Ростовская, Н.Л. Смакотина, рассматривая трудовой потенциал российской молодежи, обращают внимание на следующие базовые показатели: обретение работы, повышение квалификации, продвижение по службе, защита трудовых прав [23].

В современной казахстанской науке исследование проблемы трудовых установок рассматривается в общем контексте изучения молодежного рынка труда. В частности, изучаются тенденции спроса и предложения на молодежном рынке труда. По мнению отечественного исследователя Г.Е. Жоламановой, молодежь в обществе испытывает воздействие ряда объективных и субъективных факторов. Среди них наиболее значимо влияние таких факторов, как уровень материальной обеспеченности, возможность профессиональной самореализации, возможность получения образования, карьерный рост, обеспечение гражданских прав и социальных гарантий. Основной проблемой молодежного рынка труда, по мнению Г.Е. Жоламановой, выступает несоответствие между спросом и потребностями рынка

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Что для Вас имеет наибольшую ценность в жизни?»**

№	Ценность	%
1	Семья	82.4
2	Здоровье	57.5
3	Дружба	32.0
4	Материально обеспеченная жизнь	15.8
5	Любовь	15.5
6	Знание, образование	12.6
7	Вера, религия	12.5
8	Интересная работа, профессия	10.5
9	Душевный покой	9.5
10	Карьера, высокое положение в обществе	5.9
11	Самореализация, самоуважение	5.2
12	Возможность получать любые удовольствия, развлекаться	5.2
13	Власть	4.2
14	Помощь людям	4.2
15	Общественное признание, известность, репутация	1.6
16	Творчество	1.8

труда и предложением со стороны системы образования [24].

Казахстанские ученые Ж.К. Буканова и Р.А. Кудайбергенов выделяют факторы молодежной безработицы субъективного и объективного характера [25]. К первым (субъективным) они относят психологическую неподготовленность молодежи, низкую трудовую мотивацию, завышенные ожидания молодежи в отношении будущей работы. Объективные же факторы связаны с государственным менеджментом, к ним относятся: низкое качество вузовского образования, пассивность специальных служб в сфере содействия трудоустройству.

Исследователь Г.С. Абдирайымова на основе данных социологических исследований рассматривает представления современной казахстанской молодежи о труде, занятости, профессиональном определении, трудоустройстве [26]. Автор анализирует влияние рынка, государства, образования и других институтов на ценностные представления и социальные ожидания молодежи. В работе отмечается важность сохранения ценностей общества труда, трудовой социализации молодежи, ее ориентаций на профессиональную реализацию.

Исследователи А.С. Сейдахметов и В.А. Сейдахметова отмечают, что в целом в современном Казахстане наблюдается положительная тенденция в трудоустройстве населения [27]. Однако анализ показывает, что за 2010–2014 гг. в структуре безработного населения страны удельный вес безработной молодежи, имеющей высшее и среднее профессиональное образование, имеет тенденцию к увеличению. Авторы исследуют тенденции и структурные изменения трудоустройства молодежи, имеющей высшее и среднее профессиональное образование, причины неустойчивости и несбалансированности

рынка труда, исследуют эффективность мер по оптимизации структуры подготовки кадров гуманитарного, технического и среднего профессионального образования.

Результаты

При анализе ценностных установок актуализируется вопрос градации ценностей современной казахстанской молодежи.

В инструментарий социологического исследования был включен следующий вопрос: «Что для Вас имеет наибольшую ценность в жизни?». Наибольшее количество респондентов выбрало вариант «Семья» (82.4%). На втором месте стоит вариант «Здоровье» (57.5%). Далее идут «Дружба» (32%), «Материально обеспеченная жизнь» (15.8%), «Любовь» (15.5%). В процессе опроса респонденты должны были выбрать из списка не более трех вариантов ответа. Ответы респондентов представлены в табл. 1.

В разрезе занятости распределение ценностей не особо отличается от линейных данных, за исключением некоторых позиций. Семья, здоровье и дружба занимают три лидирующих места у всех категорий опрашиваемой молодежи. Однако если у учащихся вариант «Знание, образование» занимает четвертое место с 23.3%, то у работающей молодежи, а также у категории «Не учусь и не работаю» он не попадает в пятерку приоритетных ценностей.

Список главных ценностей, очевидно, не зависит от религии. Семья, здоровье и дружба лидируют у мусульман, христиан и не исповедующих никакой религии. Вариант «Вера, религия» представляет собой далеко не главную ценность у представителей молодежи, считающих себя верующими: среди мусульман этот вариант выбрали 14.2% респондентов (6-е место), а среди христиан лишь 7.4% (9-е место).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«Кем бы Вы хотели быть в жизни?»**

№	Вариант ответа	%
1	Хорошим семьянином	43.9
2	Материально обеспеченным	43.4
3	Профессионалом, хорошим работником	27.8
4	Достойным гражданином	25.4
5	Честным, принципиальным человеком	16.3
6	Известным, знаменитым	11.2
7	Высоконравственным	4.5
8	Счастливым человеком	0.2

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, какую роль играет труд в жизни человека?»**

№	Варианты ответа	%
1	Труд является жизненной потребностью человека, способствуя развитию его личности	54.4
2	Труд необходим как средство материального обеспечения	28.5
3	Труд не всегда способствует успеху, главное в жизни удача, хорошие родственные и дружеские связи	15.8

Вариант «Материально обеспеченная жизнь» у мусульман и христиан набрал ощутимо разное количество голосов, составив у мусульман 14.3%, а у христиан 23.2%. Можно предположить здесь не столько влияние религии, сколько этнические установки, что отчасти подтверждается анализом корреляции по этносам: среди казахов этот вариант выбрали 14% респондентов, среди русских 22.1%.

Ценностные ориентиры в жизненных планах современной молодежи

На вопрос анкеты «Кем бы Вы хотели быть в жизни?» респондентам давалась возможность выбрать до двух вариантов ответов.

Из таблицы 2 видно, что наиболее популярные варианты – это «Хороший семьянин» (43.9%) и «Материально обеспеченный» (43.4%). На третьем месте стоит вариант «Профессионал, хороший работник» (27.8%), затем «Достойный гражданин» (25.4%). Завершает пятерку «Честный, принципиальный человек» (16.3%). Очевидно, что связка первых двух вариантов имела в ходе опроса наибольшую популярность.

Анализ разреза данных по этносам показывает, что налицо некоторые отличия в установках среди молодежи разных национальностей. Так, первое место среди казахской молодежи занимает вариант «Хорошим семьянином» (42.9%), а вариант «Материально обеспеченным» находится на втором месте по популярности (40.7%). У русских же вариант «Материально обеспеченным» набрал ощутимо большее количество голосов и лидирует с долей в 54.7%. Вариант «Хорошим семьянином» у русской молодежи стоит на втором месте с долей в 41.3%.

У представителей других этносов на первом месте стоит вариант «Хорошим семьянином» (54.3%), затем идут варианты «Материально обеспеченным» (42.6%), «Достойным гражданином» (29.6%), «Профессионалом, хорошим работником» (24.2%).

Установки сельской и городской молодежи в этом плане также схожи, но если у жителей села вариант «Хорошим семьянином» выходит на первое место с 41.4%, то у горожан на первом месте оказывается материальный достаток – вариант «Материально обеспеченным» выбрали 46.2% респондентов.

Роль категории «Труд» в представлениях современной молодежи Казахстана

На вопрос анкеты «Как Вы думаете, какую роль играет труд в жизни человека?» большей частью опрошенной молодежи был выбран вариант «Труд является жизненной потребностью человека, способствуя развитию его личности» (54.4%). На втором месте оказался вариант «Труд необходим как средство материального обеспечения» (28.5%), затем вариант «Труд не всегда способствует успеху, главное в жизни удача, хорошие родственные и дружеские связи» (15.8%) (таблица 3).

В разрезе занятости соотношение выбранных вариантов то же, что и в целом, однако есть некоторые различия в количестве выбравших тот или иной вариант. Так, среди тех респондентов, кто не работает и не учится, но ищет работу, относительно велико количество выбравших вариант «Труд не всегда способствует успеху, главное в жизни удача, хорошие родственные и дружеские связи» – 22.3%. У рабо-

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, какую роль играет труд в жизни человека?» (% , по регионам)**

№	Регион	Труд является жизненной потребностью человека, способствуя развитию его личности	Труд необходим как средство материального обеспечения	Труд не всегда способствует успеху, главное в жизни удача, хорошие родственные и дружеские связи
1	Атырауская область	69.1	13.2	17.6
2	Актюбинская область	66.3	17.8	11.9
3	Кызылординская область	65.2	12.4	15.7
4	Южно-Казахстанская область	60.0	20.0	19.7
5	Западно-Казахстанская область	59.2	21.1	19.7
6	г. Алматы	58.3	26.5	14.3
7	Павлодарская область	56.4	33.3	10.3
8	Карагандинская область	56.4	26.8	16.1
9	Мангистауская область	52.1	34.2	11.0
10	Костанайская область	52.1	30.2	15.6
11	Восточно-Казахстанская область	50.9	34.9	12.6
12	Акмолинская область	46.8	13.9	39.2
13	Алматинская область	46.0	41.2	12.3
14	Жамбылская область	43.4	45.9	10.7
15	г. Астана	40.2	42.2	14.7
16	Северо-Казахстанская область	33.3	50.0	16.7

тающей молодежи этот вариант выбрали лишь 16.4% респондентов, а у тех, кто учится и подрабатывает, – 15.3%.

Из данных, представленных в таблице 4, видно, что наиболее позитивное отношение к труду как к некоему созидающему началу, необходимому для развития личности, наблюдается в Атырауской, Актюбинской и Кызылординской областях. Большая часть молодежи Северо-Казахстанской, Жамбылской областей, а также города Астаны считает труд жизненной необходимостью, средством материального обеспечения. Особо можно выделить Акмолинскую область, в которой 39.2% опрошенных выбрали вариант «Труд не всегда способствует успеху, главное в жизни удача, хорошие родственные и дружеские связи».

В разрезе возраста процент выбравших вариант «Труд необходим как средство материального обеспечения» ожидаемо выше у старшей группы от 24 до 29 лет (30.1%), у группы от 19 до 23 лет этот показатель составил 27.2%, а в группе от 14 до 18 лет – 27%.

Заключение

Наивысшими ценностями для молодежи Казахстана, независимо от этноса, происхождения и религии, выступают семья, здоровье и дружба. Очевидно, это отголоски традиционных ценностей, все еще доминирующих в современном обществе. Стоит отметить, что, очевидно, светское воспитание современной молодежи отражается на относительно низкой роли религии в ее системе ценностей.

Важную роль семейных ценностей подчеркивает и большая популярность варианта «Хорошим семьянином» в ответах на вопрос «Кем бы Вы хотели быть в жизни?». Второе место варианта «Материально обеспеченным», очевидно, обусловлено современными социально-экономическими реалиями, которые, взаимодействуя со старыми морально-этическими установками, и формируют картину современных молодежных ценностей.

В целом, казахстанская молодежь сохраняет позитивное отношение к труду как к началу, способствующему развитию личности. Однако этот показатель довольно серьезно разнится в различных регионах, что, возможно, говорит о необходимости улучшения воспитательной работы с молодежью по вопросам роли труда в формировании личностных качеств человека.

Учитывая, что ценность труда и установки на труд отличаются в разных возрастных и региональных группах молодежи, рекомендуется оптимизация воспитательной работы с молодежью по пропаганде ценности труда в формировании личности молодого человека. Одной из форм данной работы может быть организация встреч учащейся молодежи с успешными представителями разных профессий для повышения мотивации молодежи к труду, к осознанному выбору будущей профессии, к ответственному будущему.

С целью повышения престижа ценности труда рекомендуется проведение информационно-пропагандистской кампании в СМИ по пропаганде образа работающего человека, успешного в своей профессии, приносящего пользу обществу, в котором живет.

Список литературы

1. Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», 12 апреля, 2017 год. http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo (дата обращения: 02.02.2018).
2. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда [Электронный ресурс]. http://www.emer.gov.kz/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=344&Itemid=321 (дата обращения: 15.09.2017).
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. <http://slovarslov.ru/slovar/soc/c/tsenosti.html> (дата обращения: 15.08.2017).
4. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004. 620 с.
5. Социологический словарь [Электронный ресурс]. https://sociological_dictionary.academic.ru/ (дата обращения: 02.02.2018).
6. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5. Revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972.
7. Fayol H. Administration industrielle et générale. Paris: Dunod et Pinat, 1917.
8. Mayo E. The Human Problems of an Industrial Civilization. Macmillan, 1933.
9. Mayo E. The Social Problems of an Industrial Civilization: With an Appendix on the Political Problem. Routledge & K. Paul, 1949.
10. Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. <http://reosh.ru/wp-content/uploads/2014/08/>
11. Taylor F.W. The Principles of Scientific Management. New York: Harper & Brothers, 1911.
12. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 3–19.
13. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального [A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social] / Пер. с фр. Н.В. Суслова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
14. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб.: Алетейя, 1999. 296 с.
15. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
16. Фромм Э. Иметь или быть / Пер. с англ. Э. Телятниковой. М.: АСТ; АСТ Москва, 2009.
17. Glaser W.R. Soziales und instrumentales Handeln. Probleme der Technologie bei Arnold Gehlen und Jürgen Habermas. Stuttgart, 1972.
18. Маслоу А. Теория человеческой мотивации. СПб.: Евразия, 1999.
19. Друкер П. О профессиональном менеджменте: о профессии менеджера. М.: Вильямс, 2005.
20. Саймон Г.А. Теория принятия решений в экономической теории и в науке о поведении // Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 2000. 534 с.
21. Heller R. Tom Peters: The Bestselling Prophet of the Management Revolution (part of a 4-book series of business biographies on Peters, Bill Gates, Peter Drucker, and Warren Buffett). London: Dorling Kindersley, 2000.
22. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.
23. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «Перспектива», 2016. 166 с.
24. Жоламанова Г.Е. Анализ ситуации на молодежном рынке труда Республики Казахстан [Электронный ресурс]. http://2004-2010.iwep.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=3793&Itemid=44 (дата обращения: 05.09.2017).
25. Буканова Ж.К., Кудайбергенов Р.А. Молодежь городов Казахстана: проблемы социально-экономической адаптации [Электронный ресурс]. <http://youthpolicycenter.kz/en/socialno-kulturnaya-adaptaciya-molodezhi-gorodov-kazahstana/molodezh-gorodov-kazahstana-problemy-socialno-ekonomicheskoy-adaptacii.html> (дата обращения: 24.08.2017).
26. Абдирайымова Г.С. Ценностные ориентации молодежи: по результатам социологического исследования // Мысль. 2005. № 7. С. 58–62.
27. Сейдахметов А.С., Сейдахметова В.А. Проблемы трудоустройства молодежи на рынке труда Казахстана // Вестник КАЗНУ. 2016. Т. 113. № 1. С. 176–182.

VALUE AND WORK ATTITUDES IN THE LIFE PLANS OF TODAY'S YOUTH IN KAZAKHSTAN

T.B. Kaliev, D.E. Ashimkhanova

Research center «Youth», Astana, Republic of Kazakhstan

We present an analysis of young people's value and work attitudes in the Republic of Kazakhstan, of the perception of life by the young people and their personal and social priorities. As a rule, value attitudes are a programmed result, which depends on cultural, ethnic, civilizational features and demands of the social environment. The article discusses the moods of today's young people, their main values, life plans and attitude to work.

The article is based on the data of a sociological survey conducted in 2017 in Kazakhstan. The main method of sociological research was a mass survey using a random representative sample of 2000 people.

The article includes a review of classical and contemporary literature on labor values, labor motivation and work culture in such fields as management, sociology of youth, economic sociology and psychology.

Keywords: values, work attitudes, youth.

УДК 316.4

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ВОЛОНТЕРСТВА

© 2018 г.

А.В. Ермилова, И.А. Исакова, В.И. Игнатьева

Ермилова Анна Вячеславовна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ermilova.75@bk.ru

Исакова Инна Александровна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
inna_isakova@mail.ru

Игнатьева Валерия Игоревна, студентка факультета социальных наук
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
leruska_ignateva@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 15.03.2018**Статья принята к публикации 23.04.2018*

Рассматривается специфика развития волонтерства в практике Нижегородского и Ивановского регионов. Эти регионы объединены месторасположением – европейской частью России и отличаются степенью экономической и социальной развитости. В задачи исследования входило выявление представлений добровольцев о сущности волонтерской деятельности, задач и мотивов волонтеров, каналов получения информации о данном феномене, необходимости специального обучения для реальных и потенциальных добровольцев, направления осуществляемой деятельности.

Представлены результаты исследований, проведенных в несколько этапов. На первом этапе в 2014–2015 гг. в г. Иванове были опрошены: методом анкетного опроса – молодые люди, занимающиеся волонтерской деятельностью ($n=90$ чел.), и жители г. Иванова по поводу их отношения к волонтерской деятельности ($n=250$ чел.); методом полустандартизированного интервью – специалисты-эксперты ($n=5$ чел.). На втором этапе в 2014–2016 гг. в г. Нижнем Новгороде были интервьюированы волонтеры ($n=27$ чел.); методом анкетирования опрошены студенты, не являющиеся членами волонтерских организаций ($n=394$ чел.), ученики четырех школ г. Нижнего Новгорода ($n=179$ чел.), эксперты – сотрудники государственных и некоммерческих социальных организаций ($n=36$ чел.).

В результате сравнительного анализа представлений о региональной специфике волонтерства людей, являющихся добровольцами, специалистов, связанных с поддержкой и функционированием добровольческих центров и общественных организаций, и жителей Ивановской и Нижегородской областей были выявлены проблемы развития волонтерства и предложены рекомендации, направленные на повышение уровня эффективности привлечения молодежи в волонтерскую деятельность.

Ключевые слова: волонтерство, проблемное поле, направления, общественное мнение, обучение, информирование.

Введение

Последние десятилетия XX века в Российской Федерации ознаменовались всплеском интереса к волонтерской деятельности. По последним данным «Российской газеты» со ссылкой на исследования фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в 2016 г. 7% россиян 18 лет и старше являлись активными добровольцами, осуществляющими свою деятельность в рамках той или иной некоммерческой организации, что составляет примерно 7 миллионов человек. Для сравнения: в 2013 г. волонтеров было 3 миллиона [1]. По данным Агентства стратегических инициатив, стоимость ресурсов добровольного труда в некоммерческом секторе в России ежегодно может составить 16.4 млн руб., 50% населения готовы стать

волонтерами и до 15% населения уже участвуют в добровольческой деятельности. Однако, несмотря на принимаемые меры, на растущую численность волонтеров, на увеличение информации об их деятельности в СМИ, на открытие новых благотворительных фондов, сегодня российское общество находится на начальных ступенях развития гражданского общества. Подтверждением этого является принятие в декабре 2016 г. стратегической инициативы «Развитие волонтерства (добровольчества) в регионах». Одновременно Общественной палате Российской Федерации совместно с Агентством стратегических инициатив дано поручение Президента Российской Федерации В.В. Путина разработать план мероприятий по развитию волонтерского движения [2]. Данное обстоятельство актуализирует анализ регио-

нальных практик осуществления волонтерской деятельности и возможностей управления их развитием и распространением.

Важность исследования управления волонтерскими практиками именно на региональном уровне подчеркивается не только в правительственной среде, но и российскими исследователями [3–7]. Нельзя забывать и о том, что данный вид деятельности позволяет государству экономить огромные финансовые средства. Исследователь Л.А. Кудринская отмечает, что в денежном выражении труд московских добровольцев за год оценивается в сумму около 70 тыс. долларов [8]. На этом фоне важным становится изучение возможностей повышения эффективности привлечения молодежи в волонтерскую деятельность.

Методология исследования

В последнее десятилетие волонтерство является предметом многих исследований. В практике социологических исследований оно анализируется в зависимости от организации и осуществления добровольчества на макроуровне (на уровне государства), на мезоуровне (на уровне отдельных организаций) и на микроуровне (отдельные волонтерские практики). Добровольческая деятельность исследуется как зарубежными, так и российскими учеными, в их числе К. Бидерман [9], Л. Саламон и Х. Анхейер [10], Д. Хаски-Левенталь [11], Л. Хастингс, Р. Кнаан и Ф. Ханди [12], Г. Хиллз [13], Т.П. Ларионова [14], Т.А. Лисовская [15], М.В. Певная [7], А.А. Шлихтер [16]. Аспекты анализа добровольчества на уровне российских организаций представлены в работах таких авторов, как Г.Е. Зборовский и А.А. Кузьминчук [17], Е.Е. Репешко [18], Е.О. Станкевич [19], А.В. Трохина [20], О.В. Шиняева [21]. Работы А.Ю. Казаковой [22], С.И. Петошиной [23], Н.А. Сударкиной [24], В.И. Уваровой и М.А. Федосеевой [25], П.В. Шевченко [26] посвящены региональным аспектам исследования волонтерских практик. Анализ научной литературы показывает, что сегодня существует большое число разрозненных эмпирических исследований волонтерства. Однако в основном изучение ведется с точки зрения фиксации имеющихся успешных добровольческих практик, а не с позиции выявления проблемного поля, что является недостаточным.

Эмпирическая база исследования

Глубже познать сущность добровольчества, закономерности его развития позволило социологическое исследование, проведенное в 2014–

2016 гг. в двух регионах Российской Федерации – Нижегородской и Ивановской областях. Реализация социологического исследования именно в этих регионах, представляющих европейскую часть России, была связана, во-первых, с желанием исследователей представить вниманию общественности сравнительную характеристику развития волонтерства в мегаполисе и областном центре; во-вторых, с тем, что эти регионы представляют собой центры вузовской подготовки, где проживает значительное число активной молодежи.

В Ивановской области проведено исследование в 2014–2015 гг., в ходе которого были опрошены молодые люди, занимающиеся волонтерской деятельностью ($n=90$ чел.), методом анкетного опроса, а также специалисты-эксперты методом полуструктурированного интервью ($n=5$ чел.). Для формирования группы экспертов использовался метод коллективной оценки, в результате чего интервьюирование было проведено с руководителями добровольческих центров и общественных организаций, а также руководителями региональных и местных органов власти, в сферу компетенции которых входит взаимодействие с общественными организациями. Расчетный путь определения выборочной совокупности и серийный метод отбора респондентов позволили при помощи метода анкетного опроса выявить общественное отношение жителей г. Иванова к волонтерской деятельности ($n=250$ чел.). Полученные данные сопоставлялись с информацией, полученной в Нижегородской области в ходе анкетного опроса, посвященного изучению отношения сотрудников государственных и некоммерческих социальных организаций к участию в их деятельности волонтеров, проведенного на базе социальных служб г. Нижнего Новгорода осенью 2015 г. ($n=36$); полуструктурированных интервью с волонтерами о перспективах развития волонтерства в г. Нижнем Новгороде в 2016 г. ($n=27$). Для оценки мнения молодежи, не вовлеченной в деятельность волонтерских организаций, использовались данные анкетного опроса студентов Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, проведенного в октябре 2014 г. ($n=394$), и результаты анкетирования учеников «Отношение к добровольчеству в школе», проведенного в четырех учебных заведениях Нижнего Новгорода ($n=179$), и одного добровольческого отряда ($n=28$) в феврале 2015 г. Необходимо указать, что исследования в регионах РФ проводились в разные временные интервалы, в ходе которых использовался несходный инструментарий, в результате чего

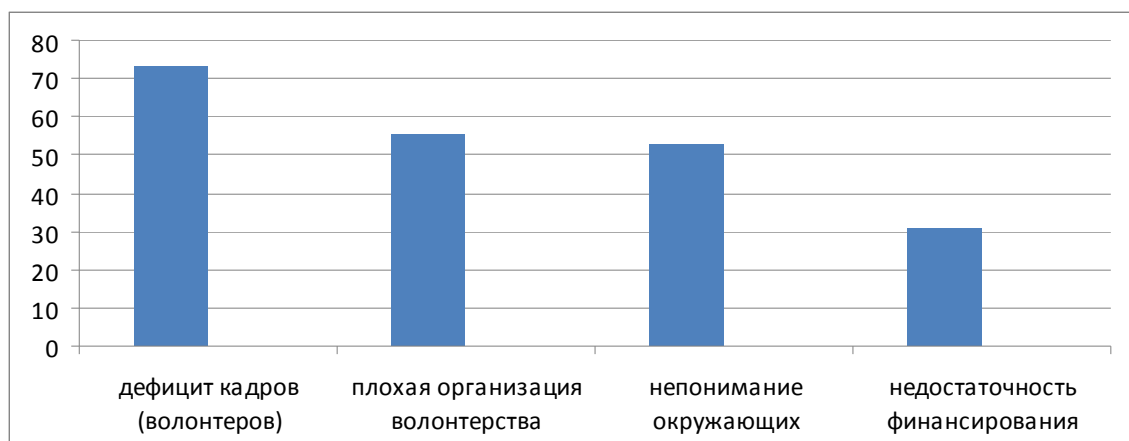

Рис. 1. Оценка проблем, которые испытывает волонтерство в регионе, % (n=90 чел.; Ивановская обл.)

были выявлены и проанализированы совпадающие позиции, касающиеся осуществления волонтерства, а именно: представления добровольцев о сущности волонтерской деятельности, задачи и мотивы добровольчества, каналы информированности о данном феномене, необходимость специального обучения для реальных и потенциальных волонтеров, направления и проблемное поле осуществления волонтерской деятельности в регионе.

Объект исследования – волонтерская деятельность как социальный феномен. *Предмет исследования* – проблемы развития волонтерской деятельности на региональном уровне глазами участников и невовлеченной общественности на примере Ивановской и Нижегородской областей. *Цель исследования* – выявление проблемного поля развития регионального добровольчества для разработки рекомендаций, направленных на повышение уровня эффективности привлечения молодежи в эту сферу.

Результаты исследования

Исследовательский интерес был направлен на выявление проблем в осуществлении волонтерской деятельности в регионах страны. 78% ивановских добровольцев признались в наличии трудностей, ограничивающих развитие волонтерского движения молодежи.

Несмотря на то, что многими исследователями уже были выявлены группы проблем, затрудняющих осуществление добровольчества, например правовые, государственные, социально-психологические, технологические, наше исследование в Ивановской области зафиксировало региональную специфику препятствий волонтерской деятельности (рис. 1).

Специфика проблемного поля волонтерства состоит в превалировании в регионе *технологических проблем*, а именно в отсутствии эффек-

тивных методик организации волонтерского движения среди молодежи. Актуализируются проблемы командообразования и мотивированного участия в добровольческих акциях, что отражается на кадровой политике волонтерства. Усугубляет ситуацию *отсутствие системы обучения добровольчеству*. Авторы считают необходимым остановиться на проблеме приобретения молодежью знаний, умений, навыков, необходимых для осуществления волонтерской деятельности. Независимо от места проживания волонтеры в большинстве своем указывают на высокую степень важности обучения волонтерству. Оказавшись в рядах волонтеров, молодые люди могут испытывать различные адаптационные проблемы, одной из которых является недостаточный уровень компетентности, необходимой для оказания качественной помощи. В связи с этим респондентам был задан вопрос, касающийся необходимости обучения добровольческой работе. Большинство ивановских волонтеров (67%) признались, что они нуждались в специальном обучении. По мнению ивановских экспертов, отсутствие обучения волонтерству и компенсации затраченных ресурсов отрицательно сказывается на потенциале развития добровольчества: «*В городе отсутствует системность подготовки волонтеров. Из-за этого возникает вполне естественный перекос – волонтерством хотят заниматься (и в конечном итоге занимаются) люди, не имеющие знаний, умений, навыков и компетенций волонтера*» (специалист по работе с молодежью МКУ «Молодежный центр», председатель ИОО ООО «Российский союз молодежи»).

Эта позиция подтверждается и нижегородскими экспертами: «*Обучение волонтеров – одна из значимых наших задач. Поэтому в 2016 г. реализовали образовательный проект «Школа кураторов», цель которого – создать эффективную площадку для развития личности через*

Таблица 1

**Мотивы, побудившие ивановских волонтеров к добровольчеству,
в зависимости от их половозрастных характеристик, % (N=90 чел.)**

Социально-демографические характеристики		Мотивация			
		Благодарность окружающим	Изменение мира к лучшему	Помощь окружающим	Самоудовлетворение
Пол	Муж.	35.3	11.8	50.0	2.9
	Жен.	55.4	17.9	26.8	0.0
Возраст	14–15	27.8	57.1	15.6	0.0
	16–18	49.4	12.5	28.7	9.4
	19–20	52.1	7.4	40.0	0.0
	21–22	57.9	7.1	35.0	0.0

волонтерскую деятельность. Участниками проекта стали активные школьники и студенты вузов, сузов Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Из них были созданы группы волонтеров и кураторов, в зависимости от опыта добровольческой деятельности и возрастных особенностей. Думаю, что «Школа кураторов» станет хорошим началом качественной и грамотно организованной добровольческой работы в Нижегородской области» (координатор проектов Нижегородской службы добровольцев). Сходного мнения придерживаются действующие нижегородские добровольцы: «Да! Обучение нужно, чтобы качественно оказывать помощь и чтобы волонтеры понимали значимость этой деятельности, знали возможности, знали, кому и как можно оказать помощь правильно» (жен., стаж волонтерства 10 лет); «Наверное, психологическая подготовка быть должна, потому что может произойти все, что угодно. И волонтер должен быть к этому готов» (жен., стаж волонтерства 3 года). Следует отметить, что 16 из 27 респондентов предложили ввести обязательное специальное обучение; 7 из 27 – сказали, что специальное обучение необходимо, но лишь в определенных направлениях, например работа с пожилыми людьми, лицами с ограниченными возможностями здоровья. Специальное обучение будет полезно, в первую очередь, потенциальному волонтеру, т.к. позволит постепенно войти в волонтерскую деятельность. Но и действующие волонтеры готовы обучаться, однако им нужны более специализированные знания, например по разрешению конфликтов, профилактике эмоционального выгорания.

Следующей по значимости проблемой волонтерства являются *социально-психологические трудности* в данном виде деятельности. Негативный аспект эмоционального состояния волонтеров, по их собственному мнению, выражается в отсутствии должного понимания их деятельности со стороны общества, государства. Волонтеры старших возрастных групп признались, что с увеличением стажа добровольческой

деятельности они все больше и больше ощущают не востребованность своей общественной активности. Самым важным для ивановских добровольцев в волонтерской деятельности является благодарность тех людей, кому помогают добровольцы, а также непосредственно сама помощь окружающим, без которой определенные категории населения не смогут осуществлять самостоятельно свою жизнедеятельность. Однако необходимо указать на особенности мотивации ивановских волонтеров (табл. 1).

Благодарность людей наиболее важна для девушек (55.4% против 35.3%) преимущественно старшей возрастной категории, осуществляющих волонтерскую деятельность более 1 года, тогда как у молодых людей превалирует такая ценность, как помощь нуждающимся (50.2% против 26% девушек-добровольцев). На изменения мира к лучшему нацелены в большинстве своем учащиеся школ, колледжей (14–15 лет – 57.1%; 16–18 лет – 12.5%; 19–20 лет – 7.4%; 21–22 года – 7.1%).

Согласно полученным в Нижнем Новгороде данным, самым распространенным мотивом (15 из 27 респондентов) является стремление помогать людям, ощущение собственной полезности обществу: «Мне захотелось помогать людям, дарить добро и частичку себя» (жен., стаж волонтерства 1 год). Однако при организации волонтерской деятельности необходимо понимать, что благодарность от получателей помощи может не всегда быть явной, поэтому важно предусмотреть организационные методы поощрения волонтеров. Например, в настоящее время в Нижегородской области в волонтерской практике действуют волонтерские книжки (которые переведены в электронный вариант), в них помещаются сведения о «трудовом стаже» добровольца, поощрениях и дополнительной подготовке. Все это может стать источником информации об интересах и опыте добровольца для сотрудников социальных служб, подбирающих себе добровольных помощников, а также для будущих работодателей. Важное значение имеет и простое моральное поощрение.

Таблица 2

**Восприятие волонтерской деятельности жителями г. Иванова,
в зависимости от их половозрастных характеристик, % (N=250 чел.)**

Социально-демографические характеристики		Восприятие добровольчества		
		С опаской, непониманием	Безразлично	С интересом
Пол	Мужской	37.7	52.7	9.6
	Женский	37.6	51.1	11.3
Возраст	16–20	40.7	33.3	26.0
	21–25	53.2	46.8	0.0
	26–30	55.2	44.8	0.0
	31–35	32.1	25.0	42.9
	36–40	33.3	66.7	0.0
	41–45	29.2	58.3	12.5
	46–50	22.2	77.8	0.0
	51–55	37.0	51.9	11.1
	56–60	26.9	73.1	0.0

Нельзя материализовать все поощрения, иначе волонтерство перестанет быть бескорыстным, суть его изменится. Примеров выражения признательности может быть много: например, в благодарность за уроки вышивания, которые пожилые клиенты комплексного центра социального обслуживания населения г. Нижнего Новгорода провели для детей, проживающих в реабилитационном центре для несовершеннолетних, ребята организовали в КЦСОН концерт самодеятельности. Подобный опыт единичный, но это лишь привлекает внимание к проблеме поощрения волонтеров, ведь отсутствие должной оценки труда ведет к повышению тревожности в волонтерской среде, быстрому разочарованию и полному отказу от нее.

Мы можем наблюдать также высокий уровень тревожности действующих добровольцев относительно общественного отношения к данному виду социальной активности, что подтолкнуло авторов к реализации еще одного исследовательского проекта, цель которого состояла в оценке перцепции волонтерской деятельности жителями г. Н. Новгорода и г. Иванова (табл. 2).

Практически 1/3 ивановцев не понимают специфики деятельности волонтера и, как правило, опасаются ее, объясняя это противоречиями между ожиданиями от добровольчества и реально осуществляемой деятельностью в регионе. Представители текстильного края также отметили, что в основе их настороженного отношения к волонтерству (с опаской) лежит низкий уровень информированности о данном виде деятельности. Высокую степень равнодушия к добровольчеству демонстрируют в большей степени представители старших возрастных групп, что указывает на некоторую стагнацию общественной жизни в данном регионе.

В ходе исследования в Нижнем Новгороде выявлены сходные проблемы. Как и в Иванове, большинство опрошенных не понимают специфики деятельности волонтера, что порождает неоднозначные представления: 97.4% респондентов из числа студентов считают, что волонтером может стать каждый; при этом 58.4% опрошенных предполагают, что волонтер должен обладать специфическими качествами и навыками, которые есть только у 47% опрошенных. «Волонтером может стать каждый, но большинство людей не имеют необходимых навыков» – двойственная позиция: с одной стороны, обучение потенциальных волонтеров решит проблему с умениями, и многие смогут влиться в ряды волонтеров, с другой – молодежь правильно понимает суть добровольчества, но свою пассивность оправдывает отсутствием навыков.

Вторым противоречием в понимании молодежи добровольческой помощи, выявленным в Нижнем Новгороде, являются метания между пониманием волонтерства как шанса «помочь другим» или «помочь себе». Большинство респондентов (85.3%) считают, что волонтерство – это добровольная безвозмездная помощь и участие в общественно полезных мероприятиях и акциях (60.2%). То есть студенты наслышаны о принципах добровольности и безвозмездности участия волонтеров в различного рода проектах, однако мотивы участия в деятельности волонтерских организаций, готовность соблюдать моральные стандарты добровольцев подтверждают лишь частично. Часто волонтерство рассматривается как способ бесплатно побывать в разных городах и странах, завести нужные знакомства и в дальнейшем лучше трудоустроиться (рис. 2) или поступить в престижный университет, ведь в 2017 г. некоторые вузы России начисляли за опыт добровольческого труда до 10 баллов (как правило, засчитывается волон-

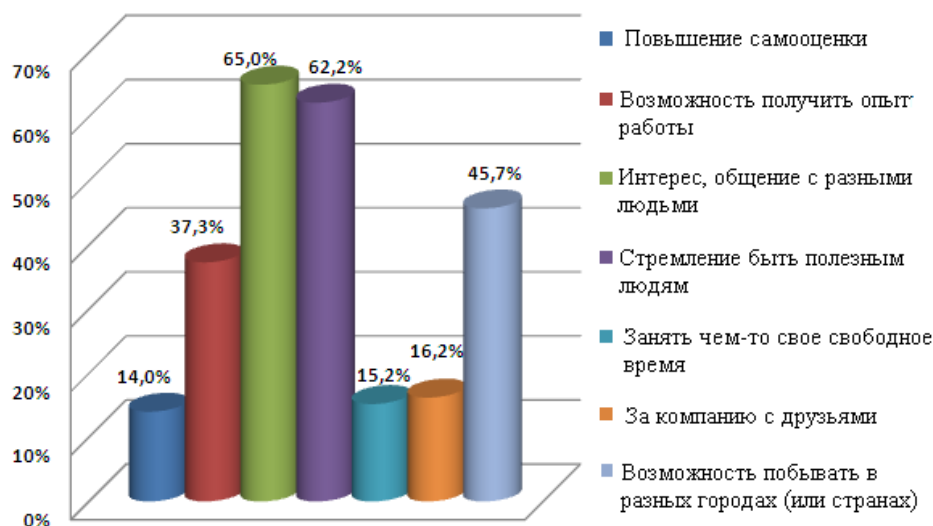

Рис. 2. Мотивы, движущие студентами в их стремлении заниматься волонтерской деятельностью

Таблица 3

Участие пожилых людей в специальных мероприятиях, %

	Не участвую
Посещение театров, кинотеатров, музеев	78
Участвовать в художественной самодеятельности	97.3
Участвовать в организации вечеров, праздничных мероприятий	86.8
Встречи с интересными людьми	90.7
Участвовать в спортивно-оздоровительных мероприятиях	96.7
Посещение библиотек города	87.9

терство, срок давности которого не превышает 4 лет). Таким образом, волонтерство для молодежи становится способом повысить свою самооценку и шансы на успех в жизни.

Сходное отношение выявлено и в ходе анкетирования «Отношение к добровольчеству» учеников четырех школ Нижнего Новгорода. Часто учащиеся вступают в ряды добровольцев, полагая, что организаторы добровольческих проектов будут официально освобождать их от занятий. Однако в ходе исследования отмечено, что кураторы не используют данной возможности в силу ряда обстоятельств: негативное отношение к освобождениям учащихся от занятий со стороны руководства школы, учителей и родителей, а также принципиальная позиция – «*волонтерство «облагораживает» ребенка, только если он действительно осознает важность своей помощи, а не «официально» увильивает от занятий*» (социальный педагог средней общеобразовательной школы г. Нижнего Новгорода).

В ходе исследования в школах после анкетирования с учащимися проводились беседы о внеклассной деятельности, добровольческих объединениях, самоуправлении, факультативах, в том числе обсуждались ассоциации со словом «доброволец». Ответы были получены разные, но наиболее популярная версия – «бесплатная

рабочая сила», а в одном случае даже «раб». Так что, в целом, нижегородские школьники высоко оценивают значимость волонтерства в современном мире, но к предложению поучаствовать относятся достаточно настороженно.

В ситуации с потенциальными «серебряными» волонтерами выявлена та же пассивность, что видно из результатов анкетирования, посвященного выявлению проблем социальной адаптации пожилых в Нижнем Новгороде в 2017 г. ($n=182$) (табл. 3).

Пожилые люди редко принимают участие в предлагаемых им общественных и культурных мероприятиях; считают, что добровольчеством должны заниматься молодые; себя рассматривают только в качестве получателя помощи. Подобное мнение в среде пожилых нижегородцев распространено, несмотря на то, что сектор «серебряного» волонтерства в городе достаточно развит: в 2016 г. два нижегородских добровольца представляли область в номинации «Серебряное волонтерство»: автор проекта «Бабушка на час» победила в конкурсе, а создатель общественной организации «Защита жертв политических репрессий» стала лауреатом; в 2017 г. в Нижнем Новгороде успешно прошел II Всероссийский форум серебряных добровольцев [27].

Совокупность полученных в Нижнем Новгороде данных свидетельствует, что информированность населения о волонтерском движении остается на низком уровне и влияет на принятие решения о занятии данным видом деятельности.

Экспертная группа в большей степени связывает проблемы волонтерства с отсутствием государственных программ, стимулирующих участие молодежи в добровольческой деятельности. Усугубляет проблему низкий уровень взаимодействия добровольческого движения с органами государственной власти, что подчеркивает значимость проблемного поля волонтерства на *государственном уровне*.

Следует обратить внимание на недостаточное финансирование волонтерской деятельности в Ивановском регионе, на которую указали как добровольцы, так и эксперты: *«Отсутствие системы компенсирования прямых расходов. Например, на проезд волонтера по городу до места, где требуется помощь»* (главный специалист отдела по связям с общественностью и СМИ Ивановской городской Думы); *«Отсутствие необходимого уровня финансовой поддержки со стороны государства, отсутствие системы поощрения волонтерской деятельности»* (председатель Молодежной избирательной комиссии Ивановской области). Для поддержки и развития волонтерского движения необходимо на государственном уровне осуществлять формирование позитивного имиджа волонтера как важного фактора социально-экономического развития страны.

Проблемное поле волонтерства в Нижнем Новгороде несколько отличается, во-первых, широтой спектра различных общественных движений, волонтерских организаций и молодежных объединений; во-вторых, развитой спортивно-досуговой инфраструктурой; в-третьих, широкой системой стипендиальной и грантовой поддержки молодых исследователей. Однако есть и актуальные проблемы, требующие решения: низкая бюджетная обеспеченность региональной молодежной политики, особенно в сравнении с другими регионами ПФО; неотработанность системы учета волонтерского опыта, например отсутствие регионального порядка выдачи волонтерской книжки (отмеченные нижегородскими экспертами).

В дополнение к этому выявлено наличие существенных различий в представлении о волонтерстве у потенциальных и действующих волонтеров и у представителей некоммерческих и государственных социальных организаций. Значимым различием является расхождение мнений относительно содержания деятельности

и связанных с ним специального обучения и подготовки, необходимых для реализации волонтерской деятельности. Так, потенциальные волонтеры и сотрудники государственных учреждений представляют добровольчество в качестве длительного технологического процесса, требующего определенных выходов и умений. Реальные добровольцы и сотрудники некоммерческих организаций в первую очередь презентуют волонтерство как помощь нуждающимся, которая может оказываться любым человеком при наличии времени и желания. Различие является значимым, поскольку первому образу могут соответствовать люди с альтруистическими акцентуациями характера и опытом работы в социальной сфере, а второму – все, кто готов помогать. Это тем более актуально, что, согласно нашему анализу, потенциальным добровольцам присущ определенный альтруизм и романтизм в понимании волонтерской деятельности, который исчезает при непосредственном участии. Подобные проблемы могут спровоцировать волонтеров к отказу от волонтерской деятельности: в Иванове 15.4% действующих волонтеров с опытом работы более 1 года готовы отказаться от добровольчества из-за недооценки их усилий в волонтерской помощи.

Проблемной является поддержка государством в основном спортивного волонтерства. Волонтерство – это очень многогранный вид деятельности, поскольку объединяет множество направлений: социальное (работа с детьми-сиротами, инвалидами, пожилыми людьми, бездомными, беженцами, бывшими заключенными и др.); медицинское (служба в больницах); досугово-профилактическое (работа с детьми и подростками; профилактика здорового и безопасного образа жизни, просветительская деятельность); экологическое, которое включает два больших блока – помощь животным (работа в приютах для животных, добровольная помощь зоопаркам и заповедникам) и защита окружающей среды; творческое (организация концертов, театральных выступлений, конкурсов, праздников и др.); краеведческое (работа, направленная на восстановление и сохранение исторических и природных памятников); спортивное (например, на олимпийских мероприятиях); исследовательское. Часто, исследуя конкретные волонтерские проекты, их сложно отнести к одному из видов, например, организация концерта для поддержки детей с задержками в развитии или проведение спортивного марафона для привлечения внимания к проблемам инвалидов-колясочников, поскольку пересекаются различные направления добровольчества.

Рис. 3. Оценка причин отсутствия у молодежи интереса к социальному служению, % (n=250 чел.)

Политика государства в отношении развития волонтерства не всегда сходитсся с позицией самой молодежи. В опросе потенциальных волонтеров в Нижнем Новгороде нами было выявлено, что наиболее известными направлениями являются социальное, спортивное, экологическое, досуговая и творческая деятельность. Среди реальных добровольцев картина почти не меняется: 7 из 27 респондентов отметили «спортивное» направление; 5 – «социальное»; 5 – «экологическое, помощь животным»; 4 – «досуговое, творческое». Популярность спортивного добровольчества объясняется его освещенностью в СМИ в связи с Олимпиадой в Сочи, Универсиадой в Казани и подготовкой к Чемпионату мира по футболу. Социальное волонтерство на втором месте, поскольку именно оно дает наибольшее чувство полезности людям, благодарность тех, кому оказали помощь, что еще раз подтверждает выводы о мотивах добровольчества. Интересным нам показалось, что 6 действующих добровольцев не отдают особого предпочтения конкретному направлению, оказывая любую помощь в свое свободное время, то есть волонтеры становятся более универсальными и готовы оказывать помощь всем, кто в этом нуждается, даже если эта помощь не имеет точного адресата (например, сохранение памятников культуры).

Экспертный опрос в г. Иванове показал, что наиболее актуальным видом трудовой деятельности волонтеров является помощь социально незащищенным слоям населения: «Адресная помощь людям с ограниченными возможностями здоровья и представителям старшего поколения. Помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации» (тренер-преподаватель «ИМКА-Иваново», педагог дополнительного образования центра координации волонтерской деятельности); «Здравоохранение и помощь социально незащищенным ка-

тегориям населения» (исполнительный директор Городского молодежного актива города Иванова). Однако сами молодые люди проявляют наибольший интерес к пропаганде здорового образа жизни (51.1%), интернет-волонтерству – обмен информацией через интернет-ресурс, создание ресурсных баз данных (33.3%), помощи животным (30%), озеленению города (15%), благоустройству дворов (8%). Помощь социально незащищенной категории населения в ранжированном ряду занимает последние места: помощь в осуществлении жизнедеятельности пожилых людей (11.6%), участие в реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья (5%). Деятельность, связанная с защитой людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, актуальна только для девушек старше 20 лет.

Приходится констатировать – для ивановских добровольцев характерны облегченные представления о волонтерской деятельности; сферы помощи, где требуются значительные личные затраты, не пользуются популярностью, что может быть результатом как специфических особенностей молодежи Ивановской области, так и результатом неразвитости сферы организационной поддержки волонтерства в Иванове со стороны социальных служб и общественных организаций.

Заключение

Итак, в ходе исследований было выявлено, что основным препятствием для развития волонтерского движения среди молодежи является низкий уровень информированности о добровольчестве, отмеченный всеми участниками опроса (действующие волонтеры, эксперты, население г. Иванова и г. Н. Новгорода) (рис. 3).

Следует уточнить, что больше половины жителей г. Иванова (67%) указали на отсутствие желания у молодежи заниматься волонтерской

деятельностью. Низкий уровень социальной активности молодежи, по мнению старшей возрастной категории (+50), связан в большей мере с несформированной системой ценностей у молодого поколения. Однако нельзя забывать, что именно люди старшей возрастной категории в большей степени несут социальную ответственность за укоренение ценностей в современном обществе. Участники опроса старше 40 лет основными причинами уклонения от добровольчества считают отсутствие достойного уровня финансовой поддержки волонтерства государством, а также низкий уровень позитивного отношения в обществе к действующим активистам. Такие причины нежелания заниматься социальным служением, как однообразие деятельности и противоречие между ожиданиями от добровольчества и предлагаемыми видами социального служения, в большинстве своем отметили молодые люди до 35 лет, которые, по-видимому, имеют опыт осуществления волонтерства.

Полученные данные иллюстрируют особенности современной волонтерской деятельности на региональном уровне, общие и специфичные тенденции развития и осуществления добровольчества в мегаполисе и областном центре.

Опросы, проведенные в регионах, показали, что есть отличия в определении волонтерами самой сущности волонтерской деятельности, ее задач и своих мотивов, каналах получения информации о данном феномене, направлениях осуществляемой деятельности. Однако общим для обоих регионов является проблемное поле добровольчества: отсутствие эффективных технологий организации волонтерского движения среди молодежи, системы обучения добровольчеству; низкий уровень информированности населения о волонтерстве; отсутствие государственных механизмов системной поддержки добровольческой деятельности. Преодоление этих трудностей возможно благодаря разработанному постановлению Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года» (подготовлен Минэкономразвития России 26.06.2017), а также разработке региональных версий концепции.

Список литературы

1. Лебедева Н.С. По доброй воле // Российская газета: федеральный выпуск. Опубликовано 28.12.2015. № 6865 (294) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/28/volontery.html> (дата обращения: 01.04.2017).
2. Развитие волонтерства в регионах // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. URL: <http://asi.ru/social/volunteers/> (дата обращения: 01.01.2017).
3. Бородин А.В., Смирнова Н.С. Управление волонтерской деятельностью как механизм взаимодействия государства и гражданского общества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 4. С. 216–221.
4. Видищев В.В. Особенности противоречий, возникающих при организации волонтерской деятельности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 2 (46). С. 134–145.
5. Зборовский Г.Е. Проблема волонтерства в структуре социологического знания // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 8–23.
6. Кузьминчук А.А. Управление социальной общностью волонтеров: социологический подход // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (34). С. 137–147.
7. Певная М.В., Кузьминчук А.А. Потенциал развития корпоративного волонтерства в современной России // Социальные исследования. 2017. № 1. С. 1–18.
8. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции: Дис. ... д-ра соц. наук. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2006. 302 с.
9. Бидерман К. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании / Пер. с нем. М. Санниковой, И. Мюллер. Robert Bosch Stiftung, 1999. 45 с.
10. Salamon L.M., Anheier H.K. The challenge of definition thirteen realities in search of a concept. Defining the Nonprofit Sector: A Cross-National Analysis. Manchester: Manchester University Press, 1997. 560 p.
11. Haski-Leventhal D. Altruism and Volunteerism: The perceptions of altruism in four disciplines and their impact on the study of volunteerism // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2009. Vol. 39 (3). P. 271–299.
12. Hustinx L., Cnaan Ram A., Handy F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2010. № 40 (4). P. 410–434.
13. Хиллз Г., Махмуд А. Добровольчество во имя социальных изменений. Лучшие практики международного корпоративного добровольчества / FSG. Social Impact Advisors, 2009. 57 с.
14. Ларионова Т.П. Модель координации благотворительной деятельности в современной Германии // Ученые записки Казанского ун-та: гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 5. С. 17–25.
15. Лисовская Т.А. Концепт volunteering в сознании американцев // Вестник ВГУ. 2010. Т. 4. № 2. С. 73–75.
16. Шлихтер А.А. Направления и механизмы взаимодействия социально-ответственного бизнеса с некоммерческим сектором США. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 14 с.
17. Зборовский Г.Е., Кузьминчук А.А. Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (29). С. 57–70.
18. Репешко Е.Е. Волонтерство в России: основные проблемы и способы их решения // Ученые записки

Российского государственного социального университета. 2012. № 10 (110). С. 106–109.

19. Станкевич Е.О. Волонтерство в России стало частью студенческой жизни // Совет ректоров. 2014. № 9. С. 63–70.

20. Трохина А.В. Волонтерство как особая форма занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 12. С. 111–120.

21. Шиняева О.В. Спортивное волонтерское движение в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 126–132.

22. Казакова А.Ю. Благотворительные и потребительские установки калужан // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2015. № 3 (38). С. 106–115.

23. Петошина С.И. Развитие лидерских качеств молодежи в процессе волонтерской деятельности (на примере Мурманской области) // В сб.: Социальные риски и управление ими в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической

конференции / Отв. ред. Е.Н. Шовина. Мурманск: Изд-во Мурманского гос. гуманитарного ун-та, 2015. С. 266–273.

24. Сударкина Н.А. К проблеме развития волонтерского движения в регионах России (на примере Тюменской области) // В сб.: Лучшая научно-исследовательская работа 2017: экономика, политика, социология и право: Сборник статей победителей VII Международного научно-практического конкурса. Пенза: Изд-во «Наука и Просвещение», 2017. С. 201–206.

25. Уварова В.И., Федосеева М.А. Волонтерство как проявление особой жизненной ориентации (на примере исследования студенческой молодежи Орловского региона) // Образование и общество. 2015. Т. 2. № 91. С. 103–109.

26. Шевченко П.В. Социальная роль московского волонтерства // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 60–71.

27. Сикерская Н. Золото «серебряных волонтеров» // Газета «Патриоты Нижнего». 09.11.2016. № 44. С. 20.

REGIONAL PROBLEM FIELD OF VOLUNTEERING

A.V. Ermilova, I.A. Isakova, V.I. Ignatieva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The paper discusses the specific features of volunteerism development in the Nizhny Novgorod and the Ivanovo regions. These regions are united by their geographic location (the European part of Russia) but differ in economic and social development. The objectives of the research include identifying volunteers' ideas about the essence of volunteer activity, their tasks and motives, channels for obtaining information about it, need for special training for actual and potential volunteers and their activities. The article presents the results of the studies which were conducted in several stages. At the first stage in 2014-2015 in Ivanovo, we used the method of questionnaire survey to interview young volunteers (n=90 persons) and residents of Ivanovo about their attitude to volunteering (n=250); we also used the method of semi-standardized interview to interview experts (n=5). At the second stage in 2014-2016, we interviewed volunteers from Nizhny Novgorod (n=27)); we also used the survey method to interview students who do not belong to any volunteer organizations (n=394), teachers of four schools in Nizhny Novgorod (n=179), experts – employees of state and non-profit social organizations (n=36).

A comparative analysis was conducted of the way volunteers, professionals providing support to and managing volunteer centers and public organizations, as well as residents of the Ivanovo and Nizhny Novgorod regions perceive the regional specifics of volunteerism. Some problems of volunteering development were identified which helped us come up with a number of recommendations to improve the effectiveness of youth involvement in volunteer activities.

Keywords: volunteering, problem field, directions, public opinion, training, informing.

УДК 316

СЕТЕВОЙ ПОДХОД И СОЦИОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

© 2018 г.

В.А. Сушко

Сушко Валентина Афанасьевна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры методологии
социологических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
valentina.sushko@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 24.10.2017**Статья принята к публикации 23.04.2018*

Рассматривается в широком контексте проблема социометрического анализа, освещаются основные подходы к пониманию социальных сетей, их эволюция и современные направления в исследовании, отмечаются основные события, которые произошли в этой области.

Анализируются методологические основания социометрического метода, который относят к инструментам построения и совершенствования социальных сетей в микросоциологии. На тесную связь между социологией, социометрией и сетевым анализом указывают многие авторы, работы которых приведены в библиографии. Подчеркивается, что анализ социальных сетей тесно связан – преимущественно на эмпирическом и прикладном уровне – с микросоциологией и социометрией. В качестве примеров приведены различные исследования, которые являлись первыми попытками применения социометрических идей в крупномасштабных социальных системах и математики к анализу структуры групповых отношений.

Автор делает акцент на том, что само понятие «социальная сеть» включает некий круг знакомых человека, где есть сам человек – центр сети, его знакомые – ответвления сети и отношения между этими людьми – связи. В отличие от социальных структур, представляющих достаточно жесткий «каркас» устоявшихся социальных отношений, социальные сети относятся к числу гибких или «мягких» структур, способных управлять малыми социальными взаимодействиями. «Рассыпанные» социальные сети, объединяясь, собираются в мощную субъективную композицию. Складывается сложная сеть, охватывающая максимальное число индивидов. Социальные взаимосвязи связывают не столько человеческие личности, сколько позиции. Это сплетение идей, правил, действий и интересов. Пронизывая социальное пространство всем спектром «вертикальных» и «горизонтальных» связей, социальные сети аккумулируют значительный социальный капитал на основе доверия, взаимной поддержки, симпатий, предпочтений, участия в общих делах. Именно социальные сети составляют «живую ткань» общественной жизни и позволяют участникам эффективно взаимодействовать для достижения общих целей. С момента своего возникновения сетевой анализ формировался как междисциплинарное направление, в котором объединяют свои усилия психологи, социологи, специалисты по коммуникациям, антропологи, математики и статистики.

В качестве иллюстраций в работе приводятся различные схемы и социограммы, раскрывающие суть анализируемого явления.

Ключевые слова: социометрия, сетевой анализ, исследования социальных сетей, основные направления сетевого анализа.

Возникновение и эволюция сетевых идей

Зарождение идеи социальных сетей можно видеть в сочинениях отцов-основателей социологии Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса и Г. Зиммеля. Как справедливо указывает в своей диссертации Е.А. Лавренчук [1], о социальных отношениях, обладающих сетевой структурой, писал в 1903 г. Г. Зиммель в работе «Большие города и духовная жизнь» [2], где проведен анализ влияния урбанизации на формирование социальных групп и социального взаимодействия индивидов. Дюркгейм изучает структуру общества в связи с его социальной организацией и коллективным сознанием людей, которых сплавляют в единое целое общие верования, ценности и нормы. В социальной солидарности он видел

новое качество, благодаря которому целое превышает сумму частей [3]. Идеи сетевого подхода можно заметить в учении об обществе и общине Ф.Тенниса [4, с. 35]. У Г. Зиммеля косвенное указание на идею социальных сетей и влияние размера сети на взаимодействие людей можно видеть в том, как он описывал природу социальных групп и социального взаимодействия [5].

Возникновение методологии исследования социальных сетей относят либо к 1930-м гг., когда в психологии оформился социометрический подход, либо к 1950-м гг., когда для анализа эмпирических данных научных исследований стали применять матричную алгебру и теорию графов. Сетевой анализ берет свои теоретические истоки из антропологии, социологии и социальной психологии.

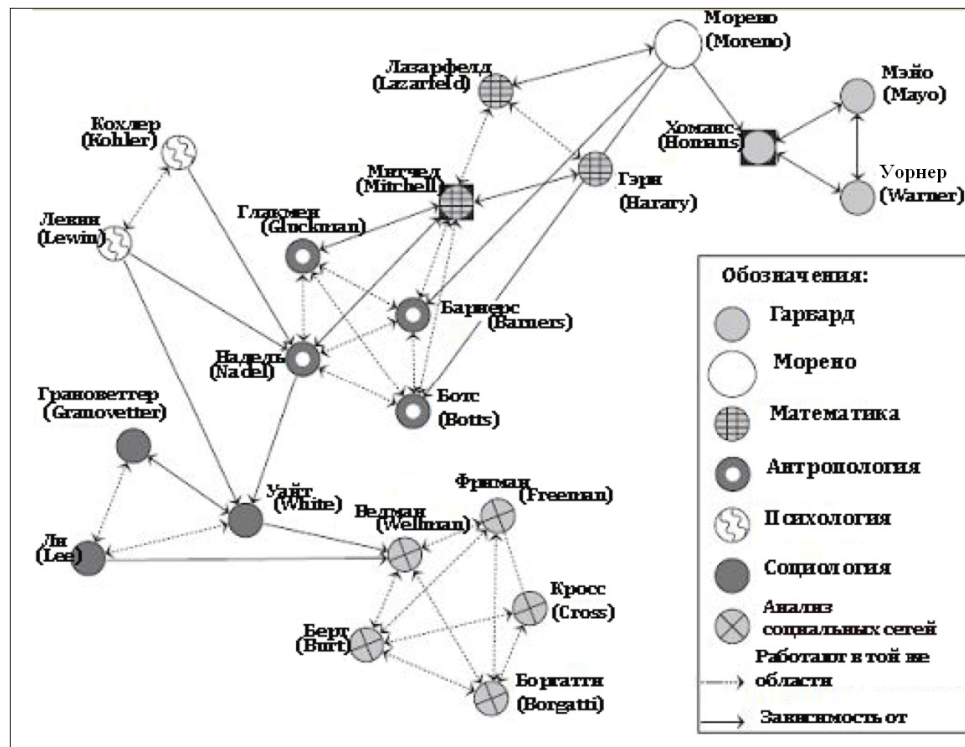

Рис. 1. История сетевого анализа в лицах [22, p. 80]

Основные события в этой области произошли в 1930-х гг., когда несколько групп психологов, антропологов и математиков, работающих независимо друг от друга, пришли к аналогичным открытиям [6, p. 1; 7, p. 8]. В 1930 г. психолог Якоб Л. Морено начал систематическую диагностику и анализ социального взаимодействия в малых группах, прежде всего в ученических классах и рабочих группах [8–12]. В антропологии основой для теории социальных сетей послужили теоретические идеи и этнографические исследования Бронислава Малиновского [13], Альфреда Рэдклифф-Брауна [14, 15] и Клода Леви-Стросса [16]. Группе социальных антропологов, связанных с Максом Глюкманом и Манчестерской школой, в том числе Джону А. Барнсу [17, 18], Дж. Клайду Митчеллу и Элизабет Ботт Спиллиус [19; 20], приписывают проведение первой полевой работы, где применялись методы сетевого анализа. Это были исследования общинных сетей в южной части Африки, Индии и Великобритании [6, p. 2–4]. Одновременно британский антрополог С. Надель формализовал теорию социальной структуры, которая оказала огромное влияние на последующее развитие сетевого анализа [21].

С 1930 г. все большее число социологов начали строить свои программы с сетевым уклоном в понимании социальной структуры, применяя метафорические термины «ткань» и «сети» при описании процессов социальной жизни. Из

этих «текстильных» метафор, направленных на понимание «взаимопереплетения» и «интерлокации» отношений, на основании которых организованы социальные акции, на первый план выдвинулась метафора социальной «сети» (social network). Вслед за тем ученые приступили к исследованию «плотности» социальных сетей.

Курт Левин основал Научно-исследовательский центр в Массачусетском технологическом институте, где проводились исследования по социальному восприятию и структуре групп. Морено исследовал возможности психотерапевтических методов для раскрытия структуры дружественных выборов. С помощью таких методов, как эксперименты, контролируемые наблюдения и выборочные опросы, он и его коллеги стремились изучить, каким образом отношения людей в группе являются одновременно ограничением и потенциалом их личного психологического развития. Хотя слово «социометрический» ассоциируется прежде всего с Морено, является точным описанием общего стиля исследований, которые выросли из гештальттеории (см. рис. 1).

В социологии в начале 1930-х гг. работы Т. Парсонса подготовили почву для принятия реляционного подхода к пониманию социальной структуры [23, 24]. В 1936 г. Левин высказал предположение, что «жизненное пространство» индивидуума можно представить с помощью планарной карты. На такой карте области представляют различные типы деятельности

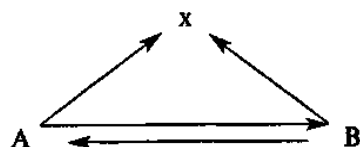

Рис. 2. Треугольник коммуникации Т. Ньюкомба [33]

человека, например, то, что он делает на работе, дома, или же его хобби. Эта точка зрения привела психологов Научно-исследовательского центра групповой динамики к другой психологической интерпретации графа, в которой люди представляются вершинами, а их отношения – ребрами. Такими отношениями являются, например, любовь, ненависть, общение, подчинение [25, с. 18]. Левин утверждал, что структурные свойства социального пространства могут быть проанализированы с помощью математических методов топологии и теории множеств [26]. Цель «теории поля» состоит в изучении предмета в математических терминах, а именно взаимозависимости между группой и окружающей средой в системе отношений. Такой подход и такие идеи Левина сближают его с возникшей позже общей теорией систем. В топологическом подходе социальное поле включает «точки», соединенные «путями». Точки представляют отдельных людей, их цели и действия, а пути представляют интеракцию или причинные последовательности, которые соединяют точки. Полевая модель описывает каузальные и интеракционные взаимозависимости в социальных конфигурациях. Пути, которые идут между точками, связывают их вместе, а общая картина путей делит социальное поле на ряд дискретных «регионов». Каждый регион отделен от других отсутствием путей. Пути идут внутри региона, но не между регионами. Возможности передвижения в своем социальном мире определяются границами между различными регионами социального поля, в котором они расположены. Ограничения, налагаемые этими границами, являются «силами», которые детерминируют поведение группы. Общее социальное поле поэтому – это поле сил, действующих на членов группы, формирующих их действия и переживания [27, 28].

Подобные разработки легли в основу дальнейшего исследования «жизненного пространства» индивидуума, например при разработке тополого-сетевой модели жизненного пространства личности, являющейся непланарным топологическим обобщением модели Курта Левина [29].

Важная роль в этих разработках принадлежит Д. Картрайту [30], который вместе с математиком Ф. Харари [31] являлся пионером в применении теории графов к групповому пове-

дению. Термин «граф» впервые появился в книге выдающегося венгерского математика Д. Кёнига [32] в 1936 г.

Эти математические идеи внесли важный вклад в разработку теории групповой динамики. Он выражался в переходе от концепции когнитивного баланса в индивидуальном сознании к межличностному балансу в группах. Т. Ньюкомб (1953) был одним из первых исследователей, двигавшихся в том же направлении. Он рассматривал процесс коммуникации с позиций математики и социальной психологии. Т. Ньюкомб предложил учитывать отношения, которые устанавливаются между агентами общения и объектом речи. Его модель получила известность под названием ABX model. Она утверждает, что некто (А) посылает информацию кому-то другому (В) о чем-то (Х). Модель предполагает, что ориентации А к В и к Х зависят друг от друга. Если А и В сориентированы друг к другу положительно, то они будут стремиться к совпадению своего отношения к Х. При несовпадении отношения друг к другу будет не совпадать и отношение к Х. Совпадение отношения к Х при несовпадении отношения друг к другу будет восприниматься как ненормальное (рис. 2).

Т. Ньюкомб утверждал, что существует тенденция, согласно которой, если два индивида близки друг к другу по взглядам, вероятнее всего, они займут согласованную позицию и к любому третьему индивиду, предмету или событию. Опираясь на подобные открытия, исследователи могли строить модели систематической взаимозависимости между установками, которых придерживались разные индивиды в рамках одной группы.

Данное утверждение было обобщено в теоретической концепции Картрайта и Харари (1956). Попытка применить математику к структуре групповых отношений не была, конечно, новой идеей. Основываясь на работе Левина, Картрайт, Зандер и Харари развили мощные модели групповой сплоченности, социального давления, сотрудничества, власти и лидерства.

В 1930–1935 гг. Л. Уорнер провел исследование социальных классов в небольшом городке Ньюберипорт (штат Массачусетс, США), которому он присвоил псевдоним «Янки-Сити». Результаты исследования он анализировал вместе с Рэдклифф-Брауном. В их отчете для моделирования таких феноменов, как классовая структура и семейная организация, были построены диаграммы клик. Чтобы представлять социальную структуру, они изобразили клики как ряд пересекающихся кругов диаграммы Венна [34, р. 113]. Тем не менее они не продвинулись до

		События							
		1	2	3	4	5	6	7	8
Люди	Энн	x		x		x		x	
	Бет		x		x		x		x
	Крис	x		x		x		x	
	Дон		x		x		x		x
	Эдд	x		x		x		x	
	Фло		x		x		x		x
	Гилл	x		x		x		x	
	Хай		x		x		x		x
		События							
		1	3	5	7	2	4	6	8
Люди	Энн	x	x	x	x				
	Крис	x	x	x	x				
	Эдд	x	x	x	x				
	Гилл	x	x	x	x				
	Бет					x	x	x	x
	Дон					x	x	x	x
	Фло					x	x	x	x
	Хай					x	x	x	x

Рис. 3. Матрица перестановок Дж. Хоманса [37, р. 66–70, 83]

уровня формального, структурного анализа этих диаграмм. Во втором томе доклада о Янки-Сити, однако, была предпринята попытка представить то, что сейчас можно было бы назвать «позиционным анализом» [34, р. 42].

В известных Хоторнских экспериментах (1927–1934) наряду с Э. Мэйо и Л. Уорнером активное участие принимал Дж. Хоманс, который провел повторный теоретический анализ эмпирических данных, полученных А. Дэвисом и его коллегами, использовавшими матричные методы к описанию участия 18 женщин в 14 социальных событиях [35, р. 19–61]. «Хоманс взял эти данные, представил их в виде матрицы, и одним из первых изложил метод «переформулированные матрицы» для анализа социальной сети» [36, р. 2].

Перестановка строк и столбцов матрицы позволила раскрыть структурные особенности клик внутри малых групп. Хоманс описал свой метод следующим образом: «положим в центре колонки, представляющие события ... в которых присутствовало большое количество женщин, мы располагаем по направлению к краям таблицы столбцы, представляющие события ... в которых представлено лишь несколько женщин.

В верхней или нижней строчках собираются те женщины, которые участвовали в социальных событиях наиболее часто. Возможно, придется сделать много перестановок, прежде чем появится четкая конфигурация предмета исследования» [37, р. 83].

Хоманс утверждал, что эти «перестановки» должны продолжаться до тех пор, пока распределение крестиков в клетках не покажет четкую картину. Он произвел переоформление матрицы, в которой явно прослеживались признаки деления женщин на две «клики»: в таблице было два различных скопления крестов в переформулированной матрице. Метод Хоманса аналогичен тому, что впоследствии стали называть «блок моделирования», но сам Хоманс при этом не использовал формально-математические приемы. На самом деле, перекомпоновка матрицы Хомансом являлась результатом метода проб и ошибок (рис. 3).

Рисунок 3 показывает упрощенную версию повторного анализа Хоманса. Матрицы показывают искусственные данные участия восьми человек в восьми событиях. В матрице (I) маркеры «х» разбросаны равномерно по всей матрице, но перестановка строк и столбцов в по-

рядке, указанном в матрице (II), неожиданно выявила структурную оппозицию между двумя различными подгруппами: Энн, Крис, Эдд и Гилл вместе участвуют в событиях 1, 3, 5 и 7, в то время как Бет, Дон, Фло и Хай совместно участвуют в событиях 2, 4, 6 и 8. Таблица визуализирует два отдельных множества людей и две особые категории событий.

Перестановка методом проб и ошибок не является такой уж легкой задачей даже для простых матриц, созданных специально для демонстрации приема Хоманса, где данные расположены не очень плотно. Анализ данных реального исследования по 18 женщинам и 14 событиям занял бы значительно большее количество времени. Вот почему в дальнейшем ученые начали искать способ алгоритмизации работы с социоматрицами.

Вскоре Хоманс проанализировал бригады сборщиков реле в Хоторнских экспериментах. Используя социограммы, построенные учеными-наблюдателями, он рассмотрел клики, выделенные в свое время Ротлисбергером и Диксоном [37, р. 66–70]. Хоманс сохранил идентификацию на первоначальные клики и не пытался провести повторное социометрическое исследование структуры клик так, как он сделал это при анализе данных исследования «Старый Город» [37, р. 83].

Теоретическая концепция, которую Хоманс построил для объяснения группового поведения, основывалась на моделях более ранних исследователей малых групп, в которых группа понималась как система в окружающей социальной среде. Хоманс разделил структуру группы на «внутреннюю систему», выражающую чувства, возникающие из взаимодействия ее членов, и «внешнюю систему», через которую в деятельности группы решалась проблема адаптации к окружающей среде [37, р. 66–70, 83]. Он заключил, что социальная среда состоит из физических, технических и социальных контекстов группового поведения.

Первые попытки применения социометрических идей в крупномасштабных социальных системах были инициированы именно такими исследованиями. Первоначально они касались изучения механизмов распространения болезни от одного человека к другому через цепочки контактов. На основании полученных выводов строились прогнозные эпидемиологические модели. Ведущей фигурой был А. Рапопорт, который подробно остановился на формальных последствиях исследований [38; 39, р. 14, 20] и помог стимулировать интерес к широкому применению подобных идей.

В 1960-х гг. началось использование сетевых концепций в исследовании распространения

слухов и сплетен [40, 41]. К 1970-м гг. все большее число ученых работали над тем, чтобы объединить социологические, социометрические и сетевые подходы в некое целое.

Направления в исследовании социальных сетей

По мнению Дж. Скотта [6, р. 7–8, 16–17, 24–25], существует множество самых разных направлений в развитии современного анализа социальной сети, появившихся в самое разное время и в своей совокупности образующих своеобразную «родословную» данного метода. На этом «родословном древе» выделяются четыре основные линии: 1) гештальттеория, 2) теория поля и социометрия, 3) групповая динамика, 4) граф-теория. Эти линии современного анализа социальной сети послужили фундаментом социометрической аналитики, которая породила много технических достижений с помощью методов граф-теории.

Независимую линию на «родословном древе» представляет структурно-функциональная антропология, исследования и теоретические поиски в которой стимулировали формирование как социометрии, так и сетевого анализа (Уорнер, Мэйо, Глюкман). На пересечении двух линий родились в середине XX века теоретико-методологические достижения Хоманса, Барнса, Ботт и Наделя. Важную роль первоисточника здесь сыграла групповая динамика. Она же повлияла на возникновение современного анализа социальных сетей. В эту схему, на наш взгляд, необходимо добавить имена Рэдклифф-Брауна, Хайдера, Кёлера, Уайта, Морено, Ньюкомба (см. рис. 4).

В Великобритании для изучения социальной структуры Рэдклифф-Браун применяет два метода – морфологическое и физиологическое изучение социальных систем. В функции первого входят определение, сравнение и классификация различных структур. Задачи физиологического метода – изучение механизмов, поддерживающих существование системы социальных связей. «Социальная физиология... – подчеркивает Рэдклифф-Браун, – имеет дело не только с социальными структурами, но со всеми видами социальных явлений. Мораль, закон, этикет, религия, управление и образование – все это части сложного механизма, благодаря которому социальная структура существует и сохраняется в целостности. Если мы примем структуралистскую точку зрения, то увидим, что изучаем все эти вещи не абстрактно и не изолированно, но в прямом и косвенном взаимодействии с социальной структурой, т.е. мы постоянно учи-

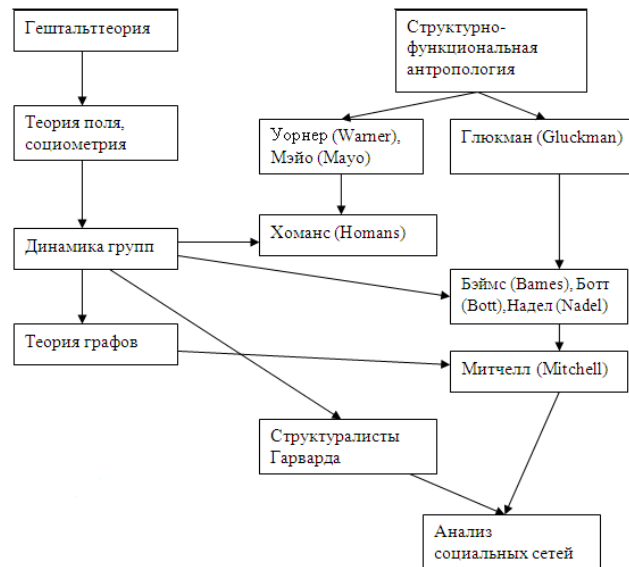

Рис. 4. Родословная направлений анализа социальных сетей (The lineage of social network analysis) [6]

тываем, как они зависят от социальных отношений между лицами и группами, а также как они на эти отношения влияют» [42, с. 227].

В 1960-х гг. был сделан окончательный прорыв к хорошо развитой методологии анализа социальной сети, и это событие произошло еще в Гарварде. Харрисон Уайт распространил математику на исследования социальной структуры, а его ученики распространили идеи своего учителя по всему миру [43–46].

Одной из основных заслуг Морено является разработка «социограммы» как способа представления формальных свойств социальных конфигураций через диаграммы, аналогичные пространственной геометрии, индивидами, представленными «точками», и социальными отношениями друг с другом в виде «линий». Эта идея в настоящее время настолько хорошо известна и стала само собой разумеющимся делом, что ее новизну в 1930-х годах теперь трудно оценить. И до Морено специалисты употребляли такие понятия, как «паутина» (webs) подключений, «сеть» (networks) отношений. Но никто не пытался систематизировать эти метафоры и свести их в единую аналитическую схему.

Следующей линией когнитивной психологии, которая внесла большой вклад в развитие теории групповой динамики, явились работы Фрица Хайдера [47, р. 51, 358–374]. Его первоначальная работа [47, р. 358–374] была посвящена социальной психологии отношений и восприятия. Хайдер был особенно озабочен тем, как личные установки к другим людям достигают состояния «баланса». Различные установки, которых придерживаются индивиды, уравновешиваются в субъективном сознании, когда они не служат причиной психологического на-

пряжения. Он считается автором теории когнитивного баланса.

Теория баланса является мотивационной теорией изменения установок, предложенной Фрицем Хайдером [48]. В ней концептуализируется когнитивная согласованность мотивов как причины психологического баланса. Консистенция мотивов стремится поддерживать чью-то ценности и убеждения с течением времени. Хайдер предположил, что «настроения» или отношения сбалансированы, если их влияние умножает положительный результат системы.

Психологический баланс, следовательно, зависит от установок по отношению друг к другу, которые не являются противоречивыми. Особое внимание Хайдер уделил межличностному балансу, конгруэнтности (или отсутствию конгруэнтности) в межличностных установках. Его интересовало, как человек, который эмоционально близок к двум другим людям, может ответить на предполагаемый конфликт или враждебность. В такой ситуации формируется дисбаланс во всей системе отношений. Хайдер считал, что отношения можно увидеть, пусть и в упрощенном виде, как положительные и отрицательные [49]. «Баланс» существует среди множества установок, когда они похожи друг на друга по своему знаку – положительному или отрицательному. Если человек *A* любит *B*, а человек *B* любит человека *C*, то состояние баланса существует только тогда, когда *A* тоже любит *C*. Все отношения являются «позитивными». На основании этих разработок и была сформулирована структурная теорема Картрайта–Хайдера–Харари.

Таким образом, они стали теоретико-методологическим источником формирования сетевого анализа.

Социометрия и исследование социальных сетей

В рамках социологии социометрия имеет два основных направления: 1) исследовательская социометрия; 2) прикладная социометрия. Исследовательская социометрия сконцентрирована на изучении социально-эмоциональных связей в группе с использованием определенных критериев, например: с кем из этой команды Вы хотите в паре работать над сложным исследовательским проектом? к кому из этой команды Вы обратитесь за профессиональным советом? кто из команды, по Вашему мнению, может стать самым эффективным лидером при решении данного проекта?

Исследовательская социометрия (research sociometry) тесно связана со структурами отношений в малочисленных (индивиды и малые группы) и многочисленных сообществах, таких как производственная организация и район проживания.

Специалисты в области прикладной социометрии используют ряд эффективных методик и научных открытий, чтобы оказать помощь нуждающимся в улучшении социально-психологического климата в группе, для совершенствования межличностных отношений между людьми, развития и обогащения психосоциальных сетей.

Оба направления социометрии существуют, чтобы исследовать у индивидов и групп их творческий, креативный потенциал.

Социометрические исследования призваны измерять социальные взаимодействия между отдельными индивидами внутри групп. Социометрия повлияла на становление анализа социальных сетей. Сетевой анализ включает в себя «картирование» (mapping) системы связей, формирующихся между определенным множеством людей, организаций, событий или мест (локусов). Примером служат модели лидерства в организации или дружеские сети среди подростковых сообществ [27, 28].

Само понятие «социальная сеть» включает некий круг знакомых человека, где есть сам человек – центр сети, его знакомые – ответвления сети и отношения между этими людьми – связи. В отличие от социальных структур, представляющих достаточно жесткий «каркас» устоявшихся социальных отношений, социальные сети относятся к числу гибких или «мягких» структур, способных управлять социальными взаимодействиями. «Рассыпанные» социальные сети, объединяясь, собираются в мощную субъективную композицию. Складывается сложная сеть, охватывающая максимальное число индивидов. В те исторические времена, когда отсут-

ствовали современные телекоммуникации, они представляли собой обычные сети человеческих взаимоотношений. Это сплетение идей, правил, действий и интересов. Пронизывая социальное пространство всем спектром «вертикальных» и «горизонтальных» связей, социальные сети аккумулируют значительный социальный капитал на основе доверия, взаимной поддержки, симпатий, предпочтений, участия в общих делах. Именно социальные сети составляют «живую ткань» общественной жизни и позволяют участникам эффективно взаимодействовать для достижения общих целей [50, p. 35].

В ходе развития и формирования сетевого анализа все чаще обсуждались вопросы о том, что считать элементарной единицей сети, ее узлом, как трактовать отношения между узлами, каков объект и предмет анализа социальных сетей (могут ли попадать сюда формально структурированные и жестко детерминированные объекты, например бюрократические структуры). В конечном счете специалисты пришли к выводу: сеть создает формирующиеся между этими объектами связи, иначе бы любой список объектов являлся сетью.

Предмет анализа социальных сетей – структура регулярных отношений. Математический аппарат позволяет исследовать: 1) реляционные свойства (связи и отношения), 2) атрибутивные данные. Методология сетевого анализа позволяет использовать разные данные: особенности акторов, групп и подгрупп, позиций и целой сети. Сетевой анализ позволяет описать процессы взаимодействия между социальными акторами, обменивающимися разными типами ресурсов или «потоков» (капиталом, информацией, технологиями, изображениями, звуками и символами) [51].

Социология для обозначения узлов социальных сетей использует термин «актор». Иногда в качестве синонима используется термин «агент».

Акторы социальной сети подразделяются на первичных (индивиды и группы) и вторичных – социальные организации и социальные институты. Первичные акторы неформальные, вторичные – формальные. В качестве акторов могут выступать, например, домохозяйства, обменивающиеся между собой теми или иными ресурсами – доход, информация, индивиды, подарки, натуральные продукты, орудия труда и т.д. Акторов иногда называют обобщенно «артефактами» социальной сети. В социологии различают акторов-людей (human actors) и акторов – не людей (non-human actors) [52]. Среди акторов – не людей можно назвать понятия, нарративы (рассказы), социокультурные практики, организации, артефакты. Теория «актор –

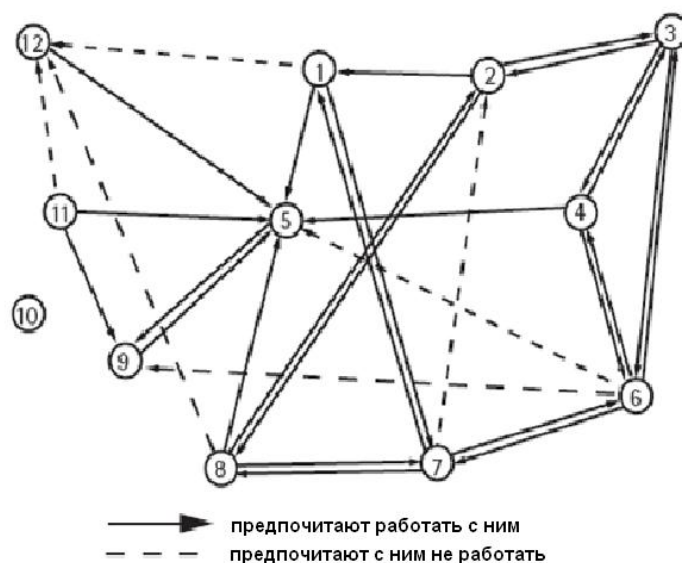

Рис. 5. Трудовые предпочтения и неpreferенция среди студентов

сеть» считает акторов-людей и акторов – не людей равнозначимыми.

Акторами считаются люди или группы, находящиеся в отношениях обмена. Акторы описываются (характеризуются) атрибутами. Полученная в результате эмпирического исследования схема связей между акторами образует сетевую структуру группы или общества.

Ключевой характеристикой социальной сети является то, что каждый человек связан с другими посредством прямых или косвенных связей. Это не означает, что каждый человек должен знать, взаимодействовать или находиться под влиянием любого другого человека в сети. Однако все вместе они связаны незримой структурой взаимосвязанной сети.

Сетевой анализ, основанный на теории графов, позволяет установить потоки обмена между стратами, выявить узловые вершины и определить их стратификационные характеристики. В сети не обязательно личное присутствие, непосредственный контакт, постоянное общение, пространственная близость, чтобы множество людей считать социальным целым [53, с. 320].

В сетевом анализе существует ряд ключевых характеристик связей, создающих формат сети: дискретность (узлы должны отделяться друг от друга, чтобы иметь возможность быть связанными); подобие (узлы должны быть подобны в главных характеристиках, подходить друг к другу, чтобы образовывать связь); близость (узлы должны быть локализованы по отношению друг к другу, т.е. соотноситься пространственно, географически, сопредусутствовать во времени); взаимность [54, с. 42, 107–108].

Когда некоторые акторы связаны друг с другом сильнее, чем с другими, такую ситуацию называют «сгущением». Такое «сгущение»

можно объявить узлом на следующем уровне анализа [55, с. 20].

Простейшей метрикой вершины узла является степень центральности (degree centrality), показывающая, сколько связей есть у вершины. Степень центральности может быть посчитана для всех людей на графе.

В социальном графе каждая точка (узел, вершина) представляет индивида, а ребро (линия) между двумя точками изображает отношения между ними. А так как между людьми существует множество самых разных отношений, существует множество самых разных социальных графов.

При одном и том же количестве вершин число граней может возрастать до какого угодно большого числа. Соответственно формируется огромное число социальных графов. А если учесть, что малые группы, или выборки знакомых между собой людей, не являются закрытыми множествами, а постоянно меняются своими составами, пересекаются, распадаются и как-либо еще изменяются, то число возможных графов на исходной основе не поддается счету.

Исследователь репрезентирует социальную сеть при помощи особого инструмента – социограммы – диаграммы кругов, связанных между собой многочисленными линиями [28]. Конструирование социограммы включает представление сетей, рисунки социограмм, схемы кругов, связанных с линиями. Разработка социограмм подразумевает схематизацию реальных отношений между наблюдаемыми людьми при помощи кругов (индивиды) и отношений между ними (линии). Анализ социограммы позволяет исследователю анализировать и отображать сеть социальных отношений. Например, в бизнес-организации

социограммный анализ поможет отслеживать изменяющуюся природу взаимоотношений.

Следующая социограмма представляет двенадцать студентов из молодежной группы, один круг изображает одного студента. Студентов попросили выбрать трех человек, с кем они предпочли бы работать в одной организации. Они также должны были определить трех человек, с кем они предпочли бы вообще никогда не работать (см. рис. 5).

В приведенной выше социограмме индивиды, с которыми предпочитают работать, представлены черными линиями, в то время как индивиды, с кем не хотят работать вместе, изображены пунктирными линиями.

При помощи этой социограммы мы можем получить следующую информацию:

- Выделена самая популярная личность: № 5.
- Взаимные дружеские отношения проявляются между № 7 и 8.
- Цепочки дружбы существуют, например, у № 8, 7, 6, 3 и 2.
- Закрытые дружеские группировки, т.е. клики, выявлены, в частности, у № 3, 4 и 6.
- Никем не выбранный (всеми отклоненный) индивид – это № 12.
- Некоторые люди никем не выбраны и никем не отклонены, а именно № 11.
- Человек, который не сделал ни одного выбора и вместе с тем не получил ни одного выбора (изолированный), – № 10.
- Самый влиятельный индивид – № 5, поскольку он был выбран самым популярным человеком в этой группе.

В этом анализе были выявлены две наиболее типичные для большинства групп личностные характеристики – популярность и изоляция [30, 31].

Первая задача – определить тип данных, для которых анализ социальных сетей является наиболее подходящим. Те, кто заинтересован в его приложениях, несомненно, знаком с рядом основополагающих идей: это может быть полезно для исследований моделей родства, социальной структуры, сообществ, интерлокации, бизнес-директоров и так далее. Анализ социальных сетей подходит для изучения любых типов «реляционных данных», систем отношений.

Якоб Морено заложил то, что сейчас называют фундаментом как социометрии, так и сетевого анализа, хотя сам этот термин появился позже. Социометрический метод группового анализа представляет собой первую попытку эмпирического измерения коммуникационных процессов на групповом и субгрупповом уровнях. Новаторская деятельность Морено касается не только экспертизы социальных отношений в

малой группе, но также фундамента групповой субкультуры.

Анализ социальных сетей ведется на нескольких уровнях общества и общностей: уровень актора, микроуровень (диады и триады в малой группе), уровень подмножеств, мезоуровень, уровень организаций (формальные и бюрократические структуры), макроуровень. Охарактеризуем некоторые из них.

Уровень *подмножества*: исследования проблем на этом уровне начинаются с микроуровня, затем продолжаются на мезоуровне. Исследование на уровне подмножеств может сосредоточиться на изучении социальной дистанции и достижимости, анализе клик и сплоченных подгрупп, на группах действий и группах давления, на групповом поведении.

В общем, теории *мезоуровня* начинаются с численности популяций, которые попадают между микро- и макроуровнями. Социальные сети мезоуровня относятся к популяциям низкой плотности, но они могут подчиняться причинно-следственным процессам, чем отличаются от межличностных сетей на микроуровне [56]. На *макроуровне* межличностные взаимодействия обобщаются до социетального масштаба, где действуют социальные институты и региональные механизмы, и относятся к населению страны или отдельной сфере общества. Здесь действуют крупные социально-экономические и социально-политические социальные сети.

Сегодня анализ социальных сетей – быстро развивающаяся междисциплинарная практика, которая основана на работе с данными онлайн-исследований. Социометрия как практический метод социологии и социальной психологии широко используется при изучении различных явлений в современном обществе, поэтому весьма актуальной задачей является разработка исследовательского инструментария, позволяющего проводить социометрические исследования в социальных сетях.

Список литературы

1. Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2011.
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 20.
3. Durkheim E. De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures. Paris: F. Alcan, 1893.
4. Теннис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 448.
5. Simmel G. Soziologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.
6. Scott J.P. Social Network Analysis: A Handbook (2nd edition). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2000.

7. Carrington P.J., Scott J. Introduction // The Sage Handbook of Social Network Analysis. SAGE, 2011.
8. Морено Я.Л. Психодрама / Пер. с англ. Г. Пимочкиной, Е. Рачковой. М.: Апрель Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2001.
9. Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе: Пер. с англ. М.: Академический проект, 2001.
10. Moreno J.L. Psychological organization of groups in the community // Handbook of Mental Deficiency. Boston: Association for Mental Deficiency, 1933. P. 5–35.
11. Moreno J.L. Interpersonal therapy and the psychopathology of interpersonal relations // Sociometry. 1937. **1** (1). P. 9–76.
12. Moreno J.L. Who Shall Survive? A New Approach to the Problem of Human Interrelations. Washington, DC: Nervous and Mental Disease Publishing Co., 1934.
13. Malinowski B. The Family Among the Australian Aborigines: A Sociological Study. London: University of London Press, 1913.
14. Radcliffe-Brown A.R. The Social Organization of Australian Tribes. Glencoe, Ill.: Free Press, 1948.
15. Radcliffe-Brown A.R. On social structure // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1940. **70**. 1–12.
16. Lévi-Strauss C. Les structures élémentaires de la parenté. Paris: La Haye, Mouton et Co., 1947.
17. Blau P. Bureaucracy in Modern Society. New York: Random House, Inc., 1956.
18. Blau P. A Theory of Social Integration // The American Journal of Sociology. 1960. (65) 6. 545–556 (May).
19. Freeman Linton C., Wellman B. A note on the ancestral Toronto home of social network analysis // Connections. 1995. **18** (2). 15–19.
20. Savage M. Elizabeth Bott and the formation of modern British sociology // The Sociological Review. 2008. **56** (4). 579–605.
21. Nadel S.F. The Theory of Social Structure. London: Cohen and West, 1957.
22. Jones D. Sociometry and Social Network Analysis: Applications and Implications // ANZPA Journal. 15 December 2006. P. 80.
23. Parsons T. The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of European Writers. N.Y.: The Free Press, 1937.
24. Parsons T. The Social System. N.Y.: The Free Press, 1951.
25. Харари Ф. Теория графов. М.: Мир, 1973.
26. Lewin K. Field theory in social science: Selected theoretical papers / D. Cartwright (ed.). New York: Harper & Row, 1951.
27. Eunson B. Communicating for Team Building. Milton, Qld: John Wiley & Sons, 1994.
28. Hayllar B. Pathways to Research. Port Melbourne, Vic: Rigby Heinemann, 1996.
29. Шведовский В.А. Тополого-сетевая модель жизненного пространства личности как обобщение гипотезы К. Левина // Сборник «Математическое моделирование социальных процессов» / Под ред. А.П. Михайлова. М.: МАКС Пресс, 2010. Т. 11. С. 145–173.
30. Cartwright D. & Zander A. Group dynamics: Research and theory. London: Tavistock, 1953.
31. Harary F., Norman R.Z. The dissimilarity characteristic of Husimi trees // Ann. of Math. 1953. V. 58. P. 134–141.
32. König D. Theorie der endlichen und unendlichen Graphen. New Chelsea, 1936.
33. Гавра Д. Основы теории коммуникации: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
34. Warner W.L., Lunt P.S. The Social Life of a Modern Community. New Haven, CT: Yale University Press, 1941.
35. Davis A., Gardner B.B., Gardner M.R. Deep Soulh. Chicago: University of Chicago Press, 1941. Chapter 7.
36. Festinger L. The Analysis of Sociograms Using Matrix Algebra // Human Relations, 1949.
37. Homans G.C. The Human Group. London: Routledge and Kegan Paul, 1951.
38. Rapoport A. Ignition Phenomena in Random Nets // Bulletin of Mathematical Biophysics. 1952. **14**.
39. Rapoport A. Nets with Reciprocity Bias // Bulletin of Mathematical Biophysics. 1958. **20**.
40. Fararo T.J. and Sunshine M.H. A Study of a Biased Friendship Net. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1964.
41. Coleman J.S., Katz E. and Menzel H. Medical Innovation: a Diffusion Study. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966.
42. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции: Пер. с англ. М.: Изд. фирма «Вост. литература» РАН, 2001.
43. Harrison C. White: Identity and Control: How Social Formations Emerge. Second Edition. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008.
44. Markets from Networks: Socioeconomic Models of Production. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.
45. Careers and Creativity: Social Forces in the Arts. Boulder, CO: Westview Press, 1993.
46. Identity and Control: A Structural Theory of Social Action. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.
47. Heider F. Social perception and phenomenal causality // Psychol. Rev. 1944. **51**. 358–374.
48. Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. John Wiley & Sons, 1958.
49. Heider F. Attitudes and Cognitive Organization // The Journal of Psychology. 1946. **21**. 107–112.
50. Teasdale T.C. Social Psychology. Hong Kong: Lloyd O'Neil Pty Ltd., 1976.
51. Градосельская Г.В. Анализ социальных сетей: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2001.
52. Mützel S. Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-network Theory // Current Sociology. 2009. V. 57. № 6. P. 871–887.
53. Кравченко А.И. Социология: Учебник для бакалавров. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2012.
54. Чугунов А.В. Социальная информатика: Учебное пособие. СПб.: НИУ ИТМО, 2012.
55. Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии. М., 2004.
56. Hedström P., Sandell R., Stern C. Mesolevel Networks and the Diffusion of Social Movements: The Case of the Swedish Social Democratic Party // American Journal of Sociology. 2000. **106** (1). 72–145.

**NETWORK APPROACH AND SOCIOMETRIC STUDIES:
METHODOLOGICAL GROUNDS AND APPLICATION PRACTICE**

V.A. Sushko

Lomonosov Moscow State University

The article highlights sociometric analysis as the issue at hand, the main approaches to understanding social networks, their evolution and current trends in the study, as well as the main events that have occurred in this area. We also examine the methodological bases of the sociometric method, which is a tool for building and improving social networks in microsociology.

Social networks analysis is closely related, mostly at the empirical and application level, to microsociology and sociometry. Various studies are presented as examples of the first attempts to apply sociometric ideas and mathematics to analyze the structure of group relations in large-scale social systems.

In contrast to the social structures that represent a quite hard «skeleton» of established social relationships, social networks are known as flexible or «soft» structures and capable of managing small social interactions. «Scattered» social networks unite and make up a powerful subjective composition. A complex network is formed that covers the maximum number of individuals. It is not so much human beings that are connected by social interrelations as their positions. This is the intertwining of ideas, rules, actions and interests. Social networks that permeate the social space of the entire spectrum of «vertical» and «horizontal» relationships accumulate significant social capital that is based on trust, mutual support, sympathy, preferences, participation in public affairs. Social networks are the «living tissue» of social life and allow their participants to interact effectively for achieving common goals. Since its inception, the network analysis has been formed as an interdisciplinary field combining efforts of psychologists, sociologists, communication specialists, anthropologists, mathematicians and statistics experts. Various schemes and sociograms are given as illustrations that reveal the essence of the phenomenon.

Keywords: sociometry, network analysis, study of social networks, main directions of network analysis.

УДК 316

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ САМООБУЧАЮЩЕЙСЯ ОРГАНИЗАЦИИ

© 2018 г.

А.В. Шкерин

Шкерин Александр Владимирович, к.соц.н.; бизнес-консультант, тренер, коуч,
основатель компании Smart Skills Group, Н. Новгород
ShkerinAleksander@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 28.03.2018**Статья принята к публикации 26.04.2018*

Раскрываются понятие и функции самообучающейся организации как гибкой и одновременно адаптивной системы организации процессов управления знаниями и компетенциями, приводятся инструменты, необходимые для построения самообучающейся организации, и раскрывается специфика и роль системы наставничества как одного из важнейших инструментов самообучающейся организации. Акцент сделан на анализе преимуществ наставничества для устойчивого развития бизнеса, показаны возможности и алгоритмы организации системы наставничества на предприятии, приведены методики отбора, обучения и развития, материальной и нематериальной мотивации наставников и оценки эффективности работы системы наставничества.

Ключевые слова: самообучающаяся организация, философия, функции и инструменты самообучающейся организации, развитие бизнеса, наставничество, отбор, обучение и развитие наставников, мотивация наставников, оценка эффективности системы наставничества.

Быстро меняющаяся внешняя среда современного бизнеса, развитие технологий и методов работы, стремительный рост объема информации обуславливают необходимость создания гибкой и адаптивной системы развития организации и ее персонала, способного изучать, адаптировать и применять передовые методики деятельности и ведения бизнеса. В данной ситуации способность постоянно совершенствоваться и развиваться становится все более важным критерием эффективности деятельности сотрудников компании [1].

«Люди – наш самый ценный актив», – гласит один из ключевых принципов бережливого производства, а это значит, что важной задачей успешной компании является создание условий для раскрытия потенциала сотрудников, развитие необходимых компетенций персонала, построение системы обучения, отвечающей потребностям бизнеса. Решением здесь может быть построение самообучающейся организации, целью которой является активное создание, освоение, распространение и сохранение знаний и компетенций, что позволяет компании устойчиво развиваться в условиях жесткой конкуренции и динамично меняющейся внешней среды.

Базовые принципы философии самообучающейся организации

Автором термина «обучающаяся организация» является американский ученый, директор Центра организационного обучения в Школе менеджмента Массачусетского технологическо-

го университета Питер Сенге, автор книги «Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации», написанной им в 1990 г. П. Сенге считает, что «система образования индустриального века, распространившаяся по всему миру в течение последних 150 лет, претерпит значительные изменения в ближайшие десятилетия. Речь не идет о том, что это будет легко осуществить. Но если человеческое общество хочет выжить и процветать в условиях взаимозависимого и «сжимающегося» мира сегодняшнего дня, фундаментальные изменения неизбежны» [2]. П. Сенге предлагает пять ключевых принципов (дисциплин) самообучающейся организации: системное мышление (умение видеть картину целиком), личное мастерство (ориентация сотрудников на постоянное развитие), ментальные модели (раскрытие внутреннего потенциала сотрудников), построение общего видения картины будущего организации и командное обучение.

В основе данных принципов лежит идея того, что обучение – это постоянный процесс развития, направленный как на достижение целей организации, так и на личное развитие сотрудников и команд.

Теория самообучающейся организации имеет большой потенциал для применения, однако она слабо раскрыта в отечественной научной и практической литературе, хотя есть ряд исследований, которые рассматривают данный концепт в отдельных проявлениях и в общетеоретическом аспекте [3–8]. Налицо недостаток как теоретического осмысления, так и практических

алгоритмов и кейсов по формированию и развитию самообучающейся организации.

Применительно к построению новой модели обучения и развития персонала приведенные выше принципы подлежат адаптации с точки зрения их приближения к реалиям современного российского бизнеса. Так, мы получаем расширенный набор из 12 адаптированных принципов философии самообучающейся организации, отвечающих потребностям бизнеса.

Гибкость – способность быстро изменять структуру и содержание программ обучения и развития в зависимости от изменения внешней среды, потребностей бизнеса и персонала компании с сохранением качества обучения и освоения компетенций.

Адаптивность – способность оперативно и безболезненно приспосабливаться к изменяющимся условиям.

Индивидуальный подход – возможность системы учитывать потребности каждого участника обучения, уровень развития его компетенций и индивидуальные цели.

Минимизация затрат – способность выполнять необходимые задачи с минимальными материальными и нематериальными затратами. В идеале затраты должны быть сведены к нулю, а функционирование системы должно приносить дополнительную прибыль компании.

Высокая эффективность – способность достигать необходимого результата с минимальными затратами и в минимально короткие сроки.

Высокая результативность – устойчивое достижение запланированного результата.

Системность – управление знаниями (компетенциями) затрагивает все ключевые бизнес-процессы компании, сотрудники получают системное видение ситуации.

Самодостаточность – система сама себя поддерживает, воспроизводит и совершенствует независимо от того, кто является ответственным за ту или иную ее функцию.

Устойчивость – способность сохранять свою функциональность в меняющихся внешних условиях и при изменении частей системы.

Саморазвитие – постоянное улучшение и совершенствование системы.

Гармоничное развитие личности – система позволяет раскрывать потенциал сотрудников, предоставляя им возможность постоянно развивать свои компетенции и сохранять баланс работы и личной жизни, тем самым повышая эффективность работы персонала, его лояльность и вовлеченность.

Бизнес-ориентированность – система ориентирована на достижение стратегических целей компании.

Данные принципы выведены путем анализа и практической реализации программ и инструментов развития самообучающейся организации в крупных российских компаниях, таких как «Группа ГАЗ», Сбербанк, X5 RETAIL Group и др. Применение данных принципов позволяет создать максимально эффективную систему обучения и развития персонала, распространяя философию самообучающейся организации и на другие бизнес-процессы компании.

Важным элементом построения системы является определение ее ключевых функций. Согласно теории структурного функционализма американского социолога Т. Парсонса, любая социальная система имеет четыре ключевые функции, которые выполняют отдельные подсистемы общества: интеграция (координация элементов системы посредством норм – социально одобряемых образцов деятельности), поддержание образца (сохранение ценностей – представлений о желаемом типе социальной системы, которые регулируют принятие субъектами действия определенных обязательств), целеполагание (постановка целей деятельности, которую осуществляют коллективы) и адаптация (приспособление к меняющейся внешней среде посредством определенного набора ролей субъектов деятельности) [9]. Выполнение данных функций делает систему устойчивой и способствует возникновению системного (синергетического) эффекта.

Теория структурного функционализма может быть использована для построения целостной системы самообучающейся организации, в которой существуют собственные подсистемы, выполняющие необходимые функции: определение стратегии управления знаниями в компании (функция целеполагания); поиск и отбор необходимых знаний внутри компании и на внешнем рынке и адаптация знаний для нужд компании (функция адаптации); распространение знаний, обучение и развитие персонала в соответствии с требованиями компании, выработка модели корпоративных компетенций (функция поддержания образца); сохранение и накопление знаний в компании, распространение ценностей постоянного обучения и развития, вовлечение персонала в процессы постоянного совершенствования (функция интеграции). Описанные функции самообучающейся организации осуществляются посредством использования ряда инструментов.

Создание самообучающейся организации невозможно без формирования единых общекорпоративных ценностей, распространения общекорпоративной культуры компании как самообучающейся организации и вовлеченно-

сти персонала, что предполагает ряд существенных изменений не только в бизнес-процессах и методах управления, но и в сознании персонала.

Ключевыми инструментами самообучающейся организации выступают институт внутренних тренеров и коучей, институт наставничества, кадровый резерв, электронное обучение (e-learning) и базы знаний, ротация персонала, система внутренних стажировок, конкурсы и конференции, модель компетенций, система оценки и развития персонала и проч. Для устойчивого функционирования системы самообучающейся организации необходимы также поддерживающие инструменты и проекты, входящие в систему. В этой статье мы подробнее остановимся на системе наставничества как одном из базовых элементов самообучающейся организации.

Зачем нужно наставничество?

В практике современной бизнес-среды серьезные задачи стоят перед системой корпоративного обучения и развития сотрудников. Компаниям нужны квалифицированные и одновременно лояльные сотрудники, поддерживающие команду, нацеленные на результат и обеспечивающие высокие нормы производительности труда. Нанять сотрудников, полностью соответствующих всем необходимым требованиям, практически невозможно, так как кроме профессионализма сотрудника огромное значение для результатов его работы имеет его лояльность компании, комфортность работы в данном конкретном коллективе, слаженность работы в команде, а также понимание специфики данной конкретной деятельности и вовлеченность в развитие бизнеса. Достичь этого – нелегкая задача. В этой связи особое внимание стоит уделить адаптации, обучению и развитию новых сотрудников. Новичок сможет эффективно выполнять свои должностные обязанности только после того, как полностью адаптируется на новом рабочем месте. Заложить прочный фундамент в этом процессе позволяет система наставничества, которая призвана помочь вновь принятым работникам в кратчайшие сроки освоить должностные (профессиональные) обязанности, повысить их квалификацию и производительность труда, а также способствовать социальному становлению их личности.

Наставничество – это программа адаптации нового сотрудника, целью которой является помощь и поддержка новичков на первом этапе знакомства с работой. В процессе наставничества происходит передача не только знаний, но

и опыта от наставника к стажеру, у которого формируются необходимые в данной конкретной работе навыки и умения. В роли наставника может выступать только *высококвалифицированный специалист*, который имеет *достаточный опыт работы* в компании и *готов передать его* новым сотрудникам.

Преимущества системы наставничества

Реализация программы наставничества в компании затрагивает интересы как минимум четырех групп участников: стажеров, наставников, коллектива и компании в целом. Рассмотрим подробнее преимущества программы для каждого из указанных субъектов.

Введение наставничества создает для компании ряд преимуществ:

- смягчение этапа вхождения в компанию;
- развитие положительного отношения к работе;
- быстрое установление благоприятного отношения к организации;
- снижение стартовых издержек;
- сокращение текучести кадров;
- рост производительности труда и профессионализма новичков.

Для коллектива преимуществами являются:

- экономия времени непосредственного руководителя и коллег по работе;
- снижение количества ошибок стажера под руководством наставника;
- быстрое знакомство стажера с коллективом, уменьшение вероятности конфликтных ситуаций и коммуникативных ошибок;
- отсутствие отвлекающего от работы фактора, так как обучением стажера занимается наставник, а не весь коллектив.

Для стажера несомненными преимуществами наставничества являются:

- снижение стресса в период адаптации и психологический комфорт;
- ускорение процесса адаптации;
- постоянная поддержка со стороны наставника;
- возможность обратиться к наставнику по любому вопросу и получить профессиональный совет;
- быстрое освоение профессиональных навыков и выход на необходимый уровень производительности;
- уменьшение количества ошибок;
- повышение мотивации к работе.

Кроме того, многие опытные сотрудники осознают значимость наставничества и мотиви-

рованы стать наставниками. Самим *наставникам* это дает следующие преимущества:

- Освобождение времени. Конечно, не сразу, но рано или поздно ученики берут на себя часть обязанностей наставника, освободив ему время для более важных вопросов.
- Усиление команды. Подопечные у хорошего наставника ориентированы на приоритетные цели, гибко приспосабливаются, уверены в себе и более эффективно выполняют свою работу.
- Притяжение талантов. Таланты тянутся туда, где есть возможность их роста.
- Расширение сети поддержки. Успешные наставники облегчают продвижение подопечных вверх и вширь — в организации соответственно появляется поддержка на всех уровнях.
- Собственное развитие наставника. Развивая подопечных, наставник развивается сам.
- Преодоление эмоционального «выгорания», так как обязанности наставника вносят в работу разнообразие, новое творческое веяние.
- Карьерный рост. Только подготовив себе преемника, руководитель может задумываться о движении на следующую позицию.
- Престиж. Звание наставника повышает статус сотрудника в коллективе и в компании в целом. Кроме того, организация дополнительных мероприятий, встреч и курсов обучения для наставников повышает престижность наставничества.

Таким образом, развитие программы наставничества в организации позволяет получить целый ряд существенных преимуществ, предотвратить возможные проблемы в будущем и обеспечить постоянную передачу и адаптацию знаний и компетенций внутри компании.

Система наставничества на предприятии

Наставничество имеет давние традиции. Ремесленники издавна обучали своих подмастерьев по методу «делай, как я». В советский период наставничество было почетной обязанностью опытных работников на промышленных предприятиях, способствуя быстрой и эффективной передаче знаний новичкам. Эти традиции были во многом утрачены в постсоветский период, когда в условиях экономической нестабильности были закрыты многие долгосрочные проекты, сокращены затраты на развитие и обучение персонала. В современном бизнесе в условиях конкуренции вновь остро встают вопросы о снижении высокой текучести кадров, о нематериальной мотивации и развитии персонала, трансляции знаний и опыта внутри компании, престиже компании и вовлеченности сотрудни-

ков. Именно поэтому многие компании вновь обратили внимание на наставничество и восстанавливают утраченную систему либо начинают создавать ее «с нуля».

Главная сложность на этом пути заключается в том, что идея наставничества принесет значимые плоды только в случае создания в компании целостной адаптированной под задачи конкретного бизнеса системы, включающей в себя правильно выстроенные отбор, обучение, развитие и мотивацию наставников, адекватную нуждам компании организацию процесса стажировки новичков, продуманные системы контроля и обратной связи. Кроме того, необходима постоянная информационная поддержка и популяризация процесса наставничества внутри компании, развитие положительного отношения сотрудников к наставничеству и поддержание высокого статуса и престижа работы наставников.

Отбор наставников

Не каждый сотрудник компании может быть хорошим наставником. Для этого необходимо обладать определенным набором личных качеств (терпеливость, ответственность, стрессоустойчивость, организованность, эмоциональная уравновешенность), профессиональных (обладание профессиональным мастерством), педагогических (умение объяснить материал, умение слушать и слышать, умение демонстрировать на личном примере технологии работы) и управленческих компетенций (умение поставить задачу, мотивировать стажера, проконтролировать правильность выполнения работы, грамотно предоставить обратную связь). Кроме того, важно учитывать *желание сотрудника* быть наставником, *стаж работы* в компании и в должности (не менее полугода), а также его *авторитет в коллективе*, признание его профессионализма и *лояльность компании*. Только в этом случае звание наставника может стать почетным, а у новичков появится желание учиться у такого сотрудника и брать с него пример.

Для выявления соответствия кандидата предъявляемым к наставнику требованиям целесообразно запрашивать *рекомендации непосредственных руководителей*, однако это не должно быть решающим критерием, так как многие руководители, не осознающие преимущества наставничества и ориентированные на решение текущих краткосрочных задач, зачастую не заинтересованы в том, чтобы их сотрудники брали на себя дополнительные обязанности, а обучение сотрудников считают прерогативой исключительно службы персонала. В

этой связи важно создание единого для всей компании информационного пространства, описывающего преимущества введения системы наставничества, а также учет желания самого сотрудника стать наставником.

Обучение и развитие наставников

Подготовка наставников включает в себя *обязательное* формирование у них базовых педагогических знаний и навыков, мотивацию на участие в программе наставничества, понимание основ андрагогики (особенностей обучения взрослых), умение преодолевать сопротивление обучаемых, доносить им информацию, мотивировать их на обучение, организовывать процесс стажировки, контролировать и давать обратную связь. Навыки и мотивация формируются посредством тренингов и мастер-классов для наставников, возможно применение методик коучинга и составление индивидуальных планов развития наставников. Знания можно передать через систему дистанционного обучения, лекционные занятия либо посредством самоподготовки. Для повышения ответственности наставников и грамотного подхода к обучению рекомендуется проведение итоговой аттестации (тестирование, экзамен) на право быть наставником.

Дополнительное обучение и развитие наставников может выступать в качестве дополнительного инструмента мотивации. Для наставников (всех либо лучших) необходимо организовывать дополнительные развивающие обучающие программы, направлять их на дополнительные тренинги, корпоративные мероприятия. При этом важно учитывать их пожелания по поводу того, какие компетенции они хотели бы развить, в каком обучении участвовать. Целесообразно провести для наставников управленческие и коммуникативные тренинги (особенно если они участвуют в кадровом резерве), тренинги личностного роста и мотивации персонала.

Мотивация наставников

По поводу мотивации наставников не существует единого мнения, однако специалисты сходятся в том, что в основе этой системы должна лежать четко выстроенная, прозрачная и эффективная нематериальная мотивация.

Материальная мотивация наставников. Если сотрудник занимается наставничеством вне рамок своих должностных обязанностей, то ему можно доплачивать за это. Но важно, чтобы материальная мотивация не была единственной мотивацией наставника, поэтому доплата не

должна быть чрезмерно высокой; лучше, если это будет премия за высокие показатели работы новичков. Так мы вносим в систему соревновательный момент, а также оцениваем и поощряем лучших наставников. Однако в этом случае необходимо разработать четкие и прозрачные критерии оценки работы наставников. Если же новичков обучает их руководитель, то доплачивать ему за это нет необходимости, так как развитие подчиненных – прямая обязанность любого руководителя.

Нематериальная мотивация наставников может включать в себя целый спектр инструментов и мероприятий. Основная цель здесь – сделать работу наставника в компании престижной.

В качестве инструментов нематериальной мотивации хорошо зарекомендовали себя конкурсы на звание лучшего наставника компании или мастера своего дела. На конкурсе оценивается уровень профессиональной компетенции наставников, их отношение к работе, результаты работы с новичками, а также способность решать нестандартные задачи, возникающие в процессе наставничества. Важно, чтобы победители конкурсов получили широкое общественное признание в компании, это позволит повысить статус наставников и мотивировать их.

Информационное освещение деятельности наставников возможно осуществлять на стендах по наставничеству, во внутренних корпоративных СМИ, на собраниях с трудовыми коллективами. В качестве поощрения лучших наставников хорошо работает предоставление возможности для дополнительного обучения профессиональным и личностно-деловым компетенциям.

В качестве метода мотивации наставников на дальнейшее развитие и карьерный рост целесообразно проводить оценку работы наставников и лучших из них включать в списки кадрового резерва на управленческие должности.

Контроль и оценка эффективности работы системы наставничества

Продуманная система контроля и мониторинга всего процесса наставничества – очень важный фактор успешности программы [10, с. 51–60].

Практически во всех компаниях сейчас существует проблема создания системы эффективного мониторинга наставничества. Целесообразно построение системы начать с регламентации процесса наставничества внутренними нормативно-правовыми документами, например *положением о наставничестве и адаптации персонала* на предприятии. В положении важно определить ответственное лицо. Это может быть либо HR,

что чаще всего и происходит в российских компаниях, либо, что является более правильным с точки зрения философии самообучающейся организации, руководитель структурного подразделения, в котором новичок проходит адаптацию.

Для придания особой важности процессу наставничества в компании целесообразно ввести в практику заключение *договоров между наставником и стажером*, в котором прописать права и обязанности каждой из сторон, а также установить срок адаптации. В качестве приложения к договору стоит разработать шаблон *индивидуального плана адаптации*, который наставник составляет совместно со стажером и заверяет подписью руководителя структурного подразделения.

Оценку качества работы наставника производит сам стажер, заполняя *анкету оценки эффективности работы наставника*. Этот инструмент позволяет увидеть, насколько качественно наставник справился с обучением и адаптацией новичка. Увидеть процесс с другой стороны позволяет *анкета оценки эффективности адаптации стажера*, которую заполняет наставник, оценивая возможность допуска стажера к самостоятельной работе. Таким образом, мы получаем процесс, эффективность которого оценивается с различных сторон.

Лучший способ проверить данные, полученные из документов, заполняемых наставниками и сотрудниками, – это *аттестация и ассесмент-центр*. Поэтому после окончания периода адаптации важно провести аттестацию сотрудника и проверить, все ли результаты достигнуты. В оценке должны участвовать независимые эксперты. Одновременно с оценкой стажера стоит провести и оценку работы наставника.

Таким образом, одним из ключевых элементов системы самообучающейся организации является система наставничества, которая позволя-

ет эффективно использовать потенциал опытных сотрудников (функция трансляции / распространения знаний) и минимизирует затраты на адаптацию вновь принятого персонала.

Список литературы

1. Молодчик А.В. Теория и практика формирования саморазвивающейся организации. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. С. 5–6.
2. Сенге П. Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации. М.: Олимп-Бизнес, 2003.
3. Идрисова А.Р. Понятие самообучающейся организации // Вестник ВятГУ. 2009. №1. С. 115–117.
4. Тельнов Ю.Ф. Управление компетенциями в самообучающейся организации // Сборник научных трудов V Международной НПК «Интегрированные модели и мягкие вычисления в искусственном интеллекте». Коломна, 2009. Т. 2. С. 189–194.
5. Скворцова В.С. Концепция обучающейся организации и ее применение в практике менеджмента // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 3. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/3844> (дата обращения: 20.02.2018).
6. Таюрский А.И., Белова Е.Н. Модель инфраструктуры менеджмента сетевой самообучающейся организации // Вестник ТГПУ. 2015. № 3 (156). С. 196–201.
7. Белова Е.Н. Развитие ключевой управленческой компетентности работников сетевой самообучающейся организации // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 5. С. 65–71.
8. Каргина Н.Н. Самообучающаяся организация как концептуальная модель проектирования инновационной модели образовательной организации // Universum: психология и образование. 2017. № 3 (33). С. 8–11.
9. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
10. Горшкова Е.Г. Коуч-наставничество как инструмент развития бизнеса. Практическое руководство. СПб.: Речь, 2006. 144 с.

MENTORING AS A TOOL FOR A SELF-LEARNING ORGANIZATION

A.V. Shkerin

Smart Skills Group, Nizhny Novgorod

The article reveals the concept and functions of a self-learning organization as a flexible and simultaneously adaptive system for organizing knowledge management processes and competencies, provides the tools necessary for building a self-learning organization, and reveals the specific features and the role of the mentoring system as one of the most important tools of the self-learning organization. The emphasis is on analyzing the benefits of mentoring for sustainable business development, showing the opportunities and algorithms for organizing the mentoring system at the enterprise, the methods of selection, training and development, the material and non-material motivation of mentors and evaluating the effectiveness of the mentoring system.

Keywords: self-learning organization, philosophy, functions and tools of a self-learning organization, business development, mentoring, selection, training and development of mentors, motivation of mentors, evaluation of the effectiveness of the mentoring system.

УДК 316.334.56

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ НЕЗАВИСИМОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ГОРОДАХ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

© 2018 г.

Е.А. Купряшкина

Купряшкина Евгения Алексеевна, аспирант департамента социальных и психологических наук
Дальневосточного федерального университета, Владивосток
zhenya.gorelowa@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 22.02.2018**Статья принята к публикации 26.04.2018*

В исследованиях зарубежных авторов под детской независимой мобильностью понимаются самостоятельные физические перемещения детей в пространствах района проживания, города и т.д. Сопутствующими являются понятия активной мобильности, мобильного окружения, автомобильности и пр. Учеными рассматриваются такие характеристики детских перемещений, как наличие компаньонов – детей или взрослых, возможность самостоятельного определения маршрута ребенком, использование общественного транспорта, регулярность прогулок и т.д. Детская независимая мобильность положительно влияет на физическое, социальное, когнитивное и эмоциональное развитие детей.

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей детской мобильности в городах Приморского края и выявление уровней проявления детской независимой мобильности. В анкетировании приняли участие 448 детей и подростков в возрасте 9–15 лет, проживающих в малых, средних, больших и крупных городах Приморского края. Метод индексов позволил выявить уровни проявления детской независимой мобильности и описать её особенности путём проведения сравнительного анализа по гендерному, возрастному и территориальному аспектам в Syntax SPSS. На основании полученных данных были предложены рекомендации по изменению городской среды в направлении повышения ее комфортности и безопасности.

Ключевые слова: социология города, социология детства, детская независимая мобильность, уровни детской независимой мобильности, метод индексов.

Введение

Мобильность является важным социальным явлением, влияющим на всестороннее развитие личности с раннего возраста и охватывающим широкий круг социальных вопросов, исследование которых выходит за рамки социологии города и социологии детства. Детская независимая мобильность является неотъемлемым правом каждого ребенка, закрепленным в Конвенции ООН о правах ребенка, необходимым условием для его обеспечения является доступная безопасная внешняя среда.

За рубежом изучение детской мобильности связано с физическими перемещениями детей и их влиянием на здоровье, использованием транспорта и активных средств передвижения, применением мобильных навигационных технологий, а также образовательным и развивающим потенциалом города.

Основатель Чикагской школы Роберт Парк утверждал, что социальный организм состоит, прежде всего, из индивидов, способных к передвижению [1], что подчеркивает огромную роль свободы перемещений и необходимость доступности к развивающим средам, что в случае с детьми означает возможность для приключе-

ний, физической активности и коммуникации. Эрих Фромм в знаменитой книге «Бегство от свободы» назвал способность действовать спонтанно неотъемлемым элементом целостной личности [2].

Однако зачастую свобода передвижения детей по городу сдерживается интенсивностью транспортного движения, запаркованными дворами и тротуарами, неприспособленностью общественных пространств города для пешеходов или велопогулок, отсутствием светофоров и пр. Поэтому «в городской повседневности дети как уязвимая группа помещаются в защищенные институциональные пространства» [3, с. 31].

Методология

В изучении детских передвижений используется понятие *детской независимой мобильности* как свободы детей путешествовать по их району или городу без надзора со стороны взрослых [4]. В ранних работах о детской независимой мобильности исследовалась удаленность места проживания ребенка от мест его времяпрепровождения в игре или общении и ее влияние на социальные навыки ребенка. Van Vliet подчеркивает негативное влияние ограни-

чений территориальных зон на умение справляться с опасностями окружающей среды и развитие всесторонних способностей ребенка [5].

Позже ряд авторов (Hillman, Adams, Whitelegg, Kyttä, O'Brien, Jones, Sloan) под независимой мобильностью стали понимать наличие возможности и разрешения самостоятельно передвигаться по местности – пересекать большие дороги, пользоваться общественным транспортом и т.д. [4, 6, 7]. Beunderman большое внимание уделяет игре и отмечает, что игры на открытом воздухе повышают уровень детской независимой мобильности [8].

Отдельными учеными предпринимаются попытки измерить уровень фактической мобильности в определенные периоды времени (например, с использованием индивидуальных дневников перемещений) [9]. В рамках исследования «Children's independent mobility: a comparative study in England and Germany (1971–2010)», которое проводилось на протяжении 40 лет в Англии и 20 лет в Германии, учёным удалось зафиксировать изменения уровня детской независимой мобильности и разработать систему поведенческих показателей, связанную с рисками для детей в окружающей среде.

Исследование базировалось на изучении 6 «разрешений» (mobility license) со стороны родителей детям: переходить главные дороги в одиночку; ездить в другие, помимо школы, места; ездить домой из школы в одиночку; бывать одному на улице после наступления темноты; передвигаться на велосипеде по главным дорогам; пользоваться общественным транспортом в одиночку [10].

Для дальнейшего описания исследований детской независимой мобильности важен ряд сопутствующих терминов, таких как активная мобильность, устойчивая мобильность, мобильное окружение.

Активная мобильность относится к ходьбе и велоспорту, а также к другим способам передвижений, исключающих использование транспортных средств. Для детей активная мобильность означает возможность быть независимыми, а значит, напрямую влияет на их благополучие.

Устойчивая (стабильная) мобильность предполагает сокращение частных поездок на личных транспортных средствах с целью увеличения пеших перемещений, велосипедных поездок и применения общественного транспорта (Banister).

Мобильное окружение связано с моделями индивидуальной или групповой мобильностей. Термин был введен Bertolini, который считал, что города должны представлять «разнообразие сред мобильности» в различных пространственных масштабах.

Термин «автомобильность» относится к системе мобильностей современной городской среды, характеризующейся институциональной практикой и социальными нормами, основанными на идее неограниченной мобильности транспортных средств [11].

Способность детей ходить, гулять, кататься напрямую связана с их благополучием – улучшением здоровья, увеличением физической активности, установлением социальных связей, использованием пространств для эмоционального и социального развития в целом. Для планировщиков, формирующих городскую среду, важно понимание взаимосвязи между городской средой, побуждающей детей к активности, и мобильностью, поскольку модель мобильности детей отличается от взрослых по ряду поведенческих, социальных, бытовых и других аспектов [12].

Детская независимая мобильность предполагает наибольшую физическую активность среди детей – более независимые в отношении передвижения дети чаще играют со своими сверстниками как в помещении, так и на открытом воздухе. Независимая мобильность помогает детям лучше ориентироваться в пределах своего района и города. Высокий уровень детской независимой мобильности способствует более эффективному выстраиванию социальных отношений со сверстниками и с естественной средой. Независимая мобильность детей также связана с более сильным чувством общности, она способствует снижению уровня тревожности и чувства одиночества, особенно в подростковом возрасте [13–18].

При этом фактором ограничения независимой мобильности детей является забота родителей о безопасности дорожного движения, о взаимодействии с незнакомцами. Снижение детской независимой мобильности увеличивает время, в течение которого родители заняты сопровождением своих детей, что сказывается на изменении распорядка дня самих взрослых, преимущественно женщин [19–21].

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей детской мобильности в городах Приморского края и выявление уровней проявления детской независимой мобильности.

Были сформулированы следующие рабочие гипотезы:

- девочки имеют более низкий уровень независимой мобильности, чем мальчики;
- уровень независимой мобильности детей растет по мере их взросления (продвижения от младшего школьного к подростковому возрасту);
- дети, проживающие в средних и малых городах, имеют более высокий уровень независимой мобильности по сравнению с детьми – жителями больших и крупных городов.

Таблица 1

Классификация городов Приморского края по численности населения

Группа	Города	Численность населения, чел.
Малые и средние города (до 100 тыс. чел.)	Фокино	23219
	Лесозаводск	36027
	Дальнереченск	26378
	Дальнегорск	35405
	Большой Камень	38718
	Партизанск	37470
	Спасск-Дальний	41539
Большие города (от 100 до 250 тыс. чел.)	Арсеньев	53083
	Артём	105338
	Находка	153581
	Уссурийск	168598
Крупные города (от 250 тыс. до 1 млн чел.)	Владивосток	606653

Таблица 2

Основные характеристики выборочной совокупности

Тип города	Возрастная группа					
	9–11 лет		12–13 лет		14–15 лет	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки
Крупный город (n=265)	42	50	43	44	40	46
	92		87		86	
Большой город (n=118)	25	22	17	16	16	22
	47		33		38	
Малые и средние города (n=65)	13	13	10	8	9	12
	26		18		21	

Эмпирический материал собирался в 12 городах Приморского края на протяжении 2016–2017 гг. Проблемным аспектом развития территории Приморья остаются тенденции отставания по социально-экономическим параметрам от центральной части России, ухудшения демографических показателей, миграционный отток населения и, как следствие, низкая плотность населения и снижение доступности услуг учреждений социальной инфраструктуры [22].

С учетом специфики изучаемой территории города в нашем исследовании были разделены на 3 подгруппы – малые и средние, большие и крупные. В основе этого разделения – численность населения, так как именно от величины города зависит ряд его значимых признаков, таких как темпы развития, экономические ресурсы, социально-демографическая структура населения и т.д. В таблице 1 приведены статистические данные по городам – участникам исследования за 2016 год [23].

Дети – участники исследования тоже были разделены на 3 подгруппы – 9–11 лет, 12–13 лет, 14–15 лет, что связано со спецификой каждого конкретного возрастного периода и

социальными условиями, сопровождающими переход из одной возрастной группы в другую.

Методом исследования стал опрос в формате очного анкетирования в образовательных и досуговых учреждениях городов Приморского края и онлайн-анкетирования на платформе Google с детьми и подростками в возрасте от 9 до 15 лет. В анкетировании приняли участие 448 детей – 215 мальчиков, 233 девочки. В таблице 2 представлено распределение детей-респондентов по полу, возрастным группам и городам проживания.

Для анализа полученных данных использовался индекс – «обобщенный (производный) показатель, сформированный из исходных посредством математических операций» [24, с. 66], его применение ведет к повышению надежности и валидности измерения. Показатель может считаться надежным в той мере, в которой полученные оценки могут быть воспроизведены на данной совокупности объектов измерения. Валидность инструмента измерения состоит в однозначности и правильности получаемых результатов относительно измеряемого свойства объектов, т. е. относительно предмета измерения [25].

Таблица 3

Составление индикаторов и причисление баллов

Модель измерения	Вопросы	Варианты ответов	Баллы
Блок 1 «Способы передвижения»	q1. Как ты обычно добираться до школы?	1) иду пешком	2
		2) на общественном транспорте	1
		3) на машине	0
	q4. Как ты обычно добираться до дома из школы?	1) иду пешком	2
		2) на общественном транспорте	1
		3) на машине	0
	q6. Если бы у тебя была возможность выбирать, каким способом добираться в школу и из школы, что бы ты выбрал?	1) идти пешком	2
		2) велосипед	2
		3) школьный автобус	1
		4) общественный транспорт	1
		5) машина	0
	q16. Как ты обычно добираться до места дополнительных занятий?	1) иду пешком	2
		2) на общественном транспорте	1
		3) на машине	0
Блок 2 «Активная мобильность»	q17. Какие средства передвижения есть у тебя?	1) велосипед	1
		2) ролики	1
		3) гироскутер	1
		4) самокат	1
		5) ничего нет	0
	q21. Как часто ты обычно катаешься?	1) раз в неделю или меньше	1
		2) 2–3 раза в неделю	1
		3) больше 3 раз в неделю	2
		4) каждый день	2
		5) не катаюсь	0
Блок 3 «Наличие сопровождающих»	q2. С кем ты добираться обычно до школы?	1) один	2
		2) с родителями	0
		3) с братьями, сестрами	1
		4) с другими взрослыми	0
		5) со сверстниками	2
	q5. С кем ты обычно возвращаешься домой из школы?	1) один	2
		2) с родителями	0
		3) с братьями, сестрами	1
		4) с другими взрослыми	0
		5) со сверстниками	2
	q8. С кем чаще всего ты гуляешь?	1) один	2
		2) с друзьями	2
		3) с родителями	0
	q18. Родители разрешают тебе кататься в городе самому? (на велосипеде, роликах и т.д.)	1) да	1
		2) нет	0
Блок 4 «Деятельность в свободное время»	q7. Как часто ты гуляешь?	1) каждый день	2
		2) 2–3 раза в неделю	1
		3) больше 3 раз в неделю	2
		4) только по выходным	1
		5) не гуляю	0
	q14. Как часто ты посещаешь дополнительные занятия?	1) раз в неделю	2
		2) 2–3 раза в неделю	1
		3) 3 и больше раз в неделю	1
		4) каждый день	0
		5) не посещаю	2

В исследовании детской независимой мобильности метод индексов позволил структурировать данные и сформировать уровни мобильности, объединив ряд вопросов анкеты в отдельные модели измерения – смысловые блоки, к каждому из которых были подобраны индикаторы (подходящие вопросы анкеты) и причислены баллы («процедура взвешивания») в зависимости от того, как тот или иной индикатор характеризует уровень мобильности [26].

Формирование индекса осуществлялось при помощи программирования в Syntax SPSS – командном языке SPSS, позволяющем работать с рядом недоступных в меню процедур и сохранять набор и последовательность единожды выполненных действий [27].

В таблице 3 приведены модели измерения детской независимой мобильности, её индикаторы и определены баллы по каждому варианту ответа. Таким образом, низкий уровень мобиль-

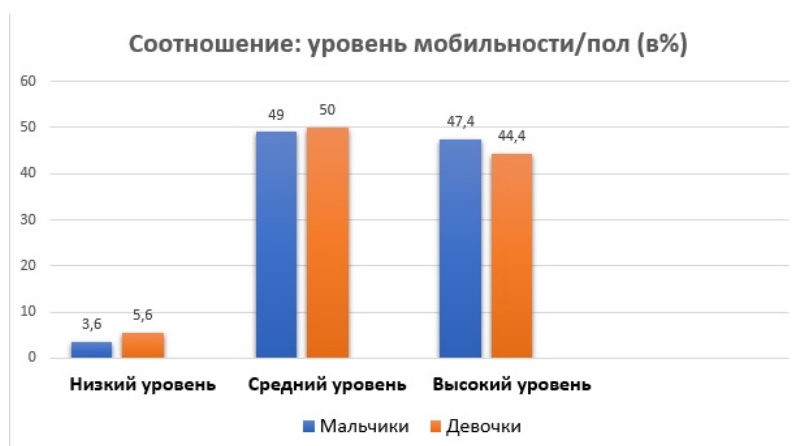

Рис. 1. Уровень детской независимой мобильности в зависимости от пола

ности характеризуется распределением баллов от 0 до 8, средний уровень мобильности – от 9 до 16, высокий уровень мобильности – от 17 до 24.

Критериями *высокого уровня* детской независимой мобильности являются: возможность перемещаться по городу пешком, регулярно использовать средства активной мобильности (велосипеды, ролики и т.д.), находиться на улице без сопровождения взрослых, иметь свободное от дополнительных занятий время и совершать прогулки больше 3 раз в неделю. *Средний уровень* детской независимой мобильности определяется возможностью пользоваться общественным транспортом, иногда бывать на улице в одиночку или в компании сверстников, гулять не менее 2 раз в неделю, иногда использовать средства активной мобильности. Критериями *низкого уровня* детской независимой мобильности являются: преобладание перемещений в сопровождении взрослых, преимущественно с использованием личного транспорта, редкое использование активных средств передвижения, значительная занятость в сфере дополнительного образования (репетиторы, кружки, секции и т.д.).

Результаты

В ходе применения метода индексов было получено следующее распределение респондентов по уровням независимой мобильности: низкий уровень имеют 7% опрошенных, средний уровень – 49%, высокий уровень – 44%.

Дальнейший анализ уровней мобильности осуществлялся в разрезе трёх параметров – пол, возраст и тип города, в котором проживает респондент.

На рисунке 1 представлено соотношение уровней мобильности и пола респондентов.

Данные рисунка 1 обнаруживают незначительные расхождения в уровнях детской независимой мобильности девочек и мальчиков.

Содержательный анализ ответов дал следующие данные: 1) на 10% больше девочек добираются до школы и обратно на машине, мальчики чаще пользуются общественным транспортом; 2) на 4% больше девочек сопровождают в школу родители или другие взрослые, мальчики чаще возвращаются домой в одиночку; 3) девочки гуляют реже на 3% (только по выходным), при этом 5% всех опрошенных не гуляют совсем; 4) девочки в 3 раза чаще отмечают прогулки с родителями, однако половина всех респондентов гуляют в компании сверстников; 5) девочки в 2 раза чаще выбирают ответ «чувствую себя не очень безопасно» в ситуации, когда они на улице одни, мальчики в такой ситуации на 5% чаще выбирают ответ «очень безопасно»; 6) на вопрос: «Когда ты на улице один или с друзьями, что тебя беспокоит?» – самый популярный ответ мальчиков «ничего», на втором месте – «незнакомцы», на третьем – «бездомные животные»; девочек чаще всего беспокоят незнакомцы, люди без определенного места жительства и бездомные животные (в 2 раза чаще мальчиков); 7) девочки чаще посещают дополнительные занятия, преимущественно каждый день или чаще 3 раз в неделю, мальчики в основном ходят на дополнительные занятия 2–3 раза в неделю или не посещают их вовсе; 8) девочкам в 2 раза реже, чем мальчикам, разрешено использовать средства активного передвижения (велосипеды, ролики, самокаты) без присмотра взрослых.

На рисунке 2 дано соотношение уровней мобильности и возрастных групп респондентов (9–11 л., 12–13 л., 14–15 л.).

Возрастные различия в уровнях независимой мобильности более очевидны: высокий уровень преобладает у респондентов 9–11 лет, старшая возрастная подгруппа имеет самый большой процент проявления низкого уровня детской независимой мобильности (8%). Детальное

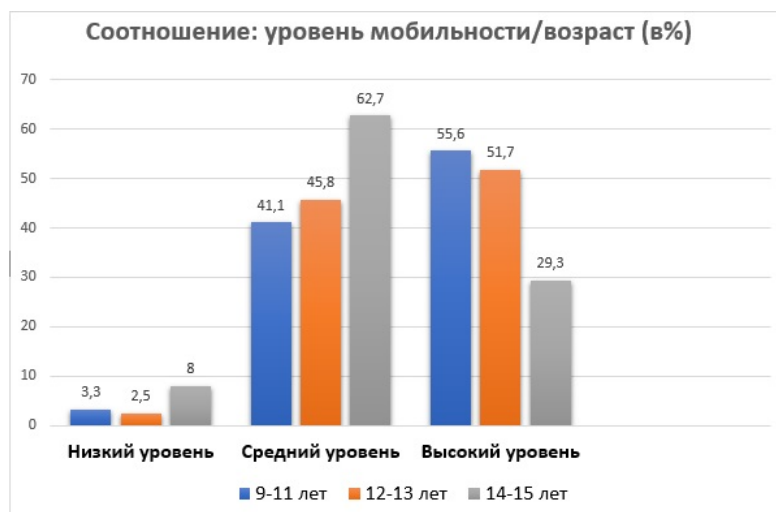

Рис. 2. Уровень детской независимой мобильности в зависимости от возраста

сравнение ответов на разные вопросы анкеты позволило получить следующие данные: 1) группа респондентов 14–15 лет в 2 раза чаще по сравнению с другими возрастными подгруппами пользуется общественным транспортом и реже добирается до школы пешком; 2) респондентов 9–11 лет до школы чаще сопровождают родители (на 3% в сравнении со средневозрастной группой и на 4% – со старшей), при этом большая часть всех опрошенных возвращаются из школы в компании сверстников; 3) основной способ возвращения домой из школы для 30% группы 9–11 лет – «пешком», в то время как средняя и старшая группы преимущественно используют общественный транспорт; 4) 15% респондентов 9–11 лет, по результатам опроса, гуляют каждый день, что значительно превышает частоту прогулок более старших участников исследования (группа 12–13 лет – 6,7%, группа 14–15 лет – 6,3%), при этом большая часть старшей подгруппы гуляет только по выходным; 5) респонденты в возрасте 9–11 лет в 2 раза чаще отмечают родителей в качестве компаньонов во время прогулок, 30% всех опрошенных гуляют в компании друзей; 6) 20% респондентов 9–11 лет чувствуют себя достаточно безопасно, когда находятся на улице без взрослых, однако при этом им в 3 раза чаще запрещено находиться на улице одним; 7) самыми тревожными факторами для детей 9–11 лет являются: «незнакомцы» (1-е место по частоте выбора ответа), «бездомные животные» (2-е место), «люди без определенного места жительства» (3-е место); для подгруппы 12–13 лет на 1-м месте «незнакомцы», на 2-м – «ничего», на 3-м – «транспортное движение»; для 14–15-летних респондентов на 1-м месте вариант ответа «ничего не беспокоит», на 2-м – «незнакомцы» и на 3-м – «транспортное движение»;

8) младшая возрастная группа в 2 раза реже посещает дополнительные занятия по сравнению со старшими участниками исследования, при этом 15% из них посещают различные кружки и секции каждый день или больше 3 раз в неделю; подгруппа 12–13 лет посещает дополнительные занятия преимущественно 2–3 раза в неделю, 17% респондентов 14–15 лет занимаются дополнительно каждый день или больше 3 раз в неделю; 9) в 3 раза больше детей 9–11 лет имеют различные средства передвижения по сравнению со старшими респондентами, однако им в 10 раз реже разрешают кататься без взрослых; 10) значительная часть средней и старшей возрастной групп используют средства активного передвижения раз в неделю или реже, а младшие респонденты в 10 раз чаще давали ответ «катаюсь каждый день».

На рисунке 3 представлено соотношение уровней детской независимой мобильности и типа города в зависимости от численности населения.

Сравнение уровней мобильности детей Приморского края демонстрирует значительное преобладание высокого уровня в малых и средних городах, а низкого уровня – в крупных городах. Содержательный анализ опросника дал следующие данные: 1) респонденты, проживающие в крупных городах, чаще используют общественный транспорт и автомобиль, чтобы добраться до школы (в 5 раз – по сравнению с большими городами и в 10 раз – по сравнению с малыми и средними); 2) 20% опрошенных из крупных городов сопровождаются до школы родителями или другими взрослыми, при этом в больших городах этот показатель составляет 7%, а в малых и средних – 1,5%, на обратном пути все респонденты чаще всего перемещаются в компании сверстников; 3) 17% участников

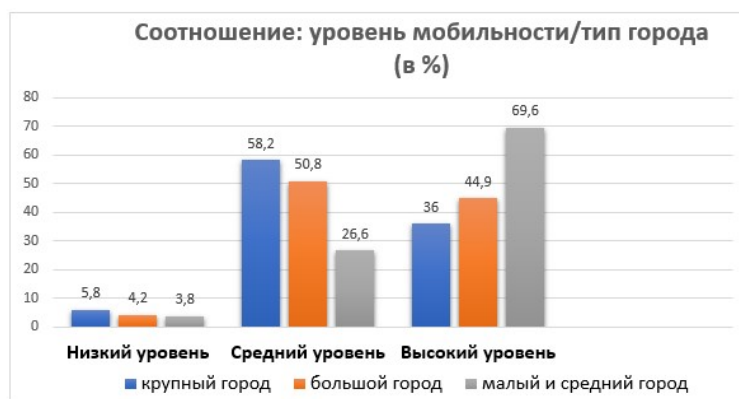

Рис. 3. Уровень детской независимой мобильности в зависимости от типа города

исследования из крупных городов гуляют только по выходным (в больших городах этот показатель составляет 8%, в малых и средних – 5%), в больших городах самый популярный ответ – «гуляю 2–3 раза в неделю», в малых и средних – «гуляю каждый день»; 4) во всех городах большую часть всех опрошенных во время прогулок сопровождают сверстники, при этом ответ «гуляю с родителями» в 3 раза чаще встречается у жителей крупного города; 5) 25,5% детей и подростков, проживающих в крупном городе, чувствуют себя достаточно безопасно, находясь на улице без взрослых, 12% – не очень безопасно – ответ, встречающийся в 3 раза чаще в сравнении с другими типами городов; респонденты из больших, средних и малых городов преимущественно чувствуют себя безопасно; 6) тревожащие факторы для респондентов из крупных и больших городов распределились следующим образом: на 1-м месте – «незнакомцы», на 2-м – «люди без определенного места жительства», на 3-м – «транспортное движение»; для респондентов из малых и средних городов: на 1-м месте «незнакомцы», на 2-м – «бездомные животные», на 3-м – ответ «ничего не беспокоит»; 7) дети и подростки, проживающие в крупном городе, в 2 раза чаще заняты в сфере дополнительного образования, посещая их преимущественно каждый день или чаще трёх раз в неделю; 8) опрошенные из крупных городов в 5 раз чаще отмечают наличие средств активного передвижения (велосипеды, ролики и т.д.) по сравнению с другими типами городов, при этом им в 2 раза чаще разрешено кататься в городе без сопровождения взрослых.

Заключение

В результате анализа полученных эмпирических данных подтвердились гипотезы относительно сопряженности уровня детской незави-

симой мобильности и пола респондента, места его проживания. Девочки более подвержены родительскому контролю в сравнении с мальчиками, что, с одной стороны, может быть связано с родительскими гендерными стереотипами (мальчики более активны, умеют «постоять за себя» и т.д.), а с другой – может быть вызвано повышенным уровнем тревожности самих девочек относительно внешних угроз (асоциальные взрослые, бездомные животные).

Особенностью проживания в малых и средних городах, влияющей на повышение уровня независимой мобильности, является ощущение безопасности городской среды и отсутствие необходимости преодолевать большие расстояния. Поэтому дети и подростки, проживающие на территории этого типа городов, чаще гуляют, ходят пешком, реже сопровождаются взрослыми. В больших и крупных городах среда предоставляет большее разнообразие в выборе форм активности и мест для отдыха, с этим связаны преимущества использования средств активной мобильности и посещения дополнительных занятий.

Зависимость между свободой детских перемещений и возрастом ребенка также была установлена в ходе исследования, однако она имеет несколько иной характер. Преобладание высокого уровня независимой мобильности в младшей возрастной группе (9–11 лет) обусловлено незначительной загруженностью школьными и домашними обязанностями, отсутствием чрезмерной занятости в сфере дополнительного образования, тогда как старшеклассники (группа 14–15 лет) вынуждены готовиться к государственной итоговой аттестации, заниматься с репетиторами, поэтому гуляют только по выходным.

Таким образом, несмотря на то, что большинство респондентов (49%) имеют средний уровень мобильности, дети – жители городов Приморского края нуждаются в изменении го-

родской среды, повышении степени ее комфортности и направленности на развитие через поддержку активных способов передвижения (на велосипедах и пешком), снижение негативного влияния транспорта на здоровье и окружающую среду, адаптацию городской инфраструктуры к детским потребностям в передвижениях, повышение привлекательности общественного транспорта как основы городской мобильности, расширение общественных пространств и зеленых зон и др.

Исследования в области детских перемещений могут быть продолжены в направлении изучения факторов, влияющих на уровни проявления детской независимой мобильности, в т.ч. мобильного окружения, дохода семьи, более глубокого анализа каждого уровня. За рамками данной работы остались детские перемещения в сельской местности и мегаполисах.

Список литературы

1. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 271 с.
3. Филипова А.Г., Ракитина Н.Э. Городская «доброжелательность» к детям: от неравенства к соучаствующему проектированию городской среды: (на материалах городов юга Дальнего Востока). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. 188 с.
4. Hillman M., Adams J., Whitelegg J. One false move: a study of children's independent mobility. London: Policy Studies Institute, 1990. 187 p.
5. Vliet van W. Exploring the fourth environment: An examination of the home range of city and suburban teenagers // Environment and Behavior. 1983. № 15 (5). P. 567–588.
6. Kytä M. Children's independent mobility in urban, small town, and rural environments // Growing up in a Changing Urban Landscape. R. Camstra (ed). Assen: Van Gorcum, 1997. P. 41–52.
7. O'Brien M., Jones D., Sloan D., Rustin M. Children's independent spatial mobility in the urban public realm // Childhood. 2000. №7. P. 257–277.
8. Beunderman J. People Make Play: The impact of staffed play provision on children, families and communities. London: Play England, 2010. 100 p.
9. Tillberg Mattsson K. Children's (in)dependent mobility and parents' chauffeuring in the town and the countryside // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. 93. P. 443–453.
10. Shaw B., Watson B., Frauendienst B. et al. Children's independent mobility: a comparative study in England and Germany (1971–2010). London: Policy Studies Institute, 2013. 248 p.
11. Babb C. Built environment auditing, active mobility and children's wellbeing. School of Built Environment, 2014. 368 p.
12. Mitra R. Independent mobility and mode choice for school transportation: A Review and framework for future research // Transport Reviews. 2012. 33 (1). P. 21–43.
13. Mackett R., Brown B., Gong Y. et al. Setting children free: children's independent movement in the local environment // Built Environment. 2007. P. 454–468.
14. Prezza M., Pilloni S., Morabito C. et al. The influence of psychosocial and environmental factors on children's independent mobility and relationship to peer frequentation // Journal of Community. 2001. 11. P. 435–450.
15. Rissotto A., Tonucci F. Freedom of movement and environmental knowledge in elementary school children // Journal of Environmental Psychology. 2002. 22. P. 65–77.
16. Garbarino J., Dubrow N., Kostelny K., Pardo C. Children in danger: coping with the consequences of community violence. San Francisco: Jossey-Bass, 1992. 211 p.
17. Bixler R.D., Floyd M.F., Hammitt W.E. Environmental socialization: quantitative tests of the childhood play hypothesis // Environment and Behaviour. 2002. 34 (6). P. 795–818.
18. Prezza M., Pacilli M.G. Current fear of crime and sense of community and loeliness in Italian adolescents: the role of autonomous mobility and play during childhood // Journal of Community Psychology. 2007. 35 (2). P. 151–170.
19. Valentine G., McKendrick J. Children's outdoor play: exploring parental concerns about children's safety and the changing nature of childhood // Geoforum. 1997. 28 (2). P. 219–235.
20. Carver A., Timperio A., Crawford D. Playing it safe: The influence of neighbourhood safety on children's physical activity // Health & Place. 2008. № 14. P. 217–227.
21. Gershuny J. Escorting children: impact on parental lifestyle // In: Children, transport and quality of life (Ed. M. Hillman). London: Policy Studies Institute, 1993. P. 62–76.
22. Филипова А.Г. Социальная инфраструктура для детей: объективные и субъективные оценки (на примере Приморского края) // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 4. С. 115–122.
23. Федеральная служба государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primstat.gks.ru/> (дата обращения: 21.09.2017).
24. Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии. М.: Стратегия, 1998. 224 с.
25. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 208 с.
26. Купряшкина Е.А. Применение индексов в исследовании уровня детской независимой мобильности в городской среде // Сборник Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР». Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2017. С. 45–48.
27. Обработка данных: синтаксис и программирование [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data-p.ru/obrabotka-dannyih/sostavlenie-sintaksisa-syntax-i-programmirovaniye-spss-skriptov-sax-basic/> (дата обращения: 17.01.2018).

**PECULIARITIES OF CHILDREN'S INDEPENDENT MOBILITY IN THE CITIES
OF THE PRIMORSKY KRAI***E.A. Kupryashkina*

Far Eastern Federal University

In the studies of foreign authors, children's independent mobility is understood as independent physical movements of children in their district, city, etc. Related notions include active mobility, mobile environment, automotive mobility, etc. Scientists consider such characteristics of children's movements as the presence of companions – children or adults, the possibility for the child to determine the route independently, the use of public transport, the regularity of walks, etc. Children's independent mobility has a positive influence on their physical, social, cognitive and emotional development.

The purpose of this study was to examine the peculiarities of children's mobility in the cities of the Primorsky krai and to reveal the levels of children's independent mobility. The survey involved 448 children and adolescents aged 9-15 years living in small, medium, and large cities of the Primorsky krai. The method of indexes allowed us to reveal the levels of children's independent mobility and to describe its features by conducting comparative analysis of gender, age and territorial aspects using the SPSS Syntax software. Based on the data obtained, we proposed some recommendations on changing the urban environment to improve its comfort and safety.

Keywords: sociology of the city, sociology of childhood, children's independent mobility, levels of children's independent mobility, method of indexes.

УДК 316

ОТЦОВСКАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В СЕМЬЯХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

© 2018 г.

А.Л. Янак

Янак Алина Леонидовна, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
alinayanak91@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 30.03.2018**Статья принята к публикации 27.04.2018*

Рассматриваются результаты авторского исследования, задачи которого состоят в изучении особенностей отцовско-детских отношений в семьях различных типов, выявлении уровней, факторов и форм родительской вовлеченности отцов. Исследование выполнено на основе интервью с отцами, воспитывающими детей в различных типах семей (семейных структур): полных (моногамных) семьях, монородительских отцовских семьях, постразводных семьях, повторнобрачных (сводных) семьях, незарегистрированных союзах. Представлены следующие модели отцовства: отцовство в полной семье, отцовское монородительство, постразводное нерезидентное отцовство, отчимы, отцовство в сожительставах, отцовство в смешанных (сводных) семьях. Выявлены институциональный / внешний, внутрисемейный и личностный уровни факторов вовлечения отцов в выполнение широкого спектра функций, особенно «новых», несвойственных традиционному отцовству. Рассмотрены интенциональный / осознанный и вынужденный / пассивный виды отцовской вовлеченности, некоторые особенности отцовской активности в различных семейных структурах, типологизировано участие разведенных отцов-нерезидентов в жизни детей. Выявлены признаки разделения категорий «вовлеченность в воспитание и заботу о детях» и «включенность отцов в домашнюю работу» для более глубокого дальнейшего анализа явлений.

Ключевые слова: трансформация отцовства, модели отцовства, вовлеченное отцовство, факторы отцовской вовлеченности, семейная структура.

Введение

Возникновение и развитие модели вовлеченного отцовства являются результатом качественных изменений субинститутов родительства и супружества в контексте трансформации гендерных и, соответственно, семейных ролей. Современные брачные партнеры стремятся к равномерному, эгалитарному распределению родительских функций, домашних обязанностей, экономической нагрузки. В то время как женщины укрепляют позиции в публичной сфере, отцы либо маргинализируются как родители, либо адаптируются к новым условиям и вовлекаются в семейные процессы: уход за детьми, их воспитание и выполнение домашней работы. С этой точки зрения, исследование факторов, способствующих позитивной родительской интеграции отцов, приобретает широкую актуальность и практическую значимость.

Основными критериями отцовской вовлеченности, как правило, выступают ответственность, контактная (физическая) и психологическая доступность, внимание к семейным потребностям, самоидентификация и саморефлексия в роли отца, формирующие родительский потенциал и компетентность мужчин [1]. Формами отцовской вовлеченности могут быть:

поддержка супруги во время беременности, родов и постродовой период; внимание к гигиене ребенка, забота и уход (кормление, смена подгузников/ белья, прогулки); доверительное и эмпатическое общение; гибкий контроль; реализация совместных досуговых практик; профилактика и решение проблем, конфликтов; выполнение хозяйственно-бытовых функций [2]. Цель данного исследования – выявить особенности, детерминанты и формы родительской вовлеченности отцов в семьях различных типов.

Методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили глубинные интервью ($n=46$), проведенные автором с 2013 по 2017 г. с отцами – представителями различных типов семей, проживающими в Нижегородской области. В выборку включены информанты в возрасте от 24 до 57 лет, из них 7 отцов – представителей полных (моногамных) семей, 8 – отцы-монородители (из нуклеарных и расширенных семей), 9 – отцы/ отчимы, воспитывающие детей в повторнобрачных семьях, 14 – разведенных нерезидентных отцов, 8 – отцов/отчимов, воспитывающих детей в незарегистрированных союзах. Для обработки был использован метод контент-анализа с привлечением

специализированного программного обеспечения ЛЕКТА. Объем базового словаря составил более 96 000 лексем, из которых были выделены 185 семантических цепочек, отражающих различные аспекты отцовской роли. В результате анализа были получены 20 факторов, позволяющих объяснить и описать явление отцовской вовлеченности в семейные процессы. Объясняющая способность модели 23%. Группировка полученных факторов позволила выявить уровни детерминант вовлеченности отцов.

Детерминанты макроуровня

Макродетерминанты представляют собой факторы отцовской семейной вовлеченности институционального характера: глобальные тенденции в сфере семьи и брака; гендерные режимы и режимы социальной политики; экономическая и политическая ситуации в стране; ситуация на рынке труда [3–5].

Во многом диверсификации семейных функций мужчин способствовали показатели (интенсивность, оплачиваемость, престижность, напряженность) трудовой занятости женщин (матерей) [6]. Женская профессиональная мобильность имеет два основных аспекта. Во-первых, присутствие матери дома сокращается, поиск и активизация внутренних ресурсов для эффективного сочетания материнства, замужества и карьеры удаются не всем и не всегда, соответственно формируется потребность в дополнительном субъекте заботы о доме и детях или поддерживающем поведении со стороны близких. Во-вторых, это обеспечивает заработок, участие в формировании (не только распределении) семейного бюджета, позволяет выполнять роль кормильца, снижает экономическую зависимость от мужчины.

Чем более развито общество, тем лояльнее взгляд на карьерные притязания женщин, разнообразнее сферы их реализации, шире и доступнее каналы вертикальной мобильности, более развернута инфраструктура внешних институтов заботы и вероятнее эгалитарный тип распределения супружеской власти, родительских и домашних обязанностей. Современное супружеское взаимодействие зачастую оказывается гендерно нейтральным, договорным, ситуативным, взаимодополняющим.

Поддерживающими отцовскую вовлеченность макродетерминантами в данной работе рассматриваются: а) распространенные в обществе взгляды (общественный запрос на родительские и хозяйственно-бытовые «услуги» отцов); б) режимы социальной политики и гендерные режимы (поддержка отцовской родительской

активности) [7; 8]; в) институционализация заботы и профессионализация родительства (вариативность и развитость инфраструктуры институтов социализации, разделяющих родительскую нагрузку или содействующих формированию необходимых родительских компетенций, безболезненному включению отцов в приватную, семейную жизнь [9; 10]).

Распространенные в обществе взгляды. С одной стороны, роль добытчика остается значимой как для мужчин, так и для женщин, как для общества в целом, так и для семьи в частности. С другой стороны, материнство и роль хранительницы домашнего очага по-прежнему остается для большинства женщин обязательной или приоритетной сферой самореализации. Таким образом, если мужской «константой» являются работа и материальное обеспечение, то женской – дети и хозяйство. На фоне этих постоянных развитие, трансформация и интерпретация таких переменных, как эмоциональная и физическая доступность отца, заинтересованность отцов в уходе за детьми, решении их проблем, стремление женщин построить карьеру, откладывание материнства, могут варьироваться в разных странах, регионах и даже городах. При этом родительская вовлеченность отцов может рассматриваться как компенсаторный ресурс вследствие низкого заработка, уровня образования мужчины, выполнения им низкоквалифицированного или непрестижного труда, безработицы (или несоответствия работы профессиональным предпочтениям), ограниченности каналов для самореализации [4] (негативная, депривующая коннотация) или, наоборот, как референтная сфера самоактивизации (позитивная коннотация).

Режимы социальной политики и гендерные режимы являются индикаторами инклюзивного потенциала, «лояльности» [4] и/или «дружественности» [10] среды (городского пространства, рынка труда, рабочего места) по отношению к родителям. Например, в странах Скандинавского региона (включая Исландию, Финляндию) ориентированное на «универсализм и эгалитаризм» [8] государство в одинаковой степени поддерживает и «оплачивает» и материнство, и отцовство, предоставляя мужчинам право использования оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком. При этом реальное использование отпуска во многом зависит от уровня образования мужчины, сферы его трудовой занятости, формы собственности предприятия, наличия и стабильности работы партнерши/ супруги [11]. В контексте семейной стабильности и заботы о детях констатируются положительные последствия использования мужчинами «квот для

пап»: физическая и эмоциональная устойчивость матерей, снижение внутрисемейной конфликтности, сохранение матерями своих рабочих мест и пр. [12].

В России законодательство также гарантирует и обеспечивает различного рода преференции «семейным мужчинам»: право на отпуск по уходу за ребенком, получение социальной поддержки в виде пенсий по случаю потери кормильца, пособий и материнского (семейного) капитала. При этом российские отцы не спешат ими воспользоваться, поскольку существуют патриархальные стереотипы, образ гегемонной маскулинности, базирующийся на самоутверждении мужчины преимущественно в публичной сфере, бизнес не ориентирован на мужчин с семейными «императивами». В то же время мужчины все более активно транслируют эти императивы в рамках гражданских инициатив, отцовских движений, которые не только способствуют развитию практик супружеско-родительского партнерства, но и представляют собой одну из «сфер контроля или ресурс для выстраивания гегемонной маскулинности» [13]:

Много читал про различные центры помощи неполным семьям. Знаю один, который находится на Алтае, также слышал о «Папаленде», «Матрулечки Москвы». Мне кажется, тема «одиноким папа» сейчас остро стоит в нашем обществе. Я наблюдаю по ТВ и интернету, что проходят исследования, выявляют такие семьи. Хорошо, что стали говорить о папах, а не только о мамах (М., 40 лет, самостоятельно воспитывает двоих детей после развода);

Мужики иногда скучают от того, что какие-то собрания не прошли, где-то не поучаствовали... Один папа обратился за помощью не финансовой, а там тяжелая ситуация, развод, разногласия... Он говорит: «Я вижу единственную организацию – вашу, которая как-то способна помочь защитить мои отцовские права». Конечно, мы уже как правозащитные... масштаб организации вырос уже достаточно сильно (М., 44 года, воспитывает 4 детей в полной (моногамной) семье; председатель Совета отцов г. Нижнего Новгорода).

Детерминанты мезоуровня

Мезодетерминанты опосредованы различными семейными и внутрисемейными характеристиками, прежде всего типом семейной структуры.

Тип структуры семьи определяет степень и наполненность отцовского участия в семейных процессах. В исследовании приняли участие мужчины, воспитывающие детей в полных (моногамных) семьях, повторнобрачных и сводных

семьях, незарегистрированных союзах, неполных семьях (отцовское монародительство), постразводных семьях (нерезидентное отцовство). При этом информантами выступали как биологические папы, так и отчимы.

Структурная полнота семьи в целом способствует стабильности внутрисемейных отношений, как интенциональному (осознанному) вовлечению отцов в заботу о детях, так и вынужденному (пассивному):

Около 6 месяцев я, можно сказать, один день в неделю виделся с ребенком, работал в другом городе. Сейчас я здесь, рядом... Я очень рад, потому что я всегда стремился к нему. Мы гуляем вместе, играем, мы даже готовим вместе... Недавно пекли пиццу... Саву [сына] под мышку. Он тесто уже пытается раскатать. ... Я жаворонок, встаю рано, Сава тоже встает рано. Он меня сразу будит, я его забираю, спускаюсь вниз, там с ним играю, кормлю его (М., 27 лет, воспитывает сына в полной (моногамной) семье);

Иногда я оставался с ним [сыном] один на один. В общем, я все мог делать: и покачать, и купали вместе его, и пеленки я менял, стирал, кормил, и гулять вместе ходили... Ну, главное, конечно, игры. Мне интересно с ним было. ...Я всегда старался его отводить или хотя бы забирать с тренировок. Многие вещи мы делали и делаем все вместе: походы куда-то, совместный просмотр кино... (М., 41 год, воспитывает сына в незарегистрированном союзе);

Помыть посуду, приготовить обед, вымыть пол – я не считаю, что это должен делать мужчина. [В плане ухода за детьми как?] В целом, она пытается навязать мне это... Все-таки приходится, потому что она [супруга/ мать] работает. То есть укладывать детей приходится мне, и купать, и пр. В принципе, поменять памперсы и засунуть их в ванну – ничего сложного. И накормить, и покупать, и спать уложить – это все легко (М., 34 года, воспитывает 2 дочерей в полной (моногамной) семье).

При этом, согласно материалам интервью, осознанная вовлеченность отцов в полных (моногамных) семьях опосредована такими мотивирующими факторами, как, например, планирование деторождения, супружеская любовь, многодетность.

В повторнобрачных / сводных семьях активное или вынужденное участие отчимов в жизни детей от предыдущего союза супруги / партнерши обусловлено необходимостью сохранения баланса (или налаживания) супружеских отношений с партнершей/супругой [14]:

Я с трёх лет его [пасынка] воспитываю... Ну, вот с проблемами он к маме. Я очень... су-

ровый. И он боится иногда меня расстроить, он боится каких-то... трусоват. Приходится и повоспитывать, что называется, сурово. Ничего, по-всякому бывает... здесь у нас [с супругой] полное согласие – если что-то говорит один родитель, второй не перечит. Понимание воспитания у нас одинаковое (М., 42 года, воспитывает пасынка и сына в повторном браке);

У нас с парнями [сыновьями второй жены от предыдущего брака] сложились хорошие отношения. В течение года совместной жизни я пытался узнать побольше о своей жене и ее сыновьях. Мы устраивали семейные мероприятия, ... нашли с ними общие интересы, ... общие темы для разговора. Как-то пытались ужиться (М., 41 год, воспитывает 2 сыновей супруги от предыдущего союза, общую дочь, поддерживает отношения с дочерью от первого брака).

В целом практики вовлеченности отчимов могут варьироваться в зависимости от качества отношений «отчим – ребенок», уровня взаимной заинтересованности, присутствия биологического отца в жизни ребенка, уровня взаимодействия между отцом и отчимом и других факторов. Мотивирующими вовлеченность отчимов моментами могут являться: позитивные впечатления от знакомства с ребенком; поддерживающее и посредническое поведение матери, доверие; официальное усыновление ребенка / детей; негативная роль или отсутствие биологического отца в жизни ребенка / детей:

Он [пасынок] был маленький, разговорчивый, общительный. Остановить его было очень трудно, сам шел на разговор. Ну, он располагал к общению... Я брал его у бабушки с дедушкой, и мы шли встречать Свету [жену] с работы. То есть доверяли... [Когда он начал Вас звать папой?] Быстро. Примерно месяцев через семь. Неожиданно было... Никто не готовился, никто не учил, как это должно быть... (М., 50 лет, состоит в повторном браке, воспитывает пасынка, поддерживает отношения с сыном от первого брака);

Когда я у них жил... мы с ним особо не общались, потому что мать воспитывает сама сына... Ее мать неоднократно пыталась воспитывать... В общем, парень растет воспитанным женищиной. Если бы мы не расстались, я бы занялся воспитанием... Ребенком надо заниматься... заниматься воспитанием. А уже потом покупать всякие игрушки... (М., 25 лет, имеет опыт сожительства и общения с ребенком партнерши от предыдущих отношений).

Причем некоторые мужчины воспринимают повторный брак как возможность исправить негативный родительский опыт в роли отчима или «новом» отцовстве [13; 14].

Неполнота семьи расширяет возможные сценарии отцовского участия в семейных про-

цессах [15]. В монородительских отцовских семьях, возникших, например, в результате овдовения, наблюдаются в основном вынужденные включение в хозяйственно-бытовое обслуживание дома и вовлечение в уход за детьми, эмоциональный контакт, эмпатическое общение, контроль [16]:

По дому всем занималась жена, я только зарабатывал деньги, ну, и мужскую работу делал: прибить, отремонтировать. Первое время [после смерти жены] дома было грязно, куча нестиранного белья, еда на скорую руку. Когда отошла Настя [дочь] от смерти мамы, взяла все под свой контроль, и теща приехала, подучила ее готовить и убираться. Но я понимал, что все сваливать на дочь нельзя, ведь она еще ребенок, причем ученица... Я предложил разделить обязанности по дому. Пришлось учиться, ведь не всегда Насте удастся приготовить ужин, прихожу с работы и готовлю. ...В моем ведении – стирка и глажка... (М., 48 лет, воспитывает 2 дочерей, вдовец);

У нас с сыном доверительные отношения, я предпочитаю разговаривать с ним и объяснять словами, ни в коем случае не ремнем, это неприемлемо в нашей семье, мой отец ни разу не ударил меня, все всегда решалось словесно... я больше его учу, воспитываю (М., 32 года, воспитывает сына, вдовец).

Разведенные отцы-монородители, добившиеся права единоличной опеки над ребенком/детьми после развода, в большей степени проявляют родительскую инициативу на всех этапах жизненного цикла вновь образованной семьи:

Суд постановил, что ребенок должен проживать с отцом. Я доказал, что она [бывшая жена] плохая мать. ...У меня был хороший адвокат. Мы с ней договорились, что несколько дней в неделю сын живет у нее, все остальное со мной. ...Ребенок должен быть опрятно одет, чистенький, всё выглажено. ...Читаю литературу, педагогическую. Ведь необходимо знать, когда и в каком количестве нужно и можно давать ребенку свободы, необходимо изучить, в какие игры он играет, может ли играть в данном возрасте, с какого возраста может ходить в магазин, как приучить к карманным расходам и т.д. Решил заняться саморазвитием, очень хочется быть хорошим папой (М., 38 лет, разведен, самостоятельно воспитывает сына после развода).

В авторском исследовании отцы-нерезиденты составили самую многочисленную группу (учитывая мужчин, выполняющих родительские обязанности по отношению к детям супруги/партнерши или совместным детям в повторном браке): 22 человека. Функционирование постразводного взаимодействия нерезидентных отцов с бывшей супругой и ребенком / детьми

(постразводной материнской семьей), как правило, отличается минимизацией включенности мужчины в хозяйственно-бытовые отношения и вариативностью практик вовлеченности в воспитание и заботу о ребенке / детях. Лишь в одном случае дочь от первого брака проживает с отцом в его «новой» семье:

У нас [с первой женой] не сложились отношения, как бы это банально ни звучало. Мы были молоды, страсть кипела, появилась Дашка [дочь]... Но когда страсти поутихли, начались разногласия, заметили друг в друге недостатки... В интимном плане тоже разлад. Честно говоря, начал изменять. ... Хотя потом узнал, что и жена тоже. В итоге мы расстались, она ушла к другому мужику, дочь оставила со мной (я хорошо зарабатывал и зарабатываю, у меня бизнес). ... Я женился... Даша быламышленным ребенком, интересующимся, жена молодая, они подружились. Помогало то, что новая жена гораздо младше меня, они стали якобы подругами с Дашей. С ней (женой) дочь делится, но жена не выдает подругу (М., 46 лет, воспитывает 2 детей в повторном браке: дочь от предыдущего союза и дочь от актуальной супруги).

Родительская вовлеченность нерезидентных отцов может типифицироваться как:

- активная (максимальное сохранение и продолжение реализации родительского функционала, в том числе гигиенический уход за ребенком во время встреч/ ночевки/ совместного проведения выходных, каникул/ совместных поездок):

Бывает, к себе забираю, она [дочь] у меня живет. Крайний раз в неделю она у меня. ... Я в ней души не чаю, свет в окошке у меня. ... Я говорю: «Дочь, мы с тобой гуляем со скоростью полторы тысячи рублей в час». На днях ходили ей одежду покупали. «Пап», – говорит, – «мне с тобой больше нравится по магазинам ходить, чем с мамой». ... Сколько она с меня этот iPhone трясла. Но все-таки на день рождения... купил. Она уже чехол заказала, стекло заказала. Сейчас ходит с новым телефоном, довольная (М., 43 года, дважды разведен, контактирует с сыном от первого брака и дочерью от второго);

- выборочная или частичная (участие в реализации отдельных родительских функций):

...Я, конечно, Катюку [младшую дочь] забирал к себе на выходные, иногда и посреди недели, на праздники, утренники тоже ходил. С Танькой [старшей дочерью] тоже виделась. Когда девчонки у меня ночевали, я был рад: просыпаешься – кто-то поспывает, сразу становится спокойно... Ира [бывшая жена] не подавала [на алименты], только иногда просила помочь: например, когда Танька в институт поступила, договорились, что я буду вклады-

ваться. Пару раз Катюку на юг в лагерь отправляли, у меня на работе путевку можно было со скидкой взять. Ну, я не говорю, там, девчонкам на праздники, на карманные расходы подкинуть (М., 55 лет, состоит в повторном браке, контактирует с дочерьми от первого брака);

- факультативная (необязательная и нерегулярная), которая может представлять собой особый этап развития отцовско-детских отношений в длительной постразводной перспективе или результат образования матерью или отцом повторнобрачной семьи:

Я ребёнку плачу алименты. Т.е. встречаемся только вот так, ... очень редко встречаемся, но тем не менее. ... Так сложилось, что я предлагал старшей [дочери от первого брака] познакомиться с младшей [дочь от второго брака], но она не захотела (М., 40 лет, воспитывает дочь в повторном браке, изредка видится с дочерью от предыдущего брака);

- отсутствующая (отсутствие или прекращение контактов):

... А когда маленький был, он [сын] радовался, когда видел меня. А сейчас он почти не помнит меня. ... Собственно, я заплатил [алименты] одно время, пока меня хоть как-то пускали к ребенку. А как меня перестали пускать к ребенку, я задался вопросом: почему тогда я должен платить алименты? И кому они достаются? Если моему ребенку, то я хочу подтверждение иметь, что он там живет нормально (М., 33 года, разведен, не поддерживает контактов с сыном).

По результатам исследования на основе интервью, наиболее распространенными моделями вовлеченности разведенных отцов-нерезидентов в жизнь их детей являются выборочная (частичная) и факультативная. Как правило, родительские функции ограничиваются (не)регулярной выплатой алиментов или разовыми платежами, или периодическими встречами, звонками.

Соответственно, участие нерезидентных отцов может классифицироваться по формам, то есть функциональному наполнению, и по интенсивности, то есть объему и частоте. При этом данное участие может быть мотивировано как любовью к ребенку и ответственностью за него, так и желанием восстановить уязвленную разводом маскулинность [13]; регламентировано устным или документальным соглашением между бывшими супругами, или стихийным; опосредованным матерью ребенка / детей. Речь идет о запретах на общение между отцом и ребенком/ детьми, связанных с девиантным поведением отца в браке или нежеланием вмешательства бывшего супруга в личное пространство, жизнь с новым партнером:

Я заваливался домой ночью, будил пьяными криками свою маленькую дочь. Она ведь меня даже боялась, когда я приходил пьяный, а если она еще и не спала, она бежала в свою комнату и пряталась от меня в шкаф. Ленке [бывшей жене] тоже было страшно... Потерпела Ленка полгода, ... взяла дочь, собрала некоторые вещи и уехала куда-то. ... Вернулась она только спустя месяц со словами: «Не вижу смысла дальше продолжать с тобой существовать. Мы разводимся». ...Мы развелись. ...Она оборвала связь со мной со всех сторон: заблокировала телефоны, она просто как будто исчезла. Я приходил к ее родителям, но, увы, они меня возненавидели и даже не открывали дверь. Я еще долго искал способы связаться с ней, но каждый раз это заканчивалось неудачей (М., 41 год, разведен, 10 лет не видел дочь);

Да, у нас в первом браке тоже мальчик, с которым не дают вообще никак общаться. Ему 7 лет. Жду, когда вырастет. У всех абсолютно по-разному, но есть большая вероятность, что когда дети, мальчики особенно, вырастают, они даже... Ну, ищут своих отцов (М., 33 года, воспитывает сына в повторном браке, с сыном от предыдущего союза контактов не поддерживает).

В целом материалы исследования показывают, что вне зависимости от типа семьи важным фактором активизации интенционального / осознанного участия отцов в жизни детей является фактическое/ номинальное присутствие матери, даже если речь идет о нерезидентном материнстве. В то же время отсутствие матери в родительском ядре семьи (вдовой отцовской семьи) провоцирует сильнейший стресс, с одной стороны, замедляющий процесс адаптации к новому статусу и изменению роли, с другой – вынуждающий активизацию родительских ресурсов.

Число детей в семье. Чем больше детей в семье, тем вероятно и объективно выше отцовская вовлеченность (осознанная, с умелым распределением нагрузки или вынужденная) в воспитание детей, причем когда дети в семье от разных браков, данная закономерность сохраняется. Безусловно, интенсивность и формы этого участия могут варьироваться (например, интенсификация занятости отцов с целью увеличения дохода может снижать качество ухода за детьми, частоту и продолжительность живого общения, которое, однако, может компенсироваться за счет коммуникации через мессенджеры и чаты):

Какой бы бизнес-проект ни был, ... у меня есть следующие мероприятия, в том числе поход с сыном к врачу, допустим. ...В мессенджере, «ВКонтакте» есть наша группа семьи, где мы говорим друг другу «доброе утро», кто что кушал на завтрак, у кого какие стоят задачи,

кто что сделал, какие успехи, достижения, либо проблемы и трудности. То есть в режиме онлайн, никто не заставляет, и в то же время это делается... с какими-то фотками (кто-то на работе, кто-то в академии, кто-то в садике, жена дочку фотографирует)... Если у нас дети [старшие сыновья, проходящие обучение в военной академии в другом городе] день не отметились в группе, не отзвонились, у нас уже с мамой возникают вопросы... (М., 44 года, воспитывает 4 детей в полной (моногамной) семье; председатель Совета отцов г. Нижнего Новгорода).

Возраст детей и этапы взросления детей. Чем больше ребенок понимает и умеет, тем он интереснее для отца. Новорожденные и грудные дети могут вызывать растерянность и дискомфорт, нарушающий привычный образ жизни и распорядок дня: недосыпы, зачастую необходимость поиска дополнительного заработка и т.д.:

Ему [сыну] 8 месяцев. Вот, например, месяцев, наверное, до 6 мне было вообще тяжело, я просто не понимал, что с ним делать. Сейчас он ползает, пытается вставать, он стал гораздо интереснее, мне с ним интересно проводить время, он начал что-то... какие-то звуки издавать. И вообще он много перемещается, а раньше он только лежал на руках, и понять, что ему нужно, мне было практически невозможно. В любом случае, чем взрослее он будет, тем больше желания будет с ним проводить время. ... Сейчас мне хочется побыстрее прийти с работы домой, чтобы на него посмотреть... (М., 29 лет, воспитывает сына в полной (моногамной) семье).

Среди факторов вовлеченности мезоуровня также можно выделить гендерную принадлежность ребенка (отмечаются особенности взаимодействия с девочками); качество межпоколенных отношений; практики давления и воздействия со стороны близкого окружения; материальное положение и профессиональный статус отцов; образовательный уровень семьи в целом и отцов в частности.

Детерминанты микроуровня

Микродетерминанты, включая личностные родительские установки, ценностные ориентации и мотивы, степень готовности к отцовству, по сути, представляют собой процесс принятия личностью своей родительской роли. Зачастую личностные родительские установки формируются под воздействием как позитивного, так и негативного опыта собственных родителей:

Мама родила меня, ей было 32 года. То есть я довольно-таки поздний ребенок. Я единствен-

ный ребенок в семье, и я очень благодарен своим родителям, нисколько не жалею... Я просто считаю, что чем взрослее человек, тем больше он может дать ребенку... Он желанный, он уже прям нужен. Я почему изначально и сказал про своих родителей. Может быть, их опыт как-то тоже на меня подействовал. ... Буквально, наверное, года 2 назад я начал осознавать, что мне нужен ребенок. До этого у меня таких мыслей в голове не было, я боялся трудностей: финансовых, временных (М., 29 лет, воспитывает сына в полной (моногамной) семье);

У меня только мать. [Отец] оставил мать, когда она еще меня носила. Он... приходил несколько раз, когда я еще малым был, но я даже не помню этого. Мать на трех работах пахала: медсестрой, вахтершей, дворником... За все бралась! А он купил коляску, принёс каких-то продуктов, а потом больше не появлялся... Молодость – не оправдание! Надо думать о последствиях. Потом из-за таких папаш дети ненормальные вырастают: или поступают так же, или всеми правдами и неправдами пыжались, чтобы не быть такими, как они... Это просто в болезнь превращается! ...Детей я никогда не бросал и не брошу, они всегда будут обеспечены (М., 36 лет, воспитывает 2 детей в полной (моногамной) семье).

В данном случае, на субъективные компоненты «принятия» могут также влиять социальный контекст, уровень социального самочувствия и удовлетворенность жизнью и т.д. [17].

Заключение

Вовлеченное отцовство – комплексная модель активизации родительского потенциала современных отцов или интеграции семейно дезадаптированных отцов на макро-, мезо- и микроуровнях. Макроуровень детерминант отцовской активизации представлен институциональными/ внешними показателями (например, режимы социальной политики и гендерные режимы государства, распространенные в обществе взгляды, инфраструктура заботы). Мезоуровень – (внутри)семейными показателями (например, типы семейных структур, количество и гендерная принадлежность детей, межпоколенческое взаимодействие, материальное и профессиональное положение семьи). Микроуровень – личностные показатели (например, собственные родительские установки и ожидания, воспитательные траектории, родительский опыт, внутренняя готовность к родительству). Результаты интервью, проведенных автором, показывают, что наибольший мотивирующий отцовскую вовлеченность потенциал проявля-

ется на мезоуровне. Тип семейной структуры прямо или опосредованно определяет участие отцов в заботе о детях. В семьях с двумя родителями отцы объективно активнее и качественнее включены в родительство, нежели в распавшихся/ осколочных семейных ячейках. Важнейшим компонентом конструирования отцовской вовлеченности является материнское поведение, выражающее поощрение, навязывание или запрет отцовско-детских контактов. В постразводных отношениях отцы-нерезиденты обладают правом выбора/ принятия родительских траекторий и форм взаимодействия, вплоть до отказа от продолжения родительской роли или смирения с запретом матери ребенка/ детей. Отсюда типами вовлеченности разведенных отцов в воспитание детей могут следующие: активная, выборочная/ частичная, факультативная и отсутствующая.

Типы семейных структур позволяют специфицировать и классифицировать отцовскую вовлеченность на интенциональную/ осознанную и вынужденную/ пассивную.

Расширенное рассмотрение отцовского участия в рамках различных семейных структур, на наш взгляд, требует разделить категории «вовлеченность в воспитание и заботу о детях» и «включенность в домашнюю работу». При этом важно определить, существует ли корреляция между уровнями детерминант и степенью, типами и формами вовлеченности отцов в семьях различных типов: что сильнее – общественный запрос, семейный или внутриличностный императивы?

Список литературы

1. Cabrera N., Tamis-Lemonda C., Bradley R. et al. Fatherhood in twenty-first century // Child Development. January/ February 2000. V. 71. № 1. P. 127–136.
2. Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.
3. Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75–89.
4. Борисова О.Н. Отцовская вовлеченность: индивидуальные и межстрановые различия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6 (142). С. 263–286.
5. Римащевская Н.М., Малышева М.М., Пискалова-Паркер М.П. Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества // Народонаселение. 2017. № 2. С. 28–41.
6. Михеева А.Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. 156 с.
7. Сизова И.Л. «Новое отцовство» в свете традиций и инноваций семейной политики в Европе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 1 (60). С. 86–102.

8. Липасова А.Н. Отцовство в гендерных режимах развитых стран // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 2 (79). С. 34–47.
9. Чернова Ж.В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Т. 9. № 3. С. 295–318.
10. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Профессионализация родительства: между экспертным и общественным мнением // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14. № 4. С. 521–534.
11. Липасова А.Н. Свобода, равенство и отцовство: опыт скандинавских стран. *Fatherhood in the Nordic Welfare States*. Edited by Gudny Bjork Eydal and Tine Rostgaard/ Bristol: Policy Press. 2015. 409 P. ISBN 978-1-44731-047-1 // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13. № 2. С. 345–356.
12. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // *Социологические исследования*. 2017. № 7. С. 116–125.
13. Иванова Е.А. «Я себя не отношу к хорошим папам, в лучшем случае, к нормальным»: как российские мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. XX. № 5. С. 132–150.
14. Шевченко И.О. Сводные семьи: отношения и проблемы // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2016. № 4 (6). С. 61–68.
15. Егорова Н.Ю., Янак А.Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2014. № 2 (34). С. 42–46.
16. Саралиева З.Х., Отделкина Т.Н., Янак А.Л. Родительство как ценность // *Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства: Коллективная монография / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. С.В. Рязанцева и д.соц.н., проф. Т.К. Ростовской*. С. 345–377.
17. Мальцева Д.В. Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2010. № 5 (99). С. 272–289.

FATHER INVOLVEMENT IN DIFFERENT TYPES OF FAMILIES

A.L. Yanak

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article presents the author's research results – interviews with fathers who bring up children in different types of families (family structures): monogamous families, single-father families, separated families, stepfamilies, unregistered unions (cohabitation). The following fatherhood models are considered: fatherhood in a monogamous family, lone fatherhood, divorced non-resident fatherhood, stepfathers, fatherhood in cohabitation, fatherhood in consolidated families. We have revealed the institutional/external, family and personal levels of father involvement factors in a wide range of functions, especially in «new», atypical family functions. Intentional/perceived and forced types of fathers involvement have been considered and the types of participation of divorced non-resident fathers in the children's lives have been identified. To provide a better analysis of the phenomena, it was proposed to make a distinction between the categories «father involvement in the upbringing and care of children» and «father inclusion in homework».

Keywords: transformation of fatherhood, fatherhood models, involved fatherhood, factors of fatherhood involvement, family structure.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ВЗАИМНОГО ОЦЕНИВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ МЕНЕДЖМЕНТУ

© 2018 г.

О.В. Арлашкина

Арлашкина Ольга Владимировна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры социологии
Новосибирского государственного университета экономики и управления
o_arlashkina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.03.2018

Статья принята к публикации 23.04.2018

На основании анализа российских и зарубежных источников определяются ключевые характеристики взаимного оценивания как метода обучения. Взаимное оценивание рассматривается, с одной стороны, как традиционный метод, с другой – как часть прогрессивной методики обучения студентов вузов. Автор анализирует и обобщает преподавательский опыт применения метода взаимного оценивания, а также приводит собственные кейсы по использованию взаимного оценивания в преподавании управленческих дисциплин (таких, как «Управление изменениями» и «Корпоративная социальная ответственность»), а также в процессе внеучебной деятельности. На основании проведенного исследования сформулированы выводы о преимуществах и условиях взаимного оценивания как специфической обучающей методики, а также рекомендации по его применению. В обучении менеджменту метод взаимного оценивания позволяет наилучшим образом формировать важные профессиональные компетенции по анализу выполненной работы подчиненных и предоставлению им обратной связи.

Ключевые слова: взаимное оценивание, взаимное рецензирование, активное обучение менеджменту, деловая игра, управленческие компетенции, коннективизм, дистанционное (электронное) обучение.

Введение

Обучение будущих менеджеров часто сталкивается с вызовами, которые определяются спецификой профессии. Успешная профессиональная самореализация управленца определяется тем, насколько он готов выполнять ключевые функции: планирование, организацию и контроль совместной деятельности, которые невозможны без предоставления обратной связи исполнителям. Это обеспечивает системность управления и способствует качественной самоорганизации в условиях новой экономики знаний. Вследствие этого особую важность приобретают методы обучения менеджменту, способствующие формированию таких значимых компетенций, как умение поставить задачу и организовать ее исполнение и контроль, а также развитие способности к оценке и самооценке трудового вклада.

Однако формирование готовности к подобным управленческим действиям у студентов очной формы обучения наталкивается на трудность в создании среды, близкой к профессиональным условиям. Учебная практика в офисах и компаниях не позволяет освоить профессио-

нальные управленческие компетенции должным образом по причине объективной невозможности осуществлять деятельность в роли руководителя. Эта проблема может быть частично преодолена в рамках заочного и дополнительного образования при условии наличия у обучающихся прошлого и текущего управленческого опыта, что, к сожалению, тоже не всегда достижимо.

Как правило, в бизнес-школах и университетах, ведущих подготовку в области менеджмента, основной технологией обучения является имитация разработки и принятия управленческих решений, которая реализуется через кейс-технологии, деловые и ролевые игры и тренинги. При этом роль преподавателя управленческих дисциплин смещается в большей степени к тьюторской и менторской. Преподаватель становится скорее профессиональным консультантом для лиц, которые в будущем хотели бы стать руководителями или уже ими являются. В этих условиях его функция в оценивании студенческих работ может быть частично или полностью делегирована студенческой аудитории, что также позволит создать благоприятную основу для формирования у обучающихся спо-

способности к предоставлению обратной связи в процессе руководства и управления. Эту актуальную методическую задачу может решить внедрение взаимного оценивания (Peer Assessment (англ.)), имеющего сегодня широкое распространение в курсах МООС (англ.) – массовых открытых онлайн-курсах. Назначение метода – вовлечение студенческой аудитории в оценку работы своих коллег-соучеников.

Целью нашего исследования, результаты которого отражены в статье, является анализ специфики метода взаимного оценивания для определения основных условий качественного применения данного метода в обучении менеджменту. В ходе исследования мы осуществили исторический обзор подходов к взаимному оцениванию, рассмотрели его современную трактовку и виды. С помощью методов кейс-стади и включенного неформализованного наблюдения был изучен опыт использования метода взаимного оценивания в процессе обучения студентов вузов, в том числе и по направлению «Менеджмент». Проведенный анализ позволил разработать практические рекомендации по применению метода взаимного оценивания в обучении менеджменту.

Методология

Стоит отметить, что взаимное оценивание не является для педагогики новшеством; новацией является сама технология и ее свежая вариация – применение в профессиональном, в том числе дистанционном и сетевом, обучении. В рамках взаимного обучения – так называемой системы А. Белла и Дж. Ланкастера – взаимное оценивание является частью ролевой позиции ученика-«учителя» в английской школе начала XIX века. Более того, как отмечает Г.А. Цукерман, в истории европейской педагогики тенденция к взаимному обучению детей прослеживается почти непрерывно от ранней античности до середины XIX века. При этом, добавляет она, «создается впечатление, что сходные системы взаимообучения изобретались заново всякий раз, когда взрослые педагоги попадали в сложные обстоятельства и не справлялись своими силами» [1]. Сегодня с этим сталкиваются и российские преподаватели высшей школы. Так, М.П. Карпенко, В.А. Басов, Т.Ю. Семенова отмечают, что «в условиях резкого увеличения количества аттестуемых работ студентов оказалось, что даже в традиционных вузах становится весьма проблематичным оперативно организовать проверку необходимого количества работ <...> силами преподавателей» [2, с. 5]. Однако этот аспект не так важен, как то, что взаимное оценивание по-

вышает мотивацию и самостоятельность обучающихся и формирует навыки принятия решения, что будет показано далее.

В системе развивающего обучения В.К. Дьяченко одним из этапов является так называемое применение знаний на практике. Ученик, сдавший зачет по теории, получает задание (от учителя или сверстника) выполнить несколько упражнений на применение изученной теории. Проверка упражнений и разбор ошибок – центральный момент взаимообучения. Взрослый учитель зачастую дает образец проверки [3, с. 68–70]. Описанная технология – классический случай Peer Assessment, как он понимается большинством преподавателей, применяющих взаимное оценивание.

В английском языке слово *peer* имеет значение ‘ровня, равный (по положению, способностям), ровесник, сверстник’. Как часть термина *одноранговая сеть* термин *peer* обозначает сегодня также равноправного участника сети, который предоставляет сервисы другим ее участникам и сам пользуется их сервисами, участника раздачи в файлообменных сетях [4]. Полагая, что именно в таком значении термин *Peer Assessment* получил новую современную трактовку и стал активно использоваться в дистанционном обучении в массовых открытых онлайн-курсах (МООС), предназначенных для огромной аудитории, нуждающейся в обратной связи по качеству усвоения предлагаемого учебного материала. Так, например, бесплатный онлайн-курс профессора Стэнфорда Себастьяна Труна привлек студентов из 190 стран мира (всего 160 000 человек, из которых 28 000 успешно завершили обучение) [5, с. 26]. Соответственно, при организации дистанционного обучения в любых масштабах в настоящее время обеспечиваются технические и методические возможности создания обратной связи для обучающихся.

Применяемая таким образом технология Peer Assessment привела к созданию теории сетевого обучения, разработанной Дж. Сименсом и С. Даунсом и названной ими коннективизмом. Коннективизм опирается на концепцию сетей как сложных самоорганизующихся систем и рассматривает обучение как процесс подсоединения, развития и навигации внутри социальных и технологических сетей. Обучающая сеть организуется на трех уровнях: нейросети (мозг), концептуальный уровень (область знания или дисциплина) и внешний, социальный уровень (блоги, форумы, вики-страницы, социальные сети, базы данных, библиотеки, видео, подкасты и т.п.) [6]. В рамках такой сети «каждый обучающийся в курсе становится для других участников курса учителем» [5, с. 27]. Подобная

организация обучения перекладывает на участников курса часть обязанностей преподавателя. Таким образом, технология *Peer Assessment* становится необходимым условием современного цифрового обучения.

Зарубежные исследователи высоко оценивают значение *Peer Assessment* в процессе обучения студентов вузов. Так, например, Д. Карлесс раскрывает важную роль такого типа оценивания в рамках педагогической технологии Learning Oriented Assessment (LOA) – «обучающей оценки», которая предусматривает выдачу заданий с последующим развитием у студентов экспертного оценивания и их вовлечение в предоставление обратной связи по результатам выполнения заданий [7].

Стоит отметить, что в русскоязычной среде термин *Peer Assessment* пока имеет недостаточно устойчивые коннотации. Онлайн-переводчики определяют *Peer Assessment* как экспертную оценку, что, на наш взгляд, не отражает специфики употребления термина. В некоторых источниках встречается транслитерированный перевод *пиринговое оценивание* (*пиринг*, *пиринговая оценка*), определяющий ситуацию, когда каждый участник МООС должен проверить некоторое количество работ других участников курса, оценить их по ряду заданных параметров и написать свой отзыв, что учитывается при итоговой оценке [5; 8]. По нашему мнению, данный перевод неоправданно сужает область применения *Peer Assessment* и не учитывает историю его появления.

В профессиональной отечественной литературе последних лет данный термин также переводится как 'взаимное оценивание' [2; 9; 10]. Опираясь на анализ применения данного метода в процессе обучения и изученные нами источники, мы полагаем, что такой перевод наиболее точно отражает сущность *Peer Assessment*, и именно его будем использовать в своем исследовании.

Вслед за Ф. Садлером и Э. Гуд мы рассматриваем взаимное оценивание как такой процесс, когда студенты ставят соученикам оценку за задания или тесты по схеме, заданной преподавателем [4, р. 2]. Итоговая оценка при этом представляет собой среднее значение оценок, присуждаемых членами группы.

Вариациями или дополнением взаимного оценивания могут быть:

– взаимное комментирование как высказывание собственного мнения в форме рекомендаций, рассуждений в продолжение темы либо как опровержение в адрес автора работы (применяется в оценивании работ, для которых сложно сформулировать четкие критерии оценки, и

предполагает обязательный ответ автору комментария);

– взаимное рецензирование, которое предполагает развернутый и аргументированный комментарий в форме рецензии, составленной на основе заданных преподавателем критериев оценки работы [10].

Преподаватель сам определяет влияние взаимного оценивания на общие результаты обучения: формулирует рекомендации и критерии, на основании которых студенты составляют рецензии и оценивают работы своих сокурсников; устанавливает «вес» результатов взаимной проверки работ в итоговом балле за выполнение задания.

Результаты.

Анализ применения метода взаимного оценивания в обучении студентов направления «Менеджмент»

Обзор отечественных и зарубежных источников показывает, что в высшей школе накоплен определенный опыт применения метода взаимного оценивания, который требует анализа и оценки. В данной статье мы также делаем попытку критически осмыслить собственный опыт внедрения взаимного оценивания. Ключевым методом исследования является кейс-стади (анализ случаев). В ходе анализа рассматриваются особенности применения взаимного оценивания для обучения студентов вузов, а затем проводится обобщение и выделяются преимущества данного метода и условия его внедрения в практику преподавания управленческих дисциплин.

Как уже отмечалось, взаимное оценивание активно применяется при дистанционном (электронном) обучении. В отличие от тестов, являющихся инструментом формализованного контроля знаний, взаимное оценивание позволяет оценить виды работ, которые не поддаются автоматизированной проверке (эссе, дизайн-проекты, творческие работы, задания в виде программного кода, блок-схем, презентаций и т.п.). Для этого часто используется специальное программное обеспечение. Так, например, О.В. Максименкова и А.А. Незнанов презентовали программу PASA (Peer-Assessment System for Complex Artifacts), пилотное внедрение которой состоялось в 2014–2016 гг. на базе направления «Программная инженерия».

Анализ отзывов студентов продемонстрировал растущую оценку полезности от сессий взаимного оценивания (всего их было 3), более половины студентов оценило сам метод по 10-балльной шкале на 6 баллов и выше, только четверть из них поставила оценки от 1 до 3 бал-

Таблица 1

**Авторский опыт применения метода взаимного оценивания
в обучении дисциплинам профессионального цикла направления «Менеджмент»**

Дисциплина	Учебная ситуация	Особенности применения взаимного оценивания
Корпоративная социальная ответственность	Деловая игра «Мой социальный проект»: разработка в группах по 3–4 человека видения и миссии собственного социального проекта, определение его бенефициаров и источников финансирования	Алгоритм оценки студенты получают заранее от преподавателя. Каждый проект оценивается каждой группой. Применяются трехбалльная шкала и взаимное комментирование. Итоговая оценка – интегральная (среднее арифметическое оценок студентов и преподавателя). Полученные баллы переводятся в стандартную пятибалльную шкалу
Управление изменениями	Деловая игра «Разработка стратегии изменений»: разработка по заданию преподавателя оптимальной стратегии изменений в подгруппах, включающих не более 8 человек	Алгоритм оценки студенты получают заранее от преподавателя. Каждый проект оценивается каждой группой. Оценка по трехбалльной шкале за полноту и содержание работы (разработана преподавателем). Группа обосновывает оценку кратким текстом с учетом предложенных критериев. Итоговая оценка интегральная. Полученные баллы переводятся в стандартную пятибалльную шкалу

лов. Авторы эксперимента отметили ряд проблем, возникающих при применении взаимного оценивания на базе специального программного обеспечения:

- организационные (интеграция с учебными планами, программами и другими документами, обеспечивающими учебный процесс);
- технологические (интеграция специального ПО с существующими средствами поддержки учебного процесса);
- специфические (возникающие в контексте обучения разработчиков ПО) [9].

В целом взаимное оценивание активно используется преподавателями при организации совместной деятельности студентов в изучении различных дисциплин, например таких, как иностранные языки [11], математика [10], разработка программного обеспечения [8; 9; 12], а также экономика и менеджмент [2; 5; 13].

Как правило, для формирования управленческих компетенций чаще всего применяются интерактивные образовательные технологии, такие как деловые и ролевые игры, кейс-стади, тренинг, метод проектов. Стоит отметить, что применение данных технологий не исключает возможность использования взаимного оценивания. Напротив, данный метод органично дополняет все вышеперечисленные технологии, позволяя развивать требуемые умения в комплексе с выработкой навыка предоставления обратной связи, столь необходимой для руководителя. Т.М. Безбородова отмечает, что при изучении дисциплины «Менеджмент торговой организации» метод проектов используется ею в совокупности с взаимным оцениванием, что позволяет успешно развивать компетенцию по

работе в команде [13, с. 54]. Наш опыт также позволяет утверждать, что применение взаимного оценивания в комплексе с интерактивными методами обучения превращает его в сквозной инструмент развития навыков контроля и оценки исполнения управленческих задач.

Мы использовали взаимное оценивание при обучении студентов направления «Менеджмент» (профиль «Управление малым бизнесом») Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова в процессе подготовки бизнес-проектов, ситуационных задач по разработке управленческих решений, в деловых играх, для оценки аналитических работ, эссе, в конкурсных мероприятиях. Взаимное оценивание обычно используется в процессе контактной работы и только в некоторых случаях – неформализованным способом с использованием социальных сетей. В данной статье мы проанализируем три конкретных случая (кейса) применения взаимного оценивания в нашей работе.

В таблице 1 представлены два кейса по применению метода взаимного оценивания в процессе учебных занятий в течение трех учебных периодов (семестров обучения).

В процессе наблюдения за поведением студентов и сравнения их результатов обучения с результатами групп, в которых метод взаимного оценивания не был использован, мы получили следующие выводы.

Использование данного метода позитивно отражается на процессе обучения: студенты лучше усваивают изучаемые понятия, получают опыт критического мышления, учатся давать обратную связь и нести ответственность за свою оценочную деятельность. Особую значи-

мость имеет взаимное комментирование, когда происходят обоснование данной оценки и обмен впечатлениями о выполненной работе. Нами был также установлен интересный эффект применения взаимного оценивания: группы выполняли свои задания не очень качественно, однако при взаимном оценивании демонстрировали хорошее понимание сути проблемы, что свидетельствует о высокой значимости критического мышления в обучении студентов управленческим компетенциям.

Отметим также, что использование взаимного оценивания требует соблюдения определенных условий. Для недопущения конфликтов и демотивации необходимо придерживаться принципа невмешательства преподавателя в процесс взаимного оценивания. Чтобы устранить недоверие студентов к проводимой оценке, применяются четкие и недвусмысленные критерии, которые тщательным образом разъясняются студентам. Преподаватель также использует те же самые критерии для собственной оценки. В итоге интегральная оценка смягчает негативизм, недоверие и возможную необъективность студенческой оценки.

Еще один кейс раскрывает достоинства применения метода взаимного оценивания во внеаудиторной работе: конкурсе эссе «Моя будущая профессия». Цель эссе – определение отношения к желаемой профессии, свободная саморефлексия ее содержания и значения, осознание подготовленности к ней. Конкурс проводился как профориентационное мероприятие на потоке студентов направлений «Менеджмент» и «Экономика» Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова в течение трех лет с 2014 по 2016 г.

Взаимное оценивание эссе конкурса проводили студенты-эксперты, выбранные группой большинством голосов и не принимающие участия в конкурсе. Студент-эксперт получал от преподавателя пронумерованные анонимные распечатки всех эссе конкурса, оформленные в едином стиле, а также оценочный лист с критериями, определенными преподавателем. По итогам взаимного оценивания составлялся рейтинг эссе. В целом победа в конкурсе зависела только от студентов-экспертов.

Применение взаимного оценивания в данном случае показало, что победа призеров конкурса признавалась студентами безоговорочной и справедливой. Принцип анонимности оценки способствовал повышению качества конкурсных работ, росту заинтересованности участников конкурса. Установлено, что при этом преподаватель должен четко организовать работу, подготовить оценочный материал для экспер-

тов, следить за соблюдением сроков, а также самостоятельно подводить итоги оценки, что увеличивает трудоемкость, однако формирует качественный результат профориентационного мероприятия.

Изучив и обобщив опыт применения взаимного оценивания, в том числе собственный, мы выявили, что данный метод оказывает как позитивное, так и негативное воздействие на процесс обучения студентов.

К преимуществам взаимного оценивания, на наш взгляд, можно отнести:

- эффективное управление временем преподавателя, быстрая обратная связь; на это также указывают Ф. Садлер и Э. Гуд [4, р. 2];
- повышение качества процесса обучения, улучшение результатов тестирования и усвоения материала [14, р. 281];
- метакогнитивные улучшения: студенты лучше понимают процесс оценивания их работ и учатся выполнять их более правильно, осознают свои слабые и сильные стороны, улучшают навыки анализа и оценки [15, р. 461], что также подтверждает наш собственный опыт;
- изменение отношения к оценке как дающей полезную обратную связь, создание атмосферы сотрудничества в группе студентов [16, р. 323];
- повышение вовлеченности и ответственности студентов, решение проблемы «безбилетника» при работе в группах [17].

Негативные эффекты метода взаимного оценивания проявляются в следующем:

- студенты могут недооценивать других при взаимном оценивании, тогда как при самооценке они себя часто переоценивают [18, р. 52], данный эффект проявлялся и при проведении деловых игр;
- получая оценку от других, студенты иногда отвечают «зеркально» или наугад, не заботясь об объективности [4, р. 16], наш опыт это тоже подтверждает (вот почему важно очень качественно разрабатывать критерии оценивания и обязательно вводить взаимное рецензирование и комментирование);
- при отсутствии необходимой методической и модерлирующей поддержки со стороны преподавателя студенты не всегда понимают критерии оценивания, и требуется время на их разъяснение [4, р. 23; 5];
- некоторые студенты болезненно воспринимают отстраненность преподавателя, подозревая соучеников в некомпетентности или намеренной агрессии [10], что подтверждают наблюдения в процессе проведения конкурса эссе «Моя будущая профессия».

В качестве основного вывода отметим, что при всех трудностях надлежащим образом ор-

ганизованное взаимное оценивание к значительным перекосам, как правило, не приводит. Как отмечают М.П. Карпенко, В.А. Басов, Т.Ю. Семенова и другие, большая часть студентов ответственно относится к оцениванию, выставляя продуманные отметки [2, с. 10]. Выводы зарубежных ученых свидетельствуют, что большинство обучающихся выставляет оценку не более чем на 5% выше или ниже преподавательской. К переоценке и недооценке склонно относительно небольшое количество студентов [4, р. 16]. Орпен не обнаружил разницы между рейтингами преподавателей и студентов в отношении средних оценок, различий в рейтингах, соглашений в рейтингах или отношений между рейтингами. Арнольд и коллеги отмечают, что рейтинги студентов-медиков были единообразными, объективными и действительными. Другие исследования показывают, что существуют отклонения в зависимости от такого фактора, как возраст ученика [6].

В целом взаимное оценивание ориентирует на максимальную вовлеченность студента в учебный процесс, что, по мнению В.Е. Мусиной, обеспечивает рост учебной мотивации; самостоятельность и ответственность обучающихся; опору на активное, а не на пассивное обучение [19].

Рекомендации по использованию метода взаимного оценивания в обучении менеджменту

Обзор практики применения взаимного оценивания, а также личный опыт преподавания показывают, что продуктивность данного метода зависит от определенных условий. Так, М. Ланган и Ф. Уитер выделяют принципы управления взаимным оцениванием, сформированные на основе успешного опыта Peer Assessment, в числе которых:

- 1) создание карты оценки с указанием всех оценщиков (чтобы отчетливо видеть, как распределяются оценки и почему);
- 2) простота в применении (для высокой объективности);
- 3) согласование критериев оценки с группами студентов заранее (хотя это не всегда возможно);
- 4) наличие системы модерирования преподавателями (например, 10% оценок будут проводиться второй оценкой преподавателя);
- 5) введение процедуры рассмотрения жалоб, чтобы можно было обсудить или оспорить присвоенные экспертами оценки;
- 6) предоставление достаточного времени для экспертных сессий;
- 7) налаживание обратной связи со студентами, чтобы подтвердить, что отметки сверстни-

ков действительны и соответствуют критериям преподавателя [20].

Доктор Л. Лутце-Манн (Lutze-Mann) из Университета Нового Южного Уэльса рекомендует привлекать студентов к разработке критериев взаимного оценивания для формирования наилучшего представления об процедуре оценки, вводить взаимное оценивание поэтапно (от четких структурированных форм к более высокому уровню комментирования), сделать процесс оценки анонимным [21].

Это подтверждает и М. Шварц (Schwartz), которая подчеркивает важность предварительной подготовки студентов к взаимному оцениванию и отмечает, что студентам необходимо помочь разработать критерии, которые соответствуют результатам обучения в отношении результатов и процесса групповой работы. Если критерии оценки для каждого элемента настроены, ими четко обмениваются в процессе коммуникации, а преподаватель выполняет роль фасилитатора. Для облегчения процесса внедрения можно организовать для студентов практическую тренировочную сессию. Преподаватель дает образец письменного или устного задания. Студенты определяют, что следует оценивать и как должны определяться критерии успешного завершения работы. Затем преподаватель дает студентам образец выполненного задания, которое они оценивают с использованием разработанных ими критериев и определяют, как четко донести обратную связь до фиктивного ученика [17].

А.Н. Харлова рекомендует: для того чтобы результаты, полученные в ходе взаимной проверки работ, могли являться объективной оценкой знаний, преподавателю необходимо тщательно продумать решение следующих вопросов:

- что будет являться объектом взаимной проверки?
- соблюдение каких требований к комментариям, рецензиям, оценке обеспечит объективное, неформальное и конструктивное оценивание?
- сколько работ своих сверстников будет проверять студент?
- по какому принципу будут отбираться работы на проверку?
- в каком режиме будет осуществляться проверка («слепой»/открытый)?
- сколько времени потребуется на проверку?
- как будут соотноситься баллы, полученные за проверку, с другими оценками, полученными за выполнение задания, и др. [10].

Использование взаимного оценивания также должно соотноситься с типом выполняемых заданий. П. Рэйс считает наиболее подходящими для Peer Assessment такие типы заданий, как пре-

Таблица 2

Критерии взаимного оценивания презентации или доклада	
Общие критерии	Частные критерии
Характеристика доклада	Тема и / или цель презентации (доклада). Достаточность широты, глубины, ясности содержимого. Согласованность и доказательность аргументов. Присутствие критического мышления. Получение выводов надлежащим образом
Структура доклада	Согласованность, уместность структуры. Наличие введения, основной части и заключения. Определение структуры доклада в речи
Поведение студента	Представляет ли докладчик свою точку зрения? Привлечение и удержание внимания группы. Компетентность при ответе на вопросы. Хорошая речь, четкость артикуляции. Осанка, зрительный контакт, уверенность. Креативность (использование воображения)
Управление презентацией	Соблюдение регламента, управление вопросами и комментариями
Использование ресурсов	Программа презентации (Power Point или другая). Раздаточные материалы. Использование доски или флипчарта и т.д. Использование других ресурсов

зентации, отчеты, планы, эссе, расчеты, аннотированные библиографии, практические работы, стендовые экспозиции, портфолио и выставки. Кроме того, очень полезно взаимное оценивание в случае получения результатов, которые должны интерпретироваться [17].

Электронные курсы в среде LMS Moodle позволяют организовать взаимную проверку работ с помощью следующих инструментов:

- «Форум» – позволяет авторам публиковать ответы на задание в текстовой форме и прикреплять к сообщениям файлы выполненных работ. Другие студенты могут оставлять свои комментарии (рецензии, оценки) к ответам и работам, размещенным на форуме;

- «Семинар» – строго регламентирует и осуществляет автоматическую смену этапов деятельности студентов и преподавателя: представление работ; обсуждение, оценивание работ; подведение итогов;

- «Вики» – площадки для групповой деятельности, в том числе с возможностью обмена мнениями, работами и их обсуждения [10].

По мнению автора, применяя взаимное оценивание, преподаватель может решить следующие задачи:

- повысить ответственность студентов и их самостоятельность;

- обеспечить более глубокое понимание предмета, усвоение навыков;

- повысить роль и статус студента от пассивного ученика до активного работника и оценщика;

- привлечь студента к критическим размышлениям;

- развить у студентов лучшее понимание себя и собственных суждений.

В процессе взаимного оценивания студенты могут использовать анкеты или контрольные листы, которые сначала предоставляются преподавателем, но, как только у студентов будет больше опыта, они будут сами разрабатывать их. Осуществить рефлексию по поводу учебных достижений возможно, если студенты будут делиться своими оценками со сверстниками или в небольшой группе, с инструкциями, чтобы они сравнивали свои впечатления с другими критериями, такими как оценки тестов, оценки учителей и мнения коллег. Такая практика также информирует преподавателя о том, что студент думает о своем прогрессе и дает обратную связь о содержании курса и его результатах.

Эффективность взаимного оценивания обеспечивается благоприятной учебной средой. Студенты должны чувствовать себя комфортно и доверять друг другу, чтобы обеспечить честную и конструктивную обратную связь. Абсолютно необходимым условием взаимного оценивания является разработка ясных и лаконичных критериев оценки работ, которые разъясняются студентам.

Например, при взаимном оценивании презентации или доклада можно применять критерии, представленные в таблице 2, которые позволяют оценить сам доклад, поведение докладчика, его умение использовать специализированное программное обеспечение.

В обучении менеджменту часто применяется взаимное оценивание способности действовать в команде как специфического навыка. Особенно это актуально при защите групповых проектов. В этом случае студент оценивается в зависимости от следующих критериев:

- вовлеченность в работу группы;
- демонстрация лидерских качеств;

- способность определять направление групповой деятельности;
- участие в выполнении проектных работ;
- поддержка других в групповой деятельности;
- предложение решений проблемы;
- участие в презентации работы группы;
- интерес к поддержанию функционирования группы и проекта.

Для оценки по критериям используется шкала, которая соответствует принятой в системе обучения шкале, либо иная, например, более чувствительная (10-балльная), с последующим переводом в стандартную шкалу.

В процессе преподавания управленческих дисциплин взаимное оценивание возможно применять не только при оценке гуманитарных навыков, но и в случае проверки экономических расчетов, решения задач и т.п. Это доказывает опыт А.Н. Харловой, которая использует взаимное оценивание на курсе высшей математики политехнического вуза. В этом случае, отмечает автор, «студенты анализируют и оценивают не сами работы, а работают над ошибками, допущенными одноклассниками в ходе выполнения задания» [10]. Иными словами, тренируется предоставление обратной связи, навык анализа ошибок и достижений при принятии решений, который является весьма ценным для будущего менеджера.

Проведенное нами исследование показало, что метод взаимного оценивания в обучении менеджменту способствует формированию профессиональных (управленческих) компетенций, установленных ФГОС, таких как:

- способность осуществлять деловое общение и публичные выступления, вести переговоры, совещания, осуществлять деловую переписку и поддерживать электронные коммуникации;
- владение навыками количественного и качественного анализа информации при принятии управленческих решений, построения экономических, финансовых и организационно-управленческих моделей путем их адаптации к конкретным задачам управления;
- способность оценивать экономические и социальные условия осуществления предпринимательской деятельности, выявлять новые рыночные возможности и формировать новые бизнес-модели.

С учетом вышесказанного, для применения метода взаимного оценивания мы рекомендуем преподавателю менеджмента следующее.

Во-первых, необходимо активно вовлекать студентов в разработку критериев оценивания работ, уделяя этому достаточное количество времени.

Во-вторых, стоит активно полагаться на этот метод при оценивании групповых проектов, конкурсных работ, а также работы в команде при проведении деловых игр и тренингов. Например, можно предлагать лидеру команды оценить своих подчиненных, а работу лидера просить оценивать участников его команды. Рекомендуется вводить и оценку самого процесса оценивания, поощряя студентов осваивать режим качественной экспертизы.

В-третьих, при дистанционном обучении требуется применять программное обеспечение, которое позволяет реализовывать активное сетевое взаимодействие. Как минимум, должен быть форум для участников обучения. В идеале программная среда должна предоставлять участникам дистанционного курса возможность проверки и предоставления отзывов о выполнении практических заданий другими участниками в анонимном режиме.

Заключение

Профессиональное обучение будущих менеджеров требует от преподавателя создания такой среды, которая стимулировала бы формирование важнейших профессиональных компетенций, таких как принятие решений, планирование деятельности, организация работы, осуществление текущего и промежуточного контроля, а также коммуникативных умений и стратегического системного мышления. Эти компетенции позволяют сформировать метод Peer Assessment, когда студенты оценивают друг друга по заранее заданному или разработанному ими самостоятельно алгоритму.

Данный метод становится сегодня все более востребованным. Являясь традиционным для педагогики, в новых условиях активного внедрения дистанционного обучения он приобрел новые черты, которые, например, позволяют обеспечить анонимность оценивания, «слепое» рецензирование работ, что способствует повышению объективности оценки. Метод взаимного оценивания имеет определенные ограничения, которые необходимо учитывать. Однако его достоинства, такие как повышение мотивации к обучению, результативности и активности студентов, освоение ими профессиональных навыков экспертизы, делают его очень привлекательным для преподавателя.

При подготовке менеджеров метод приобретает особую значимость, поскольку оценка работы подчиненных – одна из важных функций профессионального управленца. Она является формой обратной связи для работников, которым требуется четкий ориентир в понимании

того, насколько качественно они выполняют работу и какое мнение начальник имеет по поводу этой работы. Таким образом, взаимное оценивание – это также способ формирования профессиональной компетенции. Анализ опыта применения метода взаимного оценивания демонстрирует гораздо больше положительных, нежели отрицательных эффектов. В обучении менеджменту особые преимущества метода проявляются в проведении деловых игр, тренингов, оценивании групповой работы и проектов.

Для наилучшей реализации метода взаимного оценивания необходимо учитывать постепенный характер его внедрения в работу, готовить студентов к использованию этого метода, в том числе привлекать их к разработке критериев оценки, начиная с формализованных и заканчивая неформализованными.

Список литературы

1. Цукерман Г.А. Кто учит, учится (взаимное обучение и пределы возможностей) // Вестник. 1997. № 3. URL: http://www.experiment.lv/rus/biblio/vestnik_3/v3_zukerman_ktou4it.htm (дата обращения: 11.01.2017).
2. Карпенко М.П., Басов В.А., Семенова Т.Ю. и др. Проблемы взаимного оценивания в учебной работе студентов // Социология образования. 2014. № 6. С. 4–13.
3. Дьяченко В.К. Диалоги о школе XXI века. Алматы: Гылым, 1995. 207 с.
4. Sadler P.M., Good E. The Impact of Self- and Peer-Grading on Student Learning // Educational Assessment. 2006. **11.1**. P. 1–31. URL: <https://www.cfa.harvard.edu/sed/staff/Sadler/articles/Sadler%20and%20Good%20EA.pdf> (дата обращения: 06.03.2018).
5. Каракозов С.Д., Маняхина В.Г. Массовые открытые онлайн-курсы в зарубежном и российском образовании // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2014. № 3. С. 24–30.
6. Siemens G., Tittenberger P. Handbook of Emerging Technologies for Learning. March 2009. URL: <http://elearnspace.org/Articles/HETL.pdf> (дата обращения: 12.01.2017).
7. Carless D. Excellence in University Assessment: Learning from award-winning practice. Routledge, 2015. 282 p.
8. Королев Д.А., Кольбе А.С., Паволоцкий А.В. Применение пиринговой оценки письменных работ студентов в потоковых очных курсах // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2016. № 4. С. 63–71.
9. Максименкова О.В., Незнанов А.А. О методических и технологических особенностях взаимного оценивания при формировании компетенций разработчиков программного обеспечения // НИУ ВШЭ [сайт]. URL: http://www.it-education.ru/2016/Upload/2016_id059.pdf (дата обращения: 10.01.2017).
10. Харлова А.Н. Организация взаимного оценивания в электронном курсе «Математика 2.4.» // Лучшие практики электронного обучения. Томский политехнический университет [сайт]. URL: <http://portal.tpu.ru:7777/eL/img/Tab4/harlova.pdf> (дата обращения: 16.01.2017).
11. Бакулев А.В., Бондарев М.Г. Peer Assessment как метод контроля в смешанном обучении английскому языку для специальных целей. Южный федеральный университет. URL: <http://www.apkpro.ru/doc/22.06.2016%20Peer%20Assessment.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).
12. Cheniti-Belcadhi L., Braham R. Web Based Peer Assessment: a Case Study. URL: http://www.icl-conference.org/dl/proceedings/2009/program/pdf/Contribution_142.pdf (дата обращения: 17.01.2017).
13. Безбородова Т.М. Учимся «играючи»: деятельностный подход к формированию профессиональных компетенций будущих менеджеров // Сибирский торгово-экономический журнал. 2014. № 1 (19). С. 51–54.
14. Ngar-Fun L., Carless D. Peer feedback: the learning element of peer assessment // Teaching in Higher Education. 2006. **11.3**. P. 279–290.
15. Lin-Agler, Lin Miao, DeWayne Moore, Zabrucky K.M. Effects of personality on metacognitive self-assessments // College Student Journal. 2004. **38.3**. P. 453–461 (дата обращения: 12.01.2017).
16. Malehorn H. Ten measures better than grading // Clearing House. 1994. **67.6**. P. 323.
17. Schwartz M. Peer and Self Assessment of Student Work. URL: <http://www.ryerson.ca/content/dam/lt/resources/handouts/StudentPeerAssessment.pdf> (дата обращения: 15.01.2017).
18. Strong B., Davis M., Hawks V. Self-Grading in Large General Education Classes // College Teaching. 2004. **52.2**. P. 52–57.
19. Мусина В.Е. Компетентностно-ориентированное обучение в деятельности преподавателя вуза // Казанский педагогический журнал. 2015. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostno-orientirovannoe-obuchenie-v-deyatelnosti-prepodavatela-vuza> (дата обращения: 12.01.2017).
20. Langan M., Wheeler P. Can students assess students effectively? Some insights into peer-assessment // Learning & Teaching in Action. 2003. Vol. 2. Issue 1: Assessment. Manchester Metropolitan University. URL: <http://www.celt.mmu.ac.uk/ltia/issue4/langanwheeler.shtml> (дата обращения: 18.01.2017).
21. Student Peer Assessment. Assessment Toolkit. URL: <https://teaching.unsw.edu.au/printpdf/544> (дата обращения: 14.01.2017).

APPLICATION OF PEER ASSESSMENT METHOD IN MANAGEMENT TRAINING***O.V. Arlashkina***

Novosibirsk State University of Economics and Management

The article which is based on analysis of Russian and foreign sources defines the key characteristics of peer assessment as an educational method. Peer assessment is considered, on the one hand, as a traditional method, on the other - as a part of the progressive methodology for teaching students in colleges and universities. The author analyzes and summarizes the teaching experience in the application of peer assessment and describes own cases of using peer assessment in the teaching of management disciplines, such as "Change Management" and "Corporate Social Responsibility", as well as in extracurricular activities. Based on the study, conclusions are drawn about the advantages and conditions of peer assessment as a specific teaching method and some recommendations are proposed for its application. In the learning of management, the method of peer assessment offers the best way to form important professional competencies such as analyzing the subordinates' work and providing feedback to them.

Keywords: peer assessment, peer review, active management training, business game, managerial competencies, connectivism, distance (electronic) learning.

УДК 378

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ К ИЗУЧЕНИЮ ВЕРОЯТНОСТНЫХ РАЗДЕЛОВ МАТЕМАТИКИ

© 2018 г.

Е.В. КузнецоваКузнецова Елена Васильевна, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры прикладной математики
Липецкого государственного технического университета
eva351@yandex.ru*Статья поступила в редакцию 28.03.2018**Статья принята к публикации 23.04.2018*

Несмотря на то что элементы теории вероятностей сегодня включены в школьную программу, студенты вузов испытывают значительные затруднения при изучении вероятностных разделов математики (стохастики). Для того чтобы эффективно устранять возникающие проблемы, важно знать отношение студентов к изучаемым учебным дисциплинам вероятностного цикла. Данная статья посвящена исследованию двух аспектов отношения студентов к стохастике: ценностно-мировоззренческих убеждений и эмоционального восприятия. Для этих целей была разработана анкета и проведен опрос студентов. Полученные результаты были исследованы посредством применения статистических методов: факторного, кластерного и корреляционного анализа. Факторный и кластерный анализ подтвердили наличие двух шкал в структуре анкеты: ценности (V-шкала) и эмоции (E-шкала). Рассчитанные для каждой из полученных шкал значения показателя внутренней согласованности Альфа Кронбаха превысили 0.7, что свидетельствует о надежности разработанной анкеты. Корреляционный анализ выявил наличие статистически значимых связей между переменными, отражающими ценностно-мировоззренческие представления студентов, и переменными, отражающими тревожность и интерес к предмету. Полученные результаты подтверждают необходимость целостного личностно-ориентированного подхода к преподаванию стохастики и могут быть полезны для совершенствования процесса обучения в вузе.

Ключевые слова: обучение стохастике, отношение студентов, ценности, эмоции, опрос студентов.

Введение

В условиях информационного общества важным ресурсом развития является математическое образование: «Успех нашей страны в XXI веке, эффективность использования природных ресурсов, развитие экономики, обороноспособность, создание современных технологий зависят от уровня математической науки, математического образования и математической грамотности всего населения, от эффективного использования современных математических методов» [1]. При этом важным средством повышения качества математического образования является подход на основе единства социального, психологического и педагогического аспектов [2].

Согласно Концепции развития математического образования в Российской Федерации, среди проблем математического образования, требующих безотлагательного решения, первое место занимают проблемы мотивационного характера [1]. То, что отношение учащихся к математике и ее изучению является важным фактором, влияющим на их учебные достижения, признается как российскими, так и зарубежными

исследователями (см., например, [3–6]). Как показал анализ зарубежных источников, существует большое количество публикаций, доказывающих, что отсутствие мотивации, тревожность, негативные эмоции, связанные с процессом изучения математики, могут помешать процессу обучения в школе и вузе [7–9]. Для исследования отношения учащихся к изучению математики и статистики разработаны и продолжают разрабатываться различные оценочные инструменты: тесты, опросники, методики оценивания и т.д. Однако в России нет широкой практики проведения студенческих опросов с целью изучения отношения студентов к преподаванию и изучению математики или статистики. А это в свою очередь является причиной того, что нет инструментов опросов, подобных ATMI [10], the Mathematics Attitude Inventory [11], SAS, ATS, SATS-28 [12].

Опыт проведения опросов студентов в Липецком государственном техническом университете показал, что недостаточно взять перевод известного зарубежного опросника и предъявить его студентам. Большое количество анкет оказалось с наличием пропусков в ответах, что не позволило дать интерпретацию результатам

проведенного опроса. Поэтому для исследования отношения студентов к изучению вероятностных разделов математики (стохастики) нами был составлен опросник (анкета).

Методы

Известно, что отношение студентов к учебе, изучаемой учебной дисциплине влияет на их вовлеченность в учебный процесс и академические достижения [13]. За рубежом разработано множество различных инструментов для измерения отношения студентов к математике. Наиболее известные среди них – это опросники авторов Aiken [14], Fennema & Sherman [15], Tapia & Marsh [10]. Анализ публикаций последних лет показал, что, с одной стороны, продолжаются исследование и адаптация известных опросников, а с другой стороны, разрабатываются новые инструменты опроса. Расширяется география проведенных исследований: сегодня можно встретить публикации, отражающие результаты исследований в Нигерии [16], Турции [17], Латинской Америке [18], Китае [19–20] и других странах. К сожалению, в России не удалось найти публикации, отражающие исследования по данной тематике. Кроме того, нельзя не согласиться с мнением тех авторов [21], которые полагают, что, помимо изучения отношения студентов к математике в целом, важно знать их отношение к отдельным разделам математики (алгебра, геометрия, теория вероятностей, статистика и т.д.). Действительно, часто бывает, что школьникам или студентам нравится математика в целом, но, например, не нравится геометрия или теория вероятностей. Следует заметить, что за рубежом разработаны и исследованы инструменты для измерения отношения студентов к изучению статистики: SAS, ATS, SATS-28 и другие. Обзор данных инструментов представлен в [12]. Однако не удалось найти инструмент для измерения отношения студентов к изучению теории вероятностей и ее приложений. Поэтому было принято решение разработать опросник для изучения отношения студентов к изучению вероятностных разделов математики. Далее, следуя традиции некоторых российских и зарубежных исследований (см., например, докторские диссертации Г.С. Евдокимовой [22], В.Д. Селютина [23], С.А. Самсоновой [24] и др.; работу Garfield и Ahlgren [25], монографию [26] и др.), будем объединять термином «стохастика» разделы математики, в которых строятся и исследуются вероятностные модели случайных явлений.

В статье [27] дается краткое руководство для разработки оценочного инструмента, отражаю-

щее требования международных стандартов. Причем понятие «оценочный инструмент» является обобщающим: это может быть тест, анкета, методика опроса и т.д. Согласно данной статье, исследования, посвященные разработке оценочного инструмента, должны отображать следующие ключевые моменты: существующие инструменты оценки этого же конструкта (если имеются), теоретическое основание разрабатываемого инструмента; описание разработанного инструмента (структура и баллы), методы исследования надежности и валидности; результаты.

В начале теоретического обоснования разрабатываемого опросника и описания его структуры отметим, что теория вероятностей и ее приложения занимают особое место в структуре профессиональной подготовки студентов математических направлений, поскольку вероятностные идеи и методы связаны с магистральными направлениями развития науки в информационном обществе [28]. Вследствие этого, формирование компетентного специалиста, способного и готового использовать современные математические методы для решения научных и практических задач, невозможно без понимающего усвоения теории вероятностей и ее приложений [29] на основе целостного подхода, психологическим базисом которого является иерархическая модель личности К.К. Платонова, объединяющая три уровня:

- верхний этаж: направленность личности (мировоззрение, ценностные ориентации, убеждения, стремления);
- средний этаж: опыт человека (знания, умения, навыки, привычки);
- нижний этаж: высшие психические процессы (интеллект (мышление, память, внимание), воля, эмоции) [30].

Целью опроса было исследование двух аспектов отношения студентов к стохастике: мировоззренчески-ценностных убеждений (верхний этаж иерархической модели личности) и эмоционального восприятия (нижний этаж иерархической модели личности). Поэтому разработанная нами анкета «Отношение студентов к стохастике» содержит две шкалы «Ценности» (V-шкала) и «Эмоциональное восприятие» (E-шкала), причем каждая шкала содержит 8 пунктов. Так как отношение может быть положительным и отрицательным, несколько пунктов (примерно половина) отражают положительное отношение к стохастике, остальные – отрицательное отношение. Студенты могли выразить степень согласия с предложенными утверждениями с помощью 5-балльной шкалы Лайкерта: 1 – «Совершенно не согласен», 2 –

Таблица 1

V-шкала: Мировоззрение и ценности

Переменная	Пункт опросника
V1	Вероятностные идеи и методы оказывают значительное влияние на развитие общества
V2	Вероятностные идеи и методы не нужны в повседневной жизни
V3	Изучение теории вероятностей и ее приложений развивает мышление и расширяет кругозор
V4	Изучение теории вероятностей и ее приложений необходимо современному специалисту
V5	Знание теории вероятностей и ее приложений будет полезно в дальнейшей учебе
V6	Научные исследования требуют знаний в области теории вероятностей и ее приложений
V7	Вероятностные идеи и методы играют важную роль в современном научном познании
V8	Я думаю, что теория вероятностей и ее приложения вряд ли пригодятся мне в профессиональной деятельности

Таблица 2

Е-шкала: Эмоции (интерес и тревожность)

Variable	Questionnaire Item
E1	Мне интересно изучать вероятностные разделы математики
E2	Мне было скучно при изучении этих разделов математики
E3	Я легко справляюсь с задачами из данных разделов математики
E4	Задачи, где есть случайность, ввергают меня в ступор
E5	Задачи на вероятность и случайность раздражают меня
E6	Задачи, где есть неопределенность, случайность, вероятность, я решаю легко и спокойно
E7	Изучение теории вероятностей и ее приложений – пустая трата времени
E8	Я бы хотел(а) больше знать и уметь в данной области

«Не согласен», 3 – «Нейтрально», 4 – «Согласен», 5 – «Совершенно согласен».

В работе [28] были сформулированы и обоснованы аксиологические функции обучения стохастике в структуре подготовки современного специалиста:

- формирование знаний, необходимых в профессиональной деятельности и в повседневной жизни (когнитивная функция);
- расширение возможностей реализации творческого потенциала, поскольку идея вероятности связана с магистральными направлениями развития современной науки (креативная функция);
- формирование системного видения мира и вероятностного мышления, позволяющего принимать взвешенные решения в условиях неопределенности и риска (развивающая функция);
- развитие компетенций, необходимых в постоянно меняющихся условиях жизни информационного общества, поскольку идея вероятности является связующим звеном между естественнонаучным и гуманитарным знанием (адаптирующая функция);
- формирование картины мира, наиболее адекватно отражающей реалии информационного общества (мировоззренческая функция);
- воспитание гуманистически направленной личности, обладающей такими качествами, как,

например, толерантность и смелость (А. Реньи [31]) (воспитательная функция);

– включение в общечеловеческую культуру вследствие того, что идея вероятности нераздельно связана с понятиями необходимости, случайности, свободы и ответственности (Ю.В. Сачков [32]) (функция культурного наследования).

В соответствии с этими результатами были сформулированы пункты анкеты V1–V8, представленные в табл. 1 и отражающие значение вероятностных идей и методов для отдельной личности и общества в целом.

В исследованиях [8] и [13] показано, что такие эмоции, как удовольствие, интерес, гнев, тревога, скука, безысходность влияют на мотивацию, выбор когнитивных стратегий и учебные достижения. В соответствии с этим были сформулированы пункты анкеты E1–E8, представленные в табл. 2 и отражающие эмоции студентов при изучении вероятностных разделов математики.

Далее 16 пунктов анкеты были расставлены в случайном порядке.

Заметим, что несколько пунктов анкеты в определенной мере дублируют друг друга по смыслу (например, V4 и V8, V6 и V7, E3 и E6, E7 и E8). Сравнивая отношение студентов к утверждениям, представленным в данных пунк-

Таблица 3

Результаты факторного анализа: факторные нагрузки			
	Пункт анкеты	Factor1	Factor2
V1	Вероятностные идеи и методы оказывают значительное влияние на развитие общества	–0.175	0.579
V2	Вероятностные идеи и методы не нужны в повседневной жизни	0.363	–0.501
V3	Изучение теории вероятностей и ее приложений развивает мышление и расширяет кругозор	–0.085	0.670
V4	Изучение теории вероятностей и ее приложений необходимо современному специалисту	0.044	0.750
V5	Знание теории вероятностей и ее приложений будет полезно в дальнейшей учебе	0.012	0.504
V6	Научные исследования требуют знаний в области теории вероятностей и ее приложений	0.090	0.784
E1	Мне интересно изучать вероятностные разделы математики	–0.840	0.108
E2	Мне было скучно при изучении этих разделов математики	0.711	–0.338
E3	Я легко справляюсь с задачами из данных разделов математики	–0.784	–0.096
E4	Задачи, где есть случайность, ввергают меня в ступор	0.687	0.184
E5	Задачи на вероятность и случайность раздражают меня	0.836	0.044
	Cronbach's Alpha	0.733	0.701

Таблица 4

Преобразованные переменные	
Переменная	Пункт анкеты
V2*	Вероятностные идеи и методы нужны в повседневной жизни
E2*	Мне не было скучно при изучении этих разделов математики
E4*	Задачи, где есть случайность, не ввергают меня в ступор
E5*	Задачи на вероятность и случайность не раздражают меня

тах, мы можем выявить лжецов, то есть тех респондентов, кто подошел к участию в опросе безответственно, и удалить их анкеты из дальнейшего рассмотрения.

Важными характеристиками оценочного инструмента являются его надежность (устойчивость к случайным погрешностям) и валидность (способность инструмента измерять то, для чего он предназначен). Процедуры оценки надежности и валидности зависят от вида оценочного инструмента. В психолого-педагогических исследованиях одним из основных показателей надежности опросника является внутренняя согласованность тех пунктов анкеты, которые, как предполагается, измеряют один конструкт (например, «ценности» или «эмоции»): полученные в результате применения оценочного инструмента значения для указанных пунктов должны демонстрировать сходный результат. Для определения степени внутренней согласованности применяется показатель Альфа Кронбаха. Тест считается достаточно согласованным, если значения данного параметра не менее 0.7 [33, с. 13]. Помимо расчета значений Альфа Кронбаха для исследования надежности оценочного инструмента применяется факторный анализ, кластерный анализ, корреляционный анализ [18, 34, 35]. Также в зависимости от вида оценочного инструмента существуют различные подходы к оценке его валидности. В дан-

ной статье мы рассматриваем содержательную валидность: насколько полученные результаты согласуются с теорией и практикой обучения.

Результаты и обсуждение

В рамках исследования подготовки студентов математических направлений к участию в опросе были привлечены студенты второго курса, изучающие дисциплину «Теория вероятностей и математическая статистика». Из них 33 студента направления «Прикладная математика», 19 студентов направления «Информатика и информационные технологии» ЛГТУ и 27 студентов математического факультета ЛГПУ. Всего 79 человек, из них 37 юношей и 42 девушки. Были выбраны студенты этих направлений, так как все эти три направления подготовки связаны с математикой и требуют углубленного изучения математики вообще и теории вероятностей и ее приложений в частности; кроме того, студенты соответствующих специальностей имеют примерно одинаковый уровень школьной подготовки и примерно одинаковый учебный план по математике в университете. По причине наличия противоречивых ответов студентов на пункты анкеты V4 и V8, V6 и V7, E3 и E6, E7 и E8 было принято решение удалить из выборки 3 анкеты. На основе оставшихся 76 анкет с использованием программного пакета

Таблица 5

**Статистически значимые коэффициенты
ранговой корреляции Спирмена для переменной V1**

Переменные	Spearman	$t(N-2)$	p -level
V1 & V2	-0.342	-3.135	0.002
V1 & V3	0.203	1.890	0.066
V1 & V4	0.453	4.365	0.000
V1 & V5	0.331	3.021	0.003
V1 & V6	0.388	3.623	0.001
V1 & V7	0.291	2.612	0.011
V1 & V8	-0.279	-2.500	0.015
V1 & E5	-0.205	-1.805	0.075
V1 & E6	0.242	2.145	0.035
V1 & E8	0.326	2.965	0.004

Таблица 6

**Статистически значимые коэффициенты
ранговой корреляции Спирмена для переменной V8**

Переменные	Spearman	$t(N-2)$	p -level
V8 & V1	-0.279	-2.500	0.015
V8 & V2	0.344	3.156	0.002
V8 & V4	-0.279	-2.503	0.015
V8 & E1	-0.232	-2.054	0.044
V8 & E2	0.373	3.458	0.001
V8 & E7	0.310	2.800	0.007

STATISTICA был проведен факторный анализ, корреляционный анализ, кластерный анализ, рассчитаны значения Альфа Кронбаха.

Факторный анализ. Переменные V7, V8, E6, E7, E8 были исключены из анализа на данном этапе с целью устранения мультиколлинеарности. В результате применения метода главных компонент с последующим варимакс-вращением были выделены два фактора. Первый фактор составили переменные Е-шкалы, второй – переменные V-шкалы. Факторные нагрузки переменных представлены в табл. 3. Жирным шрифтом выделены значения факторных нагрузок, модуль которых превышает 0.5. Учитывая знаки полученных значений, можно дать следующую интерпретацию полученным результатам.

Factor 1 – Неприятие и тревожность при изучении стохастики, психологический фактор (Е-шкала).

Factor 2 – Ценностное отношение к стохастике (V-шкала).

При этом первый фактор объясняет 38.9% общей дисперсии, второй фактор – 29.8% общей дисперсии.

Для пунктов анкеты V2, E2, E4 и E5, отражающих негативное отношение к изучению стохастики, необходимо перейти к отрицанию их содержания и изменению значений оценок. Для этого производим замену по следующему правилу: 5 заменяем на 1, 4 заменяем на 2, 3 остается без изменений, 2 заменяем на 4, 1 заменяем на 5. Получим утверждения, сформули-

рованные в положительной форме. Им соответствуют переменные V2*, E2*, E4* и E5*. Результаты представлены в табл. 4.

Эти переменные требуются для вычисления значений Альфа Кронбаха – характеристики, отражающей внутреннюю согласованность оценочного инструмента. Как показали расчеты, для первого фактора значение Альфа Кронбаха равно 0.733, для второго фактора значение Альфа Кронбаха равно 0.701. Это свидетельствует о внутренней согласованности анкеты.

Кластерный анализ. Так же как и при проведении факторного анализа, исключаем из рассмотрения переменные V7, V8, E6, E7 и E8. В процессе исследования оказалось, что для удобства интерпретации результатов следует вместо переменных V2, E2, E4 и E5 использовать V2*, E2*, E4* и E5*, чтобы все переменные, включенные в анализ, отражали положительное отношение к стохастике.

При проведении кластеризации переменных было получено два кластера. В первый из них вошли все переменные Е-шкалы, то есть те, которые на этапе факторного анализа составили Factor 1. Во второй кластер объединились все переменные V-шкалы, то есть те, которые составили Factor 2. Данный результат также подтверждает внутреннюю согласованность пунктов анкеты.

Корреляционный анализ. В процессе исследования установлено, что все переменные опросника имеют статистически значимые связи друг с другом. Рассмотрим корреляцию Спирмена для переменных V1, V8, E6 и E8.

Таблица 7

**Статистически значимые коэффициенты
ранговой корреляции Спирмена для переменной E6**

Переменные	Spearman	$t(N-2)$	p -level
E6 & V1	0.242	2.145	0.035
E6 & V5	0.191	1.677	0.098
E6 & V7	0.441	4.228	0.000
E6 & E1	0.556	5.752	0.000
E6 & E2	-0.357	-3.288	0.002
E6 & E3	0.826	12.614	0.000
E6 & E4	-0.629	-6.953	0.000
E6 & E5	-0.472	-4.600	0.000
E6 & E7	-0.397	-3.725	0.000

Таблица 8

**Статистически значимые коэффициенты
ранговой корреляции Спирмена для переменной E8**

Переменные	Spearman	$t(N-2)$	p -level
E8 & V1	0.326	2.965	0.004
E8 & V3	0.199	1.748	0.085
E8 & V4	0.391	3.652	0.000
E8 & V5	0.274	2.452	0.017
E8 & V6	0.392	3.666	0.000
E8 & E3	-0.202	-1.776	0.080
E8 & E4	-0.209	-1.836	0.070

Переменная V1 отражает степень понимания студентами ценности вероятностных идей и методов на философском методологическом уровне. Значимые на уровне 0.1 корреляции для V1 представлены в табл. 5. Жирным шрифтом выделены корреляции, значимые на уровне 0.05.

Как показал корреляционный анализ, данная переменная имеет значимые корреляции со всеми остальными переменными V-шкалы, а также с переменными E6 (легкость в решении задач и отсутствие тревожности) и E8 (мотивация к изучению стохастики). Это доказывает важность формирования мировоззрения при изучении теории вероятностей и ее приложений.

Переменная V8 отражает то, как студент оценивает роль стохастики в своей будущей профессиональной деятельности. Значимые на уровне 0.1 корреляции для V8 представлены в табл. 6. Жирным шрифтом выделены корреляции, значимые на уровне 0.05.

Отметим наличие значимых корреляций переменной V8 и переменных, отражающих понимание ценности стохастики на общем философском уровне: V1 – значимость для развития общества в целом; V2 – роль стохастики в повседневной жизни; V4 – взгляд на значимость вероятности для профессиональной деятельности на общефилософском уровне.

Также важно отметить отрицательную корреляцию V8 и E1: если студент считает, что стохастика не нужна, то и интерес к изучению отсутствует. Этот вывод подтверждается наличием положительной корреляции между V8 и

E2: скучно изучать то, что, как предполагается, не будет нужно.

Таким образом, представление о том, насколько нужны вероятностные разделы математики в будущей профессиональной деятельности, с одной стороны, связаны с общефилософскими взглядами на повседневную жизнь, развитие общества и профессию в целом, а с другой стороны, определяют интерес и удовольствие от учебы.

Переменная E6 отражает отсутствие тревожности и легкость при решении задач. Значимые на уровне 0.1 корреляции для E6 представлены в табл. 7. Жирным шрифтом выделены корреляции, значимые на уровне 0.05. Переменная E6 имеет значимые корреляции со всеми остальными переменными E-scale, а также с переменными V1 (философский взгляд на роль вероятности в общественном развитии), V5 (полезность вероятностных идей и методов в дальнейшей учебе) и V7 (роль стохастики в современном научном познании). Здесь находит отражение когнитивный фактор: понимание ценности вероятностных идей и методов и нацеленность на приобретение нового знания. Действительно, учебная и научная деятельность имеют много общего. В процессе учебной деятельности человек открывает новое для себя знание, а в процессе научной деятельности он открывает объективно новое знание.

Переменная E8 отражает мотивацию к изучению вероятностных разделов математики. Значимые на уровне 0.1 корреляции для E8

представлены в табл. 8. Жирным шрифтом выделены корреляции, значимые на уровне 0.05.

Отметим наличие корреляций переменной E8 со всеми переменными V-шкалы (за исключением V2, отражающей мнение относительно роли вероятности в повседневной жизни). Этот факт еще раз показывает, что ценностные ориентации оказывают значительное влияние на формирование мотивации обучения. Отметим также наличие отрицательной слабозначимой ($p < 0.1$) связи между переменными E8 и E3: больше знать и уметь хотят те студенты, кто испытывает трудности при изучении стохастики. То есть для того, чтобы поддерживать интерес к предмету, учебный материал не должен быть легким. В то же время, если задачи из данных разделов приводят в замешательство и вызывают растерянность, то мотивация снижается (отрицательная значимая корреляция переменных E8 и E4).

Заключение

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена тем, что, несмотря на многолетний опыт изучения отношения студентов к математике в целом и к отдельным ее разделам (например, статистике) в частности, инструмент для измерения отношения студентов к изучению вероятностных разделов математики до настоящего времени не был разработан. Теоретическим базисом разработанного нами варианта анкеты является иерархическая модель личности К.К. Платонова [30], исследования аксиологических аспектов обучения стохастики [28], исследования [8], [13] и др., посвященные изучению влияния эмоций на выбор когнитивных стратегий и учебные достижения студентов. Анкета содержит две шкалы: «Ценности» и «Эмоциональное восприятие», каждая из которых включает по 8 пунктов. Оценка осуществляется по 5-балльной шкале Лайкерта. Исследование надежности и валидности оценочного инструмента выполнялось посредством расчета значений показателя внутренней согласованности Альфа Кронбаха, факторного, кластерного и корреляционного анализа. Факторный и кластерный анализ результатов проведенного опроса подтвердил наличие двух шкал в структуре анкеты: V-шкала отражает ценности, E-шкала – эмоции студентов при изучении стохастики. Значения Альфа Кронбаха равны 0.733 и 0.701, что позволяет считать разработанный нами опросник внутренне согласованным. Корреляционный анализ подтверждает взаимосвязь между переменными, отражающими ценностно-

мировоззренческие представления студентов, и переменными, отражающими их тревожность и интерес к стохастике при ее изучении. Результаты корреляционного анализа согласуются с теорией и практикой обучения на основе целостного личностно-ориентированного подхода, что в свою очередь является доказательством содержательной валидности применяемого оценочного инструмента. В дальнейшем планируется продолжить изучение свойств разработанного опросника и результатов опросов, полученных посредством его применения.

Список литературы

1. Концепция развития математического образования в Российской Федерации. Режим доступа: http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2014/12/Concept_mathematika.pdf (дата обращения: 01.02.2018).
2. Kuznetsova E., Matytcina M. A multidimensional approach to training mathematics students at a university: improving the efficiency through the unity of social, psychological and pedagogical aspects // International Journal of Mathematical Education in Science and Technology. 2018. Vol. 49(3). P. 401–416.
3. Gal I., Ginsburg L. The role of beliefs and attitudes in learning statistics: Towards an assessment framework // Journal of Statistics Education. 1994. Vol. 2(2). Режим доступа: <https://www2.amstat.org/publications/jse/v2n2/gal.html> (дата обращения: 01.02.2018).
4. Ma X., Kishor N. Assessing the relationship between attitude toward mathematics and achievement in mathematics: A meta-analysis // Journal for Research in Mathematics Education. 1997. Vol. 28(1). P. 26–47.
5. Кузнецова Е.В. К вопросу о взаимосвязи знания и понимания в процессе преподавания математики // Преподаватель XXI век. 2013. Т. 1. № 3. С. 52–57.
6. Lipnevich A.A., Preckel F., Krumm S. Mathematics attitudes and their unique contribution to achievement: Going over and above cognitive ability and personality // Learning and Individual Differences. 2016. Vol. 47. P. 70–79.
7. Ashcraft M.H. Math anxiety: Personal, educational, and cognitive consequences // Current Directions in Psychological Science. 2002. Vol. 11(5). P. 181–185.
8. Pekrun R., Lichtenfeld S., Marsh H.W., Murayama K., Goetz T. Achievement Emotions and Academic Performance: Longitudinal Models of Reciprocal Effects // Child Development. 2017. Vol. 88(5). P. 1653–1670.
9. Primi C., Donati M.A., Chiesi F. The Role of Statistics Anxiety in Learning Probability // Batanero C., Chernoff E. (eds) Teaching and Learning Stochastics. ICME-13 Monographs. Springer, Cham, 2018. P. 145–157.
10. Tapia M., Marsh G.E. An instrument to measure mathematics attitudes // Academic Exchange Quarterly. 2004. Vol. 8(2). P. 16–22.
11. Sandman R.S. The Mathematics Attitude Inventory: Instrument and User's Manual // Journal for Research in Mathematics Education. 1980. Vol. 11(2). P. 148–149.

12. Nolan M.M., Beran T., Hecker K.G. Surveys assessing students' attitudes toward statistics: a systematic review of validity and reliability // *Statistics Education Research Journal*. 2012. Vol. 11(2). P. 103–123.
13. Mega C., Ronconi L., De Beni R. What makes a good student? How emotions, self-regulated learning, and motivation contribute to academic achievement // *Journal of Educational Psychology*. 2014. Vol. 106(1). P. 121–131.
14. Aiken L.R. Two scales of attitude toward mathematics // *Journal for Research in Mathematics Education*. 1974. Vol. 5(2). P. 67–71.
15. Fennema E., Sherman J.A. Fennema-Sherman attitudes scale: Instrument designed to measure attitudes towards the learning of mathematics by males and females // *Journal for Research in Mathematics Education*. 1976. Vol. 7(5). P. 324–326.
16. Zakariya Y.F. Development of Attitudes towards Mathematics Scale (ATMS) using Nigerian Data-Factor Analysis as a Determinant of Attitude Subcategories // *International Journal of Progressive Education*. 2017. Vol. 13(2). P. 74–84.
17. Tabuk M., Hacıömeroğlu G. Turkish adaptation of attitude towards mathematics instrument // *Journal of Theory and Practice in Education*. 2015. Vol. 11(1). P. 245–260.
18. Gener S., Subia G.S., Salangsang L.G., Medrano H.B. Attitude and performance in mathematics I of bachelor of elementary education students: a correlational analysis // *American Scientific Research Journal for Engineering, Technology & Sciences*. 2018. Vol. 39. № 1. P. 206–213.
19. Lim S.Y., Chapman E. Development of a Short Form of the Attitudes toward Mathematics Inventory // *Educational Studies in Mathematics*. 2013. Vol. 82(1). P. 145–164.
20. Huang Y.C., Lin S.H. Development and Validation of an Inventory for Measuring Student Attitudes toward Calculus // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 2015. Vol. 48(2). P. 109–123.
21. Avcu R., Avcu S. Turkish Adaptation of Utley Geometry Attitude Scale: A Validity and Reliability Study // *Eurasian Journal of Educational Research*. 2015. № 58. P. 1–23.
22. Евдокимова Г.С. Теория и практика обучения стохастике при подготовке преподавателей математики в университете: Дис. ... д-ра пед. наук. М.: МПГУ, 2001. 415 с.
23. Селютин В.Д. Научные основы методической готовности учителя математики к обучению школьников стохастике: Дис. ... д-ра пед. наук. Орел: Орловский госуниверситет, 2002. 344 с.
24. Самсонова С.А. Методическая система использования информационных технологий при обучении стохастике студентов университетов: Дис. ... д-ра пед. наук. Коряжма: Коряжский филиал Поморского госуниверситета им. М.В. Ломоносова, 2005. 344 с.
25. Garfield J., Ahlgren A. Difficulties in learning basic concepts in probability and statistics: Implications for research // *Journal for Research in Mathematics Education*. 1988. 19(1). P. 44–63.
26. Batanero C., Chernoff E. (eds) *Teaching and Learning Stochastics*. ICME-13 Monographs. Springer, Cham, 2018. 227 p.
27. Тюменева Ю.А., Яременко А.А. Руководство для авторов, публикующих результаты разработки оценочного инструмента // *Вопросы образования*. 2013. № 1. С. 301–305.
28. Кузнецова Е.В. Аксиологические аспекты преподавания курса стохастике в условиях информационного общества // *Сибирский педагогический журнал*. 2011. № 2. С. 80–87.
29. Кузнецова Е.В. Формирование понятий в обучении стохастике // *Инновации в образовании*. 2014. № 7. С. 20–29.
30. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 255 с.
31. Реньи А.А. Трилогия о математике. М.: Мир, 1980. 376 с.
32. Сачков Ю.В. Вероятность. Случайность. Независимость. Режим доступа: <http://rusnauka.narod.ru/lib/philos/3467/sachkov.htm> (дата обращения: 01.02.2018).
33. Kline P. *The handbook of psychological testing*. London: Routledge, 2000. 105 p.
34. Arturo G.-S. Measuring set latent variables that explain attitude toward statistic through exploratory factor analysis with principal components extraction and confirmatory analysis // *European Journal of Pure and Applied Mathematics*. 2017. Vol. 10(2). P. 167–198.
35. Flores Lopez W.O., Auzmendi Escribano E. Analysis of the factorial structure of an attitude towards mathematics scale // *Aula de Encuentro*. 2015. Vol. 17(1). P. 45–77.

A RESEARCH INTO MATHEMATICS UNDERGRADUATES' ATTITUDE TOWARDS THE STUDY OF PROBABILISTIC SECTIONS OF MATHEMATICS

E.V. Kuznetsova

Lipetsk State Technical University

Despite the fact that some elements of probability theory are now included in the school curriculum, university students experience considerable difficulties in studying probabilistic sections of mathematics (stochastics). In order to effectively address such problems, it is important to know the students' attitude towards the disciplines of the probabilistic cycle. This article examines two aspects of students' attitude towards stochastics: their value and worldview-related beliefs as well as their emotional perception. For this purpose, a questionnaire was developed and a survey of students was conducted. The results obtained were analyzed using statistical methods, including factor, cluster, and correlation analysis. Factor and cluster analysis confirmed the presence of two scales in the structure of the questionnaire: values (V-scale) and emotions (E-scale). The values of Cronbach's Alpha internal consistency index calculated for each of the scales exceeded 0.7, which

attests to the reliability of the proposed questionnaire. Correlation analysis revealed the presence of statistically significant links between the variables that reflect the students' values and ideology, and variables that reflect anxiety and interest in the subject. The results confirm the need for a holistic personality-oriented approach to the teaching of stochastics and can be useful for improving the learning process in the university.

Keywords: teaching stochastics, student attitude, values, emotions, student survey.

УДК 378

ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В УСЛОВИЯХ ВУЗА

© 2018 г.

А.В. Остапенко

Остапенко Алёна Викторовна, к.пед.н.; доцент кафедры правового обеспечения экономической и инновационной деятельности Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
alena-ol@ya.ru

*Статья поступила в редакцию 01.03.2018**Статья принята к публикации 25.04.2018*

Рассматриваются актуальные проблемы осуществления педагогической поддержки личностного и профессионального развития будущих юристов в контексте актуализации идеи личностно ориентированного образования. Педагогическая поддержка рассматривается как одна из методологических основ педагогического сопровождения саморазвития личности студента-юриста в условиях вуза. Проведен анализ различных подходов к определению термина «педагогическая поддержка» в научной литературе. Акцентируется внимание на том, как преподаватель вуза формирует у студентов-юристов готовность к получению профессиональных знаний для будущей практической деятельности, к постоянному профессиональному саморазвитию, навыки творческого профессионального мышления, коммуникативные навыки, помогает сформировать эмоциональную устойчивость, высокий самоконтроль поведения, способность к рефлексивному анализу, умение рационально выйти из конфликта, адекватную самооценку и уверенность в себе. Показана необходимость сформировать у обучающихся определенный набор моральных и профессиональных качеств, которые позволят будущим юристам стать максимально конкурентоспособными на рынке труда после выпуска из высшего учебного заведения. Предлагаются возможные направления осуществления педагогической поддержки будущих юристов, а также рассматриваются этапы реализации педагогической поддержки студентов на всех учебных курсах при получении высшего юридического образования.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение, педагогическая поддержка, личностно-профессиональное развитие, индивидуально-психологические особенности, юридическое образование, юридическая деятельность.

«Педагогическая поддержка» и «педагогическое сопровождение»: к соотношению понятий

Развитие технологий педагогического сопровождения становится все более актуальным вопросом в контексте гуманизации современного высшего образования. Сегодня образовательное пространство вуза не только нацелено на создание материально-технических условий для успешной учебно-познавательной деятельности, но и предполагает реализацию личностно ориентированного подхода к каждому студенту с учетом его индивидуально-личностных особенностей и задатков.

Согласно исследованиям Ю.В. Слюсарева [1], В.И. Слободчикова [2], педагогическое сопровождение является деятельностью со стороны педагогического состава вуза, включающую как активное и постоянное стимулирование и мотивацию к учебному процессу, обнаружение потенциала в обучающихся, так и психолого-педагогическую поддержку и совместное решение возникающих проблем.

Педагогическое сопровождение имеет тесную связь с педагогической поддержкой [3]. По своей

сути она представляет собой методологическую основу системы педагогического сопровождения наряду с личностно ориентированным подходом, приоритетом антропологических ценностей и парадигмой развивающего образования.

Представляет интерес позиция Н.М. Борытко [4], полагающего, что педагогическое сопровождение отлично от поддержки за счет его непрерывности, в то время как педагогическая поддержка направлена на преодоление конкретных затруднений и совместную работу со студентом по определению его интересов, склонностей, способностей, ценностно-целевых установок, возможностей и способов преодоления трудностей, препятствующих саморазвитию.

Термин «поддержка» (по В.И. Далю) содержит смысл – служить опорой для крепости (опорной точкой, надеждой, убежищем). Поддержка – это действие, которое не дает прекратиться, нарушиться тому, что существует, движется (находится в динамике).

В педагогику понятие «педагогическая поддержка» было введено Н.Б. Крыловой [5]. О.С. Газман [6] дал развитие соответствующему направлению профессиональной деятельности педагогов, целью которого является оказание

помощи обучающимся в разрешении их проблем. По мнению Т.В. Анохиной, педагогический смысл понятия поддержка заключается в следующем: «поддерживать можно лишь то, что уже имеется в наличии (но на недостаточном уровне, количестве, качестве), т.е. поддерживается «самодвижение», развитие «самости», самостоятельности человека» [7].

Теоретические основы педагогической поддержки были развиты О.В. Бережновой. Автор сформулировал основополагающие начала, на которые опирается данный педагогический феномен: принцип взаимодействия и обратной связи, т.е. обмен опытом, консолидация педагога и студентов для решения сложных групповых и индивидуальных педагогических задач, уважение ко всем участникам педагогического процесса; принцип готовности к установлению отношений с различными субъектами учебно-познавательной деятельности; принцип поддержания комфортных условий общения – доброжелательность, моральное и эмоциональное поощрение, чуткость; принцип корректности, предполагающий профессиональную этику, такт, толерантность как базу для взаимоотношений со студентами [8].

В настоящем исследовании мы поставили проблемы, являющиеся наиболее актуальными при осуществлении преподавателем высшей школы педагогической поддержки будущих юристов: точное диагностирование необходимых направлений личностного и профессионального роста этой категории студентов, выбор и корректировка педагогических технологий для их максимальной эффективности, а также соотношение поставленных целей и полученных результатов. В качестве задач исследования мы определили выявление специфики педагогической поддержки студентов юридических специальностей; определение основных направлений педагогической поддержки будущих юристов и последовательных этапов педагогической поддержки, а также определение критериев эффективности проведенной работы по педагогической поддержке студентов юридических специальностей.

Специфика педагогической поддержки будущих юристов

Наш многолетний опыт педагогической деятельности по подготовке будущих юристов дает возможность утверждать, что переоценить значение педагогической поддержки студентов, получающих эту профессию, сложно. Подготовить профессионала в сфере юриспруденции, обладающего строго определенным набором

личностных и профессиональных качеств, сделать его потенциально успешным на рынке труда – актуальная и наиважнейшая задача для педагога.

Следует отметить, что именно педагогическая поддержка дает возможность сформировать, развить и в дальнейшем поддерживать систему личных и профессиональных ценностей будущего юриста.

Юрист – это представитель особой профессиональной группы, которая играет немалую роль в социуме. Правотворческая, правоприменительная, правоохранительная деятельность, адвокатура, нотариат, юридические службы государственных, муниципальных и негосударственных организаций и учреждений – все это сфера деятельности представителей юридического сообщества. Моральные и профессиональные качества специалиста в сфере юриспруденции не только являются основополагающими началами для его успешного роста и развития, но и представляют ценность для общества в целом, и они должны быть сформированы именно на этапе обучения в вузе.

Поскольку юридическая деятельность относится к категории субъект-субъектных отношений, юрист должен обладать, в первую очередь, такими навыками, которые дадут ему возможность конструктивного взаимодействия с различными категориями граждан для достижения своих профессиональных целей. Безусловно, набор профессиональных качеств нужен юристу как квалифицированному специалисту, но именно определенные индивидуально-психологические особенности, необходимые непосредственно для работы в сфере юриспруденции, в большинстве случаев дают реальную возможность для карьерного роста и профессионального успеха. К таким особенностям можно отнести эмоциональную устойчивость, высокий самоконтроль поведения, способность к рефлексивному анализу, умение рационально выйти из конфликта, адекватную самооценку, уверенность в себе и т.д. Перечисленные личностно-психологические качества будущий юрист в большинстве случаев имеет возможность сформировать на этапе получения высшего образования. И именно педагог, преподаватель, должен проводить постоянную работу по сопровождению развития личностных особенностей студентов, осуществляя педагогическую и психологическую поддержку.

Направления педагогической поддержки студентов юридических специальностей

Педагогическая поддержка студентов юристов на всех этапах обучения может вестись

по нескольким направлениям. Безусловно, педагогу следует постоянно проводить диагностику для определения личностной готовности обучающихся к освоению профессии юриста. С каждой новой группой работа преподавателя должна начинаться с установления психологического контакта. Преподавателю стоит оперативно выявить общий настрой на работу, почувствовав внутреннюю атмосферу коллектива, и продиагностировать каждого студента, установить личностные особенности. И только с учетом психологических особенностей членов студенческой группы преподавателю стоит применять те или иные способы педагогической поддержки.

Невозможна педагогическая поддержка без просветительской работы преподавателя по разъяснению причин возникновения конфликтных, критических ситуаций, нежелания получать профессию юриста (может возникнуть на любом курсе), а также по рассмотрению средств преодоления возникающих у студентов проблем.

Те студенты, которые занимают пассивную позицию в образовательном процессе, а также те, кто находится «в обороне» по отношению к любому педагогическому воздействию, требуют проведения с ними серьезной коррекционной работы. Именно эта категория студентов является для педагога самой сложной. Будет ли иметь похвала стимулирующее воздействие или станет основанием для дальнейшего бездействия? Станет ли студент более заинтересован в получении профессиональных знаний, приняв критику от преподавателя или, наоборот, перестанет исправлять ситуацию и будет намеренно получать отрицательные оценки? Как разграничить требовательность и жесткость при обеспечении дисциплины и установить критерии определения степени воздействия на проблемных студентов? Ответы на эти и многие другие вопросы каждый педагог должен давать себе сам, чутко ориентируясь на особенности группы и каждого студента.

Также одним из направлений педагогической поддержки будущих юристов является активная консультативная работа по выстраиванию персональных маршрутов личностного и профессионального роста. Педагог может не только дать рекомендации нуждающимся в этом студентам по участию в дополнительных учебных и научных мероприятиях для развития и закрепления личностных и профессиональных качеств и навыков (олимпиады, конференции, научные фестивали, работа в студенческой юридической клинике и т.д.), но и направить молодого человека при выборе специализации и возможного будущего места работы. Наш

опыт работы показывает, что в такой форме педагогической поддержки нуждается небольшое количество студентов, но в дальнейшем именно эти молодые люди показывают себя как состоявшиеся юристы-профессионалы.

Технология педагогической поддержки студентов юридических специальностей: общее и особенное

Каким же требованиям должна отвечать педагогическая поддержка, осуществляемая педагогом в отношении студентов учебной группы? Для того чтобы педагогическая поддержка выполняла свои функции, а именно развивала психофизические качества, коммуникативные умения и интеллектуальные навыки будущих юристов, преподаватель должен осуществлять такое сопровождение студентов не стихийно, а систематически. Ведение педагогом поэтапной работы в группе даст именно тот полезный эффект, который является конечной целью педагогического сопровождения в форме педагогической поддержки: приобретение обучающимися профессионально-психологической стабильности, устойчивой коммуникативной компетентности, а также развитого профессионального творческого мышления.

Проведение работы по осуществлению педагогической поддержки личностно-профессионального развития будущих юристов следует начинать с аналитической деятельности по выявлению и систематизации имеющихся проблем, возникающих перед студентами в ходе учебного процесса. Среди них можно выделить, в первую очередь, непонимание целей образовательного процесса и своих потребностей в нем. Большинство студентов не видит конечной цели получения юридического образования, осознавая лишь промежуточные цели (сдача зачета или экзамена, написание курсовой работы, перевод на следующий курс и т.д.). В ходе бесед со студентами о целях подготовки к семинарским занятиям лишь единицы говорят о том, что полученные знания они планируют использовать в будущей практической деятельности. Основная масса студентов открыто заявляют, что мотивируют себя получить оценку на семинаре с перспективой получить преференции при сдаче экзамена.

Еще одной проблемой является неумение многих студентов распределять свое учебное и свободное время, отсутствие навыков тайм-менеджмента. При планировании своей деятельности студенты зачастую не разрабатывают для себя индивидуальную систему подготовки к занятиям либо разрабатывают ее без учета сво-

их индивидуальных особенностей и личных качеств. Незнание своего индивидуального стиля учебы приводит к тому, что выбор учебного ритма кардинально не совпадает с типом нервной системы. Как итог – отсутствие положительного результата, а значит, мотивации, в результате чего существенно снижается или исчезает интерес к учебному процессу.

Также в числе ситуаций, требующих грамотной педагогической поддержки, можно выделить коммуникативные сложности, возникающие между членами группы и при взаимодействии с педагогом, излишнюю самоуверенность или неуверенность в своих силах, завышенные требования к себе, завышенную или заниженную самооценку и ряд других.

После выделения и классификации существующих у студентов проблем, а также проведенной аналитической работы следует этап, на котором необходимо четко определить цели, с которыми будет осуществляться преподавателем педагогическая поддержка студентов в каждой конкретной группе, а также непосредственно те направления работы, по которым будет следовать педагог для достижения поставленных целей.

Первые два этапа педагогической поддержки при их последовательном осуществлении дают преподавателю возможность добиться полезного эффекта с максимальным результатом в своей психолого-педагогической работе с обучающимися. В этом случае его деятельность будет носить систематический и адресный характер.

Необходимым и важнейшим этапом психолого-педагогической поддержки является совместное со студентом моделирование стратегий его саморазвития и самореализации в личностном и профессиональном поле. Данный этап педагогической поддержки может быть реализован преимущественно на втором и последующих годах обучения в связи с тем, что обучение на первом курсе носит по своей сути характер введения в новую среду, в новые условия взаимодействия, ассимиляции в образовательное пространство вуза, а основная задача профессорско-преподавательского состава состоит в оказании помощи студенту в адаптации к новым условиям жизнедеятельности [9]. Педагог, осуществляющий педагогическую поддержку первокурсников, помогает им в поиске своего места в учебном заведении, помогает приспособиться к вузовским нормам, разрешить ряд трудностей в налаживании контактов со всеми участниками образовательного процесса.

Этап проектирования оптимальных стратегий личностного и профессионального роста имеет задачу сформировать у студентов деятельностьную позицию, которая даст возмож-

ность не только целостного видения юридической профессии, но и видения себя в ней. Совместная работа с преподавателем, в особенности с преподавателем профильных дисциплин и дисциплин по выбранной специализации, может помочь студенту осмыслить происходящие события в окружающем мире с точки зрения своей будущей профессии, а в ряде случаев сменить ценности и цели, что свидетельствует о достаточно глубокой рефлексии. При этом педагог должен не более чем сопровождать и поддерживать, проявлять максимальный профессиональный такт и педагогическую чуткость, постоянно учитывая специфику каждого из обучающихся. От педагога требуются гибкость, пластичность мышления, отказ от стереотипных действий и реакций, выработанных в профессиональном сообществе и воспроизводимых зачастую автоматически. В большей степени он – координатор и наставник, а не руководитель, использующий императивность как форму общения. В противном случае партнерские отношения, доверительная связь со студентами могут быть утрачены. При этом педагогу нельзя забывать о том, что основная цель его профессиональной деятельности – подготовка юриста соответствующего уровня и специализации, конкурентоспособного на рынке труда специалиста, готового к практической деятельности к моменту выпуска из высшего учебного заведения.

Ядром этапа по совместному моделированию направлений личностно-профессионального роста является формирование у студента представлений о себе как о юристе-профессионале, стремлений творчески реализовывать себя в выбранной профессии, а также развитие потребности в новых достижениях в профессиональной сфере.

В качестве отдельного этапа педагогу для оценки эффективности и возможного проведения корректировки работы по осуществлению психолого-педагогической поддержки следует выделять текущий контроль изменений в личностном и профессиональном поле обучающихся. Применение технологий развивающей диагностики необходимо для коррекции личностного и интеллектуального профилей студентов. Преподаватель может вовремя провести консультирование и помочь в решении назревающих или уже возникших проблем.

Что касается итогового контроля, возможно на последнем году обучения, то его цель заключается в финишной диагностике способностей студентов для оказания помощи в нахождении сферы применения полученных знаний, навыков и умений. Этот этап важен с практической точки зрения в разрезе возможного трудо-

устройства будущих выпускников. Сегодня существует достаточно крепкая связь работодателей и вузов, готовящих кадры для наполнения рынка труда. Нередко представители юридического сообщества обращаются к преподавателям вуза с просьбой порекомендовать студента последнего курса или выпускника, готового к практической деятельности. Именно преподаватель вуза, прошедший со студентом различные этапы формирования и роста личностных и профессиональных качеств, может адекватно оценить его готовность к практической работе в той или иной сфере юриспруденции.

Любая проведенная педагогическая работа, в том числе и работа по сопровождению студентов в форме педагогической поддержки, должна заканчиваться анализом того, как соотносятся поставленные в начале пути цели педагогической поддержки с полученным конечным результатом. Именно ответ на этот вопрос должен подталкивать педагога высшей школы к постоянному самосовершенствованию в педагогике и психологии [10]. Независимо от квалификации, стажа работы, опыта, регалий, каждый преподаватель помимо владения профессиональным материалом должен постоянно самосовершенствоваться как педагог и психолог [11].

Заключение

Высшее образование сегодня имеет четко поставленную цель – создать все условия для проявления и наращивания личностного и профессионального потенциала обучающихся [12]. Для будущего юриста крайне важно за время обучения в вузе сформировать такой набор качеств, который позволит конкурировать на рынке труда и сразу включиться в практическую юриспруденцию после получения высшего образования. В этом контексте перед педагогами, работающими со студентами-юристами, стоит задача организовать поддержку мотивации на дальнейший личностный и профессиональный рост, а также создать условия для становления студентов как субъектов профессиональной юридической деятельности. Проведенная работа по предоставлению педагогической поддержки должна дать такой полезный эффект, при котором у выпускающегося из вуза студента-юриста будут ярко развиты психофизические качества, коммуникативные умения и интеллектуальные навыки.

Таким образом, мы убеждены в том, что профессионально организованная педагогиче-

ская поддержка студентов, получающих высшее юридическое образование, способствует формированию у них необходимых компетенций. Перспективы нашего исследования мы видим в разработке и реализации технологий педагогической поддержки будущих юристов в образовательном пространстве вуза.

Список литературы

1. Слюсарев Ю.В. Психологическое сопровождение как фактор активизации саморазвития личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 1992. 23 с.
2. Слободчиков В.И. Психология человека: Введение в психологию субъектности. М.: Школа-Пресс, 1995. 383 с.
3. Саяпина Н.Н. Педагогическое сопровождение развития студентов высшего образования педагогической направленности // Образование. Наука. Инновации. 2014. № 6 (38). С. 242–247.
4. Борытко Н.М. Система профессионального воспитания в вузе. М.: АПК и ППРО, 2005. 205 с.
5. Крылова Н.Б. Педагогическая, психологическая и нравственная поддержка как пространство личностных изменений ребенка и взрослого // Классный руководитель. 2000. № 3. С. 96–108.
6. Газман О.С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. Вып. 3 / Ред. Н.Б. Крылова. М.: Инноватор, 1995. 58 с.
7. Анохина Т.В. Педагогическая поддержка как реальность современного образования // Новые ценности образования: Забота – поддержка – консультирование. Вып. 6. М.: Инноватор, 1996. С. 71–90.
8. Бережнова О.В. Рефлексивная деятельность как педагогическое условие саморазвития студентов вуза: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: Ростов-на/Д., 2005. 24 с.
9. Мерзлякова Д.Р., Файзуллина Г.З. Психолого-педагогическое сопровождение студентов высших учебных заведений в процессе адаптации к обучению // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2014. №3 (18). С. 146–148.
10. Сергеева С.В., Воскресенко О.А. Формирование готовности педагога высшей школы к педагогическому сопровождению адаптации обучающихся // Педагогическое образование и наука. 2012. № 1. С. 65–70.
11. Черкасова И.И. Технология сопровождения и поддержки деятельности студента в контексте изменения педагогического мышления преподавателя // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 171–181.
12. Сидорин А.В., Сидорин В.В. Модели и методы обеспечения и гарантии качества подготовки кадрового потенциала для новой индустриализации // Материалы Международной научной конференции «Профессиональное развитие в современном мире». М.: МИРЭА, 2013. С. 105–109.

**SOME PECULIARITIES OF PEDAGOGICAL SUPPORT FOR PERSONAL
AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT
OF FUTURE LAWYERS IN THE CONTEXT OF HIGHER EDUCATION**

A.V. Ostapenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines some current issues of pedagogical support for personal and professional development of future lawyers in the context of implementation of the idea of a person-oriented education. Pedagogical support is considered as one of methodological fundamentals for self-development of a law student's personality in a university. We analyze various approaches to the definition of the term «pedagogical support» in scholarly literature. Particular attention is given to the ways how university professors shape their students' readiness to obtain professional knowledge for future practical work and to constant professional self-development, how they develop skills of creative professional thinking and communication skills, help to develop emotional stability, high self-control of behavior, ability of reflective analysis, ability to get out of a conflict in a rational way, adequate self-esteem and self-confidence. The article shows the need to develop in the students a certain set of moral and professional qualities that will allow future lawyers to become most competitive in the labor market after graduating from a higher educational institution. Possible directions for the implementation of pedagogical support for future lawyers are proposed. The stages in the implementation of pedagogical support for students during their course of studies in a higher educational institution are examined.

Keywords: pedagogical support, personal and professional development, individual psychological characteristics, legal education, legal activity.

УДК 372.853

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ

© 2018 г.

С.В. Полушкина

Полушкина Светлана Владимировна, ассистент кафедры кристаллографии
и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Polushkinas@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 26.03.2018**Статья принята к публикации 26.04.2018*

Рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема повышения эффективности обучения физике в соответствии с требованиями ФГОС. Проведен анализ требований к результатам освоения основной образовательной программы согласно новому образовательному стандарту. Отражена актуальность проблемы несоответствия существующих методик обучения стандартам второго поколения. Рассмотрен критериальный подход к оценке усвоения нового физического знания, который представляет собой систему уровней, где переход к каждому последующему уровню может осуществляться только при наличии предыдущего. Предлагается методика обучения учащихся экспериментальной деятельности по физике, основанная на реализации системно-деятельностного подхода с использованием школьного физического эксперимента. В основе методики лежит деятельность учащихся по усвоению не только содержания, но и процесса получения нового познавательного результата. Описаны результаты внедрения предложенной методики в образовательный процесс ряда школ. Приводятся результаты эксперимента, которые подтвердили повышение эффективности учебного процесса по физике и достижение учащимися уровня усвоения физического содержания, соответствующего требованиям ФГОС при реализации предложенной методики.

Ключевые слова: экспериментальная деятельность, критерии эффективности обучения физике, школьный физический эксперимент, методика обучения учащихся экспериментальной деятельности по физике, Федеральный государственный образовательный стандарт основного и среднего общего образования.

Введение

Современный этап развития школьного образования выдвигает на первый план системно-деятельностный подход. Основной целью представленного подхода является активизация познавательной деятельности школьников.

Познавательный интерес учащихся к физике складывается из интереса к явлениям, законам, происходящим вокруг нас; из возможности понять и объяснить их сущность на основе как теоретических, так и практических знаний; из возможности овладеть навыками планирования и выполнения физических экспериментов.

Наличие экспериментальной деятельности на уроках физики способствует росту познавательной активности учащихся, улучшению качества получаемых знаний, формированию практических умений, что в совокупности вызывает повышение эффективности процесса обучения.

Однако за последнее десятилетие в общеобразовательных школах было сокращено количество часов на изучение физики (в базовом варианте учебного плана до двух часов в неделю, в гуманитарных классах – до одного). Это привело к тому, что экспериментальной деятельности на уроках физики не уделяется должного внимания [1].

Результаты проведенного нами опроса и анкетирования учителей показали снижение эффективности школьного физического эксперимента, которое выражается в том, что объем усвоенных знаний, уровень познавательных умений учащихся, получаемых при демонстрации, не соответствует методическим усилиям учителя, затратам его времени. В еще большей степени усечение коснулось лабораторного эксперимента, который свелся к воспроизведению эксперимента по готовой схеме, описанной в учебнике, а также практикума, который полностью исчез из учебной деятельности учителя и учащихся [2].

Проблемы организации школьного физического эксперимента затронуты в работах В.В. Майера [3; 4], Е.И. Вараксиной [5; 6], Г.Г. Никифорова [7; 8] и др. Анализ работ позволяет выделить основные причины снижения эффективности школьного физического эксперимента.

1. Демонстрационный эксперимент используется зачастую в качестве иллюстрации к рассказу учителя.

2. Учащиеся при проведении эксперимента только наблюдают и фиксируют результаты наблюдений, что говорит о низкой эффективности познавательной деятельности учащихся, в

силу того, что даже безупречно поставленный опыт не вызовет интерес учащихся, если они не участвуют в обсуждении и объяснении результатов эксперимента, а эффект демонстрации будет минимальным.

Таким образом, повышение эффективности учебного процесса по физике возможно при повышении эффективности школьного физического эксперимента через вовлечение учеников в активную экспериментальную деятельность на его основе. Под экспериментальной деятельностью мы предлагаем понимать деятельность учащихся, связанную с усвоением результатов учебного физического эксперимента, которая должна включать в себя наблюдение эксперимента, выдвижение гипотез, планирование эксперимента, собственное экспериментирование, обсуждение и анализ результатов, формулировку выводов, обобщений, получение нового знания в самостоятельной деятельности по применению способа получения знаний.

Целью нашего исследования является разработка методики обучения учащихся экспериментальной деятельности по физике, которая дает возможность организации максимальной познавательной деятельности учащихся, направленной на усвоение нового физического содержания.

Постановка проблемы

Внедрение ФГОС основного и среднего общего образования [9, 10] вносит серьезные коррективы в требования к результатам учебного процесса. Анализ требований к планируемым результатам обучения позволяет выделить основные умения, формируемые в ходе экспериментальной деятельности на уроках физики. В соответствии с ФГОС к таким умениям следует отнести приобретение учащимися навыка самостоятельно получать новые знания в процессе собственной учебно-познавательной деятельности, в ходе которой они усваивают не только содержание, но и процесс получения нового познавательного результата.

В связи с новым пониманием задач обучения физике нами разработана система уровней усвоения физического содержания:

- усвоение знаний;
- усвоение способа деятельности;
- усвоение способа получения знаний;
- получение нового знания в самостоятельной деятельности по применению способа получения знаний [11].

Мы провели мониторинг результатов учебной деятельности школьников, обучающихся по традиционным методикам. Достижение учащимися необходимого уровня знаний, требуемого

ФГОС, являлось критерием эффективности учебного процесса по физике.

В эксперименте принимали участие учащиеся общеобразовательных школ г. Нижнего Новгорода в количестве 243 человек. Для полноты картины нами были выбраны различные классы (7, 8, 9, 11), различные темы и виды экспериментов. Учащимся предлагались диагностические материалы, содержащие четыре группы заданий, соответствующие описанным критериям достижения уровней усвоения нового физического содержания. Условием достижения школьником определенного уровня считалось выполнение заданий всех четырех групп.

Оценка достижения определенного уровня знаний при выполнении учащимися лабораторных работ проводилась по степени самостоятельности выполнения поставленных задач. Учитель фиксировал в диагностических листах, с какого этапа работа учащимися выполняется самостоятельно: способен ли школьник на основе сформулированной проблемы предложить гипотезу её решения, разработать план действий, проанализировать полученный результат, а также способен ли применить усвоенный способ получения знаний, повторив аналогичную последовательность действий в новой ситуации. Ученик, вышедший на высокий уровень усвоения нового физического содержания, приступал к самостоятельному выполнению работы, начиная с построения гипотез.

Результаты мониторинга представлены на рис. 1.

Статистическая обработка полученных результатов по критерию Пирсона позволяет утверждать, что эмпирические распределения учащихся по уровням усвоения различного физического содержания неразличимы между собой на уровне статистической значимости 0.95 (табл. 1), $\chi^2_{0.05} = 7.8$.

В контрольных группах, в которых учителю рекомендовалось включить определенный эксперимент в урок без конкретных указаний, только единицы учащихся справились с заданиями четвертого уровня. Это значит, что при существующих методиках обучения физике учащиеся не могут достичь уровня усвоения знаний, требуемого ФГОС.

Таким образом, новые цели и задачи, которые ставит перед учителями стандарт второго поколения, требуют разработки методики обучения учащихся экспериментальной деятельности по физике, позволяющей организовать эффективную познавательную деятельность учащихся на основе школьного физического эксперимента.

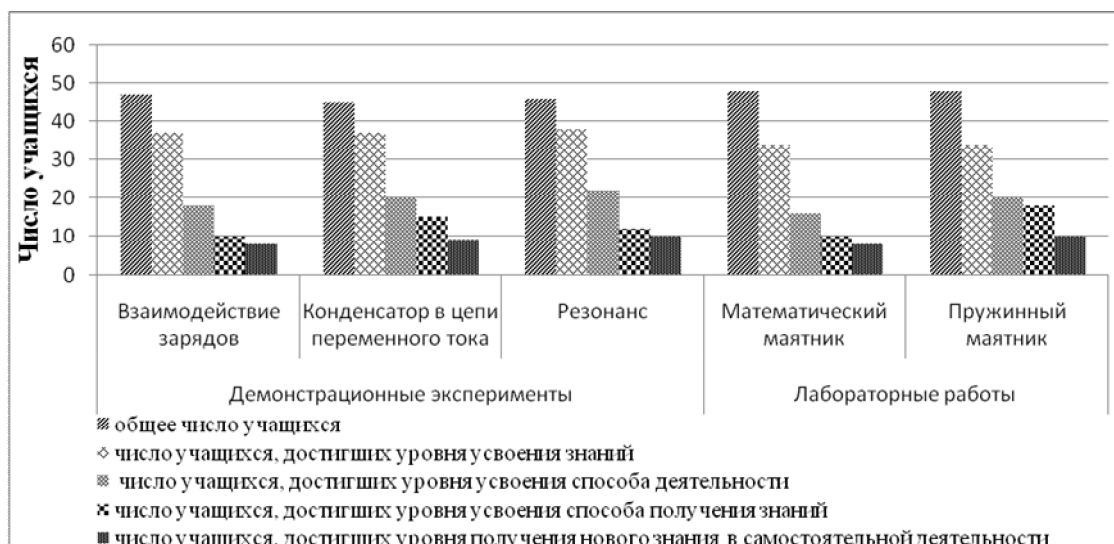

Рис. 1. Оценка эффективности учебного процесса по физике на основе уровневого подхода

Таблица 1

Значения критерия χ^2 при сопоставлении распределений результатов деятельности учащихся

Темы уроков	Взаимодействие зарядов		Конденсатор в цепи переменного тока		Резонанс в мех. системах		Математический маятник		Пружинный маятник	
Темы уроков	Взаимодействие зарядов	Конденсатор в цепи переменного тока	Резонанс в мех. системах	Математический маятник	Пружинный маятник	Взаимодействие зарядов	Конденсатор в цепи переменного тока	Резонанс в мех. системах	Математический маятник	Пружинный маятник
Взаимодействие зарядов	0	0	0.30	3.50	0.23	2.0	1.43	6.20	0.18	1.50
Конденсатор в цепи переменного тока	0.30	3.50	0	0	0.70	1.04	2.32	0.77	0.47	1.14
Резонанс в мех. системах	0.23	2.0	0.70	1.04	0	0	2.32	2.08	0.04	1.06
Математический маятник	1.43	6.20	2.32	0.77	2.32	2.08	0	0	2.30	2.9
Пружинный маятник	0.18	1.50	0.47	1.14	0.04	1.06	2.30	2.9	0	0

Методика обучения учащихся экспериментальной деятельности по физике

Для реализации поставленной цели были намечены следующие задачи:

- 1) выполнить требования ФГОС основного и среднего общего образования;
- 2) реализовать системно-деятельностный подход в обучении физике учащихся основной и средней школы на основе школьного физического эксперимента;
- 3) повысить эффективность учебного процесса через вовлечение учащихся в активную познавательную деятельность на основе школьного физического эксперимента;
- 4) развить навыки самостоятельного приобретения новых знаний и умений у учащихся;
- 5) повысить роль и значимость школьного физического эксперимента в учебном процессе по физике.

Нами создана методическая система обучения учащихся экспериментальной деятельности

по физике, которая опирается на системно-деятельностный подход в обучении физике. На рисунке 2 представлена разработанная модель методической системы обучения учащихся экспериментальной деятельности по физике, которая является её схематическим, графическим представлением. Методическая система имеет традиционную структуру и включает в себя следующие компоненты: целевой, содержательный, организационно-деятельностный, диагностический.

Оригинальность методической системы состоит в наполнении ее компонентов. В целевом компоненте нами сформулированы цель и основные задачи.

В содержательном компоненте мы представляем разработанную нами модель учебного процесса по реализации системно-деятельностного подхода в обучении физике учащихся основной и средней школы на основе школьного физического эксперимента [12].

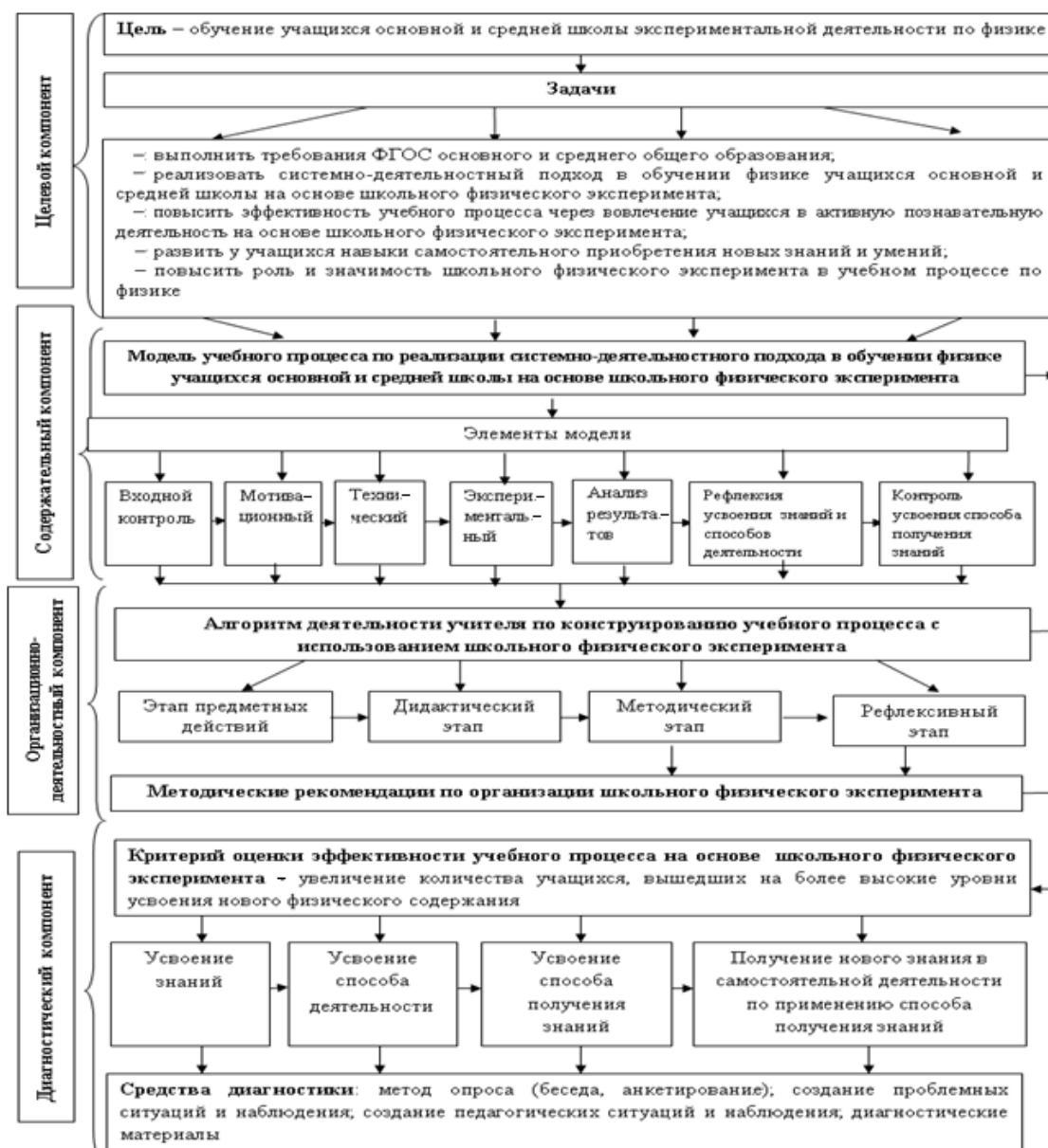

Рис. 2. Модель методической системы обучения учащихся экспериментальной деятельности по физике

Организационно-деятельностный компонент включает алгоритм деятельности учителя по конструированию учебного процесса с использованием школьного физического эксперимента [13] и методических рекомендаций по организации школьного физического эксперимента [14].

В диагностическом компоненте отражен критерий оценки эффективности учебного процесса на основе школьного физического эксперимента, о котором говорилось ранее.

Методика обучения учащихся экспериментальной деятельности по физике реализуется в описанной методической системе. В основе методики лежит идея организации учебного процесса с использованием школьного физического эксперимента по приобретению учащимися новых знаний в ходе познавательной деятельности, посредством которой они усваивают не

только содержание, но и процесс получения нового познавательного результата.

Результаты и их обсуждение

В целях апробации предложенной методики обучения учащихся экспериментальной деятельности по физике нами был проведен аналогичный мониторинг результатов учебной деятельности школьников, которые проходили обучение по разработанной методике. Исследование проводилось на базе общеобразовательных школ г. Нижнего Новгорода: МАОУ «Школа № 172», МБОУ СОШ «Школа № 74 с углубленным изучением отдельных предметов», МБОУ «Гимназия № 50». В экспериментальных группах уроки физики проводили учителя – участники педагогического эксперимента по

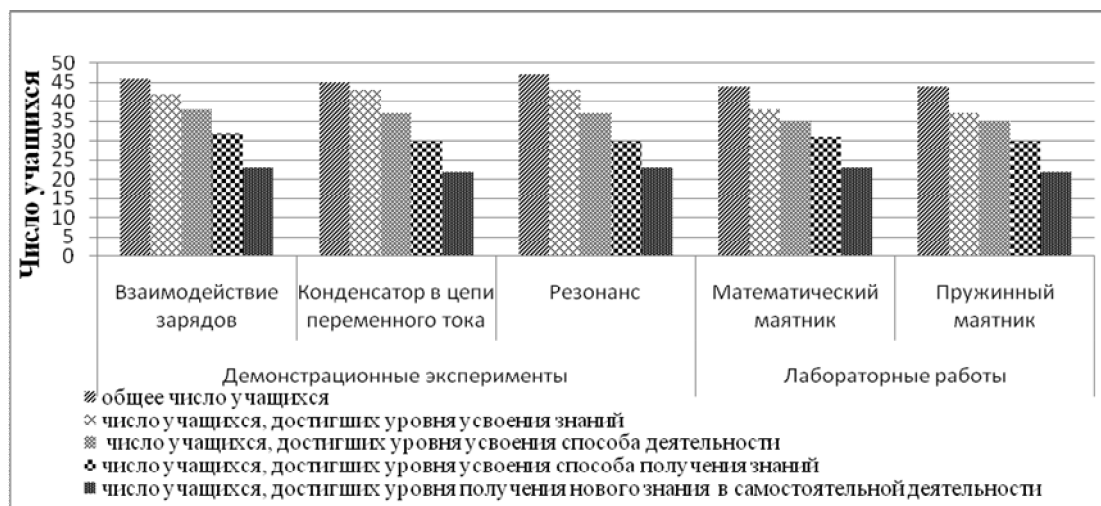

Рис. 3. Результаты исследования экспериментальной группы учащихся

Таблица 2

Значения критерия χ^2 при сопоставлении распределений результатов деятельности учащихся контрольной и экспериментальной групп

Темы уроков	Критерий Пирсона χ^2
Взаимодействие зарядов	99.5
Конденсатор в цепи переменного тока	56.3
Резонанс в мех. системах	49.2
Математический маятник	54.8

разработанной в настоящей работе методике. Для учителей, работавших в экспериментальных группах, были организованы специальные занятия в педагогической мастерской на базе физического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского. В ходе занятий учителя изучили предложенную методику, познакомились с примерами разработанных уроков по различным темам. При экспериментальном обучении учителя – участники исследования самостоятельно подбирали необходимые эксперименты и разрабатывали планы уроков на основе предложенной методики.

Учащимся экспериментальных групп предлагались диагностические материалы, содержащие такие же группы заданий, которые выполняли учащиеся контрольных групп.

Результаты обработки диагностических материалов представлены на рис. 3.

На основании представленных результатов можно отметить, что экспериментальные группы учащихся проявили значительно более высокие показатели по сравнению с контрольными группами по всем выделенным уровням деятельности. Такие высокие показатели наблюдаются вне зависимости от темы урока и от вида эксперимента. Статистически достоверных различий между результатами усвоения учащимися различных тем не выявлено. Максимальное эмпирическое значение критерия Пирсона составляет $\chi^2=3.5$, что не превышает его критического значение ($\chi^2_{0.05}=7.8$).

В экспериментальной группе наивысшего уровня, а именно способности самостоятельно применять новые знания и умения, достигли около 50% школьников по каждой из предложенных тем. Сравнение эмпирических распределений результатов деятельности учащихся контрольных и экспериментальных групп показало, что наблюдаются различия этих распределений между собой на уровне статистической значимости 0.99 ($\chi^2_{0.01}=11.3$) (табл. 2).

Полученные результаты подтвердили прогнозируемую динамику роста числа учащихся, способных достигнуть необходимого уровня усвоения нового физического содержания, требуемого ФГОС основного и среднего общего образования.

Заключение

Таким образом, проведенное нами педагогическое исследование подтвердило, что разработанная методика обучения учащихся экспериментальной деятельности по физике позволяет статистически достоверно повысить эффективность обучения физике, выполнить требования ФГОС и эффективно решать актуальные задачи образования.

Список литературы

1. Разумовский В.Г. Естественнонаучное образование и конкурентоспособность // Педагогика. 2013. № 7. С. 14–25.

2. Деева Е.П., Лебедева О.В. Физический практикум в физико-математическом лицее в условиях введения ФГОС // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. №4 (40). С. 175–181.
3. Майер В.В., Вараксина Е.И. Образовательные ресурсы проектной деятельности школьников по физике: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 228 с.
4. Майер В.В., Вараксина Е.И. Простые опыты с неодимовыми магнитами // Учебная физика. 2009. № 3. С. 3–20.
5. Вараксина Е.И. Теория и методика учебного физического эксперимента с упругими волнами ультразвукового диапазона низкой частоты: Дис. ... канд. пед. наук. Глазов: ГГПУ, 2006. 220 с.
6. Вараксина Е.И., Майер В.В. Учебные проекты по школьному физическому эксперименту: 7 класс. Дидактические ресурсы проектной деятельности. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 172 с.
7. Никифоров Г.Г., Поваляев О.А., Майер В.В. и др. Учебный физический эксперимент. Современные технологии: 7–11 классы: Методическое пособие / Под ред. Г.Г. Никифорова. М.: Вентана-Граф, 2015. 112 с.
8. Никифоров Г.Г., Ермолаев А.В., Масленникова Е.В. Ключевые самостоятельные экспериментальные исследования // Проблемы учебного физического эксперимента: Сборник научных трудов. Вып. 27. М.: ИСМО РАО, 2017. С. 41–43.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. М.: Просвещение, 2011. 48 с. (Стандарты второго поколения).
10. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/543> (дата обращения: 20.03.2018).
11. Гребенев И.В., Масленникова Ю.В., Лебедева О.В. Интегративная основа формирования познавательных умений учащихся // Педагогика. 2018. № 2. С. 52–58.
12. Полушкина С.В. Модель учебного процесса по усвоению способа получения знаний учащимися на основе школьного физического эксперимента // Модели и моделирование в методике обучения физике: Материалы докладов VII Всероссийской научно-теоретической конференции. Киров: Радуга-Пресс, 2016. С. 4–9.
13. Казарин П.В., Полушкина С.В. Алгоритм конструирования учебного процесса на основе учебного физического эксперимента // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. Вып. № 1(41). С. 185–190.
14. Гребенев И.В., Полушкина С.В. Методическая эффективность школьного физического эксперимента // Школа будущего. 2012. № 3. С. 14–18.

EXPERIMENTAL ACTIVITY AS A MEANS FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF TEACHING PHYSICS

S.V. Polushkina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In this article, we discuss the problem of improving the effectiveness of teaching physics in accordance with the requirements of the Federal state educational standard. An analysis of the requirements to the results of learning the core educational program according to the new educational standard is presented. The relevance of the problem is underlined by the discrepancy between the existing teaching methods and the second generation educational standards. We present a criterial approach for assessing the assimilation of new knowledge in physics. This approach is a system of levels, and the transition to each subsequent level can be carried out only if the previous one is available. The author proposes a methodology for teaching students experimental activity in physics based on the implementation of the systems-activity approach using the school physical experiment. The basis of this methodology is provided by students' activity in the assimilation of both the content and the process of obtaining a new cognitive result. The results of introducing the proposed methodology into the educational process in a number of schools are described. The results of experimental testing of the methodology have confirmed that the effectiveness of the educational process in physics is improved and that the students achieve the level of assimilation of physical content that meets the requirements of the FSSES.

Keywords: experimental activity, effectiveness criteria in teaching physics, school physical experiment, methods for teaching students experimental activity in physics, Federal state educational standard of basic and secondary general education.

УДК 378.4.042

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

© 2018 г.

Т.Ю. Скамьянова

Скамьянова Татьяна Юрьевна, к.т.н.; доц.; специалист по социальной работе (в системе адаптации)
Управления социальной и внеучебной работы
Пермского национального исследовательского политехнического университета
st-perm@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 18.01.2018**Статья принята к публикации 27.04.2018*

Студенты с особыми образовательными потребностями нуждаются в повышенном внимании педагогов. Они значительно чаще благополучных студентов отчисляются из вузов, поскольку отстают от нормативных требований учебного процесса. Как показал анализ педагогической литературы, профессиональная адаптация студентов с особыми образовательными потребностями в высшем инженерном образовательном учреждении учеными-педагогами не изучалась. В статье представлены приоритетные направления профессиональной адаптации таких студентов с использованием педагогических технологий контекстного обучения, учения через обучение и разноуровневого обучения. Экспериментальная проверка предложенных педагогических условий подтвердила эффективность такого взаимодействия между субъектами педагогического процесса. Эти условия способствуют формированию у студентов с особыми образовательными потребностями профессиональной культуры, в том числе определенных способов поведения, позволяющих им справляться с адаптационными трудностями и укреплять свое здоровье.

Ключевые слова: Закон об образовании, студенты с особыми образовательными потребностями, профессиональная адаптация к обучению, педагогические технологии.

Введение

В современном обществе, по мнению ученых, по полученной специальности работают только от 5% до 25% выпускников вузов [1, с. 7]. Поскольку важным фактором успешной профессиональной адаптации молодого специалиста, его профессионального становления в целом является состояние здоровья, то нередко причиной смены специальности служит появление новых или обострение хронических заболеваний. Исследователи свидетельствуют, что не только среди студентов вузов, но и среди школьников менее 10% здоровых детей и 35% хронически больных [2, с. 9]. Интенсивные учебные нагрузки приводят к хроническому переутомлению большинства обучающихся, являются причиной углубления личностных конфликтов студентов, отрицательно сказываются на их здоровье [3, с. 316; 4, с. 148].

Поэтому целью представленного исследования является экспериментальная проверка предложенных педагогических условий профессиональной адаптации студентов с особыми образовательными потребностями, позволяющих укрепить здоровье и повысить учебную успешность таких студентов в рамках системы адаптации к обучению в техническом вузе.

Нормативные акты

Новый закон об образовании в Российской Федерации выделяет из общего числа обучающихся лиц с особыми образовательными потребностями (ООП). К студентам с особыми образовательными потребностями закон № 273-ФЗ относит лиц с ограниченными возможностями здоровья [5, ст. 5, п. 5, п.п. 1; ст. 11, п. 6; ст. 48, п. 1, п.п. 6; ст. 79, п. 10]; лиц с особенностями развития [5, ст. 3, п. 1, п.п. 8; ст. 34, п. 1, п.п. 2] и лиц с нарушениями развития и социальной адаптации [5, ст. 5, п. 5, п.п. 1]. Чаще других занимаются учебной деятельностью (например, в высшем техническом учебном заведении) студенты-сироты, фактические и социальные; студенты-инвалиды или лица с серьезными хроническими заболеваниями; беременные студентки; студенты с длительным перерывом в образовании; лица, склонные к переутомлению от интенсивной интеллектуальной нагрузки. Необходимо отметить, что ряд нормативно-правовых актов регулирует трудовую деятельность беременных женщин и регламентирует социальную поддержку детей-сирот [6; 7]. Однако в этих документах не упоминаются особые условия, способствующие эффективному профессиональному становлению указанных

категорий студентов. Специальные условия для обучения таких студентов рекомендует создавать закон об образовании в Российской Федерации № 273-ФЗ [5, ст. 48, п. 1, п.п. 6; ст. 79, п. 10].

Исторические этапы изучения проблемы

Первым ученым, обратившим внимание на школьников, склонных к переутомлению от интенсивной интеллектуальной нагрузки, был чешский педагог Ян Амос Коменский. В Великой дидактике (лат., 1638 г.) он выделяет, как минимум, два типа таких школьников: «обладающие острым умом, но медлительные» [8, с. 309] и «медлительные и вялые» [8, с. 310]. О том, что необходимо следить за состоянием здоровья обучающегося, учитывать его личностные особенности, писал Дж. Локк (1693 г.). А.Н. Радищев полагал, что на фоне «телесных недугов» усиливается творческая активность личности, отмечал существование русской системы обучения глухих людей [9]. Следующим этапом помощи лицам с особыми образовательными потребностями стали материальная поддержка со стороны общества и систематическое обучение таких детей. Например, в России проблемы детей-сирот с 1775 г. начали решать так называемые сиротские суды [10] при городских магистратах; в первой четверти XIX в. Иван Карлович Арнольд, сам страдавший глухотой, основал в Москве училище для глухонемых детей. В начале 70-х гг. прошлого века В.И. Лубовский сформулировал определение понятию «особые образовательные потребности» для детей с недостатками развития. Особые образовательные потребности – это потребности в условиях, необходимых для оптимальной реализации актуальных и потенциальных возможностей, которые может проявить такой обучающийся в процессе обучения [11, с. 62]. Закон об образовании в РФ расширил круг лиц, для которых необходимы особые условия профессионального обучения [5, ст. 5, п. 5, п.п. 1]; закон № 273-ФЗ к лицам с особыми образовательными потребностями относит также лиц с ограниченными возможностями здоровья и особенностями развития. В.И. Лубовский предложил концепцию психологической диагностики нарушений развития, позволяющую точнее определить возможность инклюзии обучающегося с такими недостатками в массовое учебное учреждение [12]. Последователи ученого разработали вопросы социальной адаптации таких лиц, предложили методы коррекционной педагогики (И.А. Коробейников, Т.А. Басилова, С.М. Валявко), выявили психологические особенности инклюзивного обучения студентов с особыми образовательными

потребностями и дали рекомендации по его осуществлению (С.Н. Сорокоумова) [13, с. 136]. Вопросам подбора педагогических условий успешной адаптации студентов, укреплению их здоровья посвящены диссертационные работы Г.Р. Иксановой, О.Р. Кокориной, Н.М. Царьковой, Н.Г. Сигал и других исследователей [14–17]. В настоящее время реализация государственной политики в области образования лиц с ограниченными возможностями здоровья предполагает создание условий для получения этой категорией граждан полноценного высшего образования, приобретения такой специальности, которая дает возможность человеку стать равноправным членом общества. Интеграция этих студентов в образовательные условия высшей школы требует дополнительных знаний об особенностях формирования личности такого человека, применения новых технологий для обучения. Различным аспектам обучения лиц с особыми образовательными потребностями, изучению их индивидуальных характеристик посвящены исследования А.В. Мудрика, М.Ю. Бухаркиной, С.М. Юсфина, Х. Скилза. Современные стратегии индивидуализации адаптации представлены в работах зарубежных педагогов: E. Cotts, K.E. Mehr, R. Dalttry, M. Koca-Atabey.

Способы решения проблемы

Ряд авторов приводит результаты систематического педагогического сопровождения отдельных категорий студентов с ограниченными возможностями здоровья. Так, А.Г. Станевский описывает деятельность головного учебно-исследовательского центра профессиональной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья (инвалидов по слуху) МВТУ имени Н.Э. Баумана [18, с. 56]. В Московском государственном социально-гуманитарном институте осуществляется обучение лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата. Этот институт является единственным в России специализированным высшим учебным заведением, в котором обучение ориентировано именно на таких студентов [18, с. 292]. Л.В. Андреева, Д.И. Бойков, Е.Ф. Войлокова и другие считают, что полная образовательная интеграция является «наиболее перспективной моделью организации обучения лиц с ограниченными возможностями в системе профессионального образования» [18, с. 293].

Анализ представленных моделей систематического педагогического сопровождения отдельных категорий студентов с ограниченными возможностями здоровья показывает, что одни из них предполагают ограниченное число нозо-

логий студентов с особыми образовательными потребностями, другие охватывают ограниченное количество таких студентов, третьи модели имеют серьезные затруднения в реализации.

Методологическая база исследования

Методологическую базу исследования составили антропологический подход в образовании (К.Д. Ушинский, О.С. Гребенюк, Н.М. Борытко и др.); а также идеи здоровьесберегающего (Н.Ф. Измеров, В.В. Матюхин, Ю.В. Мойкин и др.), компетентного (А.В. Хуторской, В.И. Загвязинский и др.), целостного (Н.К. Сергеев, Ю.К. Бабанский и др.) и системного (Я.А. Коменский, Г.Н. Сериков и др.) подходов к осуществлению психолого-педагогического исследования.

Научно-педагогическое исследование проблемы профессиональной адаптации студентов с особыми образовательными потребностями позволило нам представить его результаты в форме педагогической концепции. Концепция технического образования лиц с особыми образовательными потребностями предполагает, что в годы учебы такие студенты начинают успешную реализацию своей профессиональной карьеры, для чего формируют профессиональную культуру, включающую умение укреплять свое здоровье. Это положение для практически здоровых и социально благополучных студентов высказал В.И. Загвязинский. Для успешной реализации профессиональной карьеры студентам с особыми образовательными потребностями необходима дополнительная индивидуализированная коррекция профессиональной и социальной адаптации. Концепция включает идеи теории педагогической психологии о возможности оптимизации учебного труда на основе принципа целесообразности и успешности (А.Е. Марон, И.А. Колесникова и др.). Педагогическая психологическая методология помогает субъекту профессиональной деятельности выйти на новый уровень ее осуществления, определяет методы и приемы, позволяющие делать реально существующими социально значимые продукты деятельности студента. Предложенная концепция отражает закономерность между профессиональным становлением личности и содержательной профессиональной карьерой. Формирование профессиональной культуры, другими словами – профессионализация личности, есть целостный непрерывный процесс, охватывающий «большую часть жизни человека» [19, с. 156], единицами анализа которого «выступают события профессиональной карьеры» [19, с. 159]. Выделенная закономерность позволила выявить ряд принципов как исходных тре-

бований «к организации педагогического процесса на практическом уровне» [20, с. 119]. Продуктивная практика адаптации, в основу которой положены принцип доступности, принцип фасилитации [21, с. 246], принцип индивидуализации [22], по нашему убеждению, может быть усилена принципами элективности и конфиденциальности [23, р. 149].

Достоверность результатов исследования

Достоверность результатов исследования подтверждается целостным подходом к исследуемой проблеме; непротиворечивостью исходных теоретико-методологических идей, репрезентативностью выборки на всех этапах исследования, его длительностью, устойчивой повторяемостью основных результатов. Так, с 01.09.2011 г. по 08.09.2015 г. в различных формах адаптационного взаимодействия приняли участие 492 человека; за 2015/2016 учебный год, по состоянию на 16.08.2016, еще 264 студента с особыми образовательными потребностями участвовали в адаптационном взаимодействии. Эти студенты учатся на всех девяти факультетах вуза, укрепляют свое здоровье и стабильно повышают учебную успешность.

Результаты исследования

Характеристика студентов с ООП

У лиц с особыми образовательными потребностями: студентов-сирот; студентов с хроническими заболеваниями или инвалидов; беременных студенток; студентов зрелого возраста; студентов, склонных к переутомлению при интенсивных интеллектуальных нагрузках, как у субъектов педагогической системы технического вуза в отличие от студентов, обладающих практически полноценным здоровьем, есть ярко выраженные общие особенности – такие, как порождение проблем своим взаимодействием с окружающими; наличие внутренних конфликтов; кодирование информации в проблемных ситуациях [24, с. 70]. Однако каждой категории этих лиц присущи и характерные только для нее черты, наиболее значимые для осуществления педагогического процесса. Студенты-сироты не умеют применять имеющиеся у них учебные знания; у студентов, склонных к переутомлению, занижена скорость освоения учебного материала; студенты с хроническими заболеваниями, и тем более инвалиды, значительно чаще практически здоровых студентов отсутствуют на аудиторных занятиях; студенты зрелого возраста страдают от дефицита времени; беременным студенткам необходимы дополнительные перерывы в учении [25, с. 368–369].

Проблема сохранения контингента таких студентов

Поскольку каждой категории студентов с особыми образовательными потребностями присущи черты, снижающие эффективность их учебной деятельности и, соответственно, повышающие вероятность досрочного отчисления с курса, проблема сохранения контингента студентов с особыми образовательными потребностями является актуальной. Эти лица с большим отставанием от практически здоровых студентов осваивают учебную программу [26, с. 125; 27, с. 24]. Во исполнение требований Федерального закона об образовании в РФ № 273-ФЗ профессиональные образовательные организации и образовательные организации высшего образования обязаны создавать для таких обучающихся специальные условия [5, ст. 48, п. 1, п.п. 6; ст. 79, п. 10], используя различные педагогические подходы и методы [5, ст. 5, п. 5, п.п. 1]. Полагаем, что подбор специальных условий для эффективного обучения студентов с особыми образовательными потребностями целесообразно начать с анализа тех проблем, с которыми сталкиваются эти лица, став студентами.

Программа исследования

Работа проводится в Пермском национальном исследовательском политехническом университете во исполнение требований Федерального закона об образовании в Российской Федерации от 29.12.2012.

Программа исследования включает пять этапов: начальный этап – для анализа спектра проблем студентов с особыми образовательными потребностями по материалам предыдущих исследований; второй этап – для подбора педагогических условий, позволяющих повысить учебную успешность таких студентов; третий этап – для определения приоритетных направлений профессиональной адаптации студентов с особыми образовательными потребностями и критериев оценки их успешной профессиональной адаптации; четвертый этап – для экспериментальной проверки выбранных педагогических условий; пятый этап – для анализа результатов исследования.

В исследовании приняли участие студенты с особыми образовательными потребностями первого и старших курсов шести факультетов: прикладной механики и математики (ФПММ), 44 человека с первого курса; аэрокосмического (АКФ), 50 человек с первого курса; механико-технологического (МТФ), 41 человек с первого курса бакалавриата и 8 человек с первого и второго курсов магистратуры; автомобильного факультета (АДФ), 20 человек со второго курса бакалавриата; химико-технологического (ХТФ), 10 человек с третьего курса; гуманитарного (ГумФ), 13 человек с четвертого курса.

Причины слабой учебной успешности студентов

В результате проведения первого этапа исследования мы выявили, что до 50% студентов были вынуждены пропускать аудиторские занятия для выполнения предписаний лечащих врачей; треть студентов сетовала на слабую учебную подготовку; были и такие респонденты, которым не нравилась специальность, поскольку их выбор был сделан поспешно, они хотели бы сменить специальность [23, с. 155]. Проведенные нами исследования показывают, что перечисленные причины слабой учебной успешности характерны для студентов с особыми образовательными потребностями всех курсов обучения, включая и магистратуру.

Подбор эффективных педагогических условий

Систематическое взаимодействие педагогов и студентов по преодолению учебных трудностей будущих инженеров рационально проводить в рамках системы адаптации студентов с особыми образовательными потребностями к обучению в техническом вузе [28, с. 251].

Для совершенствования образовательной практики Н.М. Борытко рекомендует создавать модель педагогических условий как педагогической среды становления исследуемого свойства [29, с. 127]. Модель педагогических условий профессиональной адаптации студентов с особыми образовательными потребностями (рис. 1) включает содержательно-технологические, кадровые и материальные условия.

Мы предлагаем при организации педагогического процесса со студентами с особыми образовательными потребностями опираться на следующие педагогические технологии: технологию разноуровневого обучения (автор – М.Ю. Бухаркина); технологию контекстного обучения (автор – А.А. Вербицкий); технологию учения через обучение (разработанную и впервые примененную на практике профессором Айхштеттского университета доктором Жан-Полем Мартаном).

Выбранные нами педагогические технологии разработаны для обучения практически здоровых студентов. Авторская адаптация педагогических технологий учитывает ценностные ориентации каждой категории студентов с особыми образовательными потребностями и их характерные черты, наиболее значимые для осуществления педагогического процесса получения высшего образования [30].

Организует работу системы адаптации студентов с особыми образовательными потребностями к обучению в техническом вузе педагог-инженер организационно-педагогического сопровождения (рис. 1). Считаем целесообразным особо подчеркнуть три необходимые со-

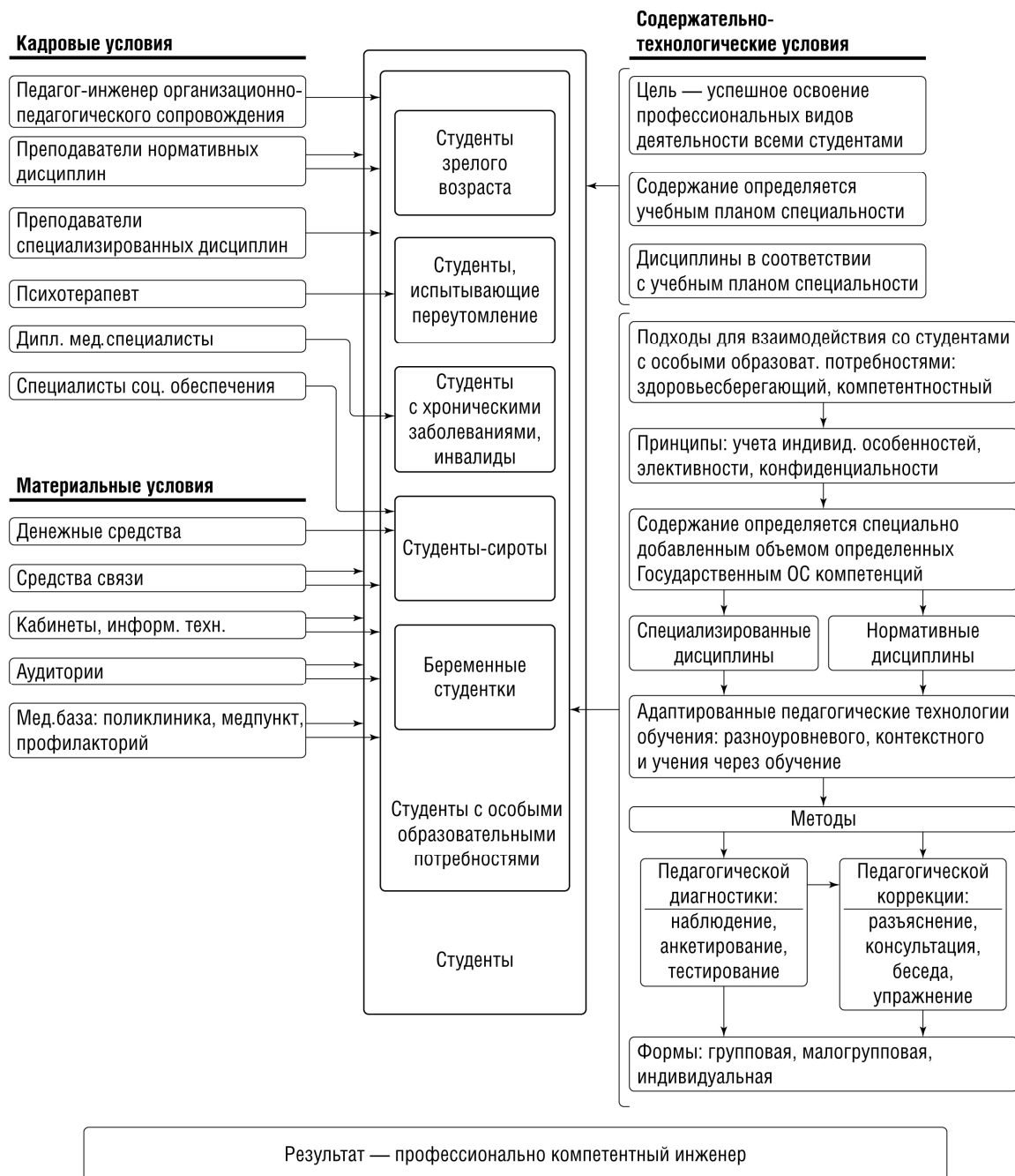

Рис. 1. Модель педагогических условий профессиональной адаптации студентов с особыми образовательными потребностями

ставляющие интеллектуального уровня этого профессионального воспитателя: высшее техническое образование и соответствующий ему опыт работы, высшее педагогическое образование и практические навыки, а также опыт и статус в сфере научно-исследовательской работы. Он выполняет следующие виды деятельности: проводит диагностику студентов-первокурсников, по результатам которой выявляет лиц с особыми образовательными потребностями; осуществляет мониторинг состояния здоровья таких студентов; содействует индивидуализации их обучения. Не реже одного раза в неделю он обсуждает с каждым студентом с особы-

ми образовательными потребностями социальные и учебные условия его адаптации, обращая внимание на динамику формирования профессионально важных качеств личности молодого человека.

Педагог организационно-педагогического сопровождения участвует в подготовке и реализации специализированных дисциплин (модулей), направленных на дополнительную индивидуальную коррекцию нарушений учебных и коммуникативных умений, профессиональной и социальной адаптации таких студентов на этапе высшего образования (рис. 1), как того требуют нормативные документы [31, с. 12].

Определение приоритетных направлений профессиональной адаптации

Студент за время обучения участвует, как минимум, в следующих практиках: ознакомительной, учебной, производственной, технологической и преддипломной, так как овладеть профессиональными компетенциями будущему инженеру можно лишь через его активное личное участие в различных видах профессиональной деятельности [32]. Поскольку совокупность мотивационно-ценностных, когнитивных и инструментально-операционных составляющих профессиональной компетентности определяется получаемой студентом специальностью, его личностной характеристикой и планируемой профессиональной карьерой, в каждом конкретном случае необходимо выбирать наиболее важные способы содействия студенту.

Приоритетные направления профессиональной адаптации студентов с особыми образовательными потребностями представлены на рис. 2. Результативной стороной процесса адаптации будет профессиональная адаптированность таких лиц. Категории студентов: С – студенты-сироты; З – студенты с длительным перерывом в образовании; Б – беременные студентки; Ф – студенты-инвалиды или лица с серьезными хроническими заболеваниями; П – лица, склонные к переутомлению от интенсивной интеллектуальной нагрузки (рис. 2). На рис. 2 представлены виды деятельности всех студентов, фундаментальная часть педагогического процесса в системе адаптации [33, с. 42], из них выделены наиболее значимые для каждой категории студентов с особыми образовательными потребностями. Для таких студентов предложены те виды практик, которые наиболее эффективны для коррекции их профессиональной адаптации. В правой части рис. 2 представлены нормативные результаты деятельности студентов.

Например, студенты зрелого возраста, основной ценностной ориентацией которых является обретение личной успешности, стабильно повышают свою профессиональную адаптированность при реализации технологии контекстного обучения, поскольку адаптация технологии направлена на проектирование и реализацию студентом собственной профессиональной карьеры руководителя. Технология позволяет таким студентам значительно повышать эффективность обучения, а вместе с этим уменьшает затраты времени на учебный процесс. В полной мере студент зрелого возраста реализует свои творческие возможности на преддипломной практике, итогом которой является подготовка и защита выпускной квалификационной работы (рис. 2). Это может быть проект цеха; тогда вы-

пускник предлагает технологические решения изготовления изделий, подбирает и рассчитывает оборудование для их производства, выстраивает цепочку оборудования; обеспечивает безопасность работников, обосновывает экономические показатели подразделения. В большинстве случаев проектируемый объект является предполагаемым местом будущей профессиональной деятельности студента зрелого возраста.

Для объективной оценки эффективности профессиональной деятельности используются три основных критерия: профессиональная продуктивность, профессиональная идентичность и профессиональная зрелость [19; 34]. Критериями оценки успешной профессиональной адаптации студентов можно считать уровень выполнения обучающимся нормативных требований учебного процесса, степень удовлетворенности выбором профессии, профессиональную самооценку [22, с. 292]. Своевременное выполнение нормативных требований учебного процесса контролировалось нами по нормативным документам учебной деятельности, степень удовлетворенности выбором профессии студентами с особыми образовательными потребностями определялась путем вербальных и тестовых опросов.

Для определения положительных изменений уровня профессиональной зрелости студентов, участвующих в педагогическом процессе адаптационной системы, был использован тест, подготовленный на основе предложенной Ю.П. Поваренковым оценки «уровня профессионального становления личности» [34, с. 9]. Критериями показателя являются выделенные Т.В. Бурлаковой для оценки эффективности учебно-профессиональной деятельности «профессиональная самооценка», «способность к самоорганизации» [22]. Тест содержит 5 заданий, градиент заданий от 2 до 12 баллов. Первое и четвертое задания относятся к профессиональной самооценке. Второе задание позволяет оценить способность студента с особыми образовательными потребностями к самоорганизации на примере здоровьесберегающего фактора. Пятое задание также относится к определению способности студента к самоорганизации. Третье задание позволяет оценить оба критерия. Значение балла, характеризующего профессиональную зрелость студента с особыми образовательными потребностями, может находиться в пределах от 0 до 30. Задания теста позволяют учитывать содержание «конкретной ситуации профессионального развития» [34, с. 8], уровень профессиональной компетенции и личностные качества студента с особыми образовательными потребностями.

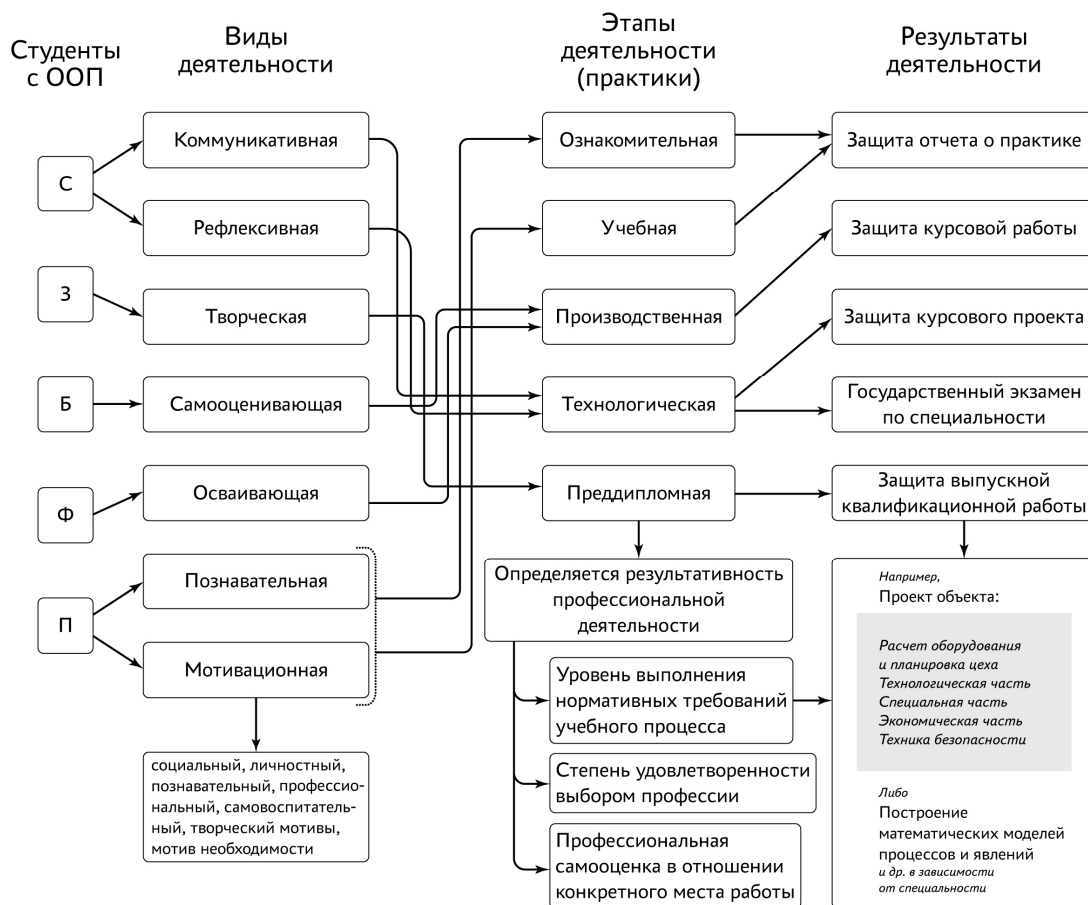

Рис. 2. Приоритетные направления профессиональной адаптации студентов с особыми образовательными потребностями

Таблица 1

Своевременное выполнение нормативных требований учебного процесса студентами, участвовавшими в исследовании

Уровень успешности, %	Факультет		
	ФПММ	АКФ	МТФ
Сессию сдали в нормативные сроки «без троек»	30	25	20
Сессию сдали в нормативные сроки	40	30	45
Сессию сдали на две недели позже нормативных сроков	20	40	30
Имеют 1-2 долга по зачетам или экзаменам	10	5	5

Экспериментальная проверка выбранных педагогических условий

Экспериментальная проверка подтвердила эффективность предложенного взаимодействия между субъектами педагогического процесса, правильность выбора приоритетных направлений профессиональной адаптации студентов с особыми образовательными потребностями.

В рамках системы адаптации к обучению в техническом вузе такие студенты смогли восполнить объем определенных Государственным образовательным стандартом компетенций, необходимый им для формирования профессиональной компетентности инженера (табл. 1), профессиональная продуктивность студентов возросла.

Степень удовлетворенности студентов, участвовавших в адаптационном взаимодействии,

выбором своей профессии (табл. 2) свидетельствует о положительных изменениях профессиональной идентичности, поскольку, как показали наши предшествовавшие исследования, выбранная специальность нравится только 10% подобных им студентов, не участвовавших в адаптационном взаимодействии. Еще 5% из них считает, что выбранная специальность «скорее нравится».

Предложенные в исследовании приоритетные направления профессиональной адаптации студентов с особыми образовательными потребностями повлияли и на профессиональную зрелость этих лиц: почти в два с половиной раза увеличилось среднее значение балла, характеризующего профессиональную самооценку студента с особыми образовательными потребностями, с 10.07 до 24.50.

Таблица 2

**Степень удовлетворенности студентов своей профессией,
в % от числа респондентов**

Степень удовлетворенности	Студенты, окончившие первый курс	Студенты старших курсов
Специальность нравится	54	55
Скорее нравится	13	39
Не определился	20	6
Скорее не нравится	0	0
Специальность не нравится	13	0

Выводы

Предложенные педагогические условия способствуют формированию у студентов с особыми образовательными потребностями профессиональной культуры, в том числе определенных способов поведения, позволяющих им справляться с адаптационными трудностями и укреплять свое здоровье. Об укреплении здоровья сообщают до одной трети из 186 респондентов, участвовавших в исследовании. Две трети таких студентов после одного семестра взаимодействия с педагогами в рамках системы адаптации повышают свою учебную успешность до нормативного уровня. После двух семестров адаптационного взаимодействия с педагогами студенты с особыми образовательными потребностями могут выйти на уровень «хорошо» по большинству изучаемых ими предметов. После семи семестров взаимодействия студенты с особыми образовательными потребностями осуществляют смену познавательных потребностей на профессиональные [35, с. 129], корректируют выбор специальности и осознанно повышают учебную успешность до запланированного ими уровня («хорошо», «хорошо и отлично»). Более 90% студентов из всех участвовавших в исследовании сообщают об удовлетворении выбором специальности.

Список литературы

1. Вербицкий А.А. Контекстное образование: проблемы и перспективы // Педагогика. 2014. № 9. С. 3–14.
2. Загвязинский В.И., Атаханов Р. Методология и методы психолого-педагогических исследований: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 208 с.
3. Шац И.К., Калягин В.А., Овчинникова Т.С. Философские основы здоровьесберегающей педагогики // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2016. № 4. Ч. II. С. 316–319.
4. Никуленкова О.Е. Предупреждение внутриличностных конфликтов студентов с учетом специфики гендерной идентичности в условиях вуза // Ежемесячный научный журнал. 2015. № 4 (9). Ч. 4. С. 148–150.
5. Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании» от 29.12.2012 № 273-ФЗ; принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.12.2012; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26.12.2012. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/2974> (дата обращения: 30.01.2018).
6. Трудовой кодекс РФ, статья 254; статья 255; статья 261 и др. Принят Государственной Думой 21.12.2001. Одобрен Советом Федерации 26.12.2001 // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
7. Дополнительная образовательная программа «Соучастие в судьбе» // Сборник программно-методических материалов. Пермь: ОТ и ДО, 2010. С. 1–8.
8. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 656 с.
9. Плотнокова Л.Н. История и культура глухих. Ульяновск, 2014. Режим доступа: https://infourok.ru/istoriya_i_kultura_gluhih-407831.htm (дата обращения: 30.01.2018).
10. Сиротские суды // Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geonetia.ru> (дата обращения: 08.12.2017).
11. Лубовский В.И. Особые образовательные потребности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 5. Режим доступа: <http://psyedu.ru/journal/2013/5/Lubovskiy.phtml> (дата обращения: 29.03.2018).
12. Лубовский В.И., Коробейников И.А., Валявко С.М. Новая концепция психологической диагностики нарушений развития // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 4. С. 50–60.
13. Сорокоумова С.Н. Психологические особенности инклюзивного обучения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 13. № 3. С. 134–136.
14. Иксанова Г.Р. Педагогические условия адаптации студентов младших курсов к кредитной системе обучения: Дис. ... канд. пед. наук. Казань: Казанский госуд. технич. ун-т, 2006. 204 с.
15. Кокорина О.Р. Здоровьесбережение личности в условиях высшего педагогического образования: Дис. ... д-ра пед. наук. М.: МПГУ, 2012. 459 с.
16. Царькова Н.М. Индивидуализация самостоятельной работы студентов-заочников в процессе изучения педагогических дисциплин: Дис. ... канд. пед. наук. Ярославль: Ярославский госуд. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2013. 196 с.
17. Сигал Н.Г. Современное состояние и тенденции развития инклюзивного образования за рубежом: Дис. ... канд. пед. наук. Казань: Казанский федеральный ун-т, 2016. 210 с.

18. Психолого-педагогические основы обучения студентов с ОВЗ в вузе / Под ред. Б.Б. Айсмонтаса: хрестоматия для преподавателей сферы высшего профессионального образования, работающих со студентами с ОВЗ. М.: МГППУ, 2013. 334 с.
19. Поваренков Ю.П. Уточнение предмета, метода и основных задач психологии профессионального становления личности // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. С. 156–164.
20. Яковлев Е.В. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. М.: ВЛАДОС, 2006. 239 с.
21. Ситаров В.А. Проблема социальной адаптации детей с ограниченными возможностями развития в образовательной сфере // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 243–248.
22. Бурлакова Т.В. Индивидуализация профессиональной подготовки студентов в современном педагогическом вузе: Дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль: ГПУ, 2012. 372 с.
23. Skamyanova T.Yu., Kosolapova L.A. Pedagogically Controlled Conditions for Adapting Students with Special Educational Needs to Their Studies As Apossibility of Training to be Transferred to The Desired University // Man In India (Scopus). 2017. № 97 (5). P. 145–157.
24. Касидина Н.В., Михайлова Н.Н., Юсфин С.М. Четыре тактики педагогики поддержки. Эффективные способы взаимодействия учителя и ученика. СПб.: Агентство образовательного сотрудничества, Образовательные проекты, Речь; М.: Сфера, 2010. 158 с.
25. Скамьянова Т.Ю. Адаптационное сопровождение процесса обучения студентов с особыми образовательными потребностями // Вестник Брянского государственного университета. Серия «Педагогические науки». 2017. № 1. С. 368–374.
26. Пискун О.Е. Влияние особенностей интеллекта на адаптацию студентов к обучению в техническом вузе // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2011. № 11. С. 123–125.
27. Скамьянова Т.Ю. Анализ учебной успешности студентов-первокурсников виктимного типа поведения // Стандарты и мониторинг в образовании. 2012. № 5. С. 23–24.
28. Скамьянова Т.Ю. Условия адаптации студентов с особыми образовательными потребностями к образовательному процессу вуза // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2016. № 4. Часть II. С. 246–255.
29. Боротко Н.М., Моложавенко А.В., Соловцова И.А. Методология и методы психолого-педагогических исследований: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Н.М. Боротко. М.: Академия, 2008. 320 с.
30. Скамьянова Т.Ю. Адаптированные педагогические технологии // European Social Science Journal. 2015. № 7. С. 261–266.
31. Методические рекомендации по организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях высшего образования, в том числе оснащенности образовательного процесса. № АК-44/05 вн, от 08.04.2014. Министерство образования и науки Российской Федерации. М., 2014. 19 с. Режим доступа: <http://www.rudn.ru/file.php?id=5027> (дата обращения: 30.01.2018).
32. Педагогика: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / Под ред. А.П. Тряпицыной. СПб.: Питер, 2013. 304 с.
33. Скамьянова Т.Ю. Педагогические условия адаптации студентов с особыми образовательными потребностями к обучению в техническом вузе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 39–47.
34. Поваренков Ю.П. Профессиональное становление личности: Дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль: ГПУ, 1999. 359 с.
35. Вербицкий А.А., Ларионова О.Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. М.: Логос, 2009. 336 с.

PRIORITY DIRECTIONS OF PROFESSIONAL ADAPTATION OF STUDENTS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS

T.Yu. Skamyanova

Perm National Research Polytechnic University

Students with special educational needs require more teachers' attention. These students' drop-out rate is often higher than that of ordinary students because they lag behind the program. It follows from our analysis that the issue of professional adaptation of students with special needs in an engineering institution of higher education has so far received little if any attention from researchers. The article presents the main directions for professional adaptation of such students with the application of context learning pedagogical technologies, learning through learning and multi-level education. Experimental testing of the proposed educational conditions has confirmed the effectiveness of the interaction between the subjects of the educational process. These conditions contribute to the development of a professional culture in students with special educational needs, including certain behaviors that allow them to cope with adaptive difficulties and improve their health.

Keywords: Law on Education, students with special educational needs, professional adaptation to learning, educational technologies.

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (50)

2018

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 23. Усл. печ. л. 19,9. Тираж 100 экз. Заказ № 378.
Дата выхода в свет: 29.06.2018
Свободная цена

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.